

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2022. Т. 15. № 4

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия); Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (адрес: д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Республика Башкортостан, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© КалмНЦ РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record ПИ No. ФС77-76487

Published six times a year

Co-Founding Institutions: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation),
Federal State Budgetary Institution of Science Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
- Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
- Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
- Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
- Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translator: *Sanal V. Dzhagrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

Executive Secretary: *Saglara V. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Асыл М. Б., Кольцов П. М., Мукаметханулы Н., Дауен Д. Б.</i> От общества «сяокан» к обществу «всеобщей зажиточности»: развитие политики Китайской Народной Республики по искоренению бедности	636
Отечественная история	<i>Зуев А. С., Попов Д. К.</i> Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в.	649
	<i>Мухатова О. Х., Кабульдинов З. Е., Курманалина Н. Н., Ошан Ж.</i> Крещение калмыков в Семиречье и его последствия . .	663
	<i>Аверьянов А. В.</i> Ставропольские шереты в контексте советской национальной политики в 1920–1930-е гг.	673
	<i>Ахметова У. Т., Имашев Э. Ж., Муктар А. К.</i> Влияние географических факторов на территориально-организационную структуру и хозяйственную деятельность Прорвинского (Астраханского) исправительно-трудового лагеря (1932–1950)	682
	<i>Оконов Б. А.</i> Деятельность Калмыцкой комсомольской организации накануне депортации и в период восстановления автономии	699
	<i>Саряева Р. Г.</i> Немцы Калмыкии: вехи истории — вехи судьбы . .	708
Источниковедение	<i>Музраева Д. Н.</i> Некоторые вопросы исследования сочинения «Sumagadha-avadāna» в отечественном и зарубежном востоковедении (на материале «Легенды о Сайн Магаде» из Монгольского Ганджура)	731
	<i>Базаров Б. В., Ринчинов О. С., Базаров А. А.</i> Цифровая трансформация письменного наследия тибетского буддизма: состояние и перспективы	740
	<i>Мацакова Н. П.</i> Закон об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа как исторический источник	751
	<i>Дудин П. Н.</i> Маньчжуро-монгольский социум на страницах региональных научных изданий первой половины XX в.	761
Этнология и антропология	<i>Эрендженнова Ю. Ю.</i> Обряд отрезания «черного языка» и буддийский защитный ритуал (противоречия этических оснований)	777
	<i>Сулейманов А. А.</i> «Холод на службе человека»: модернизация практик использования криогенных ресурсов в экономике и повседневной жизни сельской Якутии в советский период	788
	<i>Очиров У. Б.</i> Мемориализация подвига 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в боях на Дону в июле 1942 г. в форме конных походов (май, июль 2022 г.)	808
Археология	<i>Котов В. Г., Савельев Н. С.</i> Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кусимово-8 (Южное Зауралье)	834
	<i>Бембеева Л. А.</i> Антропологические материалы из детских погребений катакомбной культуры (по коллекции хранилища остеологических материалов Калмыцкого научного центра РАН)	849
Языкознание	<i>Базаржапова А. Д., Воейкова М. Д.</i> Опыт анализа проблемно-разрешительных механизмов в бурятско-русской билингвальной речи	871
Фольклористика	<i>Манджиева Б. Б.</i> Синьцзян-ойратские сказители: хранители эпической традиции «Джангара»	882

CONTENTS

General History	<i>Asyl M. B., Koltsov P. M., Muhametkhanuly N., Dauyen D. B.</i> From Xiaokang Society to Common Prosperity: China's Poverty Eradication Policies Reviewed	636
National History	<i>Zuev A. S., Popov D. K.</i> 17 th -Century Ambassadorial Relations between Russia and Central Asian Nomads: The Official Status of Russian Diplomats Analyzed	649
	<i>Muhatova O. H., Kabuldinov Z. E., Kurmanalina N. N., Oshan Zh.</i> Christianization of Kalmyks in Semirechye and Its Consequences . . .	663
	<i>Averyanov A. V.</i> Stavropol Sherets in the Context of Soviet Nationalities Policy, 1920s–1930s	673
	<i>Akhmetova U. T., Imashev E. Zh., Muktar A. K.</i> Prorva (Astrakhan) Correctional Labor Camp, 1932–1950: Impacts of Geographical Factors on Its Territorial Organizational Structure and Economic Activity Assessed	682
	<i>Okonov B. A.</i> Komsomol Organization of Kalmykia: Pre-Deportation and Restoration Period Efforts Analyzed	699
	<i>Saryaeva R. G.</i> Russia Germans in Kalmykia: Milestones of History — Milestones of Fate	708
Sources Studies	<i>Muzraeva D. N.</i> Sumagadha-Avadāna and Some Aspects of Its Research in Russia and Worldwide: Analyzing The Legend of Sayin Magada from the Mongolian Kanjur	731
	<i>Bazarov B. V., Rinchinov O. S., Bazarov A. A.</i> Digital Transformation of Written Heritage of Tibetan Buddhism: State of the Art and Prospects	740
	<i>Matsakova N. P.</i> Law on Abolition of Compulsory Relations between Certain Estates of the Kalmyks as a Historical Source	751
	<i>Dudin P. N.</i> Manchu-Mongolian Society: Examining Early-to-Mid 20 th Century Regional Scientific Publications	761
Ethnology & Anthropology	<i>Erendzhenova Yu. Yu.</i> The Rite of Cutting off the 'Black Tongue' — and Buddhist Protective Ritual: Contradictions of Ethical Grounds Analyzed	777
	<i>Suleymanov A. A.</i> 'Cold at the Service of Man': Soviet Modernization of Cryogenic Resources Practices in Rural Yakutia's Economy and Everyday Life Reviewed	788
	<i>Ochirov U. B.</i> Memorializing Heroism of the 110th Kalmyk Cavalry Division in July 1942 Battles for the Don: Equestrian Expeditions, May and July 2022	808
Archaeology	<i>Kotov V. G., Savelev N. S.</i> Lower Paleolithic Workshop Site of <i>Kusimovo-8</i> (Southern Transurals)	834
	<i>Bembeeva L. A.</i> Skeletal Remains Repository of the Kalmyk Scientific Center (RAS): Anthropological Materials from Children's Catacomb Burials Reviewed	849
Linguistics	<i>Bazarzhapova A. D., Voeikova M. D.</i> Buryat-Russian Bilingual Speech: Problem-Solving Mechanisms Analyzed	871
Folklore studies	<i>Mandzhieva B. B.</i> Xinjiang Oirat Storytellers: Keepers of the Jangar Epic Tradition	882

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 636–648, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(510).093

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-636-648

От общества «сяокан» к обществу «всеобщей зажиточности»: развитие политики Китайской Народной Республики по искоренению бедности

*Мольдир Бакытжанкызы Асыл¹, Петр Михайлович Кольцов², Набизжан Мукаметханулы³,
Динара Бакыткереевна Дауен⁴*

¹ Казахский национальный университет им. аль-Фараби (71, проспект Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

докторант

 0000-0001-5409-2906. E-mail: monikaassyl@gmail.com

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0001-9776-3650. E-mail: petrkoltsov52@mail.ru

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби (71, проспект Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-0460-3197. E-mail: nabizhan.muhametkhanuly@gmail.com

⁴ Казахский университет международных отношений и международных языков им. Абылай хана (200, ул. Муратбаева, 050022 Алматы, Республика Казахстан)

PhD, доцент, декан факультета востоковедения

 0000-0001-8972-7158. E-mail: dinara_dauen@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Асыл М. Б., Кольцов П. М., Мукаметханулы Н., Дауен Д. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Данная статья представляет собой анализ основных социально-экономических начинаний Китайской Народной Республики на современном этапе. 2021 год в истории Китая обозначен как год завершения строительства «общества сяокан», иными словами «общества средней зажиточности». За годы реформ и открытости традиционный концепт «общества сяокан» стал стратегической целью социалистической модернизации Китая, а также ядром теории социализма с китайской спецификой. *Цели и задачи.* Цель исследования — провести анализ взаимосвязи концепции «общество сяокан» с новой, провоз-

глашенной Си Цзиньпином, доктриной «всеобщей зажиточности» и соответствия стратегии социалистической модернизации с китайской спецификой. Так как концепция «всеобщей зажиточности» несет в себе не только экономический, но и политический контекст, то требует широкого и глубокого социально-политического анализа путей и механизмов достижения цели, а также выявления возможных последствий данной политики на китайское общество. *Материалы и методы.* Статья основана в первую очередь на анализе китайской периодики в указанный период, привлекается современная историография. Ключевую роль в исследовании публичной политики играют программные статьи и документы, фундаментальные труды Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Си Цзиньпина, экономиста Ли Инина. *Результаты.* За более чем 40 лет стратегическая цель китайской модернизации прошла эволюцию от «уровня сяокан» до «общества сяокан» и от «всестороннего строительства общества сяокан» до «завершения строительства общества сяокан во всех аспектах». Вместе с этим подтекст стратегии также совершил значительный скачок от равного упора на материальную и духовную составляющую цивилизации к укреплению всех пяти ее составляющих: материальной, духовной, политической, социальной и экологической. Уровень жизни населения претерпел фундаментальные изменения: была окончательно решена проблема еды и одежды (*wenbao*), повысилось общее благосостояние народа и ликвидирована абсолютная бедность сельского населения. Тем не менее до сих пор еще остаются некоторые социальные вопросы, которые не были решены в процессе строительства «общества средней зажиточности». *Выводы.* Достижение «цели первого столетия» потребовало от правительства постановки новой цели экономического и социального развития Китая для решения все еще существующих проблем, таких как неравенство в доходах и социальный дисбаланс, что в свою очередь может служить причиной политической нестабильности и нести угрозу легитимности правящей партии. В ответ на растущую потребность народа в лучшей жизни и дальнейшем экономическом росте общества правительство КНР представило новую концепцию социального развития — «всеобщую зажиточность» (*гунтун фууй*). Председатель КНР Си Цзиньпин указал, что «всеобщая зажиточность является необходимым условием социализма и важной чертой модернизации в китайском стиле».

Ключевые слова: новейшая история Китая, общество сяокан, всеобщая зажиточность, Си Цзиньпин, коммунистическая партия Китая, социально-экономическое развитие, модернизация

Для цитирования: Асыл М. Б., Кольцов П. М., Мукаметханулы Н., Дауен Д. Б. От общества «сяокан» к обществу «всеобщей зажиточности»: развитие политики Китайской Народной Республики по искоренению бедности // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 636–648. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-636-648

From Xiaokang Society to Common Prosperity: China's Poverty Eradication Policies Reviewed

Moldir B. Asyl¹, Petr M. Koltsov², Nabizhan Muhametkhanuly³, Dinara B. Dauyen⁴

¹ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) PhD Student

 0000-0001-5409-2906. E-mail: monikaassyl@gmail.com

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0001-9776-3650. E-mail: petr.koltsov52@mail.ru

³ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-0460-3197. E-mail: nabizhan.muhametkhanuly@gmail.com

⁴ Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages (200, Muratbayev St., 050022 Almaty, Republic of Kazakhstan)
 PhD, Associate Professor, Dean of Faculty
 0000-0001-8972-7158. E-mail: dinara_dauen@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Asyl M. B., Koltsov P. M., Muhametkhanuly N., Dauyen D. B., 2022

Abstract. *Introduction.* Thy article analyzes key socioeconomic undertakings of the PRC at the present stage. In China, the year 2021 has marked a completion of *Xiaokang* — ‘moderately prosperous’ — society construction. Through the years of reform and opening up, the traditional concept of Xiaokang society has become a strategic goal of China’s socialist modernization and a core of socialism’s theory with Chinese features. *Goals.* The article primarily aims at analyzing relationship between the concept of Xiaokang society and Xi Jinping’s newly proclaimed doctrine of ‘common prosperity’, compliance of socialist modernization strategies with Chinese specifics. Since the concept of ‘common prosperity’ implies not only economic but also political contexts, it requires extensive and deep sociopolitical insights into ways and mechanisms to be involved thereto, and it is as urgent to identify potential impacts on Chinese society. *Materials and methods.* The paper examines Chinese periodicals of the specified era, studies contemporary historiographic sources relating to the issue. The study of public policy focuses on policy articles and documents, fundamental works by Mao Zedong, Deng Xiaoping, Xi Jinping, and the economist Li Yining. *Results.* Over the 40 years, the strategic goal of Chinese modernization has evolved from ‘Xiaokang level’ to ‘Xiaokang society’, and from ‘comprehensive Xiaokang society construction’ to ‘completeness of Xiaokang society in all aspects’. In addition, subtexts of the strategy has also made a significant leap — from equal emphases on material and spiritual components of civilization to strengthening of all five components, namely: material, spiritual, political, social, and environmental ones. The living standards have experienced fundamental changes: the problem of food and clothing (*wenbao*) has finally been solved, common well-being of the people increased, and absolute poverty of rural population eliminated. However, there are still some social issues to have remained unresolved throughout the construction of ‘moderately prosperous society’. *Conclusions.* The fulfillment of the ‘first century goal’ has required that the Government articulate a new goal for China’s economic and social development to deal with still existing problems, such as income inequality and social imbalance, which in turn may cause political instability and threaten the legitimacy of the ruling party’s power. In response to the growing need of the people for a better life and further economic growth of society, the PRC Government has introduced a new concept of social development — ‘common prosperity’ (*gongtong fuyu*). President Xi Jinping points out that ‘common prosperity is a necessary condition for socialism and an important feature of Chinese-style modernization’.

Keywords: contemporary history of China, Xiaokang society, common prosperity, Xi Jinping, Chinese Communist Party, socioeconomic development, modernization

For citation: Asyl M. B., Koltsov P. M., Muhametkhanuly N., Dauyen D. B. From Xiaokang Society to Common Prosperity: China’s Poverty Eradication Policies Reviewed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 636–648. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-636-648

Введение

Стремление к лучшей жизни и повышение благосостояния народа Китая были и по сей день являются главной целью руководства страны. Искоренение бедности — главная задача модернизации страны, в рамках которой проводились реформы уже на протяжении более 40 лет. Чтобы укрепить

свою легитимность среди населения страны, Коммунистическая партия Китая (КПК) проводила различные кампании по борьбе с бедностью. Достижение намеченных целей поставило перед руководством страны следующие задачи: во-первых, необходимо продолжать закреплять достигнутые результаты и повысить качество жизни людей;

во-вторых, двигаться к цели социалистической модернизации и выполнить переход от уровня «общества сяокан» к следующему уровню развития — «всеобщей зажиточности» (共同富裕 гунтун фуюй)¹. Основываясь на впечатляющих успехах, председатель КНР Си Цзиньпин теперь обращается к проблеме неравенства как основной оси в борьбе уже с относительной бедностью [Си Цзиньпин 2022].

На сегодняшний день в научном пространстве вопрос о новой стратегии председателя Си Цзиньпина по борьбе с относительной бедностью не так широко освещен. Между тем она основана на историческом опыте Китая, в котором отражена эволюция теории социализма с китайской спецификой, что уже обуславливает актуальность темы.

Таким образом, цель статьи — провести анализ социально-политического смысла политики искоренения бедности в Китае.

Материалы и методы

Исследование базируется на фундаментальных трудах Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Си Цзиньпина, экономиста Ли Инина, а также общедоступных интернет-источниках на китайском, английском и русском языках, в том числе официальных заявлениях и новостных публикациях с официальных сайтов Китая. В данной статье в научный оборот вводятся факты о ходе реализации политики перераспределения доходов для достижения выдвинутой стратегии «всеобщей зажиточности».

Методология исследования основана на единстве логического и исторического методов познания. Рассмотрение социально-экономических изменений через призму принципа историзма помог авторам объективно описать причину и суть социально-экономических трансформаций с учетом конкретно-исторических условий, в которых они происходили и происходят. Проблемно-хронологический и ретроспективный методы исследования позволили

проследить причины, эволюцию и последствия преобразований, происходящих на современном этапе в КНР. Статистический анализ позволил выявить основные достижения и проблемы в социально-экономическом развитии страны, что имеет прямое отношение к выбору стратегии дальнейшего развития социально-экономической сферы китайского общества.

Основные достижения и трудности построения общества «сяокан» в Китае

1 июля 2021 г. на торжественном собрании на площади Тяньаньмэнь по случаю 100-летнего юбилея Компартии Китая генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин торжественно объявил о знаменательной победе в построении «общества средней зажиточности», известного на китайском языке как «общество сяокан». «Мы достигли первой цели столетия и во всех отношениях построили общество средней зажиточности в Китае. Это значит, что мы решили историческую задачу по искоренению абсолютной бедности в Китае и теперь уверенными шагами направляемся к реализации второй цели — всестороннему построению модернизированной социалистической державы», — заявил Си Цзиньпин на торжественной церемонии [Xi Jinping 2021a].

Концепция «общества сяокан», официально вошедшая в политический словарь Китая в 1979 г., одновременно относится и к древней, и новой культуре Китая и включает в себя как новаторство, так и традиционализм. В интерпретации Дэн Сяопина это конфуцианское понятие заложило новую идеологическую основу социализма с китайской спецификой. На начальном этапе реформ лидеры партии толковали «сяокан» в категориях материального благосостояния и душевного дохода, т. е. была задача полностью решить вопрос еды и одежды (温饱 вэньбао) и к 2000 г. увеличить ВВП на душу населения до 800–1 000 американских долларов [Сяопин 1988: 69].

Однако по мере трансформации экономики страны и роста благосостояния народа, цифровые показатели и масштабы строительства среднезажиточного общества увеличивались. Новое поколение лидеров КНР начало осуществлять переход страны с базового уровня «сяокан», установленного при Дэн Сяопине, к более «высокому и все-

¹ На английский язык термин переводится как «common prosperity», в российских СМИ встречаются такие варианты переводов, как «общее процветание», «всеобщее процветание», «всеобщее благоденствие». Мы используем перевод, данный в трудах Дэн Сяопина [Сяопин 1988: 149].

стороннему». На XVI и XVIII съездах КПК (в 2002 г. и 2015 г. соответственно) была пересмотрена задача по увеличению показателя ВВП, и, согласно решению 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, к 2020 г. Китай должен был в 2 раза увеличить показатель ВВП на душу населения по сравнению с 2010 г. (примерно 60 тыс. юаней) и тем самым завершить строительство «общества сяокан» [Островский 2016: 3].

За 40 лет Китай превратился из бедной, отсталой страны третьего мира в одну из ведущих держав мира. Согласно последнему опубликованному ООН Докладу о человеческом развитии, по своим показателям Китай находится на 85-м месте среди 189 стран и территорий [Report 2019].

Как показывает Национальное бюро статистики КНР, в 2020 г. объем ВВП Китая достиг суммы в 101,6 трлн юаней, а ВВП на душу населения составил 72 000 юаней, т. е. более 10 тыс. долларов США. По итогам 2020 г. распределяемый доход в среднем по стране составил 32 189 юаней на человека в год: в городе 43 834 юаня, в деревне — 17 131 юань на человека [Statistical Report 2021].

Как показали итоги 7-й Всекитайской переписи населения 2020 г., доля городского населения составила 63,89 % населения. Доля неграмотных в общей численности населения старше 15 лет составила 2,67 % [Bulletin 2021].

Ликвидация бедности была важным аспектом долгосрочного стратегического плана по завершению построения общества «сяокан». По данным Белой книги КНР, что была опубликована в декабре 2018 г., за последние 40 лет в Китае бедное население сократилось более чем на 850 млн человек, что составляет более 70 % всего вклада в дело сокращения бедности в мире. Только за период 2012–2019 гг. численность бедного населения в стране со 100 млн человек снизилась до 5,51 млн человек, что составило 0,6 % от всего населения страны [Бони 2021: 23].

Причиной такого успеха был переход к новой модели борьбы с бедностью, основанной на концепции «адресности» (精准扶贫 цзинжун фупин) председателя КНР Си Цзиньпина. Ее суть состояла «в целенаправленности на человека, на объект бедности, в дифференцированном подходе к проблеме

бедности и путям ее решения в зависимости от характера бедности, ее причин, глубины и прочих условий, а также четкая персональная ответственность исполнителей, жесткий контроль» [Бони 2021: 24].

Эта политика Си Цзиньпина получила некоторую порцию критики. Отмечается, что почти все идеологические модели формулируют «только половину истины... Китайская модель развития также имеет тенденцию подчеркивать, преувеличивать или идеализировать только свои положительные черты, в то же время пытаться скрыть или минимизировать недостатки или негативные стороны» [So 2014: 447].

Несмотря на впечатляющие показатели экономического роста, поразительной особенностью страны является неэгалитарный характер его развития. Это касается распределение доходов не только между бедными и богатыми, но и между городом и деревней. По мнению известного российского ученого А. В. Островского, после полной ликвидации бедности Китай продолжит борьбу, но уже с относительной бедностью, и начнет это дело в деревне. Это потребует новые финансовые вложения и пересмотр программ развития села [Островский 2021: 20].

Дело в том, что в ходе реализации программы ликвидации бедности основным методом решения проблемы было переселение бедного населения в городские районы. В результате это привело к обострению проблемы дискриминации по признаку «хукоу» (прописка). Система «хукоу», которая регистрирует людей по месту их рождения, означает, что сельские носители «хукоу» потенциально могут работать в качестве рабочих-мигрантов в своем новом городе, но дискриминация не позволяет им пользоваться теми же льготами, которые предоставляются городским жителям. Дискриминация по признаку «хукоу» в Китае привела к увеличению разрыва в неравенстве доходов между сельскими и городскими жителями, который усугубляется переселением [Schiller 2020].

В числе до сих пор нерешенных социальных проблем самой уязвимой и трудно решаемой остается неравенство в уровне доходов. По данным Национального бюро статистики, индекс Джини («индекс справедливости») в Китае, отражающий разрыв

между богатыми и бедными, оставался на высоком уровне более 10 лет, достигнув пика с показателем 0,491 в 2008 г. По данным Всемирного Банка, сейчас индекс Джини для Китая составляет 0,467 [Poverty & Equity 2020].

Хотя и произошло небольшое снижение доходов, но индекс все еще находится выше показателя 0,4, что считается тревожной красной линией. По данным же исследовательского института банка Credit Suisse (The Credit Suisse Research Institute¹), 1 процент богатейшего населения страны владеет почти 31 % богатств, по сравнению с 21 % в 2000 г. [Bailiang, Sha, Li 2021].

В Китае, без учета Гонконга и Макао, в списке миллиардеров мира по версии Forbes в 2021 г. насчитывается 626 миллиардеров с состоянием в \$ 2,5 трлн [Миллиардеры 2021].

По словам премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, 600 миллионов китайцев на сегодняшний день зарабатывают около 1 000 юаней (примерно 150 долларов США) в месяц, что говорит о все еще низком уровне заработка основного населения страны и что большинство людей пока не дотягивают до уровня благосостояния развитых стран [Premier 2020].

Концептуальное формирование идеи «всеобщей зажиточности» и новая политика Си Цзиньпина

На сессии ВСНП², состоявшейся в Пекине в марте 2021 г., был принят план 14-й пятилетки на 2021–2025 гг. и обозначены три основные задачи: во-первых, заметно увеличить научно-технический потенциал страны и выйти на лидирующие позиции в мире, чтобы уйти от иностранной зависимости по производству высокотехнологичной продукции; во-вторых, всемерно осуществлять политику «двух циркуляций — одновременное развитие на внутреннем и внешнем рынке»; в-третьих, обеспечить неуклонное повышение доходов населения [Островский 2021: 10].

¹ Внутренний аналитический центр второго крупнейшего швейцарского банка — Credit Suisse, входящего в число системно значимых банков мира.

² Всекитайское собрание народных представителей.

17 августа 2021 г. в Пекине состоялось большое совещание по экономическим и финансовым вопросам, где Председатель КНР и Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин поставил перед китайским обществом новую большую задачу — достичь «всеобщей зажиточности». Ключевое слово «всеобщая зажиточность» было установлено в качестве главной идеи будущего на 5 пленуме ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) 19-го созыва в октябре 2020 г., однако официально вопрос о «всеобщей зажиточности» на повестку дня был поставлен на 10 заседании Центральной финансово-экономической комиссии [Xi Jinping 2021b].

Если обратить внимание на историческую ретроспективу концептуального формирования самой идеи «зжиточности» в китайском обществе, то можно увидеть, что стремление к «всеобщей зажиточности» присутствует на протяжении всей истории Китая, который, не сумев скопировать сталинскую модель, начал исследовать свой собственный путь [Yongye, Shiming 2013].

Концепция «всеобщей зажиточности» впервые появилась в официальной литературе коммунистической партии в 1953 г., и впервые ее отстаивал Мао Цзэдун, председатель Центрального комитета КПК. Она была представлена Мао Цзэдуном в декабре 1953 г., в его резолюции о развитии сельскохозяйственных производственных кооперативов: «Постепенно осуществляя социалистическую индустриализацию и социалистическое преобразование ремесленной и капиталистической промышленности и торговли, мы должны также постепенно осуществить социалистическое преобразование сельского хозяйства в целом, то есть осуществить кооперацию, ликвидацию богатой крестьянской экономической системы и индивидуальной экономической системы в деревне, чтобы все сельские жители смогли достичь общей зажиточности» [Yongye, Shiming 2013]³.

В дальнейшем все, что казалось Мао Цзэдуну способствующим «всеобщей зажиточности», он отстаивал и поддерживал с энтузиазмом. Он говорил, что «экономика Китая особая, и она существует в целях

³ Здесь и далее перевод с английского и китайского авторов статьи.

удовлетворения нужд народа и государства» [Zedong 1977: 115].

После «культурной революции» второе поколение центрального руководства, ядром которого был Дэн Сяопин, сформировало тезис, что «бедность — это не социализм, а всеобщая зажиточность — это основная характеристика социализма» [Xiaoping 1993: 182, 220, 287, 322, 324].

Дэн Сяопин считал, что «всеобщая зажиточность» должна достигаться поэтапно и что рыночный механизм может быть использован как инструмент для его построения [Yongye, Shiming 2013].

Постоянный акцент Дэн Сяопина был непосредственно направлен на достижение «всеобщей зажиточности»: «Осуществляя преобразования, мы неизменно соблюдаем два коренных принципа: принцип сохранения доминирующей роли за социалистической экономикой, основанной на общественной собственности, и принцип обеспечения всеобщей зажиточности» [Xiaoping 1993: 182].

Вопрос сокращения разрыва между богатыми и бедными и избежания поляризации всегда волновал китайского лидера. В своих «Южных беседах» 1992 г. Дэн Сяопин говорил: «Социалистическая система должна и может избегать поляризации... Можно предположить, что этот вопрос придется активно поднимать и решать, когда в конце этого века будет достигнут уровень благосостояния сяокан» [Xiaoping 1993: 471].

Важность «всеобщей зажиточности» упоминалась и в политических размышлениях представителей третьего и четвертого поколения руководителей, генеральных секретарей ЦК КПК Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао.

Приход пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином ознаменовал собой новый этап в развитии Китая, и руководство страны перешло от краткосрочного планирования к долгосрочному — стратегическому. В рамках долгосрочного плана «Китайская мечта» Си Цзиньпин взялся за трансформацию значения социализма, только уже в глобальном контексте [Масабаев и др. 2020: 18].

На 18 и 19 съездах КПК Си Цзиньпин поднимал идею «всеобщей зажиточности» как основную ось своего политического

правления. Этот термин представляет собой идеологическое ядро провозглашенного Си стремления к построению социалистического общества в новом веке и постепенный отход экономики Китая от модели роста, основанной на иностранных инвестициях, к модели «опоры на свои силы» [Roberts 2021].

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: концепт «всеобщая зажиточность» уже давно является частью идеологического языка КПК. Дэн Сяопин как-то сказал: «Всеобщая зажиточность, о которой мы говорим с самого начала реформ, однажды в будущем станет главной темой» [Chaochun, Shouyang, Han 2021].

Более того, «всеобщая зажиточность» может быть описана как существенное требование и фундаментальная цель социализма. Это подтверждают слова Си Цзиньпина, генерального секретаря ЦК КПК, произнесенные им на 10-м заседании Финансово-экономической комиссии ЦК КПК о том, что «всеобщая зажиточность» «является важной чертой модернизации в китайском стиле» [Xi Jinping 2021b].

В 2021 г. китайское общество пережило ряд жестких официальных мер: регулятивные действия китайского правительства в таких секторах, как финтех, интернет-платформы, криптовалюты, выбросы углекислого газа, ограничения продолжительности рабочего времени, прекращение работы частных образовательных центров и т. п. Экономист Университета Калифорнии Барри Нотон данным событиям дал название «Лето 2021», чтобы обозначить политический сдвиг и смену курса, которые происходят в Китае [Naughton 2021].

Си Цзиньпин в своих речах дал понять, что стратегия «всеобщей зажиточности» является не только экономической целью, но также составляет и политическую основу правящей партии. На основе достигнутых результатов ЦК КПК четко определил новый «двухэтапный» стратегический план: с 2020 по 2035 г. — в основном достичь социалистической модернизации, сделав твердый шаг к «всеобщей зажиточности» и более обеспеченной жизни народа; с 2035 по 2050 г. — построить богатую, сильную, демократическую, цивилизованную, гармоничную и красивую страну.

На 10-м заседании Финансово-экономической комиссии ЦК КПК была конкретно озвучена и официально принята новая политика распределения экономических благ среди населения, получившая название «трех распределений» (三次分配 саньци фэнпей). На уже историческом заседании председатель Си Цзиньпин предложил *«создать базовый институциональный механизм, который координирует и поддерживает первичное распределение, перераспределение и третье распределение»* и *«сформировать структуру распределения в форме оливы с большой серединой и маленькими концами»* [Xi Jinping 2021b].

Что же из себя представляет «тройное распределение» и на чем оно основано?

Система социального распределения состоит из различных форм распределения. Так называемое «тройное распределение» было предложено известным китайским экономистом Ли Инином. Концепция «трех распределений» впервые была упомянута в книге «Акционерная собственность и современная рыночная экономика», которая была опубликована экономистом в 1994 г. В своих более ранних статьях профессор Ли писал о трех «силах», влияющих на распределение доходов: рынок, государство и мораль [Discussion on «Three Distributions» 2022].

Ли Инин утверждал, что первое распределение общественного богатства основано на размере вознаграждения, которое зарабатывает каждый человек в соответствии со своими способностями. Второе распределение возглавляет правительство, которое регулирует его с помощью налогов и социальных услуг. Что касается третьего распределения, то «сверхдоходные» предприятия или частные лица могут пожертвовать свои частные активы для помощи малообеспеченным людям на основе своей социальной ответственности, так сказать под воздействием «моральной силы» [Li 1994: 77–78].

Третье распределение «связано с личными убеждениями и социальной ответственностью, это не принудительное действие, а наоборот выполняется под влиянием моральной силы, и государственное регулирование здесь не должно иметь место» [Li 1994: 79]. «С точки зрения распределения доходов, важность третьего распределения становится более очевидной» [Li 2015: 105].

Налоговая политика также играет значительную роль. Так как налог на имущество, наследство и дарение идеологически и теоретически связаны с вопросом частной собственности, а Китай зависит от идей классического социализма, то эти виды налогов не существовали в стране [Lee 2021].

Другая проблема — недвижимость. По данным Numbeo, отношение цены на жилье к годовому доходу в городах первого уровня составляет в Шэньчжэне 43,15, в Пекине — 42,47, в Шанхае — 33,36 и, наконец, в Гуанчжоу — 30,52 [Property Prices Index 2021].

С 2011 г. Китай проводит пилотные проекты по введению налога на недвижимость в таких городах, как Шанхай и Чунцин.

И сейчас КПК продолжает политику достижения «всеобщего благосостояния». Выступая на ВЭФ уже в 2022 г., председатель Си Цзиньпин сказал: «Всеобщее благосостояние — это не уравниловка, а сделать „пирог“ больше и поделить его справедливым образом, чтобы дивиденды развития были доступны каждому члену общества» [Си Цзиньпин 2022].

Политические противоречия экономической политики Си Цзиньпина очевидны. Некоторые представители академических кругов заявляют, что Си Цзиньпин находится на пути «ре-маоизации», переводя Китай от посттоталитарного капиталистического развития эпохи Дэн Сяопина к тоталитарному. В данных условиях концепция «всеобщей зажиточности» является отходом от политики Дэн Сяопина «дать некоторым разбогатеть первыми» и, в определенной степени снижая зависимость китайской экономики от западного капитала, ставит под сомнение продолжение курса на «открытость», тем самым указывая на переход Китая к «политически управляемому экономическому развитию», где партия будет решать, кому и с кем вести бизнес [Roberts 2021].

Это может создать проблемы для роста экономики. Отмечается, что большинство китайцев не считают обладание богатством явлением, которое следует критиковать, «но, если „разбогатеть“ окажется под подозрением и перестанет быть тем, чего хочет правительство, это окажет глубокое влияние на китайскую экономику и на стимул для предприятий принимать деловые риски» [Mullen 2021].

По мнению Дорис Фишер, профессора Вюрцбургского университета, исследователя китайской экономики, если призыв к «всеобщей зажиточности» будет удовлетворен лишь несколькими сверхбогатыми и успешными компаниями, участвующими в благотворительных проектах, то это не более чем символическая политика, которая не нанесет существенного удара по богатым [“三次分配” 2021].

По мнению профессора, политолога Нью-Йоркского университета доктора Ся Мина, оказывая поддержку государственным предприятиям и дискриминируя частные, Си Цзиньпин пытается установить над ними партийный контроль. Профессор Ся новую кампанию руководства КНР называет «утопической формой радикализма», призванной исполнять функцию «морковки, повешенной в конце туннеля», т. е. придавать стимул народу идти вперед с чувством веры в лучшее [Fang, Zhao 2021].

Главный экономист The Economist Intelligence Unit господин Юэ Су утверждает, что концепция «всеобщей зажиточности» охватывает и доступ к общественным услугам, что может означать отмену приватизации таких общественных услуг, как образование, уход за престарелыми и медицинское обслуживание, и правительство, подчеркивая роль инклюзивности и доступности этих услуг, будет строго контролировать цены [Mullen 2021].

Заключение

Концепция общества «сяокан» и в целом китайская модель ликвидации бедности доказала свою эффективность. Однако основана она на динамическом росте рыночной экономики, на встраивании Китая в систему мирового хозяйствования, превращения его в «мировую фабрику».

«Общество „сяокан“ стало целью столетия, и эта цель была достигнута» [Xi Jinping 2021a]. Объективные социально-экономические показатели демонстрируют грандиозное и непрерывное снижение уровня бедности, рост урбанизации, занятости, доходов населения на протяжении последних четырех десятилетий. Опорой для этого стали чрезвычайно высокие темпы роста ВВП в указанный период, который продолжается и сейчас.

Таким образом, китайская модель работала более эффективно, чем, к примеру, разработанная МВФ Программа структурной перестройки в рамках модели Вашингтонского консенсуса, предназначенная для стран Африки к югу от Сахары, и «шоковая терапия» для России и стран СНГ.

Вехой в становлении этой политики стали «реформы Дэн Сяопина», которые позволили китайской экономике стать частью мирового разделения труда, стать объектом для иностранных инвестиций, вести активную международную торговлю. Ключом стало одобрение и даже поддержка либерально-рыночной модели экономики при сохранении твердого контроля КПК над политикой и ключевыми аспектами общественной жизни.

Современный Китай продолжает эту политику. Сейчас компартия Китая ставит более амбициозную задачу перед китайским обществом — курс на «всеобщую зажиточность». Ключом к прохождению модернизационного пути «всеобщей зажиточности» в китайском стиле полагается улучшение баланса, координация и инклюзивность развития, а также справедливое распределение доходов — это только часть усилий по достижению «всеобщей зажиточности».

Можно сказать, что «всеобщая зажиточность» предполагает смещение экономической модели в сторону государственного регулирования, что вызывает опасения со стороны экономических мыслителей, которые предупреждают о рисках снижения темпов экономического роста.

Тем не менее достижение «всеобщей зажиточности» является еще одним крупным, если не крупнейшим, проектом КПК, основной целью «второго столетия». Государственное регулирование и перераспределение доходов, необходимое для достижения «всеобщей зажиточности», ставит Китай перед необходимостью разрешить противоречия между рыночным экономическим базисом и правящей коммунистической «настройкой». Решение данного противоречия является определяющим фактором в современной китайской экономической политике.

У КПК уже имеется горький опыт, когда вследствие социалистических реформ в 50-е гг. XX в., пытаясь «обобщить» имущество богатых, привели все общество к то-

тальной бедности. Теперь же, используя политику «трех распределений», как важный инструмент достижения «всеобщего благо-

получия», партия вновь пытается контролировать и регулировать доходы крупных предпринимателей и бизнесменов.

Литература

- Бони 2021 — Бони Л. Д. Опыт Китая в борьбе с бедностью // Тезисы докладов XXIV Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (г. Москва, 27–28 сентября 2021 г.) / отв. ред. А. В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 23–25.
- Масабаев и др. 2020 — Масабаев К., Дауен Д., Сейдин Н., Батырхан Б. Основные векторы глобализации и эволюции политической системы КНР [электронный ресурс] // Central Asia and the Caucasus. Russian edition. CA&C Press AB. Т. 24, вып. 1, 2020. С. 7–21. URL: <http://xn--h1aauh.xn--p1ai/wp-content/uploads/2021/08/ca-cR.1.21.pdf> (дата обращения: 20.01.2022). DOI: 10.37178/ca-c.21.1.01
- Миллиардеры 2021 — Миллиардеры из списка Forbes за год разбогатели [электронный ресурс] // РБК. Бизнес. 6 апр. 2021 г. URL: <https://www.rbc.ru/business/06/04/2021/606c37b59a79473bdb540e43> (дата обращения: 20.01.2022).
- Островский 2016 — Островский А. В. КНР планы 13-й пятилетки: как построить общество «сяокан» к 2020 году // Азия и Африка сегодня. 2016. № 8 (709). С. 29.
- Островский 2021 — Островский А. В. КНР: Итоги 13-й пятилетки — планы 14-й пятилетки // Социально-экономические итоги 13-й пятилетки КНР (2016–2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025 гг.): статьи ежегодной научной конференции Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока на \$ 5 трлн (г. Москва, 21 апреля 2021 г.). М.: ИДВ РАН, 2021. С. 9–22.
- Си Цзиньпин 2022 — Си Цзиньпин: развитие Китая принесет пользу людям более существенным и справедливым образом [электронный ресурс] // Синьхуа Новости. 17 января 2022 г. URL: http://russian.news.cn/2022-01/17/c_1310428340.htm (дата обращения: 20.01.2022).
- Сяопин 1988 — Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат, 1988. 259 с.
- Bailiang, Sha, Li 2021 — Chu Bailiang, Ai Sha, Cao Li. Xi Jinping mentions «common prosperity» and urges China's richest to share wealth. NYT Chinese. 7 september, 2021. URL: <https://cn.nytimes.com/china/20210907/china-xi-common-prosperity/> (дата обращения: 15.11.2021) (На кит.)
- Bulletin 2021 — Bulletin of the Seventh General Census [электронный ресурс] // National Bureau of Statistics. (No. 7). May 11, 2021. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817183.html (дата обращения: 20.01.2022). (На кит.)
- Chaochun, Shouyang, Han 2021 — Huang Chaochun, Wang Shouyang, Qiao Han. Taking the Chinese-style Modernization Road of Common Prosperity [электронный ресурс] // URL: https://theory.gmw.cn/2021-11/24/content_35333568.htm (дата обращения: 20.01.2022) (На кит.)
- Discussion on «Three Distributions» 2022 — Professor Li Yining's Discussion on «Three Distributions» [электронный ресурс] // Minnews (n.d.) 10.01.2022. URL: <https://min.news/en/economy/7f61dc38eba4964e3d9bf74ef667a42.html> (дата обращения: 02.02.2022).
- Fang, Zhao 2021 — Fang J., Zhao I. Xi Jinping mentions «common wealth» and «three distributions», which experts say is a «beautiful pie to feed the hungry». 28 August, 2021. <https://www.abc.net.au/chinese/2021-08-28/xi-jinping-speech-on-common-prosperity-triggers-concern-china/100413084> (дата обращения: 27.10.2021) (На кит.)
- Lee 2021 — Lee J. The Political and Economic Essence of Xi's «New Development» Regime // Marxist studies. Vol. 18 (4). Pp. 51–88. DOI: 10.26587/marx.18.4.202111.003 (На коп.)
- Li 1994 — Li Y. The Share-holding System and Modern Market Economy. Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 1994. 459 с.
- Li 2015 — Li Y. Beyond Market and Government: Influence of Ethical Factors on Economy (China Academic Library). Heidelberg; Berlin; New York; London: Springer, 2015. 181 p. DOI: 10.1007/978-3-662-44254-8
- Mullen 2021 — Mullen A. What is China's common-prosperity strategy that calls for an even distribution of wealth? [электронный ресурс] // South China Morning Post. Economy. China Economy. 26 August, 2021. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3146271/what-chinas-common-prosperity-strategy-calls-even> (дата обращения: 02.02.2022).

- Naughton 2021 — *Barry Naughton*. 2021 Dr. Sum-Chung Hsieh Memorial Lecture Featuring Professor Barry Naughton [электронный ресурс] // Stanford University Libraries and Stanford Center on China's Economy and Institution. Youtube. September 29, 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LEabsBUUrZY> (дата обращения: 20.01.2022).
- Poverty & Equity 2020 — Poverty & inequality brief. China [электронный ресурс] // World Bank. 2020. URL: <http://povertydata.worldbank.org/poverty/country/CHN> (дата обращения: 20.01.2022).
- Premier 2020 — Premier Li Keqiang Meets the Press: Full Transcript of Questions and Answers [электронный ресурс] // State Council of the People's Republic of China. Premier. News. May 29, 2020. URL: http://english.www.gov.cn/premier/news/202005/29/content_WS5ed-058d2c6d0b3f0e9498f21.html (дата обращения: 20.01.2022).
- Property Prices Index 2021 — Property Prices Index by City 2021 Mid-Year [электронный ресурс] // Numbeo. 2021. URL: <https://www.numbeo.com/property-investment/rankings.jsp?title=2021-mid> (дата обращения: 10.02.2022).
- Report 2019 — Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century [электронный ресурс] // United Nations Development Programme (UNDP). HDRs. 2019. New York. <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2019> (дата обращения: 20.01.2022).
- Roberts 2021 — *Roberts D. T.* What is «Common Prosperity» and how will it change China and its relationship with the world? [электронный ресурс] // *Atlantic Council*. December 16, 2021. <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/common-prosperity/> (дата обращения: 20.01.2022).
- Schiller 2020 — *Schiller A.* Rushing to Make the Claim: Has China Achieved a Moderately Prosperous Society? [электронный ресурс] // *China Focus*. October 28, 2020. URL: <https://chinafocus.ucsd.edu/2020/10/28/rushing-to-make-the-claim-has-china-achieved-a-moderately-prosperous-society/> (дата обращения: 20.01.2022).
- So 2014 — *So A. Y.* The Chinese Model of Development: Characteristics, Interpretations, Implications // *Perspectives on Global Development and Technology*. 2014. Vol. 13(4). Pp. 444–464. DOI: 10.1163/15691497-12341311
- Statistical Report 2021 — Statistical Report on National Economic and Social Development of the People's Republic of China in 2020 [электронный ресурс] // National Bureau of Statistics. February 28, 2021. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (дата обращения: 20.01.2022). (На кит.)
- Xi Jinping 2021a — Xi Jinping: Speech at the Congress to celebrate the 100th anniversary of the founding of the Communist Party of China [электронный ресурс] // Xinhuanet. July 15, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-07/15/c_1127658385.htm (дата обращения: 10.01.2022). (На кит.)
- Xi Jinping 2021b — Xi Jinping Presided over the Tenth Meeting of the Central Finance and Economics Committee [электронный ресурс] // Xinhuanet. August 17, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-08/17/c_1127770343.htm (дата обращения: 10.01.2022). (На кит.)
- Xiaoping 1993 — *Deng Xiaoping*. Selected Works of Deng Xiaoping. In 3 Vols. Vol. 3. Beijing: People's Publishing House, 1993. 400 p. (На кит.)
- Yongye, Shiming 2013 — *Yu Yongye, Wang Shiming*. On the Theoretical Source and Development of Deng Xiaoping's Thought of Common Prosperity [электронный ресурс] // Chinese Communist Party News Network | Party history channel. 26.11.2013. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1126/c69113-23659040.html> (дата обращения: 10.01.2022). (На кит.)
- Zedong 1977 — *Mao Zedong*. Selected Works of Mao Zedong. Vol. 5. Beijing: People's Publishing House, 1977. 518 p. (На кит.)
- “三次分配”...? (= Is «three distributions» help China reduce the gap between the rich and the poor?) [электронный ресурс] // Deutsche Welle. 20 August, 2021. URL: <https://www.dw.com/zh/%E4%B8%89%E6%AC%A1%E5%88%86%E9%85%8D%E5%8A%A9%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%87%8F%E5%B0%91%E8%B4%AB%E5%AF%8C%E5%B7%AE%E8%B7%9D/a-58924132> (дата обращения: 20.01.2022). (На кит.)

References

‘Three distributions’ system to help China reduce gap between the rich and the poor? On: Deutsche Welle. August 20, 2021. Available at:

<https://www.dw.com/zh/%E4%B8%89%E6%AC%A1%E5%88%86%E9%85%8D%E5%8A%A9%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%87%8F%E5%B0%91%E8%B4%AB%E5%AF%8C%E5%B7%AE%E8%B7%9D/a-58924132>

- 8C%E5%B7%AE%E8%B7%9D/a-58924132 (accessed: January 20, 2022). (In Chin.)
- Boni L. D. China's battle against poverty: Experiences reviewed. In: Ostrovski A. V. (ed.) *China, Chinese Civilization, and the World: History, Present Days, Prospects*. Conference abstracts (Moscow; September 27–28, 2021). Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2021. Pp. 23–25. (In Russ.)
- Bulletin of the Seventh National Census. On: National Bureau of Statistics of China (website). May 11, 2021. Available at: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817183.html (accessed: January 20, 2022). (In Chin.)
- Chu Bailiang, Aisha, Cao Li. Warning of income gap, Xi tells China's tycoons to share wealth. On: The New York Times (website). Chinese. September 7, 2021. Available at: <https://cn.nytimes.com/china/20210907/china-xi-common-prosperity/> (accessed: November 15, 2021) (In Chin.)
- Deng Xiaoping. *Key Issues of Contemporary China*. Moscow: Politizdat, 1988. 259 p. (In Russ.)
- Deng Xiaoping. *Selected Works*. In 3 vols. Vol. 3. Beijing: People's Publ. House, 1993. 400 p. (In Chin.)
- Fang J., Zhao I. Xi Jinping mentions "common wealth" and "three distributions" which experts call "beautiful cakes to feed the hungry". On: ABC News (website). Chinese. August 28, 2021. Available at: <http://www.abc.net.au/chinese/2021-08-28/xi-jinping-speech-on-common-prosperity-triggers-concern-china/100413084> (accessed: October 27, 2021). (In Chin.)
- Forbes World's Billionaires to have become richer over year. On: RBC. Business. Posted on April 6, 2021. Available: <https://www.rbc.ru/business/06/04/2021/606c37b59a79473bdb540e43> (accessed: January 20, 2022). (In Russ.)
- Huang Chaochun, Wang Shouyang, Qiao Han. Taking the Chinese-style modernization road of common prosperity. On: Guangming Daily. November 24, 2021. Available at: https://theory.gmw.cn/2021-11/24/content_35333568.htm (accessed: January 20, 2022). (In Chin.)
- Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. On: United Nations Development Programme (UNDP). HDRs. 2019. New York. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2019> (accessed: January 20, 2022). (In Eng.)
- Lee J. The political and economic essence of Xi's "new development" regime. *Marxist Studies*. 2021. Vol. 18. No. 4. Pp. 51–88. (In Kor.) DOI: 10.26587/marx.18.4.202111.003
- Li Y. Beyond Market and Government: Influence of Ethical Factors on Economy (China Academic Library). Heidelberg; Berlin; New York; London: Springer, 2015. 181 p. (In Eng.) DOI: 10.1007/978-3-662-44254-8
- Li Y. The Share-Holding System and Modern Market Economy. Nanjing: Jiangsu People's Publ. House, 1994. 459 p. (In Chin.)
- Mao Zedong. *Selected Works*. Vol. 5. Beijing: People's Publ. House, 1977. 518 p. (In Chin.)
- Masabaev K., Dauyen D., Seydin N., Batyrkhan B. Globalization and evolution of China's political system: Main vectors revisited. *Central Asia and the Caucasus. Russian Edition*. 2020. Vol. 24. No. 1. Pp. 7–21. Available at: <http://xn--h1aauh.xn--plai/wp-content/uploads/2021/08/ca-cR.1.21.pdf> (accessed: January 20, 2022). (In Russ.) DOI: 10.37178/ca-c.21.1.01
- Mullen A. What is China's common-prosperity strategy that calls for an even distribution of wealth? On: South China Morning Post (website). Economy. China Economy. August 26, 2021. Available at: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3146271/what-chinas-common-prosperity-strategy-calls-even> (accessed: February 2, 2022). (In Eng.)
- Naughton B. 2021 Dr. Sum-Chung Hsieh memorial lecture. The summer of 2021: Consolidation of the new Chinese economic model. On: YouTube. Stanford University Libraries and Stanford Center on China's Economy and Institution. September 29, 2021. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=LEabsBUUrZY> (accessed: January 20, 2022). (In Eng.)
- Ostrovski A. V. People's Republic of China: Outcomes of the 13th Five-Year Plan — and Prospects of the 14th one. In: Ostrovski A. V. (ed.) *Socioeconomic Outcomes of China's 13th Five-Year Plan (2016–2020), and Objectives of the 14th One (2021–2025)*. Conference papers (Moscow; April 21, 2021). Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2021. Pp. 9–22. (In Russ.)
- Ostrovski A. V. The 13th Five-Year Plan: How to build a Xiaokang society in China by 2020. *Asia and Africa Today*. 2016. No. 8 (709). Pp. 2–9. (In Russ.)
- Poverty & inequality brief. China. On: World Bank (website). 2020. Available at: <http://poverty-data.worldbank.org/poverty/country/CHN> (accessed: January 20, 2022). (In Eng.)
- Premier Li Keqiang meets the press: Full transcript of questions and answers. On: State Council of the People's Republic of China (website). Pre-

- mier. News. May 29, 2020. Available at: http://english.www.gov.cn/premier/news/202005/29/content_WS5ed058d2c6d0b3f0e9498f21.html (accessed: January 20, 2022). (In Eng.)
- Professor Li Yining's discussion on "three distributions". On: iMedia. Available at: <https://min.news/en/economy/7f61dc38eba4964e3d9bf74eff667a42.html> (accessed: February 2, 2022). (In Russ.)
- Property Prices Index by City 2021 Mid-Year. On: Numbeo. 2021. Available at: <https://www.numbeo.com/property-investment/rankings.jsp?title=2021-mid> (accessed: February 10, 2022). (In Eng.)
- Roberts D. T. What is "common prosperity" and how will it change China and its relationship with the world? On: Atlantic Council. December 16, 2021. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/common-prosperity/> (accessed: January 20, 2022). (In Eng.)
- Schiller A. Rushing to make the claim: Has China achieved a moderately prosperous society? On: China Focus. October 28, 2020. Available at: <https://chinafocus.ucsd.edu/2020/10/28/rushing-to-make-the-claim-has-china-achieved-a-moderately-prosperous-society/> (accessed: January 20, 2022). (In Eng.)
- So A. Y. The Chinese model of development: Characteristics, interpretations, implications. *Perspectives on Global Development and Technology*. 2014. Vol. 13(4). Pp. 444–464. (In Eng.) DOI: 10.1163/15691497-12341311
- Statistical Report on National Economic and Social Development of the People's Republic of China in 2020. On: National Bureau of Statistics of China (website). February 28, 2021. Available at: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (accessed: January 20, 2022). (In Chin.)
- Xi Jinping presided over the tenth meeting of the Central Finance and Economics Committee. On: Xinhuanet. August 17, 2021. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-08/17/c_1127770343.htm (accessed: January 10, 2022). (In Chin.)
- Xi Jinping: People to benefit from China's development in more essential and just ways. On: Xinhua News Agency. Posted on January 17, 2022. Available at: http://russian.news.cn/2022-01/17/c_1310428340.htm (accessed: January 20, 2022). (In Russ.)
- Xi Jinping: Speech at the Congress to celebrate the 100th anniversary of the founding of the Communist Party of China. On: Xinhuanet. July 15, 2021. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-07/15/c_1127658385.htm (accessed: January 10, 2022). (In Chin.)
- Yu Yongye, Wang Shiming. On the theoretical source and development of Deng Xiaoping's thought of common prosperity. On: Communist Party of China News Network. Party History Channel. November 26, 2013. Available at: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1126/c69113-23659040.html> (accessed: January 10, 2022). (In Chin.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 649–662, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 93/94+327“17”

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-649-662

Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в.

Андрей Сергеевич Зуев¹, Дмитрий Константинович Попов²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории

 0000-0003-2465-380X. E-mail: zuev.nsu@gmail.com

² Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

лаборант

 0000-0003-1524-2857. E-mail: dmitriy_popov_1997@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Зуев А. С., Попов Д. К., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье впервые в историографии анализируется чиновный (социальный) статус русских дипломатов, которые направлялись в XVII в. с дипломатическими поручениями к главам кочевых военно-политических объединений севера Центральной Азии. *Цель исследования* — анализ чиновного статуса русских дипломатов и определение характера восприятия московским правительством статуса контрагента. *Методы и материалы.* Статья написана на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных документов. Проведена систематизация и генерализация количественных и качественных данных о чиновном статусе русских дипломатов, выявленных в делопроизводственной документации (царских указах, наказах и наказных памятях, статейных списках, отписках воевод). *Результаты исследования.* Установлено, что посольства в Киргизскую и Телеутскую земли, Джунгарию и Монголию возглавляли, как правило, дети боярские, а также «начальные люди» — казацкие головы, атаманы, пятидесятники, десятники. Дипломатические миссии также нередко поручались рядовым служилым людям и изредка представителям коренного (нерусского) населения. *Выводы.* В семиотическом пространстве «посольского обычая» Российского государства в XVII в. посылка дипломатов незнатного происхождения и низкого социального статуса выполняла важную смысловую нагрузку: российское правительство явно демонстрировало, что тюркским и монгольским кочевым правителям оказывается меньше «чести», а также подчеркивало их неравный статус по отношению к русскому царю. Учитывая, что Русское государство стремилось установить контроль над кочевыми военно-политическими объединениями

севера Центральной Азии и привести кочевую элиту «под государеву высокую руку», отправка с дипломатическими поручениями сибирских служилых людей являлась вполне адекватной целям русской экспансионистской политики. Низкий чин посла свидетельствовал не только о политическом превосходстве русского царя над кочевыми правителями, но и о восприятии русской стороной кочевников как потенциальных подданных этого царя.

Ключевые слова: чиновный статус, сибирские служилые люди, дипломатические отношения, центрально-азиатские кочевники, Русское государство

Для цитирования: Зувев А. С., Попов Д. К. Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 649–662. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-649-662

17th-Century Ambassadorial Relations between Russia and Central Asian Nomads: The Official Status of Russian Diplomats Analyzed

Andrey S. Zuev¹, Dmitry K. Popov²

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0003-2465-380X. E-mail: zuev.nsu@gmail.com

² Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Department Assistant

 0000-0003-1524-2857. E-mail: dmitriy_popov_1997@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Zuev A. S., Popov D. K., 2022

Abstract. Introduction. The paper provides a first historiographic insight into official ranks and social status of Russian diplomats to have been dispatched on diplomatic missions to leaders of nomadic military/political associations across Northern Central Asia in the 17th century. **Goals.** The study aims to determine essentials of how the Tsardom of Russia tended to perceive its counterparties' status through the analysis of official positions and social backgrounds of Russian diplomats. **Materials and methods.** The article analyzes a wide range of published and unpublished documents, systemizes and generalizes qualitative and quantitative data pertaining to official ranks of Russian diplomats discovered in records management papers, such as Tsar's *ukazes*, *nakazes* and reminder *nakazes*, as well as those referred to as *stateyny spisok* (list of officers) and *otpiska voevody* (governor's report). **Results.** The work reveals diplomatic missions to Kirghiz and Teleut lands, Dzungaria and Mongolia were usually headed by offsprings of the nobility (*deti boyarskie*) and regular servicemen (*nachalnye lyudi*) — Cossack leaders, atamans, squadron (*pyatidesyatnik*) and section (*desyatnik*) commanders. However, it was not that rare when such diplomatic endeavors were entrusted to servicemen of lower ranks and, occasionally, representatives of indigenous (non-Russian) populations. **Conclusions.** In terms of 16th–17th century Russian ambassadorial semiotics, the choice of diplomats from commoners and those characterized by lower social status was definitely purposeful and aimed at demonstrating that Turkic and Mongolian nomadic rulers were to enjoy fewer honors due to a higher standing of the Russian Tsar. Since the Tsardom of Muscovy was seeking to gain control over the nomadic military/political alliances of Northern Central Asia and bring nomadic elites under 'the higher hand of the monarch', the appointments of lower-ranked servicemen as heads of diplomatic missions were to meet the goals (and logic) of Russian expansionist policy. Low ranks of dispatched diplomats indicated not only the Russian Tsar's political superiority over nomadic rulers but also attested to that Russians already tended to perceive nomads as potential subjects of the Tsar.

Keywords: official status, ranks, Siberian servicemen, diplomatic relations, Central Asian nomads, Tsardom of Russia

For citation: Zuev A. S., Popov D. K. 17th-Century Ambassadorial Relations between Russia and Central Asian Nomads: The Official Status of Russian Diplomats Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 649–662. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-649-662

Введение

К началу XVII в. Русское государство имело большой опыт дипломатических отношений со странами Европы и Азии. Продвижение русских в Сибири привело к увеличению контрагентов российской внешней политики. В XVII в. были установлены постоянные контакты с кочевниками северной части Центральной Азии — тюркоязычными енисейскими киргизами и алтайскими телеутами, монголоязычными ойратами, хотогойтами и халхасцами, обитавшими вблизи тех сибирских территорий, которые оказались под властью русского царя. С ними русская сторона нередко вступала в вооруженное противостояние, но также вела активный дипломатический диалог, имевший две основные цели: во-первых, установление и поддержание мирных отношений, во-вторых, расширение круга подданных русского царя. Диалог осуществлялся в основном путем обмена посольствами. Русские посольства, отправляемые к кочевникам из сибирских городов, возглавляли, за редчайшими исключениями, служилые люди. Именно они вели переговоры в ставках степных правителей, передавали им послания и подарки от имени царя, в случае успеха своей миссии заключали соглашения и принимали от кочевой властной элиты присягу-шерть, скреплявшую мирный договор, а нередко оформлявшую и подчинение власти царя.

Факт участия сибирских служилых людей в посольской службе неоднократно отмечался историками, изучавшими служилое население Сибири и политические отношения Русского государства и центрально-азиатских кочевников (см., например: [Бахрушин 1955: 176–224; Шастина 1958; Чимитдоржиев 1978; Уманский 1980; Никитин 1988: 92; Боронин 2002; Чимитдоржиева 2006; Бутанаев 2007; Кушнерик 2008; Леонтьева 2012: 80–81]). Имеются даже специальные исследования, посвященные роли и вкладу служилых людей в установление и развитие дипломатических контактов с кочевыми народами [Оглоблин 1890; Катанаев 1893; Бродников 2012; Каменецкий 2015; Каменецкий 2018; Ананьев 2017; Добжанский 2019].

При этом, однако, никто из исследователей не обращался к специальному рассмотрению чиновного статуса служилых людей, направляемых с дипломатическими поручениями к кочевникам. А ведь этот исследовательский ракурс, как показывают результаты изучения социального статуса русских послов в контексте анализа «посольского обычая» на других направлениях русской внешней политики — европейском, крымском, ногайском (см., например: [Юзефович 1988; Юзефович 2011; Хорошкевич 2001: 196–208]), дает возможность лучше понять специфику и семантику посольских практик, применявшихся Российским государством в контактах с кочевыми объединениями севера Центральной Азии.

В семиотическом пространстве строго формализованного дипломатического протокола чин и ранг посла несут определенную смысловую нагрузку, выражая в первую очередь характер и уровень взаимоотношений между контрагентами. Иначе говоря, чин и ранг посла — явные показатели того, как одна сторона воспринимает другую в сравнении с собой. Особо это было актуально в те времена и в тех случаях, когда контактировавшими сторонами выступали государства с монархической формой правления. Российская дипломатическая практика не являлась в этом отношении исключением. Уже в Средневековой Руси сформировалось представление о том, что посол — не просто «безличный и механический передатчик» в процессе коммуникации, а доверенное лицо и воплощение своего правителя, и, соответственно, в ходе переговоров диалог идет не между послом и правителем, принявшем его, а между двумя правителями [Лихачев 1986: 143, 146; Юзефович 1988: 28; Рогожин 2019: 41, 45, 47].

При этом считалось, что чем выше чин посла, тем больше «чести» оказывает русский правитель своему зарубежному собеседнику [Юзефович 1988: 31]. Поэтому «чиновному» статусу дипломата придавалось очень важное значение. Степень же «чести» определялась рядом факторов: во-первых, традициями, длительностью и характером межгосударственных отношений, во-вторых,

представлениями, сложившимися в русской политической культуре, об иерархии правителей разных государств, в-третьих, важностью самой дипломатической миссии.

В настоящей статье мы представим результаты выявления и обработки данных, извлеченных из обширного комплекса опубликованных и неопубликованных источников, о чинах сибирских служилых людей, возглавлявших посольства и ведших переговоры с главами кочевых объединений севера Центральной Азии¹, а также интерпретацию этих результатов в целях понимания характера восприятия русской стороной статуса контрагентов и их места в иерархии правителей — субъектов международных отношений. Особо заметим, что наше внимание было акцентировано именно на чинах, и за рамками исследования остался вопрос о дипломатическом статусе — ранге, которым правительство наделяло служилого человека на время ведения переговоров. Под чинами же в контексте нашего исследования в соответствии с социальным дискурсом Московской Руси XVII в. [Лисейцев 2021: 160] понимаются различные категории служилых людей, которые выстраивались в иерархическом порядке.

Особо оговорим, что за редкими исключениями речь ниже будет идти о собственно сибирских служилых людях, т. е. тех, кто был приписан к гарнизонам сибирских

городов, являвшихся административными центрами уездов. Номинация чинов и чиновная иерархия сибирских служилых людей по прибору (рядовых казаков, десятников, пятидесятников и т. д.), имея некоторую специфику, в целом соответствовала номенклатуре служилых чинов и их субординации, существовавших в окраинных городах европейской части страны. Что же касается служилых людей по отечеству, то в Сибири, в отличие от других регионов Русского государства, они были представлены исключительно городскими детьми боярскими и с конца XVII в. — городскими дворянами. Других чинов служилых людей по отечеству в составе сибирских гарнизонов не было (см., например: [Никитин 1988: 26–51]). Однако в Сибирь на временную службу часто направлялись те, кто занимал высокое положение в служилой иерархии и, соответственно, обладал более высоким чином, нежели собственно сибирские служилые люди.

Укажем также, что в обработку были включены дипломатические миссии к тибетскому далай-ламе и главе монгольской буддийской церкви — хутухте (кутухте), поскольку они осуществлялись в контексте переговоров с хотогойтскими и халхаскими ханами, но исключены те миссии, которые направлялись в Китай и по пути следования какое-то время контактировали с главами кочевых объединений (в основном с целью получить разрешение на проезд по их владениям). Не рассматривали мы и те ситуации, когда переговоры с кочевниками велись на российской территории — в этом случае уже кочевой правитель направлял посольство в какой-то сибирский город и даже в Москву.

Хронологические рамки статьи ограничены XVII в. — с начала установления дипломатических отношений Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии и до того времени, когда в Степи кардинально изменилась политическая обстановка: к концу XVII – началу XVIII в. большая часть существовавших здесь кочевых объединений либо исчезла, либо оказалась в составе России, Джунгарии и Китая. К тому же с началом модернизации России, затеянной Петром I, в российском дипломатическом дискурсе стали наблюдаться заметные новации, вызванные европейским культурным влиянием.

¹ Необходимая нам информация содержится в нормативно-распорядительных и отчетных документах, регулировавших и описывавших ход ведения переговоров — царских указах об организации и отправке посольств, наказах и наказных памятях руководителям посольских миссий, статейных списках (посольских отчетах-дневниках), фиксировавших ход и итоги переговоров. Значительная часть этих документов опубликована [Сборник 1879; РМО 1959; РМО 1974; РМО 1996; РМО 2000; Миллер 1999; Миллер 2000; Миллер 2005; Бутанаев, Абдыкалыков 1995; Бутанаев 2007]. Мы дополнили их сведениями из неопубликованных источников [РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 477. Ч. 1. Д. 173; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12, 29, 32; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702], а также персональной информацией о русских послах, извлеченной из исследований по истории международных отношений в Центральной Азии [Шастина 1958; Уманский 1980; Бутанаев 2007; Кушнерик 2008; и др.].

Чины русских послов, направляемых к европейским и азиатским правителям

Для лучшего понимания символической роли чинов сибирских служилых людей в дипломатических отношениях с кочевниками севера Центральной Азии необходимо для начала (и для сравнения) обозначить, какого социального статуса и каких чинов люди определялись в качестве послов на иных направлениях русской внешней политики.

В средневековой Руси посольские миссии наиболее часто возглавляли представители Русской православной церкви, обладавшие высоким священническим саном, дипломатические поручения также вверялись представителям княжеского окружения — княжичам, боярам, дружинникам, купцам [Лихачев 1986: 140–143; Юзефович 1988: 29–30].

Со становлением во второй половине XV–XVI в. Русского государства — Московского царства, оформлением чиновной иерархии государевых служилых людей, к руководству посольствами стали определяться люди Государева двора, обладавшие думными и московскими чинами. В XVII в. русские посольства в Речь Посполитую возглавляли бояре и окольничие, в Священную Римскую империю — окольничие и думные дворяне, в Швецию и Персию — окольничие, стольники, дворяне, в Англию — стольники, в Данию и Турцию — окольничие, думные дворяне и стольники, в Голландию и немецкие государства — думные дворяне и стольники, в Крымское ханство — окольничие, стольники и дворяне [Котошихин 1884: 45–46; Памятники 1891: 43, 46, 79–80, 170, 174, 176, 187, 189; Талина 2012: 185, 196, 198, 200, 201]. При этом посольства в указанные страны направлялись непосредственно из Москвы.

Иная картина в то же время наблюдалась в отношениях Русского государства с правителями Бухары, Хивы, Балха, Ногайской Орды, северо-кавказских народов и поволжских калмыков. К ним посылали дипломатические миссии из приграничных городов, и эти миссии возглавляли лица из числа городских (уездных) служилых людей (дворян, детей боярских, подьячих, толмачей, казаков). С мелкими поручениями (например, для передачи царских подарков) отправляли даже торговых людей [Сборник 1879: 389, 502; Материалы по истории 1932: 158–159;

Кабардино-русские отношения 1957: 87, 90, 93, 98, 155, 209; Русско-индийские отношения 1958: 356–357; Жуковский 1915: 15–16, 26, 29, 35, 36; История Калмыкии 2009: 278, 282, 308, 310, 358; Моисеев 2011: 193–195; Трепавлов 2016: 586]. Схожим образом осуществлялись контакты и с Индией, куда для выполнения определенных дипломатических задач направляли в основном торговых людей [Русско-индийские отношения 1958: 65–66, 99–100, 214–215, 356–357].

Чины глав дипломатических миссий, направляемых к кочевникам севера Центральной Азии

На центрально-азиатском же направлении сложилась следующая практика. К главам кочевых военно-политических объединений посольства отправлялись исключительно из сибирских городов — Тобольска, Тары, Тюмени, Томска, Кузнецка, Красноярска, Енисейска, Селенгинска, Нерчинска. По предписанию из Москвы их состав формировали воеводы, управлявшие сибирскими уездами. При этом центральные ведомства (Посольский, Казанский и Сибирский приказ), причастные к выработке политики в отношении кочевников, соседствовавших с русскими владениями в Сибири, формулируя цели каждого посольства, крайне редко конкретизировали, кто именно должен его возглавить и каким чином он должен обладать (см. например: [РМО 1959: 174–177; РМО 1974: 18, 288; РМО 1996: 47, 80; РМО 2000: 97]). Как правило, рекомендовалось посылать тех, кому «посольское дело» «за обычаем» и «пригоже» (см. например: [РМО 1959: 22, 27, 32, 36, 37, 147, 174; РМО 1974: 18, 288; РМО 1996: 47, 55, 75]), т. е. решение вопроса о главе и составе посольства передавалось воеводам, а они, надо полагать, назначали в него тех, кто имел представление о контрагентах и способен был вести с ними переговоры. И посольства, как правило, возглавляли сибирские служилые люди, приписанные к гарнизонам сибирских городов. При этом согласно правительственным предписаниям им, невзирая на их чины, давались полномочия вести от имени царя полноценные переговоры и заключать соглашения.

На протяжении XVII в. по распоряжению Москвы в ставках кочевников побывало, по нашим подсчетам, не менее 160 российских дипломатических миссий. Для 150 из них удалось установить чины руководителей (см. табл. 1).

Таблица 1. Чины руководителей русских посольств
к кочевникам севера Центральной Азии в XVII в.
[Table 1. Ranks of officials to have headed 17th-century Russian embassies
to nomads of Northern Central Asia]

Чины руководителей посольств	Дипломатический контрагент						Всего:
	Хотогойт- ские алтын-ханы, далай-лама ¹	Халхаские ханы и пр. правители, хутухта	Ойратские (в том числе джунгарские) контайши	Ойрат- ские тайджи и тайши	Телеут- ские князцы	Кир- гизские князцы	
Московский жилец		2					2
Дворянин	1						1
Дети боярские	11	7	16	12	20	6	72
Казачьи головы, атаманы, ротмистры, сотники	3	1	2	6	2	2	16
Пятидесятники, десятники	2	3		1	4	8	18
Рядовые казаки ²	1		8	8	5	2	24
Толмачи				1		2	3
Служилые люди ³			1	3	2	1	7
Служилые татары				1	2		3
Отставной казак					1		1
Родственник служилого человека					1		1
Ясачные татары ⁴				1	1		2
Всего:	18	13	27	33	38	21	150
Неизвестно					8	2	10
Итого:					46	23	160

Примечания: ¹ Тибетский далай-лама находился в улусах хотогойтского алтын-хана. ² Казаки конные, пешие, литовского списка. ³ Конкретный чин не известен. ⁴ Отставные служилые люди, родственники служилых людей и тем более ясачные люди не занимали никакого места в служилой иерархии и, соответственно, не обладали служилыми чинами. Однако, следуя принятой в XVII в. практике номинации социальных групп чинами («всяких чинов люди Московского государства»), их также можно включить в общую «чиновную» (в современном понимании — социальную) классификацию и условно называть «чинами».

Таблица сост. по: [РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 3, 4; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 1, 5–7; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 477. Ч. 1. Д. 1. Л. 173–173об.; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 1–3; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 1–6; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 1–4; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 2–7, 9–10, 16, 21, 24–25, 26, 27; РМО 1959: 22, 24, 28, 31, 32, 37–40, 44, 55, 62, 69, 101, 111, 112, 113, 144, 168, 189, 191, 267; РМО 1974: 24, 26, 32, 50, 64, 69–71, 90, 103, 134, 149, 190, 203, 215, 217, 219, 228, 235, 236, 248, 272, 282–283, 329, 345–346, 352, 367, 368, 376, 381, 395; РМО 1996: 22, 23, 26, 34, 51, 54, 68, 71, 89, 93, 105, 115, 121, 144, 147, 169, 183, 192, 208, 220, 227, 237, 242, 243, 247, 248, 256–257, 277, 318, 324, 333, 363, 375; РМО 2000: 73, 84, 107–117, 182, 283; Международные отношения 1989: 216–218; Сборник 1879: 303–304; ПСИ 1882: 69, 174; Миллер 1999: 415; Миллер 2000: 373, 434, 443, 471, 588; Миллер 2005: 241; Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 66, 69, 86, 118, 126, 135, 158, 164; Бутанаев 2007: 59; Уманский 1980: 42–44, 57–58, 67–68, 70, 74, 76–77, 79, 80, 89–91, 92, 93, 126, 133, 141, 142, 148, 151, 152–153, 161, 168; Чертыков 2007: 98, 102, 194, 310–315].

Выяснилось, что только 3 миссии возглавляли люди, обладавшие чинами выше чина городского сына боярского. В конце 1687 – начале 1688 г. по поручению полномочного посла Ф. А. Головина переговоры с главой монгольской буддийской церкви Ундур-гегеном-хутухтой вел тобольский служилый человек И. Р. Качанов, имевший московский чин жильца [РМО 2000: 107–117, 126, 134]. В конце 1688 г. он же был послан к монгольским тайджи для переговоров о принятии ими русского подданства [РМО 2000: 182]. Кроме того, намного ранее, в 1634 г., дипломатическую миссию к хотогойтскому алтын-хану возглавлял Я. О. Тухачевский [РМО 1959: 193, 203–214]. В источниках 1630-х гг. он крайне редко называется то сыном боярским [РМО 1959: 176, 186], то дворянином [РМО 1959: 191, 197, 198], но чаще упоминается вообще без какого-либо чина, даже в челобитных, поданных им на имя царя [РМО 1959: 236, 249; Добжанский 2019: 126, 129, 130, 131].

Вся совокупность известных сведений о Я. О. Тухачевском позволяет полагать, что во время посольства к алтын-хану он официально не был приписан к какому-либо сибирскому гарнизону. Связано это было с тем, что Я. О. Тухачевского, бывшего смоленским служилым человеком, в 1629 г. сослали в Томск «в служилые люди», но при этом он должен был служить «с своего поместья и с вотчины, что ныне за ним» [Добжанский 2019: 125, 126]. Иначе говоря, ему не полагалось «государево ежегодное жалованье», соответственно, его фамилия не попала в томские окладные книги жалования, и, как следствие, он, будучи обязанным нести службу, оказался без «приписки» к какому-либо чину в иерархии томских служилых людей. Обладание официальным чином в гарнизоне Томска неизбежно влекло бы получение жалования (это было нормой для сибирских служилых людей), однако Я. О. Тухачевский в одной из своих челобитных особо отметил, что «государева денежно жалования» ему давать «не указано» [Добжанский 2019: 128].

При этом сохранение за Я. О. Тухачевским поместных и вотчинных владений в европейской части страны свидетельствует о том, что он продолжал входить в катего-

рию служилых людей по отчеству. Вероятно, это обстоятельство и давало основание обозначать Я. О. Тухачевского в документах, связанных с посольством к алтын-хану, то сыном боярским, то дворянином. По сведениям В. Н. Добжанского, до ссылки в Сибирь Я. О. Тухачевский «был служилым человеком по выбору и принадлежал к верхушке смоленского служилого сословия, он был выборным дворянином» [Добжанский 2019: 111]. Данный факт дает нам право считать, что миссию к алтын-хану в 1634 г. возглавлял человек, обладавший высоким (для Сибири) чиновным статусом (хотя и ссыльный).

Собственно сибирские дворяне (т. е. дворяне, приписанные к сибирским городovým гарнизонам) посольские миссии вообще не возглавляли. Это неудивительно, поскольку данный чин сибирским служилым людям стал «жаловаться» только с конца XVII в. До этого времени высшим чином в сибирской служилой иерархии являлся чин городского сына боярского. И сибирским служилым людям, имевшим этот чин, наиболее часто на протяжении XVII в. вверялись посольские поручения к кочевникам — 72 раза. Отправка детей боярских в качестве глав дипломатических миссий стала практиковаться с 1617 г., когда к «колмакам» ездил тарский сын боярский Т. Харламов [РМО 1959: 69].

Следом за детьми боярскими идут находившиеся ниже их в чиновной иерархии представители командного и рядового состава служилых людей по прибору. «Начальные люди» возглавляли дипломатические миссии 34 раза (в том числе казачьи головы — 3, атаманы — 10, ротмистры — 1, стрелецкие сотники — 2, пятидесятники — 10, десятники — 8), рядовые казаки (конные, пешие, литовского списка) — 24 раза. Данные цифры, однако, несколько условны, поскольку в документах руководитель посольства мог быть обозначен казаком «обобщено», без конкретизации его чина (десятник, пятидесятник и т. д.). Поэтому не исключено, что среди тех, кто маркировался просто казаками, могли быть люди, принадлежавшие к командному составу¹.

¹ Так, например, в 1616 г. Влас Калашников, отправленный к калмыкам, обозначен в грамоте Казанского приказа как конный казак [РМО

Это же замечание относится и к тем 7 случаям, когда в документах вообще не обозначены чины руководителей посольств, а только указано, что они являются служилыми людьми.

Заметим, что с момента установления дипломатических контактов с кочевниками и до 1617 г. к ним в качестве глав миссий посылались как раз служилые люди по прибору: к ойратским (калмыцким) тайшам в 1607 г. — казачий голова Б. Бойгачев [РМО 1959: 24–26], в 1610 г. — конный казак А. Черный [РМО 1959: 37, 38] и атаман П. Голубин [РМО 1959: 38, 39], в 1616 г. — конный казак В. Калашников [РМО 1959: 44] и казак литовского списка Т. Петров [РМО 1959: 44], к хотогойтскому алтын-хану в 1608 г. — конный казак И. Белоголовый [РМО 1959: 31], в 1616 г. — атаман В. Тюменец [РМО 1959: 55–56].

Три раза руководство посольством поручалось служилым людям — толмачам (переводчикам): к калмыцким тайшам в 1607 г. ездил Т. Алексеев [РМО 1959: 28–29], к киргизским князям в 1677 г. — К. Капустин [РГАДА. Ф. 214. Стб. 702. Л. 21] и в 1700 г. — А. Кожевников [ПСИ 1882: 69].

Иногда переговоры доверяли вести представителям местного населения, находившимся на русской службе. В 1609 и 1621 гг. к телеутскому князю Абаку отправляли томского служилого татарина князца Тояна [Миллер 1999: 415; РМО 1959: 112], в 1673 г. к калмыцкому тайше Дундуку — тобольского служилого татарина А. Кульмаетева [РМО 1996: 256–257].

Наконец, зафиксировано 4 случая, когда переговоры с кочевниками вели люди, формально не числившиеся на государственной службе: с калмыцкими тайшами в 1607 г. — тарские ясачные татары — князцы Енобай и Куготай [РМО 1959: 22], с упомянутым выше князцом Абаком в 1625 г. — толмач Янсар [Уманский 1980: 44], с телеутским князцом Табуном в 1678 г. — томский отставной казак И. Данилов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 24–25; Уманский 1980: 132], в 1695 г. — родственник (сын) томского [РМО 1959: 44], а в грамоте того же приказа 1619 г. — уже как атаман [РМО 1959: 78]. Вряд ли он за три года смог выслужиться из рядовых казаков в атаманы, соответственно в 1616 г. у него явно был какой-то казачий чин.

го сына боярского Н. Прокофьев [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 1–4].

Крайне редко на переговоры к кочевникам отправляли одного человека, который собственно и выполнял функцию посла. Обычно же его сопровождали несколько человек, иногда — более десяти. Как правило, среди них был «товарищ» посла (второй человек в посольстве) либо представитель местного аппарата управления — подьячий, либо служилый человек, имевший чин не выше того чина, который был у посла. Если посол не владел языком контрагента, то в помощь ему придавались один–два толмача из числа служилых людей или сибирских иноземцев. Различные вспомогательные функции выполняли казаки. В случае необходимости к посольству могли определить провожатых («вожей») из местного населения, знавших кратчайшие пути до ставки кочевого правителя.

Таким образом, в значительном числе случаев (более 73 % от числа всех посольств с известным чином руководителя) к кочевникам в качестве лиц, уполномоченных вести переговоры, направляли служилых людей по отчеству, преимущественно детей боярских, и служилых людей по прибору, принадлежавших к командному составу (голов, атаманов, ротмистров, сотников, пятидесятников и десятников). Если же рассмотрение чиновного статуса послов конкретизировать применительно к контрагентам, выявляется следующая картина.

В дипломатических контактах с хотогойтскими алтын-ханами, а также с находившимся в их ставке тибетским далай-ламой, сложилась практика отправки в качестве послов детей боярских (11 посольств). Два раза к ним посылали пятидесятников, по одному разу — дворянина, казачьего голову, атамана, ротмистра и конного казака. К халхаским ханам/хунтайджи, тайджи, нойонам и главе буддийской церкви — хутухте посылали московского жильца (2 посольства), детей боярских (7 посольств) и казачьих «начальных людей» (4 посольства: атаман — 1, пятидесятник — 2, десятник — 1). К ойратским (в том числе джунгарским) контайшам/хунтайджам отправляли детей боярских (16 посольств), стрелецкого сотника (2 посольства), казаков (8 посольств). Кроме того, у руководителя одного посоль-

ства — служилого человека — в документах не указан чин.

К ойратским тайшам и тайджам ездили дети боярские (12 посольств), «начальные люди» (7 посольств: казачьи головы — 2, атаманы — 4, десятник — 1), казаки (8 посольств), служилый человек — толмач (1 посольство), служилые люди без указания чина (3 посольства), служилый татарин (1 посольство), а также ясачный татарин (1 посольство).

Посольства к телеутским князям 20 раз возглавляли дети боярские, 6 — «начальные люди» (по два раза — атаманы, пятидесятники, десятники), 5 — рядовые казаки, по два раза — служилые люди без указания чина и служилые татары, по одному разу — не служилые люди (отставной казак, родственник служилого человека, ясачный татарин); к киргизским князям 6 раз — дети боярские, 10 — «начальные люди» (атаманы — 2, пятидесятники — 4, десятники — 4), по два раза — казаки и толмачи, один раз — служилый человек без указания чина. У руководителей 8 посольств к телеутам и 2 посольств к киргизам не удалось выявить их чиновный статус.

Следует особо заметить, что характер (мирный или враждебный) русско-кочевнических отношений, а также властный статус контрагентов никак не влиял на то, с каким чином русская сторона посылала к ним дипломата. И хотя предпочтение при назначении послов, как уже говорилось, отдавалось высшим чинам сибирских служилых людей — детям боярским, во многих случаях все же отправляли тех, кто даже по меркам Сибири занимал низшие ступени в служилой чиновной иерархии.

Семиотика посольской практики

Интерпретируя вышеизложенные данные, можно уверенно констатировать, что чиновный статус русских послов, ездивших из сибирских городов к кочевникам севера Центральной Азии, был существенно ниже, нежели послов, направленных из Москвы в европейские государства, Крымское ханство, Турцию и Персию, но в целом соответствовал чинам послов в те страны и к тем народам, правители которых, по мнению русской стороны, занимали низшие позиции в мировой политической иерархии, или о которых у руководителей российской

внешней политики имелось весьма смутное представление (как например, о правителях Бухары, Хивы, Балха и Индии).

И здесь следует заметить, что направление послами людей, имевших различные чины, позволяло российскому монарху в символической форме ранжировать свое отношение к иностранным правителям. Как писал В. С. Мясников, «для дипломатии того времени было исключительно важно не зависеть политическое положение государства-контрагента, ибо это вело к умалению собственного престижа. При московском дворе всякий раз тщательно анализировали сведения о тех странах, с которыми вступали в контакты, классифицируя их по своеобразной „табели о рангах“» [Мясников 1980: 87].

Назначение во главе посольства человека с невысоким чиновным и/или социальным статусом свидетельствовало о том, что царь оказывал меньше чести тому правителю, который принимал это посольство, и тем самым демонстрировал свое превосходство над ним. Понижение чина посла сопровождалось сокращением численности его свиты, уменьшением объема и стоимости царских подарков иностранному правителю, что также выражало отношение Москвы к контрагенту как неравноправному партнеру переговоров.

В случае с центрально-азиатскими кочевниками это неравенство усиливалось вследствие того, что российская сторона рассматривала контрагентов как потенциальных или реальных подданных царя. Такое восприятие подкреплялось тем, что главы кочевых объединений по итогам переговоров нередко приносили царю присягу-шерть на верность и тем самым признавали (правда, лишь формально) свою зависимость от него¹.

Низкое, в глазах русского правительства, положение кочевых вождей в иерархии иностранных правителей подчеркивалось и тем, что оно перепоручало подбор людей к исполнению обязанностей послов местным сибирским воеводам, а сами послы

¹ О шертованиях правителей тюркских и монгольских кочевников см.: [Шастина 1958: 36; Чимитдоржиев 1978: 19–21, 23–25, 26, 28, 35, 37, 55–56, 73; Уманский 1980: 11–33, 35; Чимитдоржиева 2006: 56–66; Бутанаев 2007: 58–92; Кушнерик 2008: 25–28, 32, 48–49].

направлялись не из столицы (т. е. не непосредственно от царя), а из сибирских городов. Разумеется, Москва тем самым экономила на снаряжении посольств, открывала возможность оперативного реагирования на изменение военно-политической ситуации в регионе и санкционировала ведение переговоров людьми, знакомыми с местной обстановкой и имевшими опыт общения с разнообразным населением южносибирского пограничья. Подобный прагматизм, как подмечал Г. К. Котошихин, служивший в Посольском приказе, присутствовал во внешнеполитической практике московского правительства. Так, в частности, в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» он специально обратил внимание на то, что к римскому цесарю — императору Священной Римской империи германской нации «великие послы не посылаются давно, потому что дальней проезд, чрез многие разные государства, и послом великим в дороге будет много шкоты и убытков. А посылаются к цесарю посланники роду середнего, которые бывают в думных дворянах и в околничих» [Котошихин 1884: 45].

Однако отправка к императору дипломата более низкого статуса, чем, например, к королям Речи Посполитой или Швеции, не означало, что русский царь оказывал ему меньше чести. «Середний» статус дипломатов компенсировался иными атрибутами посольской практики, свидетельствующими о том, что глава «германской нации» воспринимался российской стороной как стоящий выше всех прочих европейских правителей [Котошихин 1884: 39, 45, 60].

Однако в случае с кочевыми правителями направление к ним послов низкого статуса определялось все же не прагматизмом, а тем местом, которое московские власти отводили этим правителям в своей картине политического мироустройства. Диалог с ними российская сторона вела, явно упрощая ритуально-символическую атрибутику. И здесь для сравнения можно привести в пример изменение чиновного статуса дипломатов в русско-китайских отношениях. Долгое время, пока в Москве располагали весьма скудной информацией о Китае и не могли точно идентифицировать властный статус его правителя (применяя к нему титулы то царя, то хана, то князя), главами

дипломатических миссий в это государство определяли людей с невысокими чинами: в 1618 г. из Томска был послан томский казак И. Петлин, в 1653 г. с Амура (из отряда Е. П. Хабарова) — якутский казак Т. Е. Чечигин (причем по указанию якутского воеводы без согласования с Москвой), в 1654 г. из Тобольска — дворянин по московскому списку Ф. И. Байков, в 1670 г. из Нерчинска — нерчинский казачий десятник И. М. Милованов (по инициативе нерчинского воеводы), в 1673 г. из Москвы — переводчик Посольского приказа Н. Г. Спафарий. И только получив (во многом благодаря Спафарию) достаточно полное представление о политическом весе и могуществе китайского правителя, Москва, невзирая на все расходы, резко повысило статус своего дипломатического представителя: в 1686 г. «великим и полномочным послом» «для договоров и успокоения ссор китайского богдыхана» был назначен член Боярской думы окольничий Ф. А. Головин, с которым была послана большая свита¹.

Заключение

К центрально-азиатским кочевникам — енисейским киргизам, алтайским телеутам, ойратам, хотогойтам и халхасцам — в качестве руководителей дипломатических миссий посылались люди, принадлежавшие к низшим — городovým (уездным) — категориям государевых служилых людей, которые несли службу непосредственно в Сибири. При этом предпочтение все же отдавалось тем, кто принадлежал к числу детей боярских или к командному составу («начальным людям»). Отправляя к кочевникам послов низкого чиновного (и, соответственно, социального) статуса россий-

¹ В XVII в. в Китай также отправляли торговые миссии, руководители которых, имея невысокие служилые чины или вообще не имея их, могли неофициально выполнять дипломатические функции. Эти миссии возглавляли: в 1653 г. голова тобольских служилых татар П. Ярыжкин, в 1657 г. — тарский сын боярский И. С. Перфильев, в 1668 г. — тобольский юртовской «бухаретин» (выходец из Бухары) С. Аблин, в 1692 г. — «датские земли торговый человек» Э. И. Идес. См.: [РКО 1969: 8, 11, 12, 15, 16, 18, 130–131, 142–146, 151–152, 194, 200, 218, 220, 264–265, 270–271, 273–275; РКО 1972: 71; РКО 1978: 9; Мясников 1980: 61, 76, 79, 81, 83, 86, 108, 117, 123, 188].

ское правительство тем самым выражало свое отношение к их предводителям, отводя им невысокое место в иерархии зарубежных правителей. Такая практика вполне была соразмерна тем целям, которые преследовала московская дипломатия — установление

протекторатных (со стороны российского монарха) и вассальных (со стороны кочевых правителей) отношений, включение кочевых объединений в зону политического влияния Российского государства с их возможным последующим полным подчинением.

Источники

- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- Бутанаев, Абдыкалыков 1995 — *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан: [б. и.], 1995. 250 с.
- Кабардино-русские отношения 1957 — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. Т. 1: XVI–XVII вв. / сост.: Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М.: АН СССР, 1957. XVI, 478 с.
- Котошихин 1884 — *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Изд. Археогр. комиссии, 1884. XXXVI, 196, XX с.
- Материалы по истории 1932 — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. / ред. А. Н. Самойлович. Л.: АН СССР, 1932. XVIII, 504, [2] с.
- Международные отношения 1989 — Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы / сост.: Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. Кн. 1. М.: Наука, 1989. 373 с.
- Памятники 1891 — *Лашков Ф. Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь: Тип. газ. «Крым», 1891. IX, 206 с.
- ПСИ 1882 — Памятники Сибирской истории XVIII века / ред. А. И. Тимофеев. Кн. 1:

1700–1713 СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1882. XXXII, 551 с.

- Русско-индийские отношения 1958 — Русско-индийские отношения в XVII веке. Сб. док. М.: Вост. лит., 1958. 455 с.
- РКО 1969 — Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1: 1608–1683 / сост.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1969. 613 с.
- РКО 1972 — Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2: 1686–1691 / сост.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1972. 835 с.
- РКО 1978 — Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725 / сост.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, Г. И. Саркисова; ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. 703 с.
- РМО 1959 — Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. / сост.: Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред.: И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.
- РМО 1974 — Русско-монгольские отношения. 1636–1654: Сб. док. / сост.: М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Наука, 1974. 469 с.
- РМО 1996 — Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 1996. 559 с.
- РМО 2000 — Русско-монгольские отношения. 1685–1691: Сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук; ред.: Г. И. Слесарчук, Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 2000. 487 с.
- Сборник 1879 — Сборник князя Хилкова. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879. 12, 580, 35 с.

Sources

- Russian State Archive of Ancient Acts.
- Antonova K. A. et al. (eds.) Russian-Indian Relations, 17th Century. Collected documents. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1958. 455 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Abdykalykov A. Khakassia, 17th to Early 18th Centuries: Historical Materials. Abakan, 1995. 250 p. (In Russ.)

- Demidova N. F. et al. (comps.) Kabardian-Russian Relations, 16th–18th Centuries. Documents and materials. Vol. 1: 16th–17th Centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. XVI, 478 p. (In Russ.)
- Demidova N. F. et al. (comps.) Russian-Chinese Relations, 18th Century. Materials and documents. Moscow: Nauka, 1978. Vol. 1: 1700–1725. 703 p. (In Russ.)

- Demidova N. F., Myasnikov V. S. (comps.) Russian-Chinese Relations, 17th Century. Materials and documents. Moscow: Nauka, 1969. Vol. 1: 1608–1683. 613 p. (In Russ.)
- Demidova N. F., Myasnikov V. S. (comps.) Russian-Chinese Relations, 17th Century. Materials and documents. Moscow: Nauka, 1972. Vol. 2: 1686–1691. 835 p. (In Russ.)
- Gataullina L. M. et al. (comps.) Russian-Mongolian Relations, 1607–1636. Collected documents. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1959. 352 p. (In Russ.)
- Golman M. I., Slesarchuk G. I. (comps.) Russian-Mongolian Relations, 1636–1654. Collected documents. Moscow: Nauka, 1974. 469 p. (In Russ.)
- Gurevich B. P., Moiseev V. A. (comps.) International Relations in Central Asia, 17th–18th Centuries. Documents and materials. Moscow: Nauka, 1989. Book 1. 373 p. (In Russ.)
- Khilkov G. (comp.) The Collection of Prince Khilkov. St. Petersburg: Panteleev Brothers, 1879. 12, 580, 35 p. (In Russ.)
- Kotoshikhin G. K. Russia in the Reign of Aleksey Mikhaylovich. St. Petersburg: Archaeographic Commission, 1884. XXXVI, 196, XX p. (In Russ.)
- Lashkov F. F. Moscow Chief Archive of [Russia's] Foreign Affairs Ministry: Monuments of Diplomatic Relations between the Crimean Khanate and the Tsardom of Muscovy, 16th–17th Centuries. Simferopol: Krym, 1891. IX, 206 p. (In Russ.)
- Samoylovich A. N. (ed.) Uzbek, Tajik, and Turkmen Soviet Socialist Republics: Historical Materials. Part 1: Central Asia Its Trade with the Tsardom of Muscovy and International Standing in the 16th–17th Centuries. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1932. XVIII, 504, [2] p. (In Russ.)
- Slesarchuk G. I. (comp.) Russian-Mongolian Relations, 1654–1685. Collected documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 559 p. (In Russ.)
- Slesarchuk G. I. (comp.) Russian-Mongolian Relations, 1685–1691. Collected documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 487 p. (In Russ.)
- Timofeev A. I. (ed.) Monuments of 18th-Century Siberian History. Book 1: 1700–1713. St. Petersburg: Internal Affairs Ministry [of Russia], 1882. XXXII, 551 p. (In Russ.)

Литература

- Ананьев 2017 — *Ананьев Д. А.* Участие сибирских служилых людей в установлении и развитии русско-ойратских дипломатических отношений в первой половине XVII в. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 4. С. 93–97.
- Бахрушин 1955 — *Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М.: АН СССР, 1955. С. 176–224.
- Боронин 2002 — *Боронин О. В.* Двоедланничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. Барнаул: Азбука, 2002. 216 с.
- Бродников 2012 — *Бродников А. А.* Третье поколение Перфильевых (из истории сибирской служилой династии XVII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 8. С. 27–34.
- Бутанаев 2007 — *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2007. 296 с.
- Добжанский 2019 — *Добжанский В. Н.* Яков Остафьевич Тухачевский в Сибири (1629–1647 годы) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 10. С. 109–138.
- Жуковский 1915 — *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Типо-лит. Н. И. Евстифеева, 1915. XII, 215 с.
- История Калмыкии 2009 — *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1.* Элиста: Герел, 2009. 845 с.
- Каменецкий 2015 — *Каменецкий И. П.* «Белорусцы» Аршинские на службе в Сибири в XVII веке // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3. С. 83–87.
- Каменецкий 2018 — *Каменецкий И. П.* Посольство дворянина Я. Тухачевского к Алтын-хану: старое и новое в русской посольской практике XVII в. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1. С. 165–172.
- Катанаев 1893 — *Катанаев Г. Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. По показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям западно-сибирских казаков и прочих служилых сибирских людей // Записки Зап.-Сиб. отдела Рус. геогр. о-ва. Кн. 14. Вып. 1. Омск: Тип. Окружн. штаба, 1893. С. 3–72.
- Кушнерик 2008 — *Кушнерик Р. А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. 266 с.

- Леонтьева 2012 — *Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. М.: МПГУ, 2012. 320 с.
- Лисейцев 2021 — *Лисейцев Д. В.* Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI–XVII вв. // *Российская история*. 2021. № 1. С. 157–163.
- Лихачев 1986 — *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI–XIII вв. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 140–153.
- Миллер 1999 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Миллер 2000 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. 795 с.
- Миллер 2005 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. 598 с.
- Моисеев 2011 — *Моисеев М. В.* Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. 2011. Вып. 4. Минск: РИВШ, 2011. С. 195–201.
- Мясников 1980 — *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.
- Никитин 1988 — *Никитин Н. И.* Служилые люди Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с.
- Оглоблин 1890 — *Оглоблин Н. Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // *Исторический вестник*. 1890. Т. 46. № 10. С. 156–171.
- Рогожин 2019 — *Рогожин Н. М.* У государевых дел быть указано... История Посольско-го приказа. М.; Берлин: Direct Media Publ., 2019. 304 с.
- Талина 2012 — *Талина Г. В.* Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. М.: Прометей, 2012. 230 с.
- Трепавлов 2016 — *Трепавлов В. В.* История Ногайской орды. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 764 с.
- Уманский 1980 — *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
- Хорошкевич 2001 — *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
- Чертыхов 2007 — *Чертыхов В. К.* Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2007. 334 с.
- Чимитдоржиев 1978 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 215 с.
- Чимитдоржиева 2006 — *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 156 с.
- Шастина 1958 — *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М.: Вост. лит., 1958. 182 с.
- Юзефович 1988 — *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Междунар. отношения, 1988. 216 с.
- Юзефович 2011 — *Юзефович Л. А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимаха, 2011. 340 с.

References

- Ananyev D. A. Participation of the Siberian military men in the establishment and development of the Russian-Oirat diplomatic relations in the first half of the XVII century. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 2017. No. 4. Pp. 93–97. (In Russ.)
- Bakhrushin S. V. The Yenisei Kyrgyz in the 17th century. In: Bakhrushin S. V. *Scholarly Works*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. Vol. 3. Part 2. Pp. 176–224. (In Russ.)
- Boronin O. V. Dual-Tribute System in Siberia, 17th to 19th Centuries (1860s). Barnaul: Azbuka, 2002. 216 p. (In Russ.)
- Brodnikov A. A. The third generation of Perfiyev (From the history of the Siberian service dynasty XVII century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2012. Vol. 11. No. 8. Pp. 27–34. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. The History of How Khakassia (Khongorai) Became Part of Russia. Abakan: Katanov Khakass State University, 2007. 296 p. (In Russ.)
- Chertykov V. K. Khakassia and Its Relations with Russia and Central Asian Nations, 17th to Early 18th Centuries. Abakan: Khakassia Book Publ., 2007. 334 p. (In Russ.)
- Chimtdorzhiev Sh. B. Mongolia-Russia Relations, 17th–18th Centuries. Moscow: Nauka, 1978. 215 p. (In Russ.)
- Chimtdorzhieva L. Sh. 17th-Century Russian Embassies to Altan Khans of Mongolia. Ulan-

- Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. 156 p. (In Russ.)
- Dobzhanskiy V. N. Yakov Ostafyevich Tukhachevsky in Siberia (1629–1647). *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa»*. 2019. No. 10. Pp. 109–138. (In Russ.)
- Kamenetsky I. P. “Belorustsy” from Arshinsky dynasty in the serve in Siberia in the XVII century. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 2015. No. 3. Pp. 83–87. (In Russ.)
- Kamenetsky I. P. Embassy by nobleman Y. Tukhachevsky to Altyn-Khan: Old and new in the Russian embassy practice of XVII century. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 2018. No. 1. Pp. 165–172. (In Russ.)
- Katanaev G. E. Kirghiz steppes, Central Asia, and North China in the 17th and 18th centuries. Collected observations, surveys, reports, notes and investigations by Cossacks from Western Siberia and other Siberian servicemen. *Zapiski Zap.-Sib. otdela Rus. geogr. o-va*. 1893. Vol. 14. No. 1. Pp. 3–72. (In Russ.)
- Khoroshkevich A. L. The Rus and the Crimea, Late 15th – Early 16th Century: From Allegiance to Opposition. Moscow: Editorial URSS, 2001. 336 p. (In Russ.)
- Kushnerik R. A. Russian-Dzungar Diplomatic Relations, 1600s–1750s. Barnaul: Altai State University, 2008. 266 p. (In Russ.)
- Leontieva G. A. Servicemen in Eastern Siberia, 1650s–1730s. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2012. 320 p. (In Russ.)
- Likhachev D. S. 11th–13th century Russian ambassadorial procedures. In: Likhachev D. S. *Studies in Old Russian Literature*. Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 140–153. (In Russ.)
- Liseitsev D. V. People and ranks: The complex issues of social stratification in Russia of 16–17 centuries. *Russian History*. 2021. No. 1. Pp. 157–163. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 845 p. (In Russ.)
- Moiseyev M. V. Models of behaviour of diplomats of the Moscow Russia: The general and individual (On the example of Russian relations with Nogaj Horde in the 16th century). In: *Studia Historica Europae Orientalis*. Vol. 4. Minsk: National Institute for Higher Education, 2011. Pp. 195–201. (In Russ.)
- Müller G. F. *History of Siberia*. Moscow: Vostochnaya Literatura (RAS), 2005. Vol. 3. 598 p. (In Russ.)
- Müller G. F. *History of Siberia*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. Vol. 1. 630 p. (In Russ.)
- Müller G. F. *History of Siberia*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. Vol. 2. 795 p. (In Russ.)
- Myasnikov V. S. *Qing Empire and Tsardom of Russia in the 17th Century*. Moscow: Nauka, 1980. 312 p. (In Russ.)
- Nikitin N. I. *Servicemen of Western Siberia in the 17th Century*. Novosibirsk: Nauka, 1988. 254 p. (In Russ.)
- Ogloblin N. N. 17th-century Siberian diplomats: Ambassadorial name lists. *Istoricheskiy vestnik*. 1890. Vol. 46. No. 10. Pp. 156–171. (In Russ.)
- Rogozhin N. M. ‘Was Assigned to Deal with the Affairs of State ...’: A History the Ambassadorial Prikaz. Moscow, Berlin: Direct Media Publ., 2019. 304 p. (In Russ.)
- Shastina N. P. 17th-Century Russian-Mongolian Ambassadorial Relations. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1958. 182 p. (In Russ.)
- Talina G. V. *Viceroyalties, Late 16th to Early 18th Centuries*. Moscow: Prometey, 2012. 230 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. *History of the Nogay Horde*. Kazan: Kazanskaya Nedvizhimost, 2016. 764 p. (In Russ.)
- Umansky A. P. *Teleuts and Russians, 17th–18th Centuries*. Novosibirsk: Nauka, 1980. 296 p. (In Russ.)
- Yuzefovich L. A. ‘As It Is Supposed to Happen according to Ambassadorial Traditions ...’: The Late 15th to Early 17th Century Russian Diplomatic Etiquette. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1988. 216 p. (In Russ.)
- Yuzefovich L. A. *The Ambassador’s Path: Russian Ambassadorial Traditions, Procedures, Etiquette, and Ceremonial*. St. Petersburg: I. Limbakh, 2011. 340 p. (In Russ.)
- Zhukovsky S. V. *Russia and Bukhara: The Three Centuries of Relations Reviewed*. Petrograd: N. Yevstifeev, 1915. XII, 215 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 663–672, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)(574)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-663-672

Крещение калмыков в Семиречье и его последствия

Оразгуль Хасеновна Мухатова¹, Зиябек Ермуханович Кабульдинов²,
Нургуль Нурсултановна Курманалина³, Жанымхан Ошан⁴

¹ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-8613-7248. E-mail: orazgul7@rambler.ru

² Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

³ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

PhD, ученый секретарь

 0000-0001-7165-9935. E-mail: nurgulca@mail.ru

⁴ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5767-2794. E-mail: zhan918@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Мухатова О. Х., Кабульдинов З. Е., Курманалина Н. Н., Ошан Ж., 2022

Аннотация. *Введение.* Российская империя реализовывала внутреннюю политику по христианизации населения новых территорий. Миссионерская работа по обращению в христианство в казахской степи проводилась не только по отношению к казахским этническим группам, но и по отношению к представителям других народов, которые эмигрировали из Китая в XIX в. *Цели и задачи исследования* — изучить проблемы и последствия принятия православия калмыками Семиречья, которые являлись мигрантами из Китая; раскрыть роль православных миссионеров в процессе христианизации калмыков; определить основные пути и главные методы вовлечения калмыков в православие; выявить суть и ход реализации мероприятий, способствовавших проведению политики христианизации и основанных на разрушении культуры, традиции и быта представителей этнических групп, которые были

вынуждены отдалиться от своих исторических корней. *Результаты.* В статье по архивным источникам исследована история принятия российского подданства и православия китайскими эмигрантами-калмыками в 60–70-х гг. XIX в. Калмыки, ставшие беженцами в результате восстания в Китае, поселились в Капале, Сарканде, Коксу, Верном, Тургене и в других регионах Семиречья. Они были специально расселены на плодотворных участках земель — для удобства заниматься земледелием, садоводством и огородничеством. Еще одной целью расселения мигрантов являлось установление ими тесных отношений с русскими крестьянами для ознакомления с их языком, культурой, особенностями православной веры. *Выводы.* В результате деятельности миссионеров и принятия калмыками православной веры калмыки подверглись аккультурации. С принятием православия зачастую новокрещеным меняли имена и фамилии, а в приютах детям выдавалась одежда, характерная для русских крестьян, входивших в сословие казаков.

Ключевые слова: беженцы из Китая, калмыки, Российская империя, Семиречье, Сарканд, Верный, крещение, православный миссионер, христианизация

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН OR11465469 «Разработка академического издания „История Казахстана с древнейших времен до наших дней“ в семи томах» при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан.

Для цитирования: Мухатова О. Х., Кабульдинов З. Е., Курманалина Н. Н., Ошан Ж. Крещение калмыков в Семиречье и его последствия // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 663–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-663-672

Christianization of Kalmyks in Semirechye and Its Consequences

Orazgul H. Muhatova¹, Ziyabek E. Kabuldinov², Nurgul N. Kurmanalina³, Zhanymkhan Oshan⁴

¹ Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-8613-7248. E-mail: orazgul7@rambler.ru

² Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Director

 0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

³ Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

PhD, Scientific Secretary

 0000-0001-7165-9935. E-mail: nurgulca@mail.ru

⁴ Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-5767-2794. E-mail: zhan918@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Muhatova O. H., Kabuldinov Z. E., Kurmanalina N. N., Oshan Zh., 2022

Abstract. Introduction. In the process of territorial expansion, Imperial Russia was seeking to implement internal policies, including that of Christianization. Christian missionary endeavors across Kazakh steppes were to involve not only Kazakh ethnic groups proper but also other populations to have emigrated from China in the 19th century. *Goals.* The study aims at exploring problems and consequences of Semirechye Kalmyks' conversion to Orthodox Christianity after their arrival from Chi-

na, revealing the role of missionaries in that Christianization campaign, determining key techniques and methods employed by the latter, identifying essentials and crucial events to have proved efficient thereto and based on the destruction of indigenous culture, traditions and lifestyle of ethnic groups who had been forced to stay away from their historical roots. *Results.* The paper analyzes archival sources to examine the history of how China's emigrant Kalmyks acquired Russian citizenship and converted to Orthodox Christianity in the 1860s–1870s. In the aftermath of the Dungan Revolt, the refugee Kalmyks settled in Qapal, Sarkand, Koksū, Verny, Turgen and other areas of Semirechye. Fertile land plots were allotted for them to conveniently engage in agriculture, gardening and vegetable farming. Another goal was that they were thus to establish close relations with Russian peasants and learn the latter's language, culture, and peculiarities of the newly adopted faith. *Conclusions.* The missionary activities and Kalmyks' conversion to Orthodox Christianity resulted in acculturation characterized by that the newly baptized would often change their personal and family names and receive Russian Cossack peasant clothes in missionary shelters.

Keywords: refugees from China, Kalmyks, Russian Empire, Semirechye, Sarkand, Verny, baptism, Orthodox missionary, Christianization

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project no. IPH OR11465469 'History of Kazakhstan from Earliest Times to Present Days, in Seven Volumes: Preparing the Academic Edition'.

For citation: Muhatova O. H., Kabuldinov Z. E., Kurmanalina N. N., Oshan Zh. Christianization of Kalmyks in Semirechye and Its Consequences. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 663–672. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-663-672

Введение

Российская империя реализовывала внутреннюю политику по христианизации новых территорий. Работа миссионеров по обращению в христианство проводилась в казахской степи не только по отношению к автохтонным этническим группам, но и по отношению к представителям других народов, которые являлись мигрантами из Китая, прибывшими в XIX в. К выполнению данной задачи привлекались государственные структуры, среди которых были: Министерство народного образования и Департамент по духовным вопросам. В результате проводимой политики по распространению христианства открывались миссионерские станы, строились церкви и школы. Правительство всячески поддерживало и поощряло деятельность православных священнослужителей. По мнению Г. К. Батырханова, проведению политики христианизации способствовали реформы, нацеленные на изменение социальной структуры коренного населения и представителей этнических групп [Батырханов 1999: 18].

В 1869 г., в период после присоединения территории Старшего жуза к России, была создана Туркестанская епархия. Миссионерская работа проводилась среди местного населения и среди новых жителей, в том числе среди переселенцев из китайского Синьцзяна, расселившихся в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. С созданием епархии миссионерская деятельность стала осуществляться планомерно и системно. Изучение проблемы принятия подданства и православия калмыками Семиречья позволяет раскрыть, с одной стороны, ранее неисследованные страницы прошлого, а с другой — понять судьбу представителей этнических групп, являвшихся мигрантами из Китая.

Источниками для исследования рассматриваемого вопроса являются документы 44, 64, 234, 294 и 723-го фондов, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (далее — ЦГА РК) [ЦГА РК. Ф. 44, 64, 234, 294, 723].

Историкографический обзор проблемы истории деятельности православных миссионеров в Казахстане второй половины XIX в. посвящены исследования Ю. А. Лысенко. В ее работах дан анализ миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане в конце XVIII – начале

Историкографический обзор проблемы

Истории деятельности православных миссионеров в Казахстане второй половины XIX в. посвящены исследования Ю. А. Лысенко. В ее работах дан анализ миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане в конце XVIII – начале

XX в., в том числе автор вкратце излагает историю крещения калмыков¹ в Казахстане [Лысенко 2010].

В работе Г. К. Батырханова рассматривается миссионерская политика царской России во второй половине XIX – начале XX в. [Батырханов 1999]. В ряде статей исследователей З. Т. Садвокасовой [Садвокасова 2021], А. Раздыковой [Раздыкова 2011], С. Абжалова [Абжалов 2005], А. К. Хамитовой [Хамитова 2008], Ж. Орамаха [Орамах 2017], Т. Ю. Красовицкой [Красовицкая 2014] также анализировались разные аспекты миссионерской деятельности Русской православной церкви в казахской степи. А. Раздыкова освещала деятельность миссионерства в контексте топонимики [Раздыкова 2011]. А. К. Хамитова исследовала миссионерскую деятельность православных церквей [Хамитова 2008]. Т. Ю. Красовицкой был проведен анализ взглядов православных миссионеров в отношении деятельности мусульманской интеллигенции [Красовицкая 2014].

Однако вопросы крещения переселенцев-калмыков из китайского Синьцзяна не были предметом специальных исследований.

Миграция калмыков из Китая

В XIX в. имела место миграция групп немусульманского населения с территории китайского Синьцзяна в Россию. Значительные по численности группы переселились в 1860-х гг., когда в Цинской империи произошло восстание дунган в разных провинциях, в том числе и в Синьцзяне. В восстании принимало участие местное мусульманское тюркоязычное население. Как отмечает В. В. Тумайкина, «главной причиной бегства из Китая в 60-х гг. XIX в. стали массовые убийства восставшими мусульманами немусульманских народов, представлявших в регионе власть Цинской династии. В 1864 г. четыре группы дауров бежали из Хоргоса на Борохудзир под защиту русских.

Солонский² *ухэрида*³ Чишань после взятия таранчами⁴ Хуйюаньчэна бежал с Тургеня в Борохудзир, туда же бежали солонь из Чичикана и Тургеня» [Тумайкина 2008: 214]. Исследователь приводит свидетельство современника событий мусульманского восстания, в результате которого только в Кульдже дунгане за трое суток вырезали 20 тыс. чел.: «Пограничные к нашим пределам китайцы и калмыки убежали в Киргизскую степь Сибирского ведомства, где, проскитавшись более двух месяцев, истощенные и изнуренные, в рубище и лохмотьях, с растреснувшей кожей от жару, поту и пыли, с начала весны стали прибывать в станицы и передовые посты в Копальском и Алатавском округах...» [Тумайкина 2008: 214].

Позднее в Семиречье прибыли еще 5 тыс. человек вынужденных мигрантов с территории Синьцзяна. В период 1865–1866 гг. перешли из Китая в Семиреченскую губернию 15 тыс. беженцев [Остроумов 1879: 7]. В письме командующего западносибирскими войсками, генерала от инфантерии А. Дюгамеля вице-канцлеру от 16 ноября 1866 г. говорилось о прибытии с территории Китая в пределы Российской империи 3 695 человек, в числе которых были и калмыки [Тумайкина 2008: 215].

В 1866 г. в Капале и крепости Верном были созданы благотворительные комитеты для помощи беженцам с территорий Китая. Комитет, созданный в крепости Верный (позже город Верный), занимался расселением калмыков и беженцев из числа солонь и сибо⁵ на сельскохозяйственных угодьях, обеспечением их жильем, продовольствием и наемной работой. Члены комитета внимательно следили за мигрантами, одной из задач являлось предотвращение попыток продажи малолетних детей от безысходности. Комитет также пытался предотвратить рабство, проституцию и голод среди беженцев. Имели место как случаи проституции, так и употребление беженцами тухлого мяса погибших животных. Поэтому, помимо оказания помощи мигрантам, переселившимся

¹ В настоящей работе используется общий термин «калмыки», под которым объединяются представители монголоязычных этнических групп, переселявшихся на территорию Семиречья в 1860–1870-х гг., которые стали называться местным населением «калмаками» или «калмыками».

² Солонь — этническая группа эвенкийского происхождения.

³ Ухэрида — глава хошуна.

⁴ Таранчи — устаревшее название илийцев (кульджинцев), этнической группы уйгуров.

⁵ Сибо — народ тунгусо-маньчжурского происхождения в Китае.

из Синьцзяна в российские пределы, велось наблюдение за их образом жизни [ЦГА РК. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4].

Сведения о количестве мигрантов из Китая должны были собираться для своевременного сообщения российским властям. Так, уездным начальникам было поручено представить данные о переселенцах, находившихся во вверенных им административно-территориальных единицах, по предписанию военного губернатора Семиреченской области Г. А. Колпаковского от 10 октября 1869 г. В результате удалось установить, что на территории Верненского уезда в Надеждинском выселке, на урочище Тургенъ, в станице Софийской и в г. Верном расселилось 6 930 мигрантов из китайской империи. Калмыки поселялись в Капале, Коксу, Верном и других местностях Семиреченской области. Общее количество китайских мигрантов в Семиречье составило 14 тыс. человек, из них 5 500 — солоны и 8 500 — калмыки [Лысенко 2010: 89–90].

Учитывая бедственное социально-экономическое положение мигрантов, а также сложности их адаптации на новом месте, местные власти решили предоставлять им льготы, освобождать от налогов и ряда повинностей сроком до 10 лет [Лысенко 2010: 90].

По мнению начальника Копальского уезда, бедных калмыков лучше было размещать в селе Сарканд, которое располагалось на богатых землях, пригодных для земледелия и животноводства [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29261. Л. 2].

Во время переселения мигрантов из Китая необходимо было предоставить им землю, жилье и определить их статус. В этой связи одним из пунктов стратегического плана было то, что мигранты, наряду с принятием российского гражданства, должны были принять православие. В целях осуществления поставленной задачи предусмотрено было открыть 10 октября 1868 г. в Сарканде миссионерскую школу для переселенцев, для чего было подготовлено специальное представление. После его рассмотрения было принято решение о ежегодном ассигновании 920 рублей на содержание священника, церковного причта и учителя школы для беженцев с запада Китая, пожелавших принять православную веру [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29261. Л. 1–1об.].

После решения денежного вопроса священником миссионерской школы был назначен Диамид Чернявский. Была открыта школа для калмыцких детей, где учились 24 мальчика [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29261. Л. 20].

Проработав около двух лет, Д. Чернявский был вынужден уйти с работы из-за болезни. На его место был назначен миссионер Василий Покровский. В школе священник В. Покровский учил калмыцких детей русскому языку, закону Божьему, письму, счету и церковным песням [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29261. Л. 300–301].

На начальном этапе агитационная работа миссионера среди взрослых не давала ожидаемых результатов. В ходе своей деятельности он сталкивался с разными сложностями. Например, он подробно изложил действия двух калмыков, которые пришли для венчания. «Вчерашний день явились ко мне для венчания два кара-калмыков, несмотря на предупреждение мое, жених в косе, невеста в полном, своем, калмыцком уборе и шапке, мало того, перекреститься не умеют. Я сделал им внушение, повторил, что надо ходить в Церковь, но научиться креститься и пр. потом призвал в школу отцов жениха и невесты...» [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29261. Л. 139].

О фактах нарушения предписаний церкви миссионер информировал также командира 1-го конного полка Семиреченского казачьего войска — войскового старшину Половцева и командира Саркандского отряда — урядника Копейкина [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29261. Л. 201].

Урядник Копейкин и священник В. Покровский проводили беседы, старались агитировать калмыков стричь волосы и не надевать национальную одежду. Однако ответная реакция была полной неожиданностью для военного и миссионера: «...калмыки на принуждение мое с азартом отвечали в присутствии миссионера Покровского, что мы косы стричь не согласны, лучше обрежете нам головы, нежели наши косы. Конечно, силою я таковы обстричь косы не могу» [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29261. Л. 201–202].

Из этого видно, что урядник не применял силу в отношении решения калмыков. Этот пример свидетельствует в пользу известного положения о том, что фактически

царское правительство не применяло принуждение при крещении представителей нерусских народов. Христианизация носила добровольный характер. Так, миссионеры вовлекали в христианство, обучая инородцев разным ремеслам. При вышеупомянутой миссионерской школе в Сарканде открывались места для обучения мигрантов сапожному и столярному мастерству. Для этого были специально наняты мастера для обучения из 12-го Туркестанского батальона [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29261. Л. 243].

Вовлечение калмыков в православие

Российское правительство регулярно выделяло значительные средства на поддержку миссионерской деятельности и обращение мигрантов из Китая в православие. В архивных фондах хранятся документы, подтверждающие данные факты. Так, в письме на имя военного губернатора Семиречья от 31 марта 1869 г. канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства сообщала, что петербургский губернский казначей выделил тысячу рублей (серебром) на покупку вещей, одежды и книг для мигрантов и строящегося переселенческого храма [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 99].

Одним из главных методов вовлечения калмыков в христианство было денежное вознаграждение. Мигрантам, переселившимся из Синьцзяна в Семиречье и принявшим православие, раздавали по 5 рублей. Об этом свидетельствует письмо капитана Доронина военному губернатору Г. А. Колпаковскому от 3 ноября 1869 г. В нем говорится: «Всего на льготы претендуют 19 калмыцких семей, которые крестились в октябре этого года и получили российское гражданство. Прошу разрешить мне выплатить по 5 рублей на каждую семью до полного пособия на приобретение местных материалов для кровли» [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 99]. Вовлечение в православную веру инородцев методом вознаграждения денежными средствами, в частности выделение каждому новокрещенному по 5 рублей, имело место не только в Семиреченской области, но и в других регионах казахской степи [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 4].

Эти данные можно сравнить со сведениями по истории крещения калмыков, проживавших в российском Поволжье [Миссионерский сборник 1910: 148].

На Ставрополье калмыкам, принявшим православие, давали надел земли из расчета 30 десятин на душу населения, по 2 рубля 50 копеек на семью и половину этого — на одиноких. Каждая семья получала пособие, жилье и необходимые орудия труда для земледелия [Миссионерский сборник 1910: 36].

В 1871 г. в Чуркиной пустыни был открыт подготовительный класс для детей крещеных калмыков. Была создана школа для калмыцких детей, и каждый мальчик, которому родители разрешали учиться, получал пособие от 10 до 20 рублей [Миссионерский сборник 1910: 148].

Исторические источники доказывают, что Русская Православная церковь придерживалась одинаковой политики в отношении крещеных калмыков во всех регионах России. Однако волжские калмыки, вошедшие в состав Российского государства в XVII в., находились в ином положении, чем переселенцы из Цинской империи в Семиречье в XIX в. Тем не менее формы привлечения к принятию христианства были аналогичными.

Как свидетельствуют архивные документы, в Семиречье переселенцы из Китая часто были заинтересованы в материальной помощи, оказываемой новокрещенцам. Например, миссионер Григорий Студитский, уезжая из укрепления Бахтинского, встретил 6 калмыков, желавших принять крещение. Узнав, что денег нет «для выдачи им пособия, необходимого при отделении их от прочих некрещеных и не принявших наше подданство эмигрантов, отложили свое намерение до будущего времени» [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 20].

В источниках отмечалось, что «новокрещенные калмыки, проживавшие в высылке Сарканд, благодаря заботливости их миссионера, священника В. Покровского, устроились в материальном отношении очень хорошо, и их домашний быт, по отзывам знающих, не оставляет желать ничего лучшего» [ЦГА РК. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–4]. Но быт и жизнь калмыков описывали представители местных властей, возможно, старавшиеся преподнести факты в лучшем свете, которые чаще носили искаженный характер. В действительности жилищные условия переселенцев были жалкими. С одной стороны, активная агитация, с другой — нищета вынуждали калмыков прини-

мать христианство. В январе – мае 1871 г. в церкви Сарканда 77 мигрантов из Китая, в числе которых 36 мужчин и 41 женщина, приняли православие [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29261. Л. 307].

В 1874 г. саркандский миссионер, священник В. Покровский крестил 268 «черных» калмыков (так в источнике), 98 «чахаро-калмыков» (вероятно, представителей чахаров, которые также проживали в Синьцзяне), а также 8 маньчжуров, 239 солонов, 54 сибо, 5 китайцев (ханьцев) — всего 688 человек. Среднее количество новокрещенных калмыков в Семиреченской области составляло 1 000 человек [ЦГА РК. Ф. И-234. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–16]. Для калмыков, принявших православие, была специально построена церковь.

Однако не всегда крещение калмыков было своевременным и удачным. Во-первых, из-за того, что поселенцы находились далеко от города, их было трудно собрать в одном месте и крестить. Во-вторых, работе мешало то, что все они трудились на полях с ранней весны до поздней осени [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 60].

В зимние месяцы, во время сильных снегопадов, проводить обряд крещения было невозможным. В таких случаях местные царские чиновники разыскивали и полагались на влиятельных людей из числа коренных жителей для проведения соответствующей работы среди эмигрантов. Так, в рапорте начальника Южно-Тарбагатайского отряда Семиреченской области есаула Шмакова от 19 декабря 1869 г. военному губернатору было сказано о том, что до наступления весны из-за глубокого снега отсутствовала возможность переселить китайских мигрантов в одно место. Он не считал полезным для дела открыто проводить идею о принятии калмыками российского подданства и православия, но сделать это вызвался сын бия Отунчи Нурзапа, который имел больше знакомых среди мигрантов и пользовался их уважением. По словам есаула Шмакова, Нурсапа характеризовался человеком, который совершенно предан российским интересам, весьма важные поручения исполнял с величайшей готовностью и успехом, не щадя ни времени, ни сил [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 128]. Нурсапа успешно выполнил очередную задачу и убедил переселенцев из Китая принять российское

гражданство и христианство. За добросовестное выполнение задачи он был награжден похвальным листом [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 131].

Крещение калмыков

Помимо Сарканда, крещение мигрантов из Китая проводилось в Верном, Копале, Коксу, Тургене, т. е. в местах их расселения. В рапорте Комитета артиллерии военному губернатору от 16 января 1869 г. указаны трудности в оказании помощи переселенцам, которые проживали в Коксу, хотя они получили российское подданство и приняли православие. На переселенцев Комитет артиллерии выделил 275 рублей, а в 1869 г. у ведомства было всего 110 рублей 16 копеек. Поскольку этих средств было недостаточно для новокрещенных в Копале и Тургене, Комитет артиллерии просил казну издать новое распоряжение и выделить недостающую сумму [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 4].

Выполняя просьбу, Департамент Государственного казначейства 13 сентября 1869 г. выдал Ташкентскому областному казначейству по Верненскому уезду сверхльготный кредит в размере 16 250 рублей на выдачу пособий китайским эмигрантам, водворившимся в Семиреченской области по специальному распоряжению [ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 105].

Христианство постепенно, хотя и не так быстро и успешно, как в Копальском уезде, распространялось среди калмыков, кочующих близ г. Верного. Причинами медленного распространения христианской веры среди верненских калмыков, по сравнению с копальскими, служило отсутствие миссионера и церкви в Верненском уезде. Поэтому калмыки, оставленные без всякого надзора со стороны христианских пастырей, постепенно возвращались в родную им веру, удалялись в кочевья некрещенных калмыков. Новокрещеным калмыкам вблизи г. Верного были выданы, кроме 5 рублей, семена пшеницы в кредит, которые нужно было вернуть осенью из нового урожая. Взамен такой «помощи» имена и фамилии новокрещенных были изменены на русские. В списке калмыков от 3 декабря 1868 г., принявших православие в Алматинской церкви города Верного и нареченных русскими именами и фамилиями, можно увидеть, что из 37 кал-

мыков 25 были названы Яковами, шесть — Стефанами, семь — Николаями и пятеро — Иванами. Из 11 женщин и девочек пятерым дали имя Екатерина, пятерым — Варвара и одной — Ионна. Фамилии калмыков также не отличались разнообразием: трое носили фамилию Семенов, шестеро — Константинов, девять — Михайлов, четверо — Иванов, двое — Петров, четверо — Дмитриев, четверо — Александров, двое — Васильев и одна — Ксенофонтова [ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29302. Л. 9].

В архивных фондах встречаются документы о принятии христианства отдельными калмыками. Так, Василий Обжа принял христианство летом 1869 г., а холостяк Шарабата — 2 июля 1874 г. Шарабате было 26 лет, он не имел своей семьи, и его состояние было очень тяжелым. Все дела, связанные с Шарабатой, находились на контроле у заместителя военного губернатора Жетысуской области. По предложению военного губернатора Семиречья Совет Православного братства назначил ему пособие в размере 10 руб. [ЦГА РК. Ф. И-234. Оп. 1. Д. 5а. Л. 17–17об.].

Протоирей Путинцев характеризовал В. Обжу следующим образом: «Василий Обжа считает себя крещеным человеком. Он не хочет носить крест или стричь волосы. Как и крещеные калмыки, он не знал христианства. Я приказал ему носить крест (который дается ему Братством) и стричь волосы, и он добровольно на это согласился» [ЦГА РК. Ф. И-234. Оп. 1. Д. 1. Л. 85–85об.].

Осужденные калмыки тоже принимали православие. К примеру, по данным архивных материалов, калмык Турбат Табе, заключенный в Верненскую тюрьму за кражу лошади с седлом, изъявил желание принять христианство. По просьбе осужденного священнику Дмитрию Солнцеву было поручено обучить Турбат Табе основным правилам православия и самым распространенным молитвам [ЦГА РК. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–4]. По собранным сведениям, Турбат Таба родился в Верном, ему было 27 лет, отца звали Таба, мать — Бурын-Тогуз. Таба характеризовался как «идолопоклонник», как и Турбат, который вместе с родителями был вынужден бежать из Китая. Турбат был женат, имел жену и детей. После смерти жены и детей бежал в

1886 г. из Китая в Семиреченскую область без каких-либо документов. Он жил в разных местах до своего ареста и был заключен в тюрьму в феврале 1888 г. После определения личности Турбат Таба был крещен в тюрьме [ЦГА РК. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2].

Помимо проведения пропагандистской работы по обучению калмыков правилам христианства и русским традициям, к праздникам делались специальные подарки. Накануне Пасхи калмыкам готовили яйца, сыр, лепешки и мясо. Накануне праздника в Калмыцкую слободу приезжал старейшина Братства, протоиерей кафедры Путинцев, чтобы через переводчика разъяснить смысл и значение Пасхи, праздников и обрядов для христиан. Семиреченское православное братство на собственные средства открыло приют и школу для крещеных калмыцких детей. Целью приюта и школы было обучение калмыцких детей грамоте по-русски, воспитание их в религиозно-нравственном отношении, обучение необходимым ремеслам. В городе Верном с населением 12 тысяч человек функционировали 4 такие школы. В приютах преподавались следующие предметы: закон Божий, чтение на русском и славянском языках, основные правила арифметики, письмо и ремесла. На средства братства каждому мальчику шили кафтан и сапоги из серого сукна, зимние шапки, были выданы простыни, матрацы, подушки, тем самым облик калмыцких детей, впервые попавших в приют, изменился [ЦГА РК. Ф. И-234. Оп. 1. Д. 5. Л. 16].

Заключение

На материале архивных источников рассмотрены вопросы принятия российского подданства и православия калмыками-мигрантами из Китая в 60–70-х гг. XIX в. Калмыки, ставшие беженцами в результате восстания в Китае, поселились в Копале, Сарканде, Коксу, Верном, Тургене и других регионах Семиречья. Их специально расселяли в местностях, удобных для занятия земледелием, огородничеством, хозяйством и для установления тесных связей с российскими крестьянами, изучения русского языка, ознакомления с религиозными верованиями.

Бедные калмыки были вынуждены принять не только российское подданство, но

и православие. Местные правители и священнослужители пользовались различными методами для обращения поселенцев в христиан. Новокрещеным калмыкам давали участки земель, орудия труда и пособия. Однако над ними был установлен строгий контроль. Им запрещали продавать свои земли, дома и переселяться в другие насе-

ленные пункты. Были построены школы для калмыцких детей, а беспризорников размещали в детских домах. Следует отметить, что с принятием православия зачастую новокрещеным меняли имена и фамилии, а в приютах детям выдавалась одежда, характерная для русских крестьян, входивших в сословие казаков.

Источники

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Sources

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

Литература

- Абжалов 2005 — *Абжалов С.* Формирование христианского миссионерства и особенности его развития // *Саясат.* 2005. № 4. С. 40–50.
- Батырханов 1999 — *Батырханов Г. К.* Миссионерская политика царской России в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Алматы: Гылым, 1999. 176 с.
- Красовицкая 2014 — *Красовицкая Т. Ю.* Исламские интеллектуалы в оценках православных миссионеров Казани и Туркестана // *Вестник Кызылординского государственного университета им. Коркыт Ата.* 2014. № 1. С. 120–126.
- Лысенко 2010 — *Лысенко Ю. А.* Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 195 с.
- Миссионерский сборник 1910 — Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. В двух частях. Ч. 1. Астрахань: Изд. Астрах. ком-та православного миссионер. общ-ва, 1910. 260 с.
- Орамах 2017 — *Орамах Ж.* Бөкей ордасындағы мұсылмандық оқу жүйесі және миссионерлік саясат (= Система мусульманского образования в Букеевской Орде и миссионер-

ская политика) // *Қазақ тарихы.* 2017. № 3. Б. 15–17.

- Остроумов 1879 — *Остроумов Н. П.* Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1879. 116 с.
- Раздыкова 2011 — *Раздыкова А.* Миссионерство царизма через призму топонимики // *Қазақстан жоғары мектебі.* 2011. № 1. С. 160–163.
- Садвокасова 2021 — *Садвокасова З. Т.* Православные миссионерские учреждения в Казахстане (XIX – начало XX века) // *Вестник Ивановского государственного университета.* 2021. Вып. 3. С. 71–79.
- Тумайкина 2008 — *Тумайкина В. В.* Вопрос о китайских эмигрантах, пришедших на территорию Семиречья во второй половине XIX в. // *Известия Алтайского государственного университета.* 2008. № 4–5. С. 214–218.
- Хамитова 2008 — *Хамитова А. К.* Қазақ даласындағы орыс православие шіркеуінің миссионерлік әрекеттері (= Миссионерская деятельность Русской православной церкви в казахской степи) // *Семей мемлекеттік педагогикалық институтының хабаршысы.* 2008. № 1. Б. 122–127.

References

- Abzhalov S. Christian mission: Its shaping and development features. *Sayasat.* 2005. No. 4. Pp. 40–50. (In Russ.)
- Batyrkhanov G. K. Imperial Russia's Missionary Policy in Kazakhstan, Mid-19th to Early 20th Centuries. Almaty: Gylym, 1999. 176 p. (In Russ.)
- Khamitova A. K. Missionary activities of the Russian Orthodox Church in Kazakh Steppe. *Semey memlekettik pedagogikalıq institutynyñ xabarshysy.* 2008. No. 1. Pp. 122–127. (In Kaz.)

- Krasovitskaya T. Yu. Islamic intellectuals in the estimation of Orthodox Christian missionaries based in Kazan and Turkestan. *Bulletin of the Korkyt Ata Kyzylorda University.* 2014. No. 1 (42). Pp. 120–126. (In Russ.)
- Lysenko Yu. A. Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan, Mid-19th to Early 20th Centuries. Barnaul: Altai State University, 2010. 195 p. (In Russ.)
- Missionary Collection of Articles and Notes on Kalmyk and Kirghiz Nomads of Astrakhan Region. In 2 parts. Part 1. Astrakhan: Orthodox

- Missionary Society (Astrakhan Committee), 1910. 260 p. (In Russ.)
- Oramakh Zh. Bukey Horde: Muslim educational system and [Christian] missionary policy. *Qazaq tarixi*. 2017. No. 3. Pp. 15–17. (In Kaz.)
- Ostroumov N. P. Chinese Emigrants in Semirechye Oblast of Russian Turkestan and Dissemination of Orthodox Christianity among Them. Kazan: Kazan Imperial University, 1879. 116 p. (In Russ.)
- Razdykova A. Tsarist missionary activities: A perspective from toponymy. *Qazaqstan zhogary mektebi*. 2011. No. 1. Pp. 160–163. (In Russ.)
- Sadvokasova Z. T. Orthodox missionary institutions in Kazakhstan (XIX – early XX centuries). *Ivanovo State University Bulletin. Series 'The Humanities'*. 2021. No. 3. Pp. 71–79. (In Russ.)
- Tumaikina V. V. The problem of Chinese emigrants coming to Semirechie in the second part of the 19th century. *Izvestiya of Altai State University*. 2008. No. 4–5. Pp. 214–218. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 673–681, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (47-57) 1917/1991

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-673-681

Ставропольские шереты в контексте советской национальной политики в 1920–1930-е гг.

Антон Викторович Аверьянов¹

¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент

 0000-0001-7140-5601. E-mail: avaveryanov@sfedu.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Аверьянов А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Одним из важнейших направлений национальной политики в Советском государстве в 1920–1930-е гг. было конструирование советских наций на базе различных этнических групп. Наибольшую трудность вызывала идентификация малочисленных дисперсных этнических сообществ, находящихся в этнокультурном «приграничье». Одним из таких сообществ на Ставрополье были шереты как результат исторического синтеза калмыцкой и туркменской культур и этнического пространства. *Цель* статьи — анализ государственной политики в отношении шеретов и научное осмысление их феномена в советский период. Исследование проведено на основе архивных *материалов* из Государственного архива Российской Федерации, а также других архивных документов и опубликованных источников. *Результаты.* Выявлены основные подходы к изучению шеретов в дореволюционный и советский период. Показано, что за основу идентификации шеретов русскими этнографами и чиновниками брался преимущественно религиозный фактор, что позволяло отнести ставропольских шеретов к туркменам. Советский подход базировался на примате примордиализма и первенстве этнического происхождения, провозглашая шеретов неотъемлемой частью калмыцкого народа. Установлены основные направления и механизмы работы среди шеретов на районном, краевом и республиканском уровне по их обустройству и переселению в родной аул Кучерли Туркменского района. Доказано, что шереты, несмотря на малочисленность, сохраняли собственную идентичность, замешанную на родовой основе. Отмечено, что свертывание политики коренизации в 1930-е гг. повлекло за собой ускорение ассимиляционных процессов шеретов в туркменской среде.

Ключевые слова: национальная политика, Советское государство, калмыки, туркмены, ногайцы, шереты, Ставрополье, Туркменский район, Северо-Кавказский край

Для цитирования: Аверьянов А. В. Ставропольские шереты в контексте советской национальной политики в 1920–1930-е гг. // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 673–681. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-673-681

Stavropol Sherets in the Context of Soviet Nationalities Policy, 1920s–1930s

Anton V. Averyanov¹

¹ Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-7140-5601. E-mail: avaveryanov@sfedu.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Averyanov A. V., 2022

Abstract. *Introduction.* In the 1920s and 1930s, one of the most important directions of Soviet nationalities policy was the building of Soviet nations on the basis of various ethnic groups. Utmost difficulties were to be faced when it came to identify small dispersed ethnic communities located in ethnocultural ‘borderlands’. In Stavropol Region, one such community were Sherets to have emerged as a result of historical synthesis of Kalmyk and Turkmen cultures and ethnic environments. *Goals.* The article seeks to analyze government policies towards Sherets and attempts a scientific understanding of their phenomenon in the Soviet era. *Materials.* The study examines archival documents housed by the State Archive of the Russian Federation, as well as other archival papers and published sources. *Results.* The work delineates main approaches to the study of Sherets in the prerevolutionary and Soviet periods. It shows that religion was chosen as a key identification factor for the group by Russian ethnographers and officials, which made it logical enough to cluster Stavropol Sherets with Turkmens. However, the Soviet approach rested on the primacy of primordialism and actual ethnic origins, and proclaimed Sherets an integral part of the Kalmyk people. The paper reveals main directions and mechanisms of work among Sherets at municipal, regional, and republican levels aimed at their rehabilitation and relocation to the native village of Kucherli in Turkmensky District. It is proved that Sherets — despite small numbers — sought to retain their identity based on clan system. The 1930s curtailment of the *korenization* policy resulted in accelerated assimilation of Sherets into the Turkmen population.

Keywords: nationalities policy, Soviet government, Kalmyks, Turkmens, Nogais, Sherets, Stavropol region, Turkmensky District, North Caucasus Krai

For citation: Averyanov A. V. Stavropol Sherets in the Context of Soviet Nationalities Policy, 1920s–1930s. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 673–681. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-673-681

Введение

Ключевым направлением национальной политики Советского государства в 1920–1930-е гг. являлось национальное строительство, важнейшим механизмом которого выступало административно-территориальное обустройство этнических меньшинств в формате национальных автономий. Характерной особенностью Юга России была не только традиционная полиэтничность региона, но и этническая чересполосица, дисперсный характер расселения этнических сообществ, а также этнокультурное «пограничье». Данные обстоятельства затрудняли процесс нациестроительства и

территориальной консолидации национальных меньшинств. Одним из ярких примеров представляется сообщество шеретов, которое проживало на Ставрополье и находилось на стыке туркменского и калмыцкого этнокультурного пространства, что явилось результатом 250-летнего активного взаимодействия двух народов. До сих пор остается открытым вопрос об этнической принадлежности шеретов: были ли они еще калмыками или уже туркменами? Являлись ли самостоятельной этнической группой? Наконец, что думали по этому поводу сами шереты и какова была их форма репрезентации?

Обзор литературы

Изучение феномена шеретов, проживавших на территории современного Туркменского района Ставропольского края, нашло отражение в работах ряда дореволюционных, советских и современных исследователей. Однако изучение их истории ограничивается главным образом временным отрезком до 1917 г. Крупной работой, где представлены сведения о хозяйственном, общественном, бытовом устройстве, культуре ставропольских туркмен, а также шеретов, является исследование известного дореволюционного этнографа А. А. Володина [Володин 1908].

Анализ генезиса и развития сообщества шеретов с XVIII до начала XX в. в своих статьях («О расселении шеретов, томутов, чувских и белявских калмыков») [Борисенко 1983] и диссертации («Население и территория Калмыкии в XVIII в. – октябрь 1917 г.») [Борисенко 1984] представил советский исследователь И. В. Борисенко.

Большое значение имеют работы известного дореволюционного и советского историка, основоположника калмыковедения Н. Н. Пальмова, на которые опирался И. В. Борисенко [Пальмов 2007].

Некоторые данные о родовой структуре, расселении, этногенезе шеретов содержатся в трудах А. В. Курбанова [Курбанов 1995].

Имеющиеся исследования, посвященные изучению феномена шеретов, затрагивают главным образом дореволюционный период и дают разные ответы на вопрос об их этнической принадлежности. В то же время советский опыт национальной политики по отношению к «калмыкам-мусульманам» до сих пор остается неизученным. Целью настоящей статьи является сравнительный анализ двух подходов государственной политики и научного осмысления феномена шеретов в советский период.

Исторические источники

В качестве материала исследования выступили документы государственных архивных учреждений, в том числе Государственного архива Российской Федерации [ГА РФ. Ф. Р-1235], Государственного архива Ставропольского края [ГА СК. Ф. Р-397] и Центра документации новейшей истории Ростовской области [ЦДНИ РО. Ф. 7].

В первую очередь необходимо отметить материалы ГА РФ, входящие в состав дела № 77 фонда № 1235 (Всероссийский Центральный Исполнительный комитет (ВЦИК) РСФСР), в том числе переписку Отдела Национальностей ВЦИК, Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета (крайисполкома) ВКП(б) и Туркменского райкома ВКП(б) по вопросу обустройства шеретов. Большую ценность представляет письмо в адрес ВЦИК и Северо-Кавказского крайисполкома известного калмыцкого общественно-политического деятеля, поэта и писателя Лиджи Карвина (Карвенова), лично участвовавшего в решении вопроса о предоставлении шеретам хозяйственной помощи, разработке рекомендации по их обустройству [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 14–15].

Особый интерес вызвало письмо представителя шеретов — жителя аула Куликовы-Копани, адресованное Лиджи Карвину, с ходатайством о предоставлении материальной помощи и переселении в родной аул Кучерли. Помимо прочего, анализ этого письма позволяет установить форму репрезентации шеретов: то, как они сами себя идентифицировали безотносительно мнения ученых-этнографов, историков и чиновников.

В архивных делах ЦДНИ РО и ГА СК (переписка и материалы заседаний партийных и советских органов, справочная и отчетная документация) содержатся сведения о состоянии дел в хозяйственной, общественной, культурно-бытовой области туркмен Ставрополья, а также о создании и функционировании Туркменского района, где проживала значительная часть шеретов.

Статистическая информация об этническом составе населенных пунктов Туркменского района, где проживали шереты, содержится в сборнике, изданном по итогам переписи населения 1926 г. [Поселенные итоги 1929].

Генезис и развитие сообщества шеретов в дореволюционный период

История зарождения сообщества будущих шеретов берет свое начало в первой трети XVIII в. Н. Н. Пальмов отмечал, что в 1731 г. значительная часть калмыков под предводительством хана Дондук-Омбо перекочевала на Кубань. Вскоре из-за тяже-

лого положения с продовольствием они вынуждены были забить весь скот и в 1735 г. стали возвращаться в калмыцкие степи [Пальмов 2007: 207–208].

Однако еще в 1733 г. 120 кибиток калмыков из Четерева улуса ушли в турецкий Азов, а через некоторое время переселились в Крым под покровительство крымского хана и турецкого султана, приняв турецкое подданство и ислам [Пальмов 2007: 208].

В. М. Викторин отмечает, что одна из калмыцко-дербетовских групп была в 20-х гг. XVIII в. захвачена крымскими татарами и уведена вглубь Крымского полуострова, обращена там в мусульманство [Викторин 1997: 55].

А. В. Курбанов признает дискуссионный характер происхождения шеретов. Согласно преданию, калмыцкий хан Абушин вступил в брак с богатой туркменкой, принял мусульманскую веру, обратив в ислам свой народ. В результате последовавших за этим смешанных браков между туркменами и калмыками-мусульманами, их потомки первоначально поселились на озере Маныч около горы Шеред, а затем переселились в район балки Кучерли. Жившие здесь ногайцы стали активно смешиваться с представителями калмыцко-туркменских семей, образовав в конечном итоге сообщество кызыларов (кызыларов), которые совместно с туркменами образовали аул Шерет (или Кучерла) [Курбанов 1995: 41].

Согласно одной из версий, «казлар» происходило от слова «хаджи». Ногайцы и туркмены называли шеретов «казлар» [Викторин 1997: 55].

А. В. Курбанов указывает, что шереты являлись одним из десяти родовых подразделений кызылар наряду с байян, батаул, бурул, дархудут, сагылмат, тебет, тёркмет, харнаул, чонус [Курбанов 1995: 37]. Сохранив свою идентичность шереты, по-видимому, распространили самоназвание на остальных представителей смешанных калмыцко-туркменско-ногайских семей и их потомков.

Так или иначе все исследователи признают, что после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. шереты переселились в калмыцкие земли Дербетовского улуса. Н. Н. Пальмов отмечает, что после вхождения Крыма в состав России А. В. Суворов разрешил им вернуться в Дербет, которым в то время

управлял Ценден Дорджи. В 1788 г. калмыки-мусульмане откочевали из Дербета на реку Куму, однако через двенадцать лет вернулись обратно, впрочем, ненадолго. По данным Н. Н. Пальмова в этот период среди шеретов не было единства по поводу их дальнейшего устройства, поскольку большая часть из них хотела присоединиться к мусульманам, а около 30 кибиток изъявили желание остаться среди калмыков Дербетовского улуса. В 1819 г. генерал А. П. Еромолов отказал в ходатайстве о прикреплении калмыков-мусульман к обществу эмбруловских (джембойлуковских) татар (одна из этнических групп ногайцев. — А. А.), признавая власть над ними дербетовской нойона Эрдени Тундутова [Пальмов 2007: 212].

После многолетних тяжб в 1837 г. из министерства внутренних дел астраханскому военному губернатору был отправлен отзыв управлявшего Грузией генерал-аншефа барона Розена, где говорилось, что шеретовцы «кроме религии, отвыкли уже от кочевой жизни, живут оседло и занимаются хлебопашеством», почему «обратить их опять в калмыцкие улусы значило бы расстроить совершенно хозяйство и подорвать их благосостояние» [Пальмов 2007: 212].

Только в 1846 г. вопрос о дальнейшей судьбе шеретов был разрешен окончательно. Согласно их волеизъявлению, они были причислены к кавказским мусульманам [Борисенко 1984: 161]. С этого момента «шереты стали пользоваться землями калаус-саблинских и бештаво-кумских ногайцев», занимая пространство от Пятигорья до верховий Калауса. Через некоторое время часть шеретов была причислена к туркменам на территории Туркменского приставства, где в верховьях речки Кучерли в 1863 г. они основали аул с одноименным названием [Борисенко 1984: 162]. В нем значилось 98 домов и проживало 312 мужчин и 317 женщин [Володин 1908: 26].

За годы совместной жизни туркмен и шеретов произошло глубокое взаимопроникновение культур, в том числе на бытовом уровне. Дореволюционный исследователь А. А. Володин так описывал жизнь и быт жителей Кучерли в начале XX в.: «Население аула Кучерли составляют кызыларские татары. Кызыларцы считают себя потомками калмыков Астраханской губернии

Малодербетовского аула Шеретова рода, бежавших в Турцию. В Турции они приняли магометанство. В ознаменование последнего турецкое правительство назвало их „кызыларцами“, т. е. „ангельским“ народом. Из Турции кызыларцы возвратились в Россию и причислились к Калаусо-Джембойлуковскому приставству, и по уходе калауских ногаев в Турцию присоединились в 1866 г. к трухменам. В настоящее время кызыларцы совершенно ассимилировались трухменами, только язык их содержит особый акцент трухменского наречия; костюм, обычаи совершенно одинаковы с трухменами» [Володин 1908: 27–28].

В свою очередь туркмены переняли у калмыков некоторые элементы кухни и культуры питания. Обязательным в рационе питания у туркмен был калмыцкий чай, который представлял не только питательную пищу, употребляемую по три-четыре раза в день, но и лекарственное средство от многих болезней [Володин 1908: 39–40].

Общие модели социального поведения туркмен и шеретов прослеживались и на демографическом уровне, что проявлялось в сокращении их численности из-за болезней, эпидемий, неурожаев, отсутствия медицинского обслуживания [ГА СК. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 1064. Л. 34, 49].

По данным А. В. Курбанова, количество ставропольских туркмен упало с 15 356 человек в 1907 г. до 8 311 в 1920 г. и до 4 999 человек по переписи 1926 г. [Курбанов 1995: 66–67]. По другим данным, с 16 000 человек в 1901 г. до 11 653 человек в 1926 г. [Брусина 2008: 4].

Снижение численности населения наблюдалось и у шеретов. По сравнению с 1873 г. к 1905 г. численность кучерлинцев сократилась с 638 до 529 человек и продолжала снижаться [Борисенко 1984: 163].

В 1925 г. в ауле Кучерли насчитывалось 535 человек, но, по всей видимости, кроме шеретов здесь проживали и туркмены [Курбанов 1995: 66].

Ситуация ухудшалась вследствие массовой миграции туркмен с территории Ставрополя в Дагестан к единоверным ногайцам — из-за дефицита земли, усугублявшегося стихийным переселением русских крестьян на эти земли [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 655. Л. 21].

Опыт советской национальной политики в отношении шеретов: калмыки или туркмены?

Туркменский район на Ставрополье, созданный в 1920 г. и наделенный спустя пять лет статусом национального, был одним из первых национальных районов в Северо-Кавказском крае. Его создание имело целью концентрацию туркменского населения, хозяйственное, общественное и культурное обустройство туркмен и прекращение их оттока в Дагестан в условиях голода начала 1920-х гг. и его последствий. Помощь, оказывавшаяся Туркменскому району, включала в себя бюджетные ассигнования и долгосрочные ссуды на поддержку хозяйств, закупку скота, кооперирование бедноты, а также строительство школ, больниц, ветеринарных пунктов. В 1923 г. туркмены были освобождены на пять лет от всех налогов [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 655. Л. 22].

Последствия Гражданской войны в России, прежде всего голода 1921–1922 гг., кардинальным образом повлияли на привычную жизнь шеретов, став причиной их массовой миграции из мест проживания, прежде всего аула Кучерли, куда стали переселяться русские крестьяне. В условиях голода кучерлинцы были вынуждены распродать свое имущество и расселяться по территории всего края, главным образом в населенных пунктах Туркменского района: Куликовы-Копани и Шарахалсун [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3].

По данным переписи 1926 г. в ауле Кучерли и Кучерлинском сельсовете проживали только русские и украинцы [Поселенные итоги 1926: 276]. Всего в Туркменском районе в этот период проживало 5,4 тыс. туркмен и татар [Поселенные итоги 1926: 275–277].

В конце 1920-х гг. в рамках коренизации стала проводиться политика концентрации туркменского населения возле административного центра района — Летней Ставки, в результате чего русские крестьяне были выселены из Кучерли, а на их место стали заселяться туркмены [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3].

Учитывая калмыцкое происхождение шеретов, крайисполком планировал организовать плановое переселение бывших кучерлинцев на территорию Калмыцкого на-

ционального района Сальского округа, где исторически компактно проживали донские калмыки [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3].

Данный подход соответствовал логике советской национальной политики 1920–1930-х гг., базировавшейся на приоритете этничности, в рамках стратегии по конструированию социалистических наций, которые воспринимались в качестве высшей стадии развития этнических сообществ. Шереты рассматривались как этническая группа калмыцкого народа, которая должна была стать частью калмыцкой советской нации.

Несмотря на культурную и языковую общность шеретов с туркменами, первые сохраняли собственную идентичность, претендуя на возвращение в Кучерли и компактное расселение. Большой резонанс в 1929 г. вызвало письмо бывшего жителя аула Кучерли Мазая Нурмаева, проживавшего в ауле Кулики Туркменского района, адресованное выдающемуся калмыцкому общественному и политическому деятелю, писателю и поэту Лиджи Карвину (Карвенову). В своем письме М. Нурмаев, обрисовав тяжелое экономическое положение шеретовцев, обратился с просьбой оказать содействие в переселении в аул Кучерли и в организации экономической помощи с целью восстановления хозяйства [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 16]. Примечательно, что М. Нурмаев в письме вызывает к «кровным чувствам» Л. Карвина, обращаясь к нему «сородич», апеллируя к общему калмыцкому происхождению.

В мае 1928 г. Л. Карвин посетил аул Куликовы-Копани, ознакомившись с положением жителей, где, по его сведениям, проживало порядка 120–150 шеретов. Имея большие связи в республиканских и союзных органах власти, будучи одним из создателей Калмыцкой автономной области, Л. Карвин ставил целью объединение всех групп калмыков путем их добровольного переселения с Дона, Урала, Ставрополя, Терека в Калмыцкую автономную область. Немаловажно, что Л. Карвин был земляком кучерлинцев, уроженцем Малодербетовского улуса, откуда исторически вышли шереты.

В письме Отделу Национальностей ВЦИК и Северо-Кавказскому крайисполко-

му Л. Карвин предлагал организовать переселение «калмыков-магометан» «на территорию Малодербетовского улуса Калмыцкой АО» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 15].

Помимо этого Л. Карвин ходатайствовал о выделении «калмыков-магометан Туркменского района в особую нацгруппу и о командировании к ним для политпросветработы калмыка-партийца» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 15].

В числе прочих мер предлагалось после выселения «кулаков-русских» передать аул Кучерли «калмыкам-магометанам», а также в «виду материальной необеспеченности калмыков-магометан Туркменского района, в целях предотвращения их вымирания... оказать солидную материальную помощь путем создания среди них крупного животноводческого коллектива, с отпуском на это дело 100–200 тыс. рублей» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 15].

Шереты отвергали все планы переселения в Калмыцкую автономную область или Калмыцкий район Сальского округа, мотивируя свое решение незнанием калмыцкого языка и обычаев [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3].

Они рассчитывали вернуться в родной аул, однако при этом тяготились возможностью растворения в туркменской среде, выступая против массового заселения Кучерли туркменами, которое, по словам шеретов, намеренно осуществлялось руководством Туркменского района. В частности, М. Нурмаев отмечал, что «наше положение не улучшилось и наше ходатайство о водворении расплывшихся по аулам Туркрайона бывших коренных жителей аула Кучерли (Шерет) до сих пор остается без надлежащего разрешения несмотря на то, что русское население, заселившееся в период голода, уходит... а на их место РИК предполагает переселить туркмен...» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 16].

В ответ на запрос Северо-Кавказского крайисполкома от 12 ноября 1929 г. исполком Туркменского района сообщал Краевой комиссии по делам национальных меньшинств (Крайнацменкомиссия), что «калмыки-магометане» практически ничем не отличаются от проживавшего в районе туркменского населения и специальных мер по обслуживанию их интересов пред-

принимать нецелесообразно. В частности, утверждалось, что «ныне проживающие в Туркменском районе так называемые «калмыки-магометане», находясь более сотни лет среди туркменского населения, совершенно изменили свой быт и условия жизни, у них даже в данный момент не имеется калмыцкого облика — физиономии» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 5].

Кроме того, отмечалось, что тяжелые социально-экономические условия в Туркменском районе были характерны для всех групп населения, в том числе туркмен и татар, и что за последний период «в связи с мероприятиями правительства, направленными на улучшение культурно-экономического положения туркменского народа, процент вымирания уже сократился, ежегодно мы имеем прирост населения и у «калмыков-магометан»» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 5].

Оказываемая экономическая помощь, указывалось в отчете, в том числе 5-летний план развития Туркменского района, принятый в 1928 г., в полной мере учитывал интересы и запросы калмыцкого населения района. Переселение туркмен в аул Кучерлы увязывалось с «мероприятиями по концентрации туркменских аулов вокруг райцентра...». В данной связи проживание калмыков-мусульман в ауле Куликовы-Копани, где имелись необходимые хозяйственные и жилые постройки, признавалось оправданным. Резюмируя свой отчет краевой Нацменкомиссии, Туркменский РИК заверял, что выделение «в специальную нацменгруппу указанной группы так называемых калмыков... считает совершенно нецелесообразным» так же, как и командирование для обслуживания их интересов «партийца-калмыка», поскольку калмыки, проживавшие в Туркменском районе, разговаривают исключительно на туркменском языке и одинаково обслуживаются наряду с остальным населением. Кроме того, в составе райисполкома имелись выходцы из среды калмыков-мусульман в статусе районных ответственных работников [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 6].

История получила свое продолжение на краевом и республиканском уровне. Крайисполком запланировал провести обследование положения калмыков Туркменского

района с последующим принятием решения об их будущем устройстве. Первоначальные сроки «изучения дел в районе» были передвинуты на весну 1930 г. в связи с проведением посевных работ и нехваткой кадров в силу «текущих политических и хозяйственных кампаний», т. е. коллективизации [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 4].

9 июня 1930 г. Северо-Кавказский крайисполком на запрос Отдела национальностей ВЦИК сообщил о результатах обследования, которым руководил инструктор крайисполкома Янц. Помимо указанных религиозных, культурных и языковых особенностей калмыков Туркменского района, отмечалось их категорическое нежелание переселяться на территорию Калмыцкой автономной области и Калмыцкого района Сальского округа и намерение «устроиться обратно в ауле Кучерлы и получить обратно оставленные там земли и дома» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3–3а].

4 июля 1930 г. на заседании Президиума Северо-Кавказского крайисполкома было принято решение об удовлетворении ходатайства калмыков Туркменского района и разрешении «вернуться обратно в хутор Кучерлы, поручив Туркменскому РИКу (райисполкому. — А. А.) обеспечить им безвозмездный возврат их построек, оставленных ими во время голодных годов» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 1].

О данном решении крайисполкома был уведомлен Отдел национальностей ВЦИК, что должно было запустить процесс переселения шеретов на места прежнего проживания.

В 1930-е гг. по мере снижения темпов и свертывания политики коренизации шереты перестали выделяться в самостоятельную группу, смешавшись с местным туркменским населением. На основе данных полевых исследований В. М. Викторина, датированных 1991 г., «память о «присоединившихся к туркменам калмыкам» жила у старожилов до самого последнего времени» [Викторин 1997: 55].

Уже к 1990-м гг. село Кучерла (Шерет) по своему этническому составу было русским. Кызылары и туркмены ушли из него в 1920-х гг., переселившись в ближайшие аулы и села Куликовы-Копани и Шарахалсун, где смешались с их туркменским, та-

тарским и русским населением [Курбанов 1995: 42].

Проблема идентификации шеретов: разница в подходах

Сложности, связанные с идентификацией шеретов, находившихся на стыке туркменского и калмыцкого этносов, обуславливали непоследовательность и противоречивость государственной политики по отношению к ним. В исторических источниках и научной литературе встречается большое количество наименований калмыков-мусульман (калмыков-магометан), в том числе кызылары (хизляры, хазлар), шереты, калмыки-шереты, шеретовские татары, кызыларские татары, калмыко-ногайцы и т. д.

В ряде случаев их называли трухменами (туркменами) аула Кучерли, т. е. фактически не делали разницы между ними и местным туркменским населением. А. А. Володин, будучи представителем дореволюционной этнографической школы, отдававший приоритет религиозной традиции над этнической, относил калмыков-мусульман к числу «кызыларских татар», которые проживали в ауле Кучерли Туркменского приставства Ставропольской губернии. В письмах Н. Н. Пальмова со ссылкой на царских чиновников они именуются «шеретовскими татарами», что в конечном итоге обуславливало их привязку к мусульманскому населению [Пальмов 2007: 213].

Советский подход исходил главным образом из этнического происхождения шеретов, в результате чего за основу бралось калмыцкое происхождение, что объясняло попытки их расселения среди калмыков. Н. Н. Пальмов в своих письмах называл их шеретами, калмыками-шеретами или просто калмыками [Пальмов 2007: 206–213].

И. В. Борисенко как представитель советской этнографической и исторической традиции брал за основу этническое калмыцкое происхождение шеретов, относив их к группе ставропольских калмыков [Борисенко 1984: 164].

Различные группы шеретов кочевали не только с калмыками и туркменами, но и ногайцами. С. Ш. Гаджиева отмечала, что «хазлары» являлись этническим подразделением ногайцев. Нередко их называли «шереты» по имени калмыцкого племени, с которым, очевидно, они имели этнические связи. Они кочевали вместе с джембойлу-

ковцами и со временем смешались с ними [Гаджиева 1976: 9].

Несмотря на приверженность к исламу и принадлежность в бытовом отношении к туркменской культуре, шереты продолжали сохранять свою идентичность, отделяя себя от туркменского населения. В письме к Л. Карвину они именовали себя шеретовцами, бывшими жителями аула Кучерли (Шерет), подчеркивая первичность родового и географического фактора как основы своей репрезентации. Сохранение родовой структуры позволяло шеретам длительное время не ассимилироваться в туркменской среде, воспроизводя свою локальную идентичность.

Выводы

Ставропольские шереты представляются, с одной стороны, уникальным результатом взаимодействия и взаимопроникновения культур народов разного этнического происхождения — калмыков, туркмен и ногайцев, с другой стороны — вполне типичным явлением, характерным для регионов, находящихся на стыке этнокультурного пограничья. Ставропольские шереты имели многоуровневую идентичность, которая включала в себя этнический, религиозный, географический и родовой компоненты. Приоритеты репрезентации изменялись в зависимости от текущей общественной, политической и экономической обстановки. Во внешней среде они ассоциировали себя с мусульманами, в данном случае с туркменами; во внутритуркменской среде превалировала родовая составляющая (шереты).

Государственная политика по отношению к шеретам менялась в зависимости от текущих политических и хозяйственных задач. С середины XIX в. шереты были причислены к ставропольским туркменам, среди которых проживали. Значительная часть шеретов активно контактировала с другими этносами, в том числе ногайцами, в результате чего растворилась среди них.

Советская национальная политика в 1920–1930-е гг. строилась на примате этнического фактора над религиозным, что обуславливало попытки интеграции сохранявших идентичность шеретов в калмыцкую этническую среду. Ставропольские шереты рассматривались советскими историками и этнографами как составная часть калмыц-

кого народа. Глубокая степень их культурной интеграции в туркменское сообщество, а также свертывание политики коренизации

в 1930-е гг., предопределили их дальнейшее проживание в Туркменском районе и постепенную ассимиляцию.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
 ГА СК — Государственный архив Ставропольского края.
 Поселенные итоги 1929 — Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д: Гостип. им. Коминтерна Севкавказполиграфтреста, 1929. 468 с.
 ЦДНИ РО — Центр документации новейшей истории Ростовской области.

Литература

- Борисенко 1984 — *Борисенко И. В.* Население и территория Калмыкии в XVIII в. — октябрь 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984. 224 с.
 Борисенко 1983 — *Борисенко И. В.* О расселении шеретов, томутов, чугуевских и беляевских калмыков // *Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии: сб. ст.* Элиста: КалмНИИИФЭ, 1983. С. 44–59.
 Брусина 2008 — *Брусина Н. И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* Вып. 202. М.: ИЭА РАН, 2008. 42 с.
 Викторин 1997 — *Викторин В. М.* Этноконфессиональные связи тюркских народов с калмыками в Нижнем Поволжье и Предкавказье // *Языки, духовная культура и история*

References

- Borisenko I. V. Population and Territory of Kalmykia: From the 18th Century to October 1917. Cand. Sc. (history) thesis. Moscow, 1984. 224 p. (In Russ.)
 Borisenko I. V. Whereabouts of Sherets, Tomuts, Chuguev and Belyaev Kalmyks. In: *Social System and Sociopolitical Development of Prerevolutionary Kalmykia. Collected papers.* Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 44–59. (In Russ.)
 Brusina N. I. Stavropol Turkmens: Ethnocultural Evolution, Social Customs, Adaptation and Integration Processes. Ser. 'Studies in Applied and Emergency Ethnology'. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2008. Vol. 202. 42 p. (In Russ.)
 Gadzhieva S. Sh. Nogay Material Culture, 19th – Early 20th Centuries. Moscow: Nauka, 1976. 226 p. (In Russ.)

Sources

- [Soviet] Census of 1926. North Caucasus Krai: Per-Settlement Numbers. Rostov-on-Don: North Caucasus Polygraphic Trust, 1929. 468 p. (In Russ.)
 Contemporary History Documentation Center of Rostov Oblast.
 State Archive of Stavropol Krai.
 State Archive of the Russian Federation.

- турков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3 т. (г. Казань, 9–13 июня, 1992 г.) / редкол.: М. Х. Хасанов (пред.), Э. Р. Тенишев, М. З. Закиев и др. Т. 3. М.: Инсан, 1997. С. 54–56.
 Володин 1908 — *Володин А. А.* Трухменская степь и трухмены // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Вып. 38. Тифлис: Управл. Кавказск. уч. округа, 1908. С. 1–98.
 Гаджиева 1976 — *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976. 226 с.
 Курбанов 1995 — *Курбанов А. В.* Ставропольские туркмены: историко-этнографический очерк. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 240 с.
 Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
 Kurbanov A. V. Stavropol Turkmens: A Historical/Ethnographic Essay. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1995. 240 p. (In Russ.)
 Palmov N. N. Kalmyk People within Russia's Borders: [Collected] Historical Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
 Viktorin V. M. Ethnoconfessional ties between Turkic populations and Kalmyks in the Lower Volga and North Caucasus. In: Khasanov M. Kh. (ed.) *Languages, Spiritual Culture and History of Turks: Traditions and Contemporaneity. Conference proceedings.* (Kazan, 9–13 June 1992). In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Insan, 1997. Pp. 54–56. (In Russ.)
 Volodin A. A. Trukhmen steppe and trukhmens. In: *Collected Materials Describing Territories and Tribes of the Caucasus.* Tiflis: Office of Caucasus Educational District, 1908. Vol. 38. Pp. 1–98. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 682–698, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 911 (470.46) “1932-1950”
DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-682-698

Влияние географических факторов на территориально-организационную структуру и хозяйственную деятельность Прорвинского (Астраханского) исправительно-трудового лагеря (1932–1950)

Улжан Толегенкызы Ахметова¹, Эдуард Жусупович Имашев²,
Абилсейит Капизулы Муктар³

¹ Атырауский университет им. Х. Досмухамедова (д. 1, пр. Студенческий, 060011 Атырау, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, ассоциированный профессор
 0000-0001-9900-2214. E-mail: ulzhan.a67@mail.ru

² Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова (д. 162, пр. Н. Назарбаева, 090000 Уральск, Республика Казахстан)
PhD (Geography of Science), директор департамента
 0000-0001-8120-0618. E-mail: eduard.imashev@gmail.com

³ Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык» (д. 11, ул. К. Мырзагали, 060707 Сарайшык, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор, директор
 0000-0002-7177-0710. E-mail: muktar64@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ахметова У. Т., Имашев Э. Ж., Муктар А. К., 2022

Аннотация. Введение. Одним из важных факторов формирования системы исправительно-трудовых лагерей выступал географический фактор, так как географические аспекты территориальной организации лагерей определяли особенности и вектор хозяйственного освоения природно-сырьевых ресурсов, строительства и развития инфраструктуры огромной территории СССР (в том числе на территории Казахской ССР). В этом аспекте представляет интерес изучение опыта Прорвинского (Астраханского) исправительно-трудового лагеря. *Цель исследования* — оценка влияния географических факторов на формирование и функционирование территориально-организационной структуры и развитие хозяйственной деятельности Прорвинского (Астраханского) исправительно-трудового лагеря в 1932–1950 гг. Работа выполнена на основе изучения материалов Государственного архива Российской Федерации, архива Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Астраханской

области; экспедиционных историко-географических исследований на территории Мангистауской, Атырауской областей Казахстана в июле 2021 г.; географических карт. При проведении научно-исследовательских работ были использованы общенаучные (анализ, синтез, математический, описательный), географические (сравнительно-географический, картографический, физико-географический и экономико-географический анализ, экспедиционный, территориально-системный, факторный) и исторические (ретроспективный, сравнительный, структурный) *методы. Результаты.* Проведен анализ географического положения 6 пунктов и выявлена территориально-организационная структура лагеря, охватывающая северную и северо-восточную части прибрежной территории и акватории Каспийского моря, дана оценка физико-географическим условиям организации хозяйства лагеря. Физико-географические условия предопределили наличие богатых биологических ресурсов в северной и северо-восточной части Каспийского моря. В целом физико-географические компоненты природной среды территории размещения лагеря характеризовались неблагоприятными условиями (засушливый климат, неплодородный почвенный покров, скудная растительность) для товарного развития отраслей сельского хозяйства. Изучение экономико-географических факторов организации хозяйства показали разный уровень экономического потенциала пунктов лагеря. Влияние географических факторов на хозяйственную деятельность способствовало на формирование и функционирование такой территориально-организационной структуры лагеря, направленную на обеспечение, прежде всего, эффективной организации рыбопромыслового хозяйства. Сделан *вывод*, что важную роль в создании и функционировании территориально-организационной структуры и хозяйственной деятельности лагеря сыграли географические факторы, на основе учета которых осуществлялось развитие в первую очередь рыбного хозяйства в северной и северо-восточных частях Каспийского моря. Кроме этого, на территории размещения лагеря получили развитие сельскохозяйственное производство и строительство, имевших второстепенную роль в хозяйственной деятельности из-за неблагоприятных условий.

Ключевые слова: Прорвинский (Астраханский) исправительно-трудовой лагерь, географические факторы, территориально-организационная структура, Каспийское море, хозяйственная деятельность, пункт (отделение), условия

Благодарность. Работа выполнена в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (проект «Прорвинский и Астраханский лагеря в системе ГУЛАГа (1932–1950 гг.): история, память, уроки», грант № AP08856940).

Для цитирования: Ахметова У. Т., Имашев Э. Ж., Муктар А. К. Влияние географических факторов на территориально-организационную структуру и хозяйственную деятельность Прорвинского (Астраханского) исправительно-трудового лагеря (1932–1950) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 682–698. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-682-698

Prorva (Astrakhan) Correctional Labor Camp, 1932–1950: Impacts of Geographical Factors on Its Territorial Organizational Structure and Economic Activity Assessed

Ulzhan T. Akhmetova¹, Eduard Zh. Imashev², Abilseiit K. Muktar³

¹ Dosmukhamedov Atyrau University (1, Studenchesky Ave., 060011 Atyrau, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-9900-2214. E-mail: ulzhan.a67@mail.ru

² Mahambet Otemiusly West Kazakhstan University (162, Nazarbayev Ave., 090000 Oral, Republic of Kazakhstan)

PhD (Geography of Science), Director of Department

 0000-0001-8120-0618. E-mail: eduard.imashev@gmail.com

³ State Historical and Cultural Museum-Reserve “Saraishyq” (11, Myrzagali St., 060707 Sarayshyq, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Director

 0000-0002-7177-0710. E-mail: muktar64@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Akhmetova U. T., Imashev E. Zh., Muktar A. K., 2022

Abstract. *Introduction.* Since vectors of natural resources, construction and infrastructure development across the vast Soviet territories (including that of the Kazakh SSR) were determined by geographical aspects of correctional labor camps' territorial organization, it was the geographical factor that proved crucial to the shaping of camps system proper. So, an insight into experiences of the Prorva (Astrakhan) Correctional Labor Camp is of certain interest. *Goals.* The study aims at assessing impacts of geographical factors on the shaping and functioning of the mentioned labor camp's territorial organizational structure and economic activity between 1932 and 1950. *Materials and methods.* The work explores documents housed by the State Archive of the Russian Federation, Archive of Internal Affairs Ministry Department in Astrakhan Oblast, outcomes of history and geography research expeditions to Mangystau and Atyrau Regions of Kazakhstan undertaken in July 2021, geographical maps. The study employs a variety of research methods, such as general scientific (analysis, synthesis, mathematical and descriptive techniques), geographical (analytical tools of cartography, comparative, physical and economic geography, expeditionary, system territorial, and factorial methods) and historical (retrospective, comparative, structural approaches) ones. *Results.* The paper presents a geographical analysis of six localities, reveals territorial organizational structure of the camp (the latter to have covered northern and northeastern parts of the Caspian coastline), provides an assessment of physical and geographical conditions of the camp's economic arrangements. The latter had predetermined the availability of rich biological sea resources. However, in general, the physical and geographical components of natural environment were unfavorable (arid climate, infertile soil cover, sparse vegetation) for commercial agricultural production. The study of economic and geographical factors shows different economic potentials across localities of the camp. The economic geographical factors resulted in the shaping and functioning of a territorial organizational structure primarily aimed at efficient industrial fishing practices. *Conclusions.* The geographical factors proved of utmost importance and served a basis for the development of fisheries in the northern and northeastern parts of the Caspian Sea. In addition, efforts were made to initiate agricultural production and construction activities that still were to play a secondary economic role due to unfavorable conditions.

Keywords: Prorva (Astrakhan) Correctional Labor Camp, geographical factors, territorial organizational structure, Caspian Sea, economic activity, point (department), conditions

Acknowledgements. The reported study was granted by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. AP08856940 'Prorva and Astrakhan Camps in the Gulag System, 1932–1950: History, Memory, Experiences'.

For citation: Akhmetova U. T., Imashev E. Zh., Muktar A. K. Prorva (Astrakhan) Correctional Labor Camp, 1932–1950: Impacts of Geographical Factors on Its Territorial Organizational Structure and Economic Activity Assessed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 682–698. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-682-698

Введение

Историческим наследием командно-административной системы советского государства стала функционирование в 30–50-е гг. XX в. сети исправительно-трудовых лагерей (далее — ИТЛ) НКВД-МВД СССР, изучение которой остается актуальной задачей для исторической науки. В историографии имеется множество публикаций, посвященных изучению разных аспектов деятельности

системы ИТЛ [Дедюхин 1984; Солженицын 1989: 63–69; Земсков 1991: 10–27; Кузьмин 1991; Рассказов 1994; Кокурин, Петров 1999: 109–126; Иванова 2015; Путятин 2017; Широкопад 2019; Феномен ГУЛАГа 2020].

В Казахстане изучение ИТЛ началось со второй половины 90-х гг. XX в. [Шаймуханов, Шаймуханова 1997; Кукушкина 2002; Дильманов 2002; Спецпереселенцы 2007; Ахметова, Исмаилов 2021].

Несмотря на большое количество научных трудов, малоизученными остаются вопросы факторного анализа территориальной организации ИТЛ.

Территориальная организация системы ИТЛ НКВД-МВД СССР осуществлялась не стихийно, а планомерно на основе учета влияния разных факторов с целью эффективного хозяйственного освоения огромных территорий и обеспечения экономического развития СССР, в том числе и за счет использования заключенных в качестве трудовых ресурсов. Важным фактором формирования системы ИТЛ выступал географический фактор, так как географические аспекты территориальной организации ГУЛАГа определяли особенности и вектор хозяйственного освоения природно-сырьевых ресурсов, строительства и развития инфраструктуры огромной территории СССР (в том числе в Казахской ССР).

Функционировавшие на территории Казахской ССР ИТЛ характеризовались своими особенностями в территориально-организационной структуре и хозяйственной деятельностью, которая формировалась под влиянием разных факторов, в том числе географических. Одним из конкретных примеров влияния географических факторов на территориально-организационную структуру и хозяйственную деятельность лагеря является Прорвинский (Астраханский) ИТЛ. Такие основные географические факторы, как географическое положение (физико-географическое, экономико-географическое, политико-географическое), физико-географические условия (геоморфологические, природно-климатические, гидрографические, почвенные, биогеографические), экономико-географические факторы (минерально-ресурсные, рабочей силы, расселенческие, инфраструктурно-транспортные) организации хозяйства определили особенности территориально-организационной структуры и хозяйственной специализации Прорвинского (Астраханского) ИТЛ.

Целью исследования является оценка влияния географических факторов на формирование и функционирование территориально-организационной структуры и развитие хозяйственной деятельности Прорвинского (Астраханского) ИТЛ в 1932–1950 гг.

Материалы и методы

Работа выполнена на основе использования материалов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), архива Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Астраханской области и географических карт. Кроме того, изучались материалы, собранные во время полевых (экспедиционных) историко-географических исследований на территории Мангистауской и Атырауской областей Республики Казахстан в июле 2021 г., а также опубликованные работы и Интернет-ресурсы.

Исследования проводились с использованием общенаучных (анализа, синтеза, математического, описательного), географических (сравнительно-географического, картографического, физико-географического и экономико-географического анализа, экспедиционного (полевого), территориально-системного, факторного) и исторических (ретроспективного, сравнительного, структурного) методов.

Анализ географических факторов с использованием физико-географических, экономико-географических, экспедиционных (полевых), историко-картографических, геоинформационных и аэрокосмических методов исследования позволил раскрыть особенности территориально-организационной структуры Прорвинского (Астраханского) ИТЛ как созданную исправительно-трудовую систему ГУЛАГа с характеристикой таких подсистемных элементов, как природно-ресурсные и экономико-географические условия организации хозяйственной деятельности.

Во время экспедиционных (полевых) исследований была проведена работа по описанию визуальных компонентов природно-хозяйственной среды и собраны материалы для анализа географических факторов. С использованием GPS-навигатора Garmin были определены географические координаты следующих лагерных пунктов (отделений) Прорвинского (Астраханского) ИТЛ, которые были расположены на территории Казахстана: Прорвинский лагерь (1 отделение); Гурьевский лагерьный пункт; Бурунчукский лагерьный пункт (4 отделение). На основе полученных географических координат и использования архивных материалов составлена картосхема, отражающая территориально-организационную

структуру Прорвинского (Астраханского) ИТЛ. Также была осуществлена аэрофотосъемка руин зданий и сооружений жилищно-хозяйственного назначения Прорвинского лагеря (1 отделение) и территорий размещения Бурунчукского (4 отделение) и Гурьевского лагерных пунктов с использованием дрона модели DJI Mavic Air2. Максимальная высота аэрофотосъемки составляла 100 м. Методом аэрофотосъемки было сделано 1 486 фотографий (некоторые из них представлены ниже).

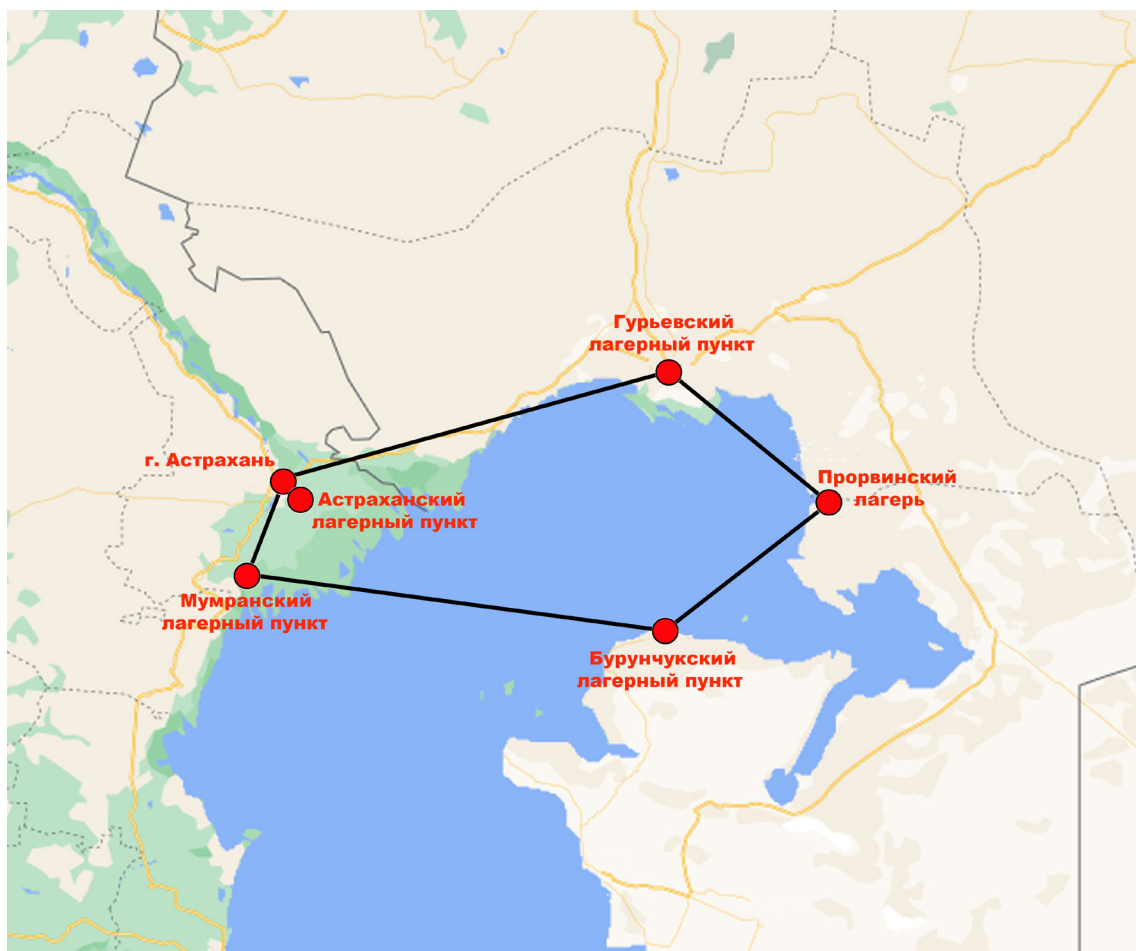
Таким образом, проведенные экспедиционные (полевые) исследования способствовали сбору новых и дополнительных материалов, которые расширили архивные и литературные источники, что в свою очередь позволило раскрыть влияние географических факторов на функционирование Прорвинского (Астраханского) ИТЛ.

Географическое положение

В целом немногочисленными остаются научные публикации, посвященные изучению Прорвинского (Астраханского) ИТЛ [Система исправительно-трудовых лагерей 1998; Болонина 2016; Ахметова, Жумабаев 2020; Ахметова, Муктар 2020; Муктар, Ахметова, Жумабаев 2021].

Научные публикации, отражающие результаты всестороннего исследования влияния географических факторов на территориально-организационную структуру и хозяйственную деятельность Прорвинского (Астраханского) ИТЛ, практически отсутствуют.

За весь период существования Прорвинского (Астраханского) ИТЛ в своем географическом размещении он характеризовался 6 пунктами базирования и центрами управления. Согласно архивным материалам [АУ

Карта 1. Территориально-организационная структура Прорвинского (Астраханского) ИТЛ в 1932–1950 гг.
[Map 1. Territorial organizational structure of the Prorva (Astrakhan) Correctional Labor Camp, 1932–1950]

МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81], после создания в 1932 г. Прорвинского (Астраханского) ИТЛ, первоначально функционировало 2 лагерных отделения. С 1932 по 1940 гг. управление 2 лагерными отделениями ИТЛ осуществлялось из Прорвинского лагеря (1 отделение), который был размещен на острове Прорва. По мере развития Прорвинского (Астраханского) ИТЛ количество лагерных отделений (пунктов) увеличилось до 6 [Есеп 2021: 25].

С 1940 г. управление Прорвинского (Астраханского) ИТЛ находилось в г. Астрахани, откуда осуществлялось руководство следующими четырьмя лагерными пунктами: 1) Астраханский пункт; 2) Мумранский пункт; 3) Гурьевский пункт; 4) Бурунчукский пункт [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 2922. Л. 22]. Соответственно эти пять пунктов базирования сформировали территориально-организационную структуру Прорвинского (Астраханского) ИТЛ (карта 1).

Прорвинский лагерь (1 отделение) Прорвинского (Астраханского) ИТЛ размещался на острове Прорва [АУ МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81], который относился к средним по размерам островам и находился в северо-восточной части Каспийского моря. Циклическое снижение уровня воды привело к тому, что остров Прорва соединился с северо-восточным побережьем Каспийского моря и в настоящее время окружен сором залива Мертвый Култук.

Проведенные экспедиционные (полевые) исследования позволили определить то, что в современных административно-территориальных границах территория бывшего острова Прорва расположена в северо-западной части Бейнеуского района Мангистауской области [Есеп 2021: 26].

Во время экспедиционных (полевых) исследований было выявлено, что жилищно-хозяйственные объекты Прорвинского лагеря (1 отделения) размещались на восточном побережье острова Прорва, чтобы их защитить от затопления во время приливов и штормовых волн Каспийского моря. Аэрофотосъемка руин зданий и сооружений жилищно-хозяйственного назначения показала особенности территориальной планировки Прорвинского лагеря (1 отделения), которая характеризуется не хаотичным подходом к территориальной организации, а четко запланированной структурой. Здания и сооружения хозяйственного назначения и некоторые административные объекты размещались в непосредственной близости от восточного побережья острова Прорва. Чуть далее от побережья и от хозяйственных объектов размещались жилищные (бараки) и административные здания (карта 1, фото 1, 2).

Город Астрахань расположен в центральной части юга Астраханской области Российской Федерации в дельте реки Волги Прикаспийской низменности. Одно из зданий управления Прорвинского (Астра-

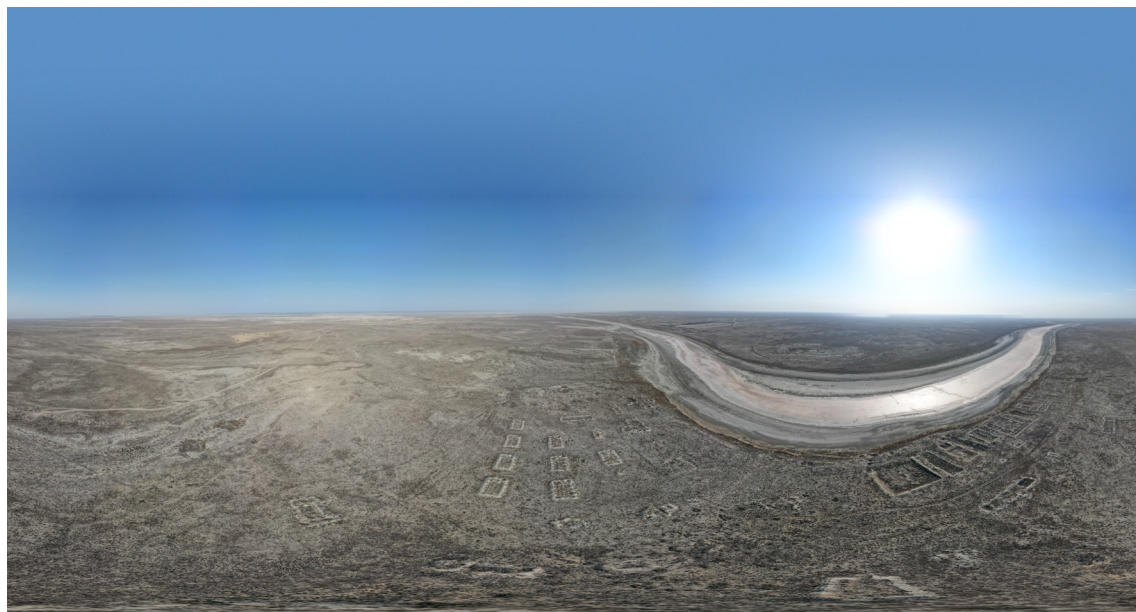

Фото 1, 2. Территория размещения Прорвинского лагеря (1 отделения) Прорвинского (Астраханского) ИТЛ (аэрофотосъемка авторов, июль 2021 г.)

[Photo 1, 2. Territory of the Prorva Camp (Dept. 1) affiliated to the Prorva (Astrakhan) Correctional Labor Camp. Photo by authors. July 2021]

ханского) ИТЛ расположено недалеко от левого берега реки Волги в среднем отрезке протяженности города Астрахани по адресу ул. Свердлова, 7 (фото 3).

Астраханский лагерный пункт (2 отделение) Прорвинского (Астраханского) ИТЛ находился в 12 км от города Астрахань на берегу реки Прямая Болда (Большая Болда) [АУ МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 27]. Предположительно, что на современной географической карте Астраханский лагерный пункт базировался не далеко от поселка Начало, которая расположена юго-восточнее города Астрахань на правом берегу реки Прямая Болда (Большая Болда) и входит ныне в Астраханскую городскую агломерацию. Река Прямая Болда (Большая Болда), протяженностью 74 км [Водоток 2021], является одним из основных рукавов дельты реки Волги.

Мумранский лагерный пункт (3 отделение) Прорвинского (Астраханского) ИТЛ размещался в 90 км от города Астрахани [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 28]. Данный лагерный пункт стал основой создания ныне существующего села Мумра Икрянинского района Астраханской области России, который располагается юго-западнее города

Астрахани на левом берегу реки Бакланенок — соединяет реки Старая Волга и Бахтемир, которые являются одними из крупных рукавами дельты реки Волги.

Гурьевский лагерный пункт Прорвинского (Астраханского) ИТЛ находился в 7 км южнее города Гурьев (ныне город Атырау Атырауской области Казахстана) на правом берегу реки Урал [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 2922]. Река Урал является второй крупной водной артерией северной части Каспийского моря после реки Волги. Расстояние от города Астрахань до Гурьевского лагерного пункта по водному пути составляло 600 км [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 853].

Бурунчукский лагерный пункт (4 отделение) Прорвинского (Астраханского) ИТЛ [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 2922] располагался на северном побережье полуострова Бузачи (ныне территория Мангистауского района Мангистауской области Казахстана) и имела прямой выход в Каспийское море (географические координаты: 45°24' с. ш. 51°47' в. д.) [Есеп 2021: 26–27].

Как и Прорвинский лагерь, Бурунчукский лагерный пункт был более отдаленным отделением (карта 1). Расстояние

Фото 3. Одно из зданий Управления Прорвинского (Астраханского) ИТЛ в городе Астрахань
(фото У. Т. Ахметовой, октябрь 2020 г.)

[Photo 3. A building of the Prorva (Astrakhan) Correctional Labor Camp Headquarters in Astrakhan.
Photo by U. Akhmetova. October 2020]

от города Астрахань по прямому курсу следования судов составляло около 780 км [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 28].

Таким образом, особенности географического положения (существенная удаленность друг от друга) лагерных пунктов (отделений) способствовали формированию территориально-организационной структуры, направленной на эффективную организацию рыбохозяйственной деятельности Прорвинского (Астраханского) ИТЛ в северной и северо-восточной частях Каспийского моря.

Физико-географические условия организации хозяйства

Географическое положение лагерных пунктов (отделений) определили степень влияния физико-географических факторов на территориальную организацию хозяйства. Существенные расстояния между некоторыми лагерными пунктами (отделениями) способствовали территориальной дифференциации физико-географических

условий хозяйственной организации Прорвинского (Астраханского) ИТЛ.

Город Астрахань, Астраханский и Мумранский лагерные пункты Прорвинского (Астраханского) ИТЛ были расположены в дельте реки Волги, а Гурьевский лагерный пункт находился в дельте реки Урал. Воды дельты этих рек протекают по южной части Прикаспийской низменности Восточно-Европейской равнины и впадают в Каспийское море. Рельеф территории города Астрахань, Астраханского, Мумранского и Гурьевского лагерных пунктов характеризуется плоскоравнинной геоморфологией с отдельными небольшими буграми высотой 5–15 м. Климат умеренный, резко-континентальный и характеризуется высокими температурами в летний период, низкими — в зимнее время, большими годовыми и летними суточными амплитудами температуры воздуха и малым количеством осадков (231 мм в год в городе Астрахани; 187 мм — в городе Гурьеве), а также большой испаряемостью. Средняя годовая температура воздуха

составляет $+10,9^{\circ}\text{C}$ в городе Астрахани и $+10,4^{\circ}\text{C}$ в городе Гурьеве [Климат Астрахани 2021; Климат Атырау 2021].

Гидрография представлена реками Волга, Большая Болда, Кутум, Царев, Бакланенок, Урал. Эти природно-климатические условия сформировали полупустынную природную зону.

Согласно архивным материалам, температурные условия в течение года подвержены резким колебаниям температуры, в зимний период понижается до 30°C ниже нуля, а в летние месяцы повышается до 40°C , т. е. имеют колебания в пределах 70°C . Самыми холодными месяцами являются январь–февраль, самыми жаркими июль–август, когда температура воды в реке повышается до 27°C . Осадки в летнее время выпадают очень редко, в зимнее время снега также бывает очень мало. По многолетним наблюдениям вскрытие реки Волги приходится на 14 марта, а замерзание на 12 декабря. Таким образом, промысловое время составляло в году до 273 дней в отличие от других водоемов. В Гурьеве, расположенном восточнее, имеются еще более резкие температурные колебания. Как в зимнее время, так и в летние периоды преобладают ветры, достигающие силы 10–12 баллов. В дельте реки Волги преобладающими ветрами весеннего времени являются восточные и юго-восточные. Наличие ветров затрудняло промысел рыбы: иногда на протяжении целого месяца бывает 2–3 дня тихой погоды, а в остальные дни сила ветра достигала от 3 до 5 баллов [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 23–24].

Наиболее отдаленными от города Астрахани были Прорвинский лагерь (1 отделение), который был размещен на острове Прорва, и Бурунчукский лагерь (4 отделение), располагавшийся на севере полуострова Бузачи. Эти лагерные пункты (отделения) Прорвинского (Астраханского) ИТЛ находились непосредственно на каспийском побережье, и в этой связи природно-климатические условия были напрямую связаны с физико-географическими характеристиками северной и северо-восточной части Каспийского моря.

Северная и северо-восточная акватория Каспийского моря довольно разнообразна и сильно изрезана крупными заливами (Кизлярский, Астраханский, Мангышлакский) и множеством мелководных бухт, которые

образуют полуострова — Араханский, Бузачи, Тюб-Караган, Мангышлак. В дельтах рек Волги и Урала вдоль береговой линии расположено множество островков и притоков, часто меняющих свое положение. Уклоны подводного берегового склона и прибрежной суши характеризуются своими малыми значениями. Климат этой части Каспийского моря континентален. Зимой температуры понижаются до -10°C , а летом поднимаются до 35°C . Количество атмосферных осадков небольшое, колеблется в пределах от 200 до 300 мм в год. Для северной части моря характерно образование льда в ноябре. Появление льда приходится на декабрь–январь, иногда на февраль. Исчезновение ледяного покрова обычно наблюдается во второй половине февраля и в марте [Панин, Мамедов, Митрофанов 2015: 10–11]. Северный и северо-восточный берега Каспийского моря расположены в полупустынной и пустынной зонах.

Как известно по архивным материалам, когда северо-восточная часть Каспийского моря была передана для эксплуатации Прорвинскому (Астраханскому) ИТЛ, возникла задача по исследованию этого района в рыбопромысловом отношении, чтобы в дальнейшем знать, на что здесь можно рассчитывать, в каком направлении является наиболее целесообразным разворачивать работу [АУ МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–2]. В научных материалах по юго-восточной части Северного Каспия [АУ МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81] представлены исследования в 1932–1934 гг., отражающие характеристику береговой полосы, реки Эмбы, промысловых рыб, гидрометеорологическое описание весенней и осенней пугины и др.

Одним из физико-географических факторов размещения Бурунчукского лагерного пункта (4 отделения) является то, что исследования 1930-х гг. показали следующее: «Побережье полуострова Бузачи изрезано значительно меньше, особенно северная его часть, представляющая почти прямую, резко очерченную линию с единственным заливом, врезающимся в полуостров у Бурунчука в западном направлении на глубину до 20 км. Берег здесь более высокий, достигающий 2–3 метров над уровнем моря. Во многих местах побережья имеется пресная колодезная вода, особенно хорошая в

Бурунчуке. Здесь даже имеется небольшая группа ив. Отдельные деревья встречаются и далее на юго-запад, разбросанными по различным местам побережья. Камыша здесь очень мало, но растительность на суше богаче, нежели на Гурьевском побережье...» [АУ МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81. Л. 3]. На полуострове Бузачи средняя температура января составляет -7°C , а июля — $+26^{\circ}\text{C}$. Атмосферных осадков выпадает в пределах 200–250 мм в год. Около 40 дней в году дуют сильные ветры (скорость — более 15 м/с) [АУ МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81. Л. 3].

Проведенные экспедиционные (полевые) исследования показали, что почвенно-растительный покров территорий, где находились Прорвинский лагерь (1 отделение) и Бурунчукский лагерь (4 отделение), представлены песками и солончаками с солончаковыми травами, полынью и местами саксауловыми зарослями (фото 4, 5).

Из-за неблагоприятных природно-климатических условий развитие хозяйственной деятельности Прорвинского (Астраханского) ИТЛ было ограничено. При таких природно-климатических условиях сложно было развивать животноводство и практически невозможно заниматься богарным растениеводством. Предполагается, что развитие животноводства на территории рассматриваемых лагерных пунктов (отделений) определялось необходимостью удовлетворения потребности самого Прорвинского (Астраханского) ИТЛ. В этой связи хозяйственная деятельность Прорвинского (Астраханского) ИТЛ специализировалась на ловле рыбы в северной и северо-восточной частях Каспийского моря. Соответственно рыбное хозяйство Прорвинского (Астраханского) ИТЛ было напрямую связано с рыбными ресурсами северной и северо-восточной акватории Каспийского моря.

Вышеописанные природно-климатические условия способствовали созданию благоприятной среды для обитания в северо-восточной части Каспийского моря таких пресноводных видов рыб, как вобла, сазан, судак, сельдь, лещ, пузанка, белуга, осетр, севрюга, шип, белорыбица, жерех, щука, сом, окунь, чехонь, бычки, килька и другие. Кроме того, в этой части Каспийского моря

обитают тюлени и ракообразные, которые также представляли промысловую ценность [АУ МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81. Л. 23]. Именно эти физико-географические условия оказали существенное влияние на территориально-организационную структуру и хозяйственную деятельность Прорвинского (Астраханского) ИТЛ.

Экономико-географические факторы хозяйственной организации

Наряду с физико-географическими условиями немаловажную роль в определении территориально-организационной структуры и развитии хозяйственной деятельности Прорвинского (Астраханского) ИТЛ играло влияние экономико-географических факторов.

Экономико-географическое положение Прорвинского (Астраханского) ИТЛ определяется его удаленностью от города Москвы и возможностью транспортного сообщения со столицей СССР. Расстояние от Астрахани до Москвы составляло 1 526 км, и связь между городами поддерживалась по железной дороге и авиацией [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 2922. Л. 24].

В связи с прибрежным географическим положением лагерных пунктов (отделений) на берегах и в дельтах рек Волги, Урала и Каспийского моря важным и главным видом транспорта выступал водный транспорт. Так между Астраханью и Мумранским, Гурьевским и Бурунчукским лагерными пунктами (отделениями) сообщение осуществлялось водным транспортом. Только Астраханский лагерь (2 отделение), который расположен в 12 км от города Астрахани, имел транспортное сообщение как по суше, так и по воде [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 2922. Л. 23].

Использование водного транспорта выступало одним из факторов экономической целесообразности организации рыбопромыслового хозяйства на севере и северо-востоке Каспийского моря на основе формирования и обеспечения функционирования территориально-организационной структуры Прорвинского (Астраханского) ИТЛ (карта 1).

Важную роль в развитии рыбопромыслового хозяйства Прорвинского (Астраханского) ИТЛ сыграло наличие уже сформированной части инфраструктуры в горо-

Фото 4, 5. Почвенно-растительный покров на территории размещения Прорвинского лагеря (1 отделение) Прорвинского (Астраханского) ИТЛ (современная территория Бейнеуского района Мангистауской области Казахстана) (фото Э. Ж. Имашева, июль 2021 г.)

[*Photo 4, 5.* Soil and vegetation cover of the Prorva Camp (Dept. 1) affiliated to the Prorva (Astrakhan) Correctional Labor Camp. Present-day Beyneu District of Mangystau Region, Kazakhstan.
Photo by E. Imashev. July 2021]

дах Астрахань и Гурьев, где размещались как судоремонтные и производственные заводы, так и управления ИТЛ. В архивных материалах указано, что «лагерь расположен в безлесной полосе, в силу чего при производстве, строительстве и судоремонте, а также и обеспечения рыбных промыслов тарными материалами зависит исключительно от завозного леса. При строительстве также широко используется и применяется в качестве строительных материалов саман, камышитовые щитки, вырабатываемые на месте, и есть возможность организации производства строительного кирпича» [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 23].

Необходимо отметить, что инфраструктура Прорвинского лагеря (1 отделение) на острове Прорва и Бурунчукского лагерного пункта (4 отделение) на полуострове Бузачи создавалась практически с нуля, что требовало значительных экономических затрат. При этом из-за недостаточности строительного сырья (в том числе древесины) строительство зданий и сооружений Прорвинского лагеря и Бурунчукского лагерного пункта осуществлялось в основном с использованием камыша и глины, а древесина, металл, стекло и другие материалы привозились по водному пути, что также выступало в качестве экономических затрат на рыбопромысловую организацию Прорвинского (Астраханского) ИТЛ.

Для обеспечения функционирования и осуществления хозяйственной деятельности Прорвинского (Астраханского) ИТЛ и его лагерных пунктов (отделений) привлекалось большое количество трудовых ресурсов. К примеру, численность Гурьевского лагерного пункта составляло до 2 000 человек, Мумринского лагерного пункта (3 отделение) — до 2 200 человек, Астраханского лагерного пункта (2 отделение) — до 1 100 человек» [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 22].

Как и во всех ИТЛ СССР, в Прорвинском (Астраханском) ИТЛ основной рабочей силой выступали заключенные и сосланные, которые участвовали не только в ловле и обработке рыбы, строительстве, но и осуществляли научные исследования северной и северо-восточной части Каспийского моря [АУ МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81].

Особенности хозяйственной деятельности

Прорвинский (Астраханский) ИТЛ был организован как специальный рыбопромысловый лагерь и имел отведенные ему районы лова рыбных ресурсов в северной и северо-восточной частях Каспийского моря [АУ МВД РФ по АО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81. Л. 14]. С этой целью при определении территориально-организационной структуры Прорвинского (Астраханского) ИТЛ учитывались вышерассмотренные географические факторы, которые способствовали эффективной организации рыбопромыслового хозяйства лагеря. В том числе с учетом влияния географических факторов осуществлялась успешная ловля рыбных ресурсов в северной и северо-восточной частях Каспийского моря, и ее промышленная обработка предопределила рыбопромысловую хозяйственную специализацию Прорвинского (Астраханского) ИТЛ.

Лагерь обладал значительным паромоторным и безмоторным флотом в количестве более 1 100 единиц (в том числе паромоторный флот состоял из 107 единиц) [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 2922. Л. 22–23]. В целях обеспечения нормальной деятельности основного производства (ловля и обработка рыбы) Прорвинский (Астраханский) ИТЛ имел следующие подсобные производства:

1) механические мастерские, функционировавшие в 3 отделениях (Гурьевском, Мумринском и Астраханском), были предназначены для ремонта двигателей моторного флота. Наиболее мощной являлась мастерская Мумринского отделения (вновь выстроенная), имевшая 3 токарных по металлу станка. Мастерские остальных отделений были маломощными и позволяли производить мелкие работы по обработке деталей двигателей;

2) мастерские по изготовлению и ремонту орудий лова. Вся подготовка орудий лова осуществлялась собственными силами, однако детали для постройки неводов и производства сетей (куклы) лагерь получал от государственной промышленности. Работа производилась ручным способом;

3) судоремонтные площадки, которые имелись в каждом отделении, предназначены для осуществления ремонтных работ рыболовецкого флота и частного строительства мелких судов до 100 тонн;

4) бондарные мастерские, созданные с целью выработки и ремонта заливной и сухой тары для уборки выпускаемых рыботоров, имелись в Астраханском и Гурьевском отделениях. Бондарка Гурьевского отделения имела частичную механизацию процессов обработки клепки (строгальные и фуговальные работы). Астраханская бондарка производила тары исключительно ручным способом. Месячная выработка тары (сухотарки) по Гурьеву составляло до 3 000 шт., по Астрахани — до 800 шт.;

5) литейные мастерские (Гурьев, Астрахань) с годовой максимальной мощностью до 100–120 тонн чугуна и 12 тонн медного — каждая. Медное литье производилось тигельным способом. Все литье было направлено в основном на изготовление запасных деталей для двигателей флота, стационарных, силовых и прочих установок лагеря [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 2922. Л. 22–23].

Таким образом, морской флот имел хороший уровень развития, который обслуживался собственными производственными мощностями. При этом обращает на себя внимание то, что производственные мощности по обслуживанию флота находились в Гурьевском, Мумринском и Астраханском отделениях, тогда как Прорвинский лагерь и Бурунчукское лагерное отделение не имели таких мощностей, что скорее всего свя-

зано с их географической удаленностью и выполнением командировочных функций для лова рыбы в более отдаленных частях Каспийского моря.

Созданная территориально-организационная структура, большое количество судов в составе рыболовецкого флота, функционирование производственных мощностей и мастерских по ремонту, обслуживанию флота и производству рыболовных снастей и тар для хранения рыбы, широкое использование в качестве трудовых ресурсов заключенных и вольнонаемных работников способствовали эффективной организации рыбопромыслового хозяйства Прорвинского (Астраханского) ИТЛ в северной и северо-восточной частях Каспийского моря. Особенности территориальной организации рыбопромыслового хозяйства лагеря отражает «Схематическая рыбопромысловая карта Северного Каспия» 1938 г. [Схематическая рыбопромысловая карта 1938] (карта 2).

Как видно из карты, ловля таких рыб, как вобла, сельдь, осетровые, пузанок, судак, сазан, лещ, белорыбца, осуществлялась на больших акваториях севера и северо-востока Каспийского моря. К примеру, в нижеприведенной таблице 1 показаны объемы производства продукции рыбопромыслового хозяйства Прорвинского (Астраханского) ИТЛ в 1946 г.

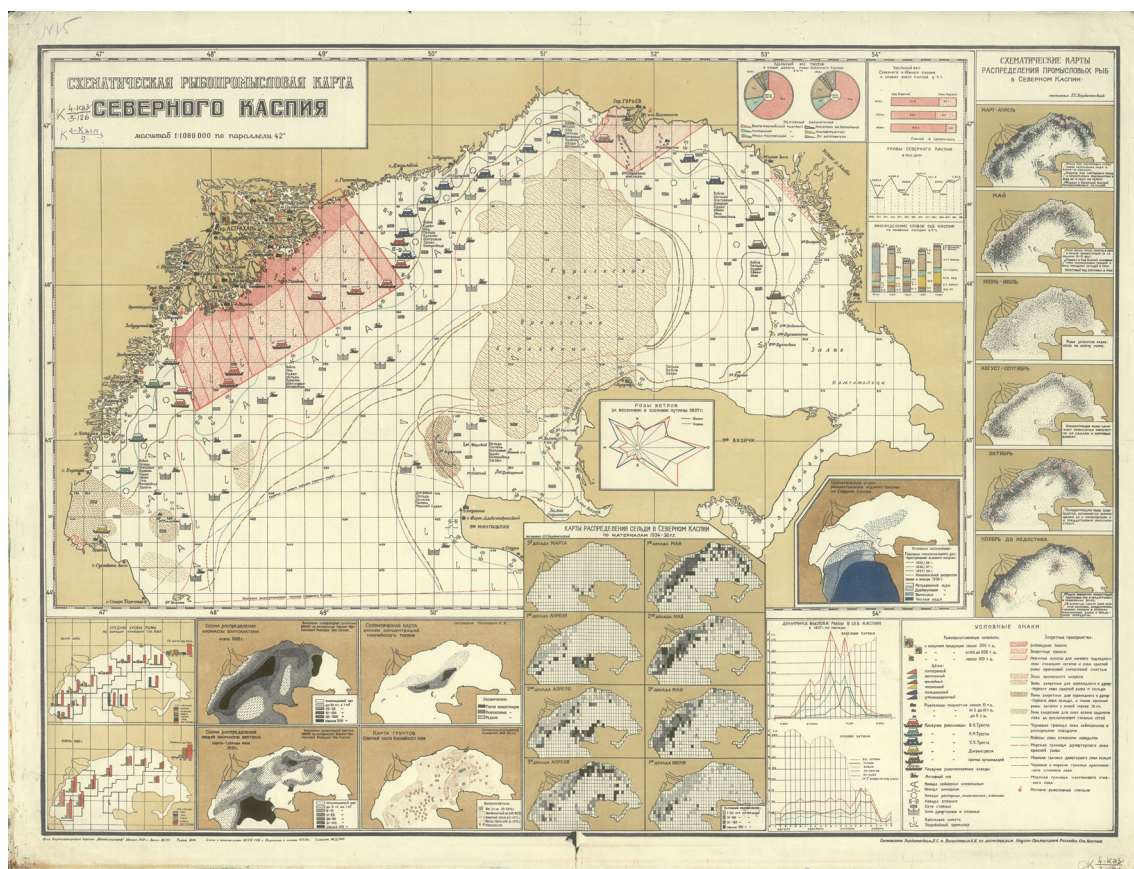
Таблица 1. Выполнение программы выпуска главных изделий в натуральном выражении в 1946 г.
[Table 1. Fulfillment of main products program in physical terms, 1946]

Наименование продукции	Единица измерения	Количество	
		по плану	фактический
Рыба свежая	Центнер	3 000	1 977
Рыба соленая	Центнер	60 540	62 251
Рыба вяленая	Центнер	2 420	1 825
Рыба копченая	Центнер	2 240	2 248
Рыбий жир	Центнер	15	12
Икра красной рыбы	Центнер	—	1
Икра частиков	Центнер	—	14
Бочкотара	Бочка/центнер	65 000	77 413
Сети	Концов	20 000	21 504

Источник: [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 3232. Л. 8].

Необходимо отметить тот факт, что, кроме указанных подсобных производств, направленных на обслуживание лова рыбы и

ее обработки, на территории Прорвинского (Астраханского) ИТЛ имелись сельскохозяйственные участки, выращивавшие овощные

Карта 2. Схематическая рыбопромысловая карта Северного Каспия 1938 г.

[Map 2. Schematic fishing map of the Northern Caspian, 1938]

культуры, и животноводческие фермы как подсобные пункты хозяйства, покрывавшие частично потребность в овощах, молоке и мясе [ГА РФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 2922. Л. 9]. Второстепенная роль сельскохозяйственного производства в хозяйственной деятельности лагеря связана с неблагоприятными природно-климатическими условиями для развития растениеводства и животноводства. Кроме того, заключенные и вольнонаемные работники занимались гражданским строительством и осуществляли в основном строительство в пределах лагеря.

Закключение

Систематизация и анализ архивных, экспедиционных (полевых), литературных материалов показали особенности влияния географических факторов на территориально-организационную структуру и хозяйственную деятельность Прорвинского (Астраханского) ИТЛ. Под влиянием физико-географических условий и экономи-

ко-географических факторов на территории Прорвинского (Астраханского) ИТЛ сложилась диверсифицированная хозяйственная деятельность, где существенно преобладало рыбопромысловое хозяйство, которое являлось основной отраслью и играло системообразующую роль. Из-за неблагоприятных природно-климатических условий второстепенная роль отводилась развитию сельскохозяйственных производств, которые не имели товарного значения и были организованы в основном для удовлетворения внутренних нужд лагеря.

Вся хозяйственная деятельность обеспечивалась за счет формирования и функционирования территориально-организационной структуры Прорвинского (Астраханского) ИТЛ в непосредственной близости от северного и северо-восточного побережья Каспийского моря, где каждый лагерный пункт (отделение) выполнял определенные функции. В целом можно сделать вывод о том, что территориально-организационная

структура Прорвинского (Астраханского) ИТЛ была сформирована и функционировала в качестве территориальной системы,

которая характеризовалась своими особенностями под влиянием различных географических факторов.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
- АУ МВД РФ по АО — Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Астраханской области.
- Есеп 2021 — «ГУЛАГ жүйесіндегі Прорва және Астрахань лагерлері: «тарих, естелік, тағылым (1932–1950 жж.)» ғылыми жобаның 2021 жылдық есебі (ағымдық есеп), грант № AP08856940 / ғылыми жетекшісі У. Т. Ахметова (= Годовой отчет научного проекта за 2021 год (промежуточный отчет) «Прорвинский и Астраханский лагеря в системе ГУЛАГа (1932–1950 гг.): история, память, уроки», грант № AP08856940 / научный руководитель У. Т. Ахметова). Атырау, 2021. 131 с. // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык», Республика Казахстан.

Литература

- Ахметова, Жумабаев 2020 — *Ахметова У. Т., Жумабаев А. Ж.* ГУЛАГ жүйесіндегі Прорва лагері (1932–1950 жж.) (= Прорвинский лагерь в системе ГУЛАГА (1932–1950 гг.)) // Вестник Западно-Казахстанского государственного университета. 2020. № 3(79). С. 138–146. DOI: 10.37238/1680-0761.2020.79(3).14
- Ахметова, Исмаилов 2021 — *Ахметова У. Т., Исмаилов С. С.* Вопросы историографии формирования и функционирования системы ГУЛАГ // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2021. № 1 (68). С. 198–205. DOI: 10.51889/2021-1.1728-5461.31
- Ахметова, Мұқтар 2020 — *Ахметова Ұ. Т., Мұқтар Ә. Қ.* Прорва еңбекпен түзету лагері тарихынан (1932–1950 жж.) // II Туған өлкені зерттеу: оның маңызы және басым бағыттары: Республикалық онлайн ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдар жинағы (15 мамыр, 2020 жыл). (= II Исследование родного края: его значение и приоритетные направления: сб. мат-лов Республиканск. онлайн науч.-практ. конф. (15 мая 2020 г.) Атырау; Сарайшык: «Сарайшык мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы» РМҚК, 2020. 142 с.

Sources

- State Archive of the Russian Federation.
- Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Astrakhan Oblast Department, Archive.
- Annual Progress Report – 2021. Grant project no. AP08856940 ‘Prorva and Astrakhan [Labor] Camps in the Gulag System, 1932–1950: History, Memory, Heritage’. Atyrau, 2021. 131 p. At: Saray-Jük State Reserve Museum of History and Culture. (In Kaz.)

- Болонина 2016 — *Болонина Л. В.* Создание Прорвинского исправительно-трудового лагеря в Астраханской области и его производственно-хозяйственная деятельность // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: мат-лы XII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 29 апреля 2016 г.). Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2016. С. 76–79.
- Водоток 2021 — Водоток пр. Прямая Болда (пр. Большая Болда) [электронный ресурс] // Государственный водный реестр Минприроды России. URL: <http://textual.ru/gvr/index.php?card=186226> (дата обращения: 20.08.2021).
- Дедюхин 1984 — *Дедюхин В. В.* Становление и развитие организации борьбы с преступностью в исправительно-трудовых учреждениях. М.: Академия МВД СССР, 1984. 326 с.
- Дильманов 2002 — *Дильманов С. Д.* Исправительно-трудовые лагеря НКВД-МВД СССР на территории Казахстана (30–50-е годы XX века). Алматы: Кітап, 2002. 344 с.
- Земсков 1991 — *Земсков В. Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологическое исследование. 1991. № 6. С. 10–27.
- Иванова 2015 — *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа: 1918–1958. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 415 с.

- Климат Астрахани 2021 — Климатические таблицы. Данные для Астрахани [электронный ресурс] // Погода и климат. URL: <http://www.pogodaiklimat.ru/climate/34880.htm> (дата обращения: 20.08.2021).
- Климат Атырау 2021 — Климатические таблицы. Данные для Атырау [электронный ресурс] // Погода и климат. URL: <http://www.pogodaiklimat.ru/climate/35700.htm> (дата обращения: 20.08.2021).
- Кокурин, Петров 1999 — Кокурин А. И., Петров Н. В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 109–126.
- Кузьмин 1991 — Кузьмин С. И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). М.: Академия МВД СССР, 1991. 132 с.
- Кукушкина 2002 — Кукушкина А. Р. Акмолинский лагерь жен «изменников родины»: история и судьбы. Караганда: Болашақ баспасы, 2002. 184 с.
- Мұқтар, Ахметова, Жумабаев 2021 — Мұқтар Ә., Ахметова У., Жумабаев А. Прорва-Астрахань лагерлер тарихы архив деректерінде (1932–1950 жж.) (= История лагерей Прорва-Астрахань в архивных источниках (1932–1950 гг.)) // Отан тарихы. 2021. № 4 (96). С. 136–149.
- Панин, Мамедов, Митрофанов 2005 — Панин Г. Н., Мамедов Р. М., Митрофанов И. В. Современное состояние Каспийского моря. М.: Наука, 2005. 356 с.
- Путятин 2017 — Путятин А. Ю. ГУЛАГ, репрессии и экономика СССР. М.: Вече, 2017. 382 с.
- Рассказов 1994 — Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. 465 с.
- Система исправительно-трудовых лагерей 1998 — Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник / сост. М. Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. 600 с.
- Солженицын 1989 — Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989. № 8. С. 63–69.
- Спецпереселенцы 2007 — Спецпереселенцы в Карагандинской области. Сб. док. и мат-лов / под. ред. Е. К. Кубеева. Караганда: КарГУ, 2007. 325 с.
- Схематическая рыбопромысловая карта 1938 — Схематическая рыбопромысловая карта Северного Каспия 1938 г. М.: Типография, 1938. 1 с.
- Феномен ГУЛАГа 2020 — Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст / под ред. М. Дэвида-Фокса. СПб.: Academic Studies Press, 2020. 632 с.
- Шаймуханов, Шаймуханова 1997 — Шаймуханов Д. А., Шаймуханова С. Д. Карлаг. Караганда: ГРК ПО «Полиграфия», 1997. 175 с.
- Ширококорд 2019 — Ширококорд А. Б. ГУЛАГ. Государство в государстве. М.: Вече, 2019. 412 с.

References

- A Base Fisheries Map of the Northern Caspian as of 1938. Moscow: Tipografiya, 1938. (In Russ.)
- Akhmetova U. T., Ismailov S. S. Questions of historiography of the formation and functioning of the Gulag system. *Bulletin of Abai Kazakh National Pedagogical University. Series 'Historical and Socio-Political Sciences'*. 2021. No. 1 (68). Pp. 198–205. (In Russ.) DOI: 10.51889/2021-1.1728-5461.31
- Akhmetova U. T., Mukhtar A. K. Prorva Correctional Labor Camp, 1932–1950: Glimpses of history. In: *Studies in Local History and Lore, Their Significance, and Priority Areas*. Online conference proceedings (15 May 2020). Atyrau, Sarayshyq: Saray-Jük State Reserve Museum of History and Culture, 2020. 142 p. (In Russ.)
- Akhmetova U. T., Zhumabaev A. Zh. Prorva Camp in the Gulag system (1932–1950). *Bulletin of the WKSU*. 2020. No. 3(79). Pp. 138–146. (In Kaz.) DOI: 10.37238/1680-0761.2020.79(3).14
- Bolonina L. V. Prorva Correctional Labor Camp, Astrakhan Oblast: Its creation and production activities. In: *Crossroads of History. Topical Issues of Historical Science. Conference proceedings (Astrakhan, 29 April 2016)*. Astrakhan: R. V. Sorokin, 2016. Pp. 76–79. (In Russ.)
- David-Fox M. (ed.) *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, and Comparison*. St. Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika, 2020. 632 p. (In Russ.)
- Dedyukhin V. V. *The Shaping and Development of Crime Prevention System in Correctional Labor Institutions*. Moscow: Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1984. 326 p. (In Russ.)
- Dilmanov S. D. *Correctional Labor Camps of the NKVD-MVD in Kazakhstan, 1930s–1950s*. Almaty: Kitap, 2002. 344 p. (In Russ.)
- Ivanova G. M. *History of the GULAG: 1918–1958*. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2015. 415 p. (In Russ.)
- Kokurin A. I., Petrov N. V. GULAG: Structure and personnel. *Svobodnaya mysl'*. 1999. No. 8. Pp. 109–126. (In Russ.)

- Kubeev E. K. (ed.) Forced Settlers in Karaganda Oblast. Collected documents and materials. Karaganda: Karaganda State University, 2007. 325 p. (In Russ.)
- Kukushkina A. R. Akmolinsk Camp of Wives of Traitors to the Motherland: History and Destinies. Karaganda: Bolashaq Baspasy, 2002. 184 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. I. Soviet Correctional Labor Institutions, 1917–1953. Moscow: Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1991. 132 p. (In Russ.)
- Meteorological charts. Astrakhan. On: Weather and Climate (online weather resource). Available at: <http://www.pogodaiklimat.ru/climate/34880.htm> (accessed: 20 August 2021). (In Russ.)
- Meteorological charts. Atyrau. On: Weather and Climate (online weather resource). Available at: <http://www.pogodaiklimat.ru/climate/35700.htm> (accessed: 20 August 2021). (In Russ.)
- Mukhtar A., Akhmetova U., Zhumabaev A. The history of the Prorva-Astrakhan camps in archival sources (1932–1950). *Otan Tarihy (History of Motherland)*. 2021. No. 4 (96). Pp. 136–149. (In Russ.)
- Panin G. N., Mamedov R. M., Mitrofanov I. V. The Caspian Sea: Contemporary Conditions Analyzed. Moscow: Nauka, 2005. 356 p. (In Russ.)
- Pryamaya Bolda distributary channel, current of water. On: Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation (website). State Water Register. Available at: <http://textual.ru/gvr/index.php?card=186226> (accessed: 20 August 2021). (In Russ.)
- Putyatin A. Yu. GULAG, Repressions, and Soviet Economy. Moscow: Veche, 2017. 382 p. (In Russ.)
- Rasskazov L. P. The Shaping and Functioning of the Soviet Administrative-Command System, 1917–1941: Impacts of Punitive Agencies Reviewed. Ufa: Ufa Higher School of Russia's Internal Affairs Ministry, 1994. 465 p. (In Russ.)
- Shaymukhanov D. A., Shaymukhanova S. D. Karlag. Karaganda: Poligrafiya, 1997. 175 p. (In Russ.)
- Shirokorad A. B. GULAG: Imperium in Imperio. Moscow: Veche, 2019. 412 p. (In Russ.)
- Smirnov M. B. (comp.) A Guidebook to the Soviet System of Correctional Labor Camps (1923–1960). Moscow: Zvenya, 1998. 600 p. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago. *Novy Mir*. 1989. No. 8. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Zemskov V. N. GULAG: A historical/sociological aspect. *Sotsiologicheskie issledovaniia (Sociological Studies)*. 1991. No. 6. Pp. 10–27. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 699–707, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-699-707

Деятельность Калмыцкой комсомольской организации накануне депортации и в период восстановления автономии

Баатр Андреевич Оконов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0001-8568-4330. E-mail: vostok80@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Оконов Б. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Во время Великой Отечественной войны, после изгнания немецких захватчиков с территории оккупированных улусов, калмыцкие комсомольцы внесли значительный вклад в дело восстановления разрушенных предприятий, учреждений и школ, активизации сельскохозяйственных работ, помощи фронту. Однако 28 декабря 1943 г. по несправедливым и огульным обвинениям весь калмыцкий народ был выслан в Сибирь, а Калмыцкая АССР — ликвидирована. *Целью* данной статьи является анализ деятельности Калмыцкой областной комсомольской организации накануне депортации и в период восстановления автономии калмыцкого народа. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составили неопубликованные документы из Национального архива Республики Калмыкия и периодическая печать того времени. *Результаты и выводы.* Анализ материалов Национального архива Республики Калмыкия показал, что, несмотря на небольшую численность, областная комсомольская организация способствовала успешному решению задач восстановления республики в послеоккупационный период. Тем не менее, несмотря на проделанную работу, весь калмыцкий народ в декабре 1943 г. был сослан в Сибирь. По возвращении на родину и при восстановлении автономии Калмыкии в 1957 г. число членов комсомольской организации было немного выше, чем до депортации. Комсомольская организация с большим энтузиазмом активно включилась в работу по восстановлению республики.

Ключевые слова: Калмыцкая автономная область, советская власть, ВЛКСМ, депортация, восстановление, Калмыцкая АССР

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Оконов Б. А. Деятельность Калмыцкой комсомольской организации накануне депортации и в период восстановления автономии // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 699–707. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-699-707

Komsomol Organization of Kalmykia: Pre-Deportation and Restoration Period Efforts Analyzed

Baatr A. Okonov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Ph. D. (History), Research Associate

 0000-0001-8568-4330. E-mail: vostok80@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Okonov B. A., 2022

Abstract. *Introduction.* In the immediate aftermath of the Nazi defeat in Kalmykia's territory, local Komsomol members initiated most essential efforts to restore ruined industrial facilities, buildings of public organizations, schools, took active part in agricultural works and war-supporting activities. Nonetheless, on 28 December 1943 the Kalmyk ASSR was abolished, the whole Kalmyk people were wrongly blamed and deported to Siberia. *Goals.* The article attempts an analytical insight into activities of Kalmykia's Komsomol organization before the deportation and in the restoration period. *Materials and methods.* The study focuses on unpublished documents housed at the National Archive of Kalmykia and periodicals of those years. *Results and conclusions.* The analysis of archival papers shows despite a limited number of members the Komsomol organization did facilitate a successful revival of the Republic in the post-occupation era. However, the tremendous contribution was ignored when it came to repressions against the Kalmyks in December of 1943. On return from Siberia and during the restoration of autonomy in 1957, there was a slight increase in numbers of Komsomol members who showed great enthusiasm to reconstruct the Republic.

Keywords: Kalmyk Autonomous Oblast, Soviets, Komsomol, deportation, restoration, Kalmyk ASSR

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Okonov B. A. Komsomol Organization of Kalmykia: Pre-Deportation and Restoration Period Efforts Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 699–707. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-699-707

Введение

Накануне Великой Отечественной войны комсомол стал одним из важных элементов государственно-политической системы. Заметно выросла его численность. К началу 1941 г. в Калмыцкой областной организации комсомола состояло более 13 тыс. юношей и девушек. Когда началась война, огромное количество комсомольцев стремилось попасть на фронт. За первые 9 месяцев ушли воевать более 2,3 тыс. комсомольцев (17 % численности областной организации), с апреля по декабрь 1942 г. — еще 2,5 тыс. членов ВЛКСМ [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 6].

За годы войны четыре комсомольца Калмыкии получили высокое звание Героя

Советского Союза. Это первый воин-калмык, удостоенный звания Героя, — Эрдни Деликов, а также Георгий Лазарев, Илья Зигуненко и Николай Воробьев. Как и Эрдни Деликов, они не дожили до Победы. Вышли из комсомола и другие Герои Советского Союза, уроженцы Калмыкии — Б. Б. Городовиков, Б. М. Басанов, К. М. Жигульский, Л. И. Манджиев, Ф. Г. Попов, А. А. Лопатин, М. А. Сельгиков.

Огромную работу во время войны комсомол выполнял в тылу. Так, комсомольцы приняли активное участие в сборе средств в фонд обороны страны. «Комсомольцы с радостью отдают в фонд обороны свои сбережения, они знают, что эти средства принесут

новую победу советскому народу. Комсомольцы сдают как наличные, так и облигации госзаймов. Также они вносят свои дневные заработки в фонд обороны» [[О сборе средств 1941: 2](#)].

На возведение Донского оборонительного рубежа было мобилизовано около 10 тыс. жителей Калмыкии, из которых большинство составляла молодежь из Элисты, Сарпинского, Кетченеровского, Троицкого, Яшалтинского, Западного (ныне Городовиковского) и Приютинского (ныне Приютненского) улусов. Юношам и девушкам в тяжелых погодных условиях пришлось пройти 250 километров до места назначения. В условиях войны и зимней непогоды комсомольцы досрочно закончили строительство этих укреплений.

Представители молодого поколения строили военные полевые аэродромы. В рамках этих работ молодежь расчищала и следила за состоянием посадочной полосы, оборудовала места для зенитных пулеметов, комсомольцы выкапывали капониры для самолетов и землянки для летного состава и охраны. Всего в 1941 г. на территории Калмыкии было построено 5 полевых военных аэродромов.

Ударной стройкой, в которой приняли участие комсомольцы, стала железнодорожная линия Кизляр – Астрахань. Перед каждым командированным комсомольцем ставилась задача проявить образец стахановской работы и провести широкую агитационно-массовую работу среди строителей, мобилизуя их на скорейшее окончание строительных работ. Более 5 тыс. юношей и девушек из Черноземельского, Юстинского, Приволжского, Лаганского, Долбанского и Улан-Хольского улусов построили железную дорогу, показывая образцы трудового героизма.

Патриотический настрой калмыцкой молодежи был очень высок. Так, группа элистинских девушек, отправляясь на фронт, обратилась к сверстникам Калмыкии со следующими словами: «Мы... сегодня по призыву Ленинского комсомола добровольно уезжаем служить в наш героический Военно-Морской флот. До скорой встречи после победы! По поручению подписали Клавдия Гаряева, Анна Саранджинова, Мария Алюшина, Анисия Коробейникова» [[Будем верными 1942: 1](#)].

На призыв боевых подруг откликнулись многие девушки, ставшие санитарками, летчицами, бойцами. Это А. Б. Хонинова, Т. М. Милютинина, Р. Н. Веткалова, А. С. Халгышева, А. А. Топоркова, М. Р. Саранова, В. С. Капканова, Н. С. Дарбакова, А. П. Степуренко, Н. Н. Паляева и др. [[Басангов 2018: 22](#)].

Юноши и девушки Калмыкии активно участвовали в сборах средств на постройку боевых самолетов и бронемашин, которые шли по всей стране. Принимая участие в создании фонда обороны, молодежь Калмыкии в ноябре 1941 г., участвуя в воскресниках, заработала свыше 250 тыс. рублей. Также комсомол республики выступил с инициативой собрать деньги в фонд боевой эскадрильи «Комсомол Калмыкии» и танковой колонны «Советская Калмыкия». На собранные комсомольцами средства — 1 млн 700 тыс. рублей — была построена авиационная эскадрилья, а еще на 1 млн 400 тыс. — танковая колонна.

В августе 1942 г. началась оккупация части территории Калмыцкой АССР (далее — Калм АССР). К этому моменту численность комсомольской организации, сократившаяся из-за мобилизации, составляла чуть более 7 тыс. человек. В оккупированных населенных пунктах остались чуть более 2 тыс. комсомольцев. Комсомольцы, молодежь участвовали в партизанском движении и подпольной работе в тылу врага.

Во всех фронтовых и прифронтовых улусах были созданы подпольные комитеты комсомола. В самых крупных селениях на оккупированной территории действовали 20 подпольных комсомольских ячеек, 24 молодых подпольщика [[Калмыкия 2006: 10](#)]. На нелегальном положении находились 96 комсомольцев. В составе разных партизанских отрядов действовали И. Г. Гермашев, М. У. Батаев, Б. Х. Харцхаев, Т. Д. Халынова, М. Е. Василенко, Б. Х. Адучиев, Ю. К. Клыков, В. Х. Косиев, Петр Ф. и Иван Ф. Петруцкие, братья Григорий Ф. и Евгений Ф. Алёхины и др.

Целью данной статьи является освещение деятельности калмыцкой комсомольской организации накануне депортации калмыцкого народа, его возвращения на родину и в период восстановления автономии Калмыкии. Источниковую базу исследова-

ния составили документальные материалы из Национального архива Республики Калмыкия.

Освещение деятельности комсомола Калмыкии по восстановлению республики в научной литературе

В серии «Лет легендарных переключки» был опубликован сборник документов и материалов по истории Калмыцкой организации ВЛКСМ. В сборник были включены документы с момента создания областной комсомольской организации включительно по 1978 г., и он был посвящен 60-летию юбилею организации. В сборник вошли документы, выявленные в Центральном архиве ВЛКСМ, партийных архивах Калмыцкого и Саратовского обкомов КПСС, Центральном государственном архиве Калмыцкой АССР, Государственном архиве Астраханской области [Сборник 1978].

В 2018 г. в рамках 100-летнего юбилея ВЛКСМ вышло в свет документально-публицистическое издание «Нас водила молодость... Комсомол Калмыкии: летопись славных дел» (автор-составитель — И. Н. Басангов). На основе большого фактического материала автор осветил историю как калмыцкой комсомольской организации, так и ее отдельных членов. Значительное внимание в издании посвящено истории в последепортационный период. История комсомола Калмыкии изложена на базе тех сведений, что были введены в оборот в советский период [Басангов 2018].

Свой вклад в изучение проблемы внес историк Ставропольского края — Н. Д. Судацов. В своей статье «Калмыкия в составе Ставропольского края в период восстановления автономии калмыцкого народа» он осветил период 1957–1958 гг. [Судацов 2010].

Комплексный анализ, без учета идеологического фактора, деятельности калмыцкой областной организации ВЛКСМ в довоенный период проведен в кандидатской диссертации Б. А. Оконова «Становление и развитие комсомольской организации Калмыкии в 1921–1943 гг.». Автор заметное внимание уделил деятельности комсомольской организации по восстановлению республики в январе–декабре 1943 г. [Оконов 2021].

Помощь комсомольцев Калмыкии в восстановлении республики после освобождения ее территории от фашистских оккупантов

Территория Калмыкии, частично оккупированная в период Великой Отечественной войны, была освобождена Красной Армией в конце 1942 – начале 1943 гг.

С первых дней освобождения республики комсомольцы и молодежь активно взялись за восстановление колхозов, за поиски брошенного скота, государственного и колхозного имущества. Для проведения этой работы в большинстве колхозов, совхозов и МТС были созданы специальные комсомольско-молодежные бригады. Вопросы поиска колхозного, совхозного скота, ремонта сельхозмашин и инвентаря активно обсуждались на собраниях.

В Сарпинском районе после его освобождения в январе 1943 г. во всех колхозах насчитывалось лишь 324 головы крупного рогатого скота, 495 овец, 191 лошадь. В Малодербетовском районе за время немецкой оккупации было уничтожено 964 культурно-бытовых и хозяйственных постройки [Оконов 2021: 183].

Комсомольцы и молодежь Калмыкии активно участвовали в восстановлении колхозов, совхозов и МТС, проводили сбор зерна, сельхозмашин, вели учет скота и т. д. Например, в Сарпинском районе комсомольцы из колхозов им. Чапаева и «Вторая пятилетка» из личных запасов собрали 2 100 пудов зерна, 16 плугов, 600 баранов и 8 телят, несколько десятков борон и плугов, спрятанных в степи. Комсомольцы села Приютного своими силами организовали сбор муки, масла, мяса и яиц для населения освобожденных районов [Басангов 2018: 26].

Для пострадавшего населения жители неоккупированных улусов проводили сборы вещей, предметов домашнего обихода и денежных средств. В результате этой кампании жители поселков, подвергшихся временной оккупации, получили свыше 1 000 вещей и предметов первой необходимости, более 100 тыс. рублей.

В результате этого к марту 1943 г. силами комсомольцев и молодежи бывших в оккупации улусов было собрано и сдано колхозам, совхозам и МТС: 1 683 головы крупного рогатого скота, 112 лошадей, 49 верблюдов, свыше 2 000 овец, 136 сви-

ней, 1 013 птиц и 1 200 простейших сельскохозяйственных машин. Так, комсомольцы и молодежь Троицкого улуса за короткий срок собрали и сдали колхозам: 796 голов крупного рогатого скота, 60 лошадей, 22 верблюда и 108 простейших сельскохозяйственных машин. Силами молодежи Приютинского улуса было собрано 77 голов крупного рогатого скота, 111 овец, 106 конных плугов, 231 борона, 47 повозок, 27 сеялок, 401 овчина. В Западном улусе комсомольцами было собрано 453 головы крупного рогатого скота, 511 овец, 95 свиней, более 40 конных плугов, сеялок и повозок. Комсомольцы Кетченеровского улуса собрали и сдали колхозам 162 конских плуга, 193 бороны, 94 лобогрейки, 149 ярм [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 13. Л. 81].

Эвакуированный в Астрахань обком комсомола после освобождения территории Калмыкии вернулся в Элисту. С начала 1943 г. комсомольцы, прибывшие из эвакуации и вернувшиеся из партизанских отрядов, входили в состав улусных комитетов ВЛКСМ и приступали к своей работе. На местах восстанавливались комсомольские организации. Оставшаяся на оккупированной территории молодежь проходила проверку.

Комсомольцы Троицкого улуса положили начало новому движению. На своем улусном собрании они решили каждой колхозной комсомольской организацией посеять дополнительно не менее чем по 2 гектара в фонд обороны [О почине комсомольцев 1943: 1].

Инициатива комсомольцев была поддержана на VI пленуме Калмобкома ВЛКСМ. Малодербетовский, Сарпинский, Кетченеровский, Приволжский, Лаганский, Долбанский, Улан-хольский улусные комитеты

организовали сбор семян из личных запасов комсомольцев и молодежи и обязались засеять каждой комсомольской организацией не менее 2 гектар яровых культур в фонд Красной армии [Сборник 1978: 167].

Согласно данным Национального архива Республики Калмыкия, на 25 апреля 1942 г. комсомольские организации Черноземельского улуса засеяли в фонд обороны 54 гектара зерновых и технических культур, комсомольские организации Троицкого улуса — 20 га, Яшалтинского — 34 га, Западного улуса — 40 га [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 135. Л. 61–62]. Прикрепленная к комсомольским гектарам молодежь обеспечила тщательный уход за посевами и добилась получения хорошего урожая.

Продолжалась работа под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!». Приютненские комсомольцы своими силами обустроили в селе госпиталь на 350 чел., собрали продукты для питания раненых бойцов. Улан-Хольская комсомольская организация в осеннюю путину дала 3 000 ц рыбы сверх плана. Кроме этого, собрала в фонд помощи детям-сиротам фронтовиков 14 000 руб. и 3 т рыбы, 800 кг муки [Сборник 1978: 172].

С начала Великой Отечественной войны количество комсомольцев в областной организации начало сокращаться. Если к началу 1941 г. в организации было 13 тыс. человек, то осенью 1943 г. в составе Калмыцкого областного комитета комсомола состояло чуть более 4 тыс. человек. Наибольшее количество комсомольских организаций было в составе Долбанского улусного комитета (34), Приволжского, улусного комитета (31), Лаганского и Западного укомов (по 25 соответственно). Самыми многочисленными улусными организациями были Улан-Хольская (635), Лаганская (556) и Приволжская (515) (см. таблицу 1).

Таблица 1. Численный состав Калмыцкой организации ВЛКСМ, 3 квартал 1943 г.

[Table 1. Number of Komsomol members in Kalmykia as of July–September 1943]

	Наименование улусного комитета	Количество организаций	Количество членов
1.	Элистинский горком	23	249
2.	Долбанский улусный комитет	34	372
3.	Западный улусный комитет	25	276
4.	Кетченеровский улусный комитет	19	228
5.	Лаганский улусный комитет	25	556

6.	Мало-Дербетовский улусный комитет	16	233
7.	Приютинский улусный комитет	20	289
8.	Приволжский улусный комитет	31	515
9.	Сарпинский улусный комитет	17	343
10.	Троицкий улусный комитет	15	223
11.	Улан-Хольский улусный комитет	23	635
12.	Черноземельский улусный комитет	21	204
13.	Юстинский улусный комитет	18	237
14.	Яшалтинский улусный комитет	23	297
	Итого:	310	4 567

Источник: [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 161. Л. 5] (итоговые данные подсчитаны автором).

Таким образом, калмыцкие комсомольцы, несмотря на значительное сокращение, внесли значительный вклад в хозяйственное и культурное восстановления республики. Однако 28 декабря 1943 г. по несправедливым и огульным обвинениям весь калмыцкий народ был выслан в Сибирь, а Калмыцкая АССР — ликвидирована.

Деятельность комсомольцев Калмыкии по восстановлению автономии республики

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. для реализации мероприятий по восстановлению калмыцкой автономии были сформированы организационный комитет по Калмыцкой автономной области (КАО) и оргбюро Калмыцкой партийной областной организации. 9 января 1957 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края. Началось возрождение автономии, работа по созданию условий для возвращения, трудоустройства и размещения калмыцкого населения на территории Калмыкии.

Первые калмыцкие семьи начали возвращаться в родные места в конце 1956 г. Местное население тепло их встречало, органы власти старались создать необходимые условия для жизни и трудоустроить прибывших. К началу 1957 г. в областной комсомольской организации состояло 5 509 чел. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 189. Л. 13].

Комсомольцы и молодежь были в числе первопроходцев. В феврале 1957 г. оргкомитет по КАО обратился в Совет Министров РСФСР с просьбой о досрочном переселе-

нии 5 тыс. молодых калмыков из Сибири. «Москва, Совмин РСФСР. В связи с массовой заготовкой местных строительных материалов, строительством домов переселенцам-калмыкам, началом охотной кампании, подготовкой к севу — в колхозах, МТС, совхозах недостает большого количества механизаторских, строительных кадров, чабанского состава, сакманщиков», — говорится в документе [Басангов 2018: 28]. И далее: «Оргкомитет просит Совет Министров разрешить досрочное переселение из молодежи калмыков 5 тыс. человек, из Алтайского края — 1 150 чел., Красноярского — 1 180 чел., Новосибирской области — 1 320 чел., Омской — 660 чел. В целях организованного проведения отправки с мест выезда, приема в местах вселения Оргкомитет просит Совет Министров обязать: отдел организованного набора и переселения при Совмине, исполкомы Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Тюменской областей оказать помощь нашим представителям в отборе, комплектовании, отправке первой партии калмыков на родину, также обязать министерство совхозов выделить, отгрузить в феврале–марте 500 двойных шестнадцатиместных вагончиков; министерство сельского хозяйства — 200 вагончиков...» [Басангов 2018: 28].

В короткий срок были созданы и начали работу областные партийные и комсомольские организации. В середине ноября 1957 г. состоялось заседание организационного пленума Калмыцкого обкома ВЛКСМ. Первым секретарем Калмыцкого обкома ВЛКСМ по предложению секретаря Ставропольского крайкома В. М. Мироненко был избран Басанг Педерович Надбитов. Вторым секретарем по предложению

Б. П. Надбитова был избран Виктор Сергеевич Бушин, заведующий отделом Ставропольского крайкома [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 175. Л. 2].

Комсомольская организация активно включилась в работу по привлечению, последующему размещению и трудоустройству новоприбывшего населения. Во многих населенных пунктах развернулось большое жилищное строительство, для которого требовались молодые энергичные люди, строительные материалы и средства. Необходимо было организовать новые и расширить имевшиеся совхозы для трудоустройства всего прибывающего трудоспособного калмыцкого населения. Все эти вопросы решали вновь созданные партийные, советские и комсомольские органы.

В течение 1957 г. Калмыцкий областной комитет ВЛКСМ отвечал на обращения, которые приходили из различных районов Алтая, Сибири, Средней Азии и Казахстана. Перечень обращений был довольно большой. Молодежь часто писала в областной комитет коллективные и индивидуальные письма с приветствием и выражением желания принять активное участие в восстановлении и строительстве национальной республики. В январе – феврале 1957 г. областной комитет комсомола отвечал, что в республике будет развернуто большое жилищное строительство. Только в Элисте планировалось сдать в эксплуатацию тридцать четырехквартирных домов, пятнадцать восьмиквартирных и пятнадцать одноквартирных домов, один тридцатиквартирный дом, четыре школы и многое другое [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 183. Л. 85].

Везде требовались молодые люди для работы строителями, каменщиками, штукатурами, плотниками. В этой связи предлагалось комсомольцам и представителям несоюзной молодежи ждать наступления весны на местах целевого вызова [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 183. Л. 3]. Однако уже в мае обком комитета ВЛКСМ, отвечая на письма, указывал, что мест для размещения всех вернувшихся калмыцких семей не хватает, поэтому просит находиться на местах уже до наступления весны следующего года [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 183. Л. 123].

Также в областной комитет ВЛКСМ часто обращались по поводу получения или продолжения своего образования. Област-

ной комитет подавал прошения на получение целевых мест в высших учебных заведениях страны. Так, в 1957 г. республике были даны квоты в Ставропольском педагогическом институте (20 мест), Московском государственном университете (7 мест) и т. д. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 183. Л. 102]. Также обращался обком комсомола в высшие учебные заведения по месту нахождения в ссылке калмыков с призывом выделить им места [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 183. Л. 135].

К октябрю 1957 г., по данным отдела переселения Калмыцкой области, в пределы области прибыло 9 306 семей калмыков в количестве 35 146 чел. [Судавцов 2010: 17]. Молодежь и комсомольцы активно приняли участие в производственной и общественной жизни Ставропольского края.

Экономика возрождалась усиленными темпами. На всех важнейших объектах в промышленности и сельском хозяйстве создавались комсомольско-молодежные бригады. Только в г. Элисте создано 5 комсомольско-молодежных строительных бригад [Сборник 1978: 181].

Огромное внимание уделялось развитию сельского хозяйства. В 1957 г. калмыцкая комсомольская организация объявила почин «Овцеводству — комсомольскую заботу». Было создано более 200 комсомольско-молодежных чабанских бригад. Многим из них в зимовку удалось полностью сохранить взрослое поголовье, получить к отбивке рекордное количество ягнят. Силами комсомольцев и молодежи было построено 95 тепляков, 62 кошары и 118 чабанских домиков, заготовлено 157 тыс. тонн сена, 93 тыс. тонн соломы, 71 тыс. тонн силоса [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 174. Л. 31].

Весной 1957 г. в период окотной кампании сакманщиками поехали работать более 4 тыс. юношей и девушек, в стригальной кампании участвовали 2 тыс., на заготовке кормов — 5 тыс. чел. [Сборник 1978: 181].

В 1957 г. в СССР был проведен ряд фестивалей, из которых самым крупным стал шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Для отбора участников был проведен областной фестиваль. Первые места завоевали представители Яшалтинской и Элистинской организаций. Выявленные талантливые исполнители и спортсмены с успехом выступили на Краевом фести-

вале молодежи и студентов Ставрополя [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 188. Л. 50].

Осенью 1958 г. для комсомольцев, работавших в сельском хозяйстве и промышленности, обкомом комсомола были учреждены переходящие Красные знамена «Лучшая молодежная тракторная бригада» и «Лучшая молодежная строительная бригада». Обком ВЛКСМ совместно с облсельхозуправлением регулярно подводил итоги соревнования и освещал в газете «Молодой ленинец» передовой опыт лучших животноводов и строителей [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 188. Л. 50].

На благоустройстве своих населенных пунктов члены районных комсомольских организаций сажали фруктовые сады и виноградники. Так, молодежь посадила 110 тыс. деревьев, из них 23 тыс. — в г. Элисте [Басангов 2018: 32].

В результате переселения в восстановленную автономию Калмыкии лиц коренной национальности произошел рост численности ее комсомольской организации. К началу 1958 г. в составе областной организации насчитывалось 288 первичных организаций и более 10 тыс. чел. (см. таблицу 2).

Таблица 2. Численный состав Калмыцкой организации ВЛКСМ на 1 января 1958 г.

[Table 2. Number of Komsomol members in Kalmykia as of 1 January 1958]

	Наименование УК	Количество членов
1.	Элистинский городской комитет	1 464
2.	Западный улусный комитет	1 517
3.	Каспийский улусный комитет	817
4.	Приозерный улусный комитет	725
5.	Приютненский улусный комитет	898
6.	Сарпинский улусный комитет	1 305
7.	Черноземельский улусный комитет	776
8.	Юстинский улусный комитет	448
9.	Яшалтинский улусный комитет	1 129
10.	Яшкульский улусный комитет	682
11.	Целинный улусный комитет	692
	Итого:	10 453

Источник: [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 201. Л. 5].

Заключение

С началом Великой Отечественной войны многие комсомольцы Калмыкии встали на защиту Родины. Согласно архивным данным, численность оставшихся в республике членов калмыцкой областной организации ВЛКСМ в это время значительно сократилось. Однако комсомольцы и молодежь Калмыкии участвовали в мобилизации, помощи фронту, боролись с врагом во время временной оккупации и внесли зна-

чительный вклад в хозяйственное и культурное восстановление республики после освобождения. К моменту восстановления автономии республики в 1957 г. количество членов комсомольской организации возросло. Комсомольская организация активно включилась в работу по строительству национальной республики. На всех объектах строительства, промышленности и сельского хозяйства работали комсомольско-молодежные бригады.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Басангов 2018 — *Басангов И. Н.* Нас водила молодость... Комсомол Калмыкии: летопись славных дел. Элиста: НПП «Джангар» 2018. 80 с.
- Будем верными 1942 — Будем верными дочерьми // Ленинский путь. 1942. 26 мая. С. 1.
- Калмыкия 2005 — Калмыкия в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост. М. Л. Кичиков, Л. П. Коженбаева, А. И. Наберухин и др.; 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 784 с.
- Калмыкия 2006 — Калмыкия в партизанском движении. 1941–1945 гг.: док. и мат-лы / сост. В. З. Атуева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 431 с.
- О почине комсомольцев 1943 — О почине ком-

сомольцев // Ленинский путь. 1943. 21 марта. С. 1.

- О сборе средств 1941 — О сборе средств // Ленинский путь. 1941. 28 августа. С. 2.
- Оконов 2021 — *Оконов Б. А.* Становление и развитие комсомольской организации Калмыкии в 1921–1943 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2021. 220 с.
- Сборник 1978 — Сборник документов и материалов по истории Калмыцкой организации ВЛКСМ / сост. З. Б. Очирова, А. О. Тапкина и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 319 с.
- Судавцов 2010 — *Судавцов Н. Д.* Калмыкия в составе Ставропольского края в период восстановления автономии калмыцкого народа (1957–1958 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 15–20.

References

- About crowdfunding. *Leninskiy put.* 1941, August 28. P. 2. (In Russ.)
- About good start of Komsomol members. *Leninskiy put.* 1943, March 21. P. 1. (In Russ.)
- Atueva V. Z. (comp.) Kalmykia and the Guerilla Movement: 1941–1945. Documents and materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 431 p. (In Russ.)
- Basangov I. N. We Were Led by Youth... Komsomol of Kalmykia: Chronicles of Glorious Years. Elista: Dzhangar, 2018. 80 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L., Kozhenbaeva L. P., Naberukhin A. I. et al. (comps.) Kalmykia during the Great Patriotic War of 1941–1945. Documents and materials. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. 784 p. (In Russ.)
- May we be dutiful daughters. *Leninskiy put.* 1942, May 26. P. 1. (In Russ.)
- Ochirova Z. B. et al. (comps.) History of Kalmykia's Komsomol. Collected documents. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. 319 p. (In Russ.)
- Okonov B. A. The Shaping and Development of Kalmykia's Komsomol Organization: 1921–1943. Cand. Sc. (history) thesis. Stavropol, 2021. 220 p. (In Russ.)
- Sudavtsov N. D. Kalmykia as part of Stavropol Krai during the restoration period of 1957–1958. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences.* 2010. No. 2. Pp. 15–20. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 708–730, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-708-730

Немцы Калмыкии: вехи истории — вехи судьбы

Райма Григорьевна Саряева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-2358-3539. E-mail: raima_s@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Саряева Р. Г., 2022

Аннотация. *Введение.* 260-летняя история российских немцев по-прежнему привлекает исследователей. Немцы Калмыкии, их история, быт и культура до сих пор остаются малоизученными. *Цель работы* — раскрыть историю появления и закрепления немцев в Калмыкии, дать обзор основных этапов исторического развития данной этнической группы в республике через анализ имеющихся о ней источников. Для достижения цели были поставлены задачи: рассмотреть причины поселения немцев в России, дать их комплексную характеристику, раскрыть причины депортации немцев и проблемы их реабилитации и эмиграции. *Материалами* для исследования послужили архивные источники, опубликованные работы по истории немцев России, материалы периодической печати и полевой материал автора. *Результаты.* На основе анализа источников показана история немцев Калмыкии, начиная со времени их поселения в кочевьях Большедербетовского улуса и заканчивая современным периодом. В перестроечное время большая часть «калмыцких» немцев мигрировала в Германию. Наряду с утратой языка, причинами массовой миграции немцев из России, в том числе и из Калмыкии, являются и экономические условия.

Ключевые слова: немцы Калмыкии, немцы-колонисты, немцы Поволжья, депортация, искажение, замалчивание, эмиграция, реабилитация

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Саряева Р. Г. Немцы Калмыкии: вехи истории — вехи судьбы // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 708–730. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-708-730

Russia Germans in Kalmykia: Milestones of History — Milestones of Fate

Rayma G. Saryayeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-2358-3539. E-mail: raima_s@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Saryaeva R. G., 2022

Abstract. *Introduction.* The 260-year history of Russia Germans is still of interest to researchers. The Germans of Kalmykia, their history, life and culture remain somewhat understudied. *Goals.* The work aims at revealing circumstances to have surrounded the arrival and strengthening of Germans in Kalmykia, analyzes available sources for an overview of historical milestones experienced by the ethnic group in the Republic. To facilitate this, the paper shall consider reasons of the German immigration to Russia, provide a comprehensive description of the latter, reveal causes of the subsequent deportation and problems of rehabilitation and emigration. *Materials.* The study investigates archival sources, publications dealing with the history of Russia Germans, periodicals and author's field data. *Results.* The analysis of sources yields a history of Kalmykia Germans from their arrival in nomadic territories of Bolshederbetovsky Ulus to the modern era. The perestroika witnessed mass migrations of Kalmykia Germans back to Germany to have resulted from the loss of mother tongue, and harsh economic conditions.

Keywords: Germans of Kalmykia, German colonists, Volga Germans, deportation, distortion, veil of silence, emigration, rehabilitation

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Saryaeva R. G. Russia Germans in Kalmykia: Milestones of History — Milestones of Fate. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 708–730. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-708-730

Введение

Парадоксальное наименование целого народа — «российские немцы» или «немцы России» — вобрало в себя и отражает историческую связь между двумя странами, являющимися для немцев родинами. Кто они, российские немцы, как оказались в Калмыкии, как сложилась их жизнь в степной, азиатской республике?

Немцы расселялись в России с XVIII в. (хотя первые упоминания о них, согласно фундаментальной энциклопедии «Немцы России» [Немцы России 1999: 10], относятся к IX в.), но публикаций по их истории было немного вплоть до начала 1990-х гг.

В 1918 г. в Советской России была создана Автономная Социалистическая Советская Республика немцев Поволжья (далее — АССР НП), но во время Великой Отечественной войны немцев депортировали. В советской историографии практически не было публикаций, посвященных этой этнической группе.

Перестройка в СССР и демократизация общества способствовали открытию ранее «закрытых» тем.

В 1988 г. в СССР появились первые сообщения о судьбе «наказанных» народов, в том числе и немцев, — сначала в прессе, в центральной и региональной [Ауман, Чернышев 1988: 6; Вормсбехер 1988; Лапин, Франк 1988; Григорьева 1988].

19 октября 1988 г. провозглашению автономии немцев Поволжья исполнилось 70 лет. К данному, почти незамеченному, юбилею, а также в связи с увеличившейся эмиграцией российских немцев в Германию и появились упомянутые публикации, в которых впервые были изложены сведения о народе, его истории.

15–16 ноября 1989 г. в г. Москве прошла Всесоюзная научно-практическая конференция «Советские немцы: история и современность». Это был первый всесоюзный форум по данной теме. Еще ранее, 11 мая 1988 г., состоялась республиканская науч-

но-практическая конференция в Алма-Ате (Казахстан)¹, что было вполне логично, ведь большинство немцев во время депортации были поселены в Казахстане.

Начавшееся в 1988 г. рассекречивание спецхранов² библиотек, а год спустя и многих архивных фондов позволило ученым начать разработку запретной доселе темы [Рейфман 2007].

Уже в начале 1990-х гг. появились работы [Бугай 1991а; Малиновский 1991; Бугай 1992; Герман 1992; и др.], посвященные истории немецкой автономии и советских немцев.

Публикации же об истории российских немцев более раннего периода выходили и до 1930-х гг. [Клаус 1869; Зиннер 1925; Schiller 1927; и др.].

Четырехтомник «Das Autorenlexikon der Russlanddeutschen» называет более 3 000 авторов, оставивших свои труды о немцах России, — не только историков, но и писателей, журналистов и др. [Mater 2009]³. С 1990 по 2006 г. написаны и изданы около 1 000 статей и монографий по истории, культуре немцев разных регионов России. Однако данные работы известны прежде всего в тех регионах, в которых они издавались, и они не смогли сыграть той просветительской роли, которую могли бы выполнить [Айсфельд 2006].

Необходимо также отметить труды саратовских ученых [Герман 2007; Герман,

Плеве 2002; Арндт 1998; Арндт 2000; Герман, Иларионова, Плеве 2005; Лиценбергер 2007] и других, воссоздавших и воссоздающих историю немцев России. При Саратовском университете действует Центр изучения истории и культуры немцев России⁴.

И в Германии изучают историю соотечественников на востоке [Stumpp 1981; Fleischhauer 1986; Eisfeld 1999; Eisfeld 2003; Klötzel 1999; Schippan, Striegnitz 1992; Айсфельд 2008; Айсфельд 2010; и др.].

Немало интересных публикаций по истории немецких колоний в России размещено в уникальных электронных библиотеках информационного портала российских немцев «Rusdeutsch» и неофициального сайта поволжских немцев «История немцев Поволжья»⁵.

Отмечая важность и ценность этих научных трудов, а также появление в последнее время новых интересных исследований [Вайман, Черных 2015; Райт 2015; Труд на концессионных 2015; Айсфельд и др. 2017; История немцев 2020; Шепталин 2020; Айсфельд и др. 2021; Российские немцы 2021; и др.], оговорим, что большая часть их посвящена истории немцев в рамках АССР немцев Поволжья или же общей истории немцев в России. Надо учитывать, что основными местами расселения немцев в России являлись не только Поволжье, но и территория современной Украины, Закавказье, северное Причерноморье, Закавказье, а с конца XIX в. — Сибирь и Северный Кавказ.

Поэтому, естественно, немало работ имеет региональный характер: они посвящены истории немцев Кавказа и Закавказья, Алтая и Сибири, Оренбуржья и Санкт-Петербурга, Казахстана и Азербайджана, Украины и Урала [Малиновский 1995; Немцы Бурятии 1995; Зейналова 2002; Немецкое население 2002; Вибе 2007; Черказыно-

¹ См. также обзор Т. Черновой [Чернова 1999: 261–278].

² Спецхран (отдел специального хранения) — в СССР специальный отдел в библиотеках, доступ к которому был ограничен. В нем находились издания, ознакомление с которыми широкой публики считалось нежелательным по идеологическим соображениям, а также отнесенные по различным соображениям к категории «Для служебного пользования» или «Секретно». С марта 1987 г. в связи с общими процессами демократизации в обществе и установкой на «гласность» началось возвращение книг из спецхранов в открытые фонды. К концу 1988 г. в открытые фонды было переведено 7 930 изданий. К 1988 г. спецхран библиотеки им. Ленина насчитывал более 300 тысяч названий книг, более 560 тысяч журналов, не менее миллиона газет [Джимбинов 1990: 242–253].

³ См. сайт автора: www.edarmer.de. На сайте книга появилась несколькими годами ранее, чем была издана в бумажном варианте.

⁴ Центр изучения истории и культуры немцев России [электронный ресурс] // Саратовский НИГУ им. Н. Г. Чернышевского. 2003. URL: <https://www.sgu.ru/structure/imimo/cultural> (дата обращения: 05.01.2022).

⁵ Электронная библиотека (Литература, история и культура немцев России, более 17 тыс. книг, статей, номеров газет и журналов) [электронный ресурс] // Информационный портал российских немцев RusDeutsch. 2003. URL: <https://bibliothek.rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 05.01.2022).

ва 2011; Саряева 2015; Киссер 2019; Шлегель 2022].

История немцев в каждом регионе имела свои особенности, что стремятся отразить авторы. И можно только приветствовать появление трудов данной тематики исследователей России и стран СНГ [Аккиева 1995; Плохотнюк 1998; Плохотнюк 2001; Джафарли 2001; Чернова 2004; Из истории 2000; Черказынова 2021; Чернова-Дёке 2022; и др.]¹.

В последние годы опубликованы фундаментальные труды: дополненное издание «История немцев России» и коллективная монография «Российские немцы» из серии Института этнологии и антропологии РАН «Народы и культуры» [История немцев 2020; Российские немцы 2021].

В Калмыкии изучением немецких поселений занимался И. В. Борисенко [Борисенко 1991; Борисенко 1998]. Одна из статей является докладом И. В. Борисенко на республиканской научно-практической конференции «Немцы и калмыки: взаимодействие культур и общность исторических судеб», состоявшейся в апреле 1998 г. в Элисте [Борисенко 1998]. Материалы этой конференции, к сожалению, так и не были изданы отдельной книгой. Спустя 12 лет в Элисте в рамках Дней Германии в Калмыкии состоялась международная научно-практическая конференция «Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии», материалы которой были опубликованы [Немецкий акцент 2010]. Данный симпозиум показал, что немецкая тематика, несомненно, присутствует в исследованиях калмыцких историков, этнографов и лингвистов, но она больше касается немецко-калмыцких исторических связей или «немецкого» влияния на топонимику Калмыкии. Кроме того, еще Я. Дитц, а также современные исследователи указы-

вали на тесные торговые и другие отношения между калмыками и колонией Сарепта, основанной братством Гернгутеров на Волге [Дитц 2000: 451–452; Мургаев 1997: 117; Очир-Горяев 2001: 281–284]. В калмыковедческой литературе отмечается, что первыми исследователями, изучавшими язык, быт, культуру калмыков, флору и фауну калмыцкой степи, были выдающиеся российские ученые немецкого происхождения: Гмелин-старший и его племянник С. Гмелин, П. С. Паллас, К. Бэр, Я. Шмидт и др. (см. также: [Fleischhauer 1986: 92–93; Борисенко 1977а; Борисенко 1977б; Алексеева 1983]).

Трагедия немцев Калмыкии освещается уже с 1988 г.: сначала в прессе [Григорьева 1988: 2], а с 1991 г. — в научных публикациях [Бугай 1991а; Бугай 1991б; Убушаев 1992; Убушаев 2001; Saryeva 2009; Очирова, Белоусов 2011; Оконова 2013; Саряева 2013; Оконова, Лиджиева 2014].

Словом, все указанные выше факторы во многом определяют характер и актуальность исследований «немецкой» темы в Калмыкии. И, несмотря на огромное количество литературы о российских немцах XVIII–XXI вв., некоторые аспекты их истории, особенно в Калмыкии, до сих пор остаются неисследованными. Поэтому «историю немцев Поволжья, да и всей России, надо изучать, делать ее достоянием широких масс» [Герман 2007: 11].

Цель данной работы — раскрыть историю появления и закрепления немцев в Калмыкии, дать обзор основных этапов становления и развития данной этнической группы в республике через анализ имеющихся о ней источников.

Немцы Калмыкии: вехи истории

Понятие «российские немцы» — это не только указание на происхождение этнической группы. Л. Клётцель подчеркивает: «Как подтверждают многочисленные исследования, эта географо-этническая формула выражает двойное определение, двойную идентичность данной народности. С одной стороны, российские немцы понимались как граждане Российской империи, с другой — они одновременно чувствовали себя связанными как единое целое в языковом и культурном отношении с немецким народом» [Klötzel 1999: 15].

¹ См. также новые работы: Электронная библиотека (Литература, история и культура немцев России, более 17 тыс. книг, статей, номеров газет и журналов) [электронный ресурс] // Информационный портал российских немцев RusDeutsch. 2003. URL: <https://bibliothek.rusdeutsch.ru/>; Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського. Поиск в системе «Ирбис». URL: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe (дата обращения: 05.01.2022).

Появление немцев в России: от манифестов до колоний и диаспор

Считается, что немцы в России как общность стали организовываться после манифестов Екатерины II (от 4.12.1762 г. и 22.07.1763 г.) [Немцы-колонисты 2004: 10–11, 19–28]. Однако, как отмечают исследователи [Вашкау 1994: 5; Герман, Плеве 2002: 4; Schippan, Striegnitz 1992: 8], а также фундаментальная энциклопедия «Немцы России» [Немцы России 1999: 10], первые немцы появились на Руси еще в IX в.

Немецкие исследователи М. Шиппан и С. Штригниц сообщают, что «во времена правления Ивана Грозного IV появились в предместье Москвы иностранные поселения, которые обозначались как „немецкие слободы“. А словом „немец“ русские в то время называли большинство выходцев из Западной Европы, которые были и других национальностей. Тем не менее, в этих поселениях — слободах — доминировал немецкий язык»¹ [Schippan, Striegnitz 1992: 8].

При Петре I приток специалистов из Германии увеличился: немцы привлекались на службу в армию, на флот и занимались большей частью мануфактурой.

Организовать земледельческие колонии решено было еще в царствование Елизаветы и осуществлено Екатериной Второй. В начале царствования последней в Среднем и Нижнем Поволжье начались восстания и бунты крепостных крестьян, против которых были приняты крутые меры, и волнения улеглись [Дитц 2000: 23]. Как показали, однако, последующие события, нелегко было умиротворить Поволжье с его беспокойным населением. Императрица понимала всю опасность положения этого края: спустя пять месяцев после восхождения на российский престол она «решилась заселить его спокойными и надежными колонизаторами» [Дитц 2000: 23].

Манифест от 4 декабря 1762 г., ставший одним из первых указов Екатерины II, послужил лишь сигналом для начала исторического переселения немцев в Россию [Герман, Плеве 2002: 12]. Ожидаемого успеха манифест не принес: в нем не было гарантий от государства. Поэтому в июле 1763 г. опубликованы «Манифест о даруемых иностранным переселенцам преимуществах и приви-

легиях» и «Указ об учреждении Канцелярии опекунов иностранных переселенцев». Эти документы стали основой для расширения и движения колонизации (до реформы 1871 г.). Следующим «вызывным» манифестом Екатерина II обещала личную свободу каждому и «всякое вспоможение и удовольствие» [Дитц 2000: 36].

Путь из Германии был труден, многие мигранты, как отмечают исследователи, не смогли добраться до цели: из Германии на Волгу вышло 27 тысяч человек, после водворения в колониях к 1 января 1769 г. оказалось 23 246 душ [Дитц 1997: 61].

В конце XIX в. в России существовало свыше 2 тысяч немецких поселений. Немцы составляли, по данным энциклопедии «Немцы России», 1,42 % от всего населения империи и являлись восьмой по численности национальностью в стране [Немцы России 1999: 10].

А. А. Дульзон считает, что «на левобережье Волги немцы были дорусским населением Поволжья. Территория, которую они занимали, вероятно, считали своей кочевые племена калмыков и киргиз-кайсаков» [Дульзон 2012].

На основании Брест-Литовского договора российские немцы получили право вернуться на «старую» родину, в Германию. Германское правительство склонно было рассматривать всех колонистов как реэмигрантов и готово было взять их под свое покровительство. Чтобы не допустить этого, советскому правительству необходимо было срочно установить свою власть в немецких колониях. Поэтому в Саратов были командированы коммунисты — бывший немецкий военнопленный Э. Рейтер² и австрийский военнопленный К. Петин для организации немецкой автономии на советских началах [Усанова 1993: 40]³. И. Фляйшхауэр назвала Эрнста Рейтера и Карла Петина военнопленными немецкими социал-демократами [Fleischhauer 1986: 591].

² Эрнст Рудольф Иоганнес Рейтер (Ройтер) немецкий социал-демократ, нарком и председатель Поволжского комиссариата по немецким делам в АССР немцев Поволжья в 1918 г., в 1948–1953 гг. — правящий бургомистр Берлина. Во время Первой мировой войны попал в плен, примкнул к большевикам.

³ См. также: [Корн 2008].

¹ Здесь и далее перевод немецких источников автора. — Р. С.

30 апреля 1918 г. Э. Рейтер и К. Петин создали в Саратове Поволжский Комиссариат по немецким делам. 19 октября 1918 г. декретом была образована автономная область (Трудовая коммуна) немцев Поволжья (АО НП), в феврале 1924 г. преобразованная в АССР немцев Поволжья.

Таким образом, немецкая автономия образовалась распоряжением сверху и при активной поддержке советского правительства, а также под давлением большевистской агитации Поволжского комиссариата [Усанова 1993: 41; Вашкау 1994: 27]. Поскольку целью образования республики было установление советской власти в немецких колониях, то самоуправлению отводилась второстепенная роль.

Также были созданы немецкие национальные районы в РСФСР (в Алтайском и Красноярском краях, Оренбургской и Крымской АССР) и Украинской ССР — в Днепропетровской, Николаевской и Одесской областях. Это в известной мере создавало возможности для развития немецкого национального компонента в России и других союзных республик. Однако этот процесс натолкнулся на жесткое сопротивление авторитарной системы [Немцы России 1999: 11].

Калмыкия — новая родина немцев

Согласно переписи 1989 г., в Калмыцкой АССР проживало 5 586 немцев, всего в СССР — 2 038 603 [ВПН 1989]. Согласно переписи 2002 г. в республике осталось 1 643 немца, в России — 597 212.

Датой поселения немцев в Калмыкии можно назвать май 1870 г. [Лауденшлегер 1990: 2], когда немецкие колонисты из Бессарабии и с Черниговщины по приглашению ставропольского губернского начальства появились на территории Большедербетовского улуса (ныне Яшалтинского района Калмыкии). Переселенцам предлагались земли на 1 тысячу семей в кочевьях большедербетовских калмыков, находившихся с 1860 г. в подчинении ставропольской администрации [Лауденшлегер 1990: 2].

Устройство новых поселенцев в кочевьях Большедербетовского улуса связано, по мнению С. С. Белоусова, с деятельностью в ставропольских кругах лютеранского пастора Трейфельдта, оказывавшего помощь своим единоверцам-переселенцам [Белоусов 2010: 53].

В течение полутора месяцев на правом берегу речки Хагин-Сала была произведена разметка и планировка будущего села¹. Основание села датируется разными годами. «Село было образовано в Медвеженском уезде Ставропольской губернии в 1878–1879 гг. при разделении села Хагинского на две части — немецкую и эстонскую. Земля была отмежевана из земель калмыцкого Генденова рода Большедербетовского улуса. В печатных источниках датой образования села считается 1879 г.» [Административно-территориальное устройство 2008: 144].

И. Лауденшлегер приводит цитаты из дневника первого учителя, приехавшего в калмыцкие степи из Польши, — Савицкого, которого, замечает автор, «в народе называли Гансом». Учитель Савицкий вел дневник, начиная с середины 1870 г. и до конца 1880-х гг., в котором писал: «Немцы-переселенцы в основном были очень бедны, плохо одеты... На новом месте после резкого изменения условий жизни и перемены климата началась малярия, которая унесла много жизней. Народ был обречен, все, к чему он стремился, — иметь свою землю — он получил. Но землю надо обработать — вспахать, засеять — только потом ожидать урожая, как спасения. Спасла этих людей доброта русских, живших по соседству. Они оказали бескорыстную помощь... Калмыки

¹ Кроненталь/Kronental (Немецко-Хагинское; также Хагинское Немецкое, Дейч-Хагинск, Хагинская), до 1917 г. — Ставропольская губерния, Медвеженский уезд, Немецко-Хагинская (Хагинско-Немецкая, Хагинская)/Новогорлыкская волость; в советский период — Воронцово-Николаевский (Сальский) р-н, с 1924 г. — Калмыцкая АССР, Яшалтинский/Западный/Больше-Дербетовский улус (в настоящее время — с. Ульяновское, Республика Калмыкия, Яшалтинский р-н). Лютеранско-баптистское село на собственной земле, основано в 1878 г. В 150 км к западу от Элисты. Основатели из Бессарабии и беловежских колоний. Лютеранский приход Ставрополь. Земли 4 708 дес. (1915). Мельница. Колхозы им. Р. Люксембург, им. К. Маркса, им. Молотова. Сельсовет (1936). Жители депортированы в Северо-Казахстанскую область 07.11.1941. Жителей: в 1880 г. — 432, в 1897 г. — 1 558/1 504 нем., в 1909 г. — 2 768, в 1916 г. — 1 962, в 1920 г. — 2 387, в 1925 г. — 1 876, в 1936 г. — 1 677 [Немцы России 2006: 245].

пригоняли к немецким поселениям в дар по полтора-два десятка овец и крупный рогатый скот» [Лауденшлегер 1990: 2].

И. В. Борисенко дополнил сведения И. Лауденшлегера новыми данными. Так, он цитирует описание села Немецко-Хагинского (Нем-Хагинка) из книги инспектора народных училищ А. Твалчрелидзе «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношении» (1897 г.): «Село лежит в открытой местности среди калмыцких степей при речке Хагин-Сала и балке Овсауль-Кюль... История основания села положена немцами, переселившимися сюда из Бессарабской и Черниговской губерний...» [Борисенко 1991: 2].

В 1893 г. Нем-Хагинка становится волостным центром. По другим данным, Немецко-Хагинская волость с включением в ее

состав села Эсто-Хагинское была образована немного раньше, в январе 1881 г. [Административно-территориальное устройство 2008: 144]. В Нем-Хагинке уже имелось около 200 дворов. В ней числилось 1 179 коренных и 23 иногородних жителя. В селе была построена школа, имелись 4 торговые лавки, работало 6 мельниц. К 1913 г. Нем-Хагинка выросла, жизнь в селе постепенно налаживалась. Здесь уже функционировали паровая мельница и кирпично-черепичный завод, проложена железная дорога Царицын – Воронцовка – Ростов-на-Дону [Лауденшлегер 1990: 2; Борисенко 1991: 2].

Позже вокруг Нем-Хагинки образовались новые поселения: Розенталь, Фриден-таль, Шин-Фельд, Шин-Брук, Рейн-Фельд, Ней-Фельд и др. [Борисенко 2001: 141–144].

По переписи 1926 г. в Калмыкии проживало 2 603 немца [ВПН 1926].

Нацио- нальность	Численность								
	Все население			Городские поселения			Сельское население		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Муж- чины	Женщины	Оба пола	Муж- чины	Женщины	Оба пола
Немцы	1 299	1 304	603	0	0	0	1 299	1 304	2 603

Источник: [ВПН 1926]

Постановлениями президиума ВЦИК от 18 февраля 1924 г. и 8 декабря 1924 г. бывшие волости Ставропольской губернии Яшалтинская, Эсто- и Немецко-Хагинские были включены в состав Калмыцкой автономной области. Решением Большедербетовского уисполкома от 17 января 1925 г. был осуществлен прием Немецко-Хагинской колонии в состав Калмыцкой области и утвержден Акт приемочной комиссии. В селе Нем-Хагин было 479 дворов. В «Списке населенных пунктов Большедербетовского улуса в 1929 году» в селе Нем-Хагинка числилось 352 двора, жителей — 1 697 чел. [Административно-территориальное 2019: 741].

К 1939 г. количество немцев в КалмАССР выросло почти в 2 раза. Согласно данным Н. Ф. Бугая, в республике проживало 4 140 немцев [Бугай 1991а: 172]. По переписи населения — на 10 человек больше [ВПН 1939].

В 1938 г. и в 1939 г. были приняты постановления о ликвидации национальных, а также и немецких, районов и сельсоветов.

Национальные школы и вузы с преподаванием на родном языке, издательства, журналы и газеты на родных языках, в том числе немецком, подлежали закрытию [Постановление Оргбюро 1938а: 341; Постановление Оргбюро 1938б: 342–343; Постановление Оргбюро 1938в: 395–396; Постановление Политбюро 1939: 451–460].

Насильственное выселение немцев

Единственным немецким административно-территориальным образованием на территории СССР оставалась АССР немцев Поволжья. Тем не менее постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 26.08.1941 г. «О переселении немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» началась ликвидация республики [Eisfeld 1999: 121]. Документ указывал переселить немцев численностью 479 841 человек в Сибирь и Казахскую ССР (перечислялись четыре сибирских края и области и шесть областей Казахстана) [Герман, Иларионова, Плевел 2005: 257].

Указы Президиума Верховного Совета от 28 августа¹ и 7 сентября 1941 г.² закрепили абсурдное постановление. Поводом для депортации немцев стали «достоверные данные» о том, что будто «среди немецкого населения... имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья...» [Герман, Иларионова, Плеве 2005: 257–258].

Согласно этому указу, немцев выслали на спецпоселение в Алтайский край, Новосибирскую и Омскую области, в Казахстан. Территория упраздненной автономии, согласно указу от 07.09.1941, была включена в состав Саратовской и Сталинградской областей.

Известно, с началом Второй мировой войны начатые еще в 1920-е гг. репрессии против народов были продолжены. П. М. Полян выявил 53 депортационные кампании и 130 операций против народов и этнических групп в СССР [Полян 2003].

Депортации народов, пишет Н. Ф. Бугай, «объяснялись» и «неблагонадежностью», и «превентивностью мер», и «участием в бандформированиях» [Бугай 2004], что было надуманно.

Причиной насильственного выселения немцев Н. Э. Вашкау называет желание руководства страны оправдать промахи и поражение в июне–июле 1941 г. тем, что «внутренние враги» и диверсанты из числа советских немцев помогают фашистам [Вашкау 1994: 54].

После указа о переселении немцев от 28 августа 1941 г. по всей стране начались антинемецкие репрессии. Уже 29 августа подверглись депортации немцы и финны из

Ленинградской области в восточные районы страны. В сентябре–октябре 1941 г. Госкомитет обороны СССР принял несколько актов о высылке немцев из других регионов страны... Их депортация из Москвы, Московской и Ростовской областей совпала с подобной акцией из Поволжья — 10–20 сентября 1941 г. Руководил операциями по выселению НКВД СССР [Полян 2001: 111–112; Убушаев 2001: 174].

В ноябре 1941 г. опубликованы еще два распоряжения Совнаркома: о переселении немцев из Калмыцкой АССР (2 ноября 1941 г.) и Куйбышевской области (21.11.1941) в Казахстан [Полян 2001: 113].

Депортация немцев из Калмыцкой АССР проводилась в соответствии с приказом наркома Л. П. Берия от 3 ноября 1941 г. [Архив ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 120], последовавшим после распоряжения СНК.

По сведениям НКВД КалмАССР, 5 965 немцев было выселено с 3 ноября по 6 декабря 1941 г. [Архив ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44]. Есть и другая цифра: ученые приводят данные НКВД СССР, согласно которым в Калмыкии на тот момент было учтено 5 706 немцев. По сведениям НКВД, которые приводят исследователи, из Калмыкии было отправлено три эшелона в количестве 5 525 человек [Герман, Иларионова, Плеве 2005: 270].

Н. Ф. Бугай в своей книге «Операция «Улусы» со ссылкой на А. Н. Кичихина отмечает: «Около 6 000 граждан немецкой национальности, а среди них преимущественно старики и дети, были депортированы в восточные районы с территории Калмыцкой АССР, из которой два года спустя будет переселен весь калмыцкий народ. Всего в 1941–1942 годах было переселено 1 209 430 немцев» [Бугай 1991б: 15].

Данные по улусам республики, согласно сведениям НКВД Калмыцкой АССР, выглядят так: из Яшалтинского улуса выселено 4 011 немцев, из Западного — 1 687, из Сарпинского — 18, из Кетченеровского — 3, из Черноземельского — 14, из Улан-Хольского — 7, из Лаганского — 15, из Троицкого — 14, из Приволжского — 30, из Долбанского — 30, из Приютинского³ — 20, из Малодербетовского — 11, из Юстинского —

¹ Текст указа опубликован 30 августа 1941 г. в газете «Nachrichten», печатном органе АССР немцев Поволжья. В книге А. Айсфельда дана копия первой страницы газеты: [Eisfeld 1999: 122]; текст указа см. также на русском языке у [Герман, Иларионова, Плеве 2005: 257–258].

² Указ ПВС СССР об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья. 7 сентября 1941 г. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 12. Д. 84. Л. 3 [электронный ресурс] // Библиотека новейшей литературы по истории и культуре российских немцев. Документы после 1917 г. URL: <https://wolgadeutsche.net/library/item/595> (дата обращения: 06.01.2022).

³ Ныне Приютненский район Калмыкии.

26, из Элисты — 79. Всего — 5 965 [Архив ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 211–212; Докладная записка 1941].

Обязанность руководить операцией была вменена Наркому внутренних дел Калмыцкой АССР, капитану госбезопасности Г. Я. Гончарову¹ [Убушаев 2001: 174].

Надо отметить, что вследствие ссылки калмыков, а также войны многие архивные документы по Калмыкии утеряны. Тем не менее сохранились документы по депортации калмыцких немцев. Это две большие папки — фонд 9, опись 1, архивные номера 43 и 44. На папках с бесценными документами указано, что до 2004 г. по учетам КГБ эти документы значились под следующими номерами: фонд 11-В, опись 62 [Архив ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 43, 44].

Среди этих документов имеется справка о количестве коммунистов и комсомольцев среди «калмыцких» немцев. Справка составлена 9 сентября 1941 г. старшим оперуполномоченным Контрразведывательного отдела НКВД, лейтенантом госбезопасности С. Ильиным. Он сообщал, что, по данным Калмыцкого обкома ВКП(б) от 1 сентября 1941 г., в Калмыкии насчитывалось 25 немцев-коммунистов, 23 кандидата в члены ВКП(б) и, по данным от 1 июля 1941 г., 148 комсомольцев [Архив ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 43. Л. 6].

Там же имеется справка о национальном составе населения Калмыцкой АССР. Дата не указана, но, по словам сотрудников архива ИЦ МВД Республики Калмыкия, данный документ относится к 1941 г. В справке написано, что калмыков в республике насчитывалось 107 315, немцев — гораздо меньше, чем указано в сведениях, составленных 6 декабря 1941 г. лейтенантом госбезопасности, — всего 4 150 человек, что совпадает с данными переписи населения 1939 г. Из них к городскому населению отнесен 201 человек, в сельской местности проживало 3 949 немцев.

Большая часть «калмыцких» немцев проживала в Западном и Яшалтинском улусах (это современные Городовиковский и Яшалтинский районы Калмыкии), граничащих с Ростовской областью и Ставропольским краем. По данной справке, в Яшал-

тинском улусе проживало 2 979 немцев, в Западном улусе — 971. Хотя по сведениям, составленным лейтенантом госбезопасности Калмыцкой АССР, в этих улусах проживало 4 011 и 1 687 соответственно [Архив ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11–24].

Вследствие несвоевременной подачи железнодорожных вагонов осуществление операции затянулось и вместо 10 ноября завершилось 6 декабря 1941 г. [Убушаев 2001: 174; Докладная записка 1941].

Перед началом спецоперации по выселению немцев из Калмыцкой АССР гужевой и автотранспорт в улусах уже был мобилизован на возведение оборонительного рубежа в Ростовской области и строительство железной дороги Астрахань–Кизляр [Оконова 2013: 55; Докладная записка 1941].

Из сводки № 9 от 12 сентября 1941 г. по Алтайскому и Красноярскому краям: «В пути следования эшелонов с немцами-переселенцами в... области Казахской ССР и Новосибирскую область (около 100 тыс. чел.): отстало от эшелонов 557 чел., бежало 8, умерло 437, родилось 143, были сняты с поезда по болезни — 77» [Так это было 1993: 146].

Вспоминает немец из Калмыкии И. Ладеншлегер: «С женщинами, стариками, детьми обращались, как со скотом... В Сальск приехали на четвертые сутки, голодные и перемерзшие. По пути конвой устроил обыск. Отбирали все, что можно. Говорили: вам это больше не понадобится. К месту назначения прибыли только в феврале следующего года. Многие погибли в пути. Те же, кто остался жив, были направлены в Трудармию» [Иващенко, Ковалев 1991: 3].

Депортации подверглись также военнослужащие немецкой национальности, те, кто воевал с фашистами. В 1942–1945 гг. были сняты с фронтов, по данным Н. Ф. Бугая, 33 516 немцев, большая часть из них отправлена в Трудармию [Бугай 1991а: 174].

Приказом ГКО СССР от 10 января 1942 г. мужчины и женщины немецкой национальности в возрасте 17–50 лет, были мобилизованы в так называемые рабочие колонны, позже получившие название «трудармии» [Бугай 1991а: 175].

При проведении депортации немцев не было определено их правовое положение и срок выселения. Это порождало массу вопросов [Вашкау 2002: 103].

¹ Г. Я. Гончаров — нарком внутренних дел Калмыцкой АССР.

Лишь 8 января 1945 г. опубликовано постановление «О правовом положении спецпереселенцев». Им устанавливались их обязанности и «права»: «Спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением ограничений, предусмотренных настоящим Постановлением. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной комендатурой. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке» [Герман, Иларионова, Плеве 2005: 304–305].

Указ Президиума Верховного совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» отличался большей жесткостью: за побег — 20 лет каторжных работ [Указ 1948].

Война уже закончилась, народы наделись на изменения в своей судьбе. Но путь к торжеству справедливости был еще долгим.

Лишь благодаря демократическим процессам в СССР с середины 1980-х гг. была приподнята завеса молчания над большинством проблем и «белых пятен» в истории страны, в том числе и над массовыми репрессиями и депортациями целых народов. «До 1974 года немцев не принимали в вузы, на службу в вооруженные силы. В средствах массовой информации было запрещено публиковать очерки об истории и современном положении российских немцев» [Кичихин 1992: 178].

Замалчивание правдивой информации о судьбе «наказанных» народов либо фальсификация их истории вызвали искажение общественного сознания и ущемление их национального самосознания: многие годы история и судьба советских немцев были неизвестны не только другим народам, живущим рядом, но и молодому поколению самих депортированных этносов (см.: [Вашкау 1994: 3; Герман, Плеве 2002: 4]). «Мы даже не знали, что настоящее имя нашего папы — Генрих, а мы — Генриховны. Узнали об этом в начале 1990-х, когда оформляли папины документы. Отца все звали Его-ром...» [ПИМА 2021].

Проблемы реабилитации немцев и их эмиграция

Спустя два года после смерти И. В. Сталина, в 1955 г., указом ПВС СССР от 13 декабря немцы были избавлены от административного надзора. Но документ уточнял, что «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены» [Eisfeld 1999: 135].

С начала 1991 г. появляются публикации, в которых на первый план выходят проблемы реабилитации немцев, дальнейшей судьбы этноса. Авторы ставили в них вопросы, на которые до сих пор не ответило руководство страны. К примеру, 22 февраля 1991 г., в день открытия республиканской конференции немцев, проживавших в Калмыкии, газета «Советская Калмыкия» посвятила целую полосу немцам. Одна из пяти статей носит название «Где правда?» [Лауденшлегер 1991: 3].

Автор также отметил, что немцы не получили до сих пор полного восстановления своих прав — автономного государственного образования, и настаивает на решении данного вопроса, который «нельзя откладывать дальше» [Лауденшлегер 1991: 3].

«В нашей стране, пожалуй, не найти народа, представители которого в той или иной степени не пострадали бы в годы сталинских репрессий. Но советские немцы, как и калмыки, чеченцы, крымские татары, стоят в особом ряду: они подверглись репрессиям как народ в целом. Причем до сих пор остаются народом, лишенным обретенной в советское время национальной государственности. В таких условиях трудно сохранить язык, культуру, национальные традиции» [Иващенко, Ковалев 1991: 1].

Авторы приводят мнение жителя села Ульяновка О. Миттаха: «Мы, немцы, крайне обеспокоены тем, что наши дети практически не владеют родным языком, теряют корни национальной принадлежности. А это, пожалуй, страшнее наших социальных и других лишений. Вот почему многие немцы уезжают за границу. Это своего рода реакция самосохранения...» [Иващенко, Ковалев 1991: 1].

Выступивший на упомянутой конференции председатель республиканского коми-

тета Общества «Возрождение» В. Пешков подчеркнул, что государство должно создать условия для развития немецкого языка, культуры: «Советские немцы выстрадали это право. Если правительство неспособно решить наши проблемы, то оно должно предоставить право свободного выезда за границу» [Иващенко, Ковалев 1991: 1].

На форуме звучали требования восстановить автономию немцев Поволжья в прежних границах, предлагалось издать Книгу Памяти погибших в «трудармии» и в местах депортации, поставить вопрос перед правительством СССР о компенсации материального ущерба репрессированным немцам, выдвигались и другие требования.

Причинами появления с 1987–1988 гг. публикаций о немцах и их судьбе в газетах СССР-России были как снятие запрета на данную тему, так и растущая быстрыми темпами эмиграция немцев из России в Германию.

С 1991 г. в периодической печати начинают звучать не только требования полной реабилитации народа, но и справедливая обида немцев, их упреки в адрес государства. К примеру, в упомянутых заметках с конференции даются и такие высказывания ее участников: «И как же больно читать сейчас плакаты с надписями „Нам немцев не надо!“ и тому подобные. Земля на Волге не захвачена нами. Это земля, которую обживали наши деды, прадеды. И мы имеем на нее право» [Иващенко, Ковалев 1991: 1]. Или: «Все пережил мой народ: голод и холод, несправедливость и откровенное насилие... А отзыв немцев — советских солдат и офицеров — с фронта? Разве это не унижение нашего достоинства? Многие вынуждены были воевать под вымышленными фамилиями. В селе Ульяновском, к примеру, проживает Адольф Вернер, который воевал под фамилией Науменко. А другой наш соотечественник вынужден был стать Палько вместо Паль» [Иващенко, Ковалев 1991: 3].

В интервью председателя Калмыцкого республиканского общества российских немцев «Возрождение» В. И. Пешкова, участвовавшего в Москве во II съезде немцев бывшего СССР, также звучала обида и боль российских немцев: «В целом я пришел после съезда к такому выводу: не нужны мы ни Германии, ни России. Там мы не немцы, а здесь — не русские. Никто не желает нас

понять. Если другим народам хотя бы государственность восстановили, то нам пока не светит ничего... В сталинских лагерях погибло полмиллиона немцев. Кто эти потери возместит? А моральный ущерб? Сам я немец лишь наполовину, но и то не раз доводилось слышать: „фашист!“». Сегодня, когда мы решились заговорить о своих правах, в отдельных регионах, например, в Красноярском крае, через печать, призывают к немецким погромам...» [Куменова 1992: 3].

Продолжением темы, поднятой В. И. Пешковым, о том, что российские немцы не востребованы ни в Германии, ни в России, живут на новой родине на пособия, стала публикация «Заложники двух государств» в «Известиях Калмыкии». Это интервью заместителя председателя Межгосударственного Совета немцев бывшего СССР Виктора Дизендорфа, прибывшего в Калмыкию на первую в России научную конференцию по проблемам репрессированных народов. В интервью отмечалось, что российские немцы с 1870-х гг. являются заложниками отношений между Россией и Германией. Любые повороты в политике этих государств сразу отражались на немецком народе, проживавшем на территории бывшего СССР. В этой же статье говорится и том, что российским немцам трудно прижиться в Германии [Мухтарова 1992: 3].

Обиды, тревоги и надежды — такими были чувства немцев перед эмиграцией. Один из героев статьи говорит: «Я хорошо понимаю тех немцев, которые сотнями тысяч уезжают из России в ФРГ. Не за деньгами едут... Когда ты человек второго сорта, то ничто не может удержать людей, как бы ни воспевали власти хорошую жизнь на этой земле. Ведь до 1974 года юношей немецкой национальности не принимали в вузы, не брали на службу в вооруженные силы. Мой сын Павел после средней школы хотел поступить в Ставропольское высшее летное училище. Да не тут-то было. Наложили табу — немец, мол. Каково молодому человеку в наше время такое терпеть? Не беда, скажет иной, поступит в другой институт. Он так и сделал, но почему наблюдается и сейчас ограничение прав человека немецкой национальности? Это же издевательство над нацией» [Карагаев 1992: 2].

О том, что трудолюбивый и дисциплинированный народ (именно так часто харак-

теризуются немцы Калмыкии в газетных публикациях) не востребован на новой «старой» родине — в Германии, отмечается также в статье «Неправильно мы расстаемся»: «...у них здесь специальность, работа была, в общем, это сложившиеся люди... Встретишься с ними: „Ну, что?“... Да то же, что и здесь. Никто нас там не ждет, мы там — второсортные люди» [Настаева 1993: 3].

Но в целом и здесь дается позитивная характеристика немцам: «Люди работают прекрасно, кого ни возьми — хоть телятницу, хоть скотницу, хоть директора... Немцы — люди дисциплинированные и аккуратные. Работали они хорошо, сколько пользы принесли» [Настаева 1993: 3]. В публикации о немцах говорится с теплом и болью и о том, что расставаться с ними, покидающими родину, очень трудно.

Уже в 1993 г. из Яшалтинского района Калмыкии, где компактно проживало более двух тысяч немцев, уехало более полутора тысяч человек. Лучшими, добротными домовладениями в Яшалтинском и Городовиковском районах всегда считались дома немцев, с ухоженными цветниками и садами, которые стали опустевать без хозяев.

Глава Яшалтинского района в 1993 г. И. Нахашкиев выразил обеспокоенность по поводу оттока немецкого населения, поскольку уезжают хорошие специалисты. В статье он называет причины эмиграции немцев: «При нашей бывшей власти... чувствовалась какая-то второсортность. Немцы на руководящих должностях были на вторых или даже третьих ролях. Это при нашей доблестной партии было, когда орготделы подбирали кадры по национальному признаку: ... в нашем районе первым секретарем [партии] рекомендовали русского. Или традиция была, или «сверху» такое задание спускали — не знаю. А второй — калмык, третий, если получится, мог быть и немец. А в обкоме партии ни одного немца не было. И в Президиуме тоже. Вот только год назад стали их в депутаты выдвигать. Орденами, медалями награждать — тоже со скрипом проходило... И это, конечно, было по самолюбию немцев. И не только. Это унижало людей... Особенно унижало гонение на религиозные секты, старались им всячески помешать, не давали помещения, не давали развиваться национальной культуре... Люди

даже фамилии меняли на русские, чтобы по служебной лестнице продвинуться... Все это наслаивалось. Появилась еще неуверенность в завтрашнем дне, вызванная политической, экономической нестабильностью» [Настаева 1993: 3].

О том, что многие хозяйства республики лишились квалифицированных трудовых ресурсов, отмечалось и в статье «Немцы покидают родину не от хорошей жизни» [Ивашенко 1992: 2]. К примеру, село Розенталь Городовиковского района потеряло немало трудовых династий — Вендель, Ольденбург, Шварц, Юнг, Литтау, Ганский.

При этом во многих статьях подчеркивалось: если бы в России был решен вопрос с восстановлением автономии, если бы немцы чувствовали себя равными среди других народов России, то никто бы не уезжал. Однако «весь опыт исторического развития Республики немцев Поволжья показывает, что наличие национально-территориальной автономии вовсе не может быть гарантией, а следовательно, и обязательным условием подлинной реализации национальных интересов и потребностей, защиты национальных прав того или иного национального меньшинства» [Герман 2007: 464].

Поэтому попытки удержать немцев от миграции за пределы Калмыкии не увенчались успехом, считают исследователи [Очирова, Белоусов 2011: 102].

Заключение

Немцы в России расселялись с XVIII в. Но в Калмыкии они появились во второй половине XIX в. Основными немецкими поселениями в Калмыкии были Нем-Хагинка (Кроненталь) и окрестные села. На протяжении второй половины XIX и начала XX в. немецкое население Калмыкии увеличивалось, оно отличалось от соседей и было образованным. Но в 1941 г. подверглось репрессиям, выселению. В конце 1950-х гг. немцы вернулись в Калмыкию. В перестроечное время большая часть «калмыцких» немцев мигрировала в Германию. Наряду с утратой языка, причиной массовой миграции немцев из России, в том числе и из Калмыкии, является их «неудовлетворенность социально-экономическим положением, которое особенно ухудшилось после начала в 1992 г. рыночных реформ» [Очирова, Белоусов 2011: 102].

В 1950–1980-е гг. немцы в Калмыкии входили в пятерку наиболее крупных ее этнических групп [Белоусов 2016: 35]. В Калмыкии, теряющей свое население с конца 1990-х гг., убыль его шла и за счет эмиграции немцев.

Полевой материал автора

ПМА 2021 — Интервью с Г. Е. Г. Запись 2021 г. (п. Комсомольский, Республика Калмыкия).

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
Архив ИЦ МВД РК — Архив Информационного центра МВД Республики Калмыкия: Ф. 9. Оп. 1. Д. 43, 44 (до 2004 г. по учетам КГБ: Ф. 11-В. Оп. 62. Д. 30).

Литература

Административно-территориальное устройство 2008 — Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год: справочник / сост.: Г. А. Никитенко, Е. Б. Громова, М. И. Кривнева. Ставрополь: Ставрополь, 2008. 389 с.
Административно-территориальное 2019 — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017: справочник / сост. А. О. Тапкина и др. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.
Аккиева 1995 — Аккиева С. И. Немецкие колонисты в Кабардино-Балкарии // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: мат-лы Росс.-Герм. науч. конф. (г. Анапа, 22–26 сентября 1994 г.). М.: МСНК, 1995. С. 149–156.
Айсфельд 2006 — Айсфельд А. Российские немцы в 1996–2000 гг.: их положение и перспективы // Rundschau. 2. November. 2006. URL: <http://www.rundschau.mv.ru/eisfeld-r.htm> (дата обращения: 27.11.2008).
Айсфельд 2008 — Айсфельд А. Исторический опыт и современные проблемы политической самоорганизации российских немцев // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации / мат-лы науч. конф. (г. Москва, 29–30 октября 2007 г.). М.: МСНК-пресс, 2008. С. 68–74.
Айсфельд 2010 — Айсфельд А. Россия и ее немцы // Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 13–20.
Айсфельд и др. 2021 — Депортація німців України 1941–1946 рр. Збірник документів / Депортація немцев Украины 1941–

Российские немцы имеют общую судьбу со всем остальным народом России, являются его частицей. Их история является частью истории и германской, и российской.

Author's Field Data

Informant 1: G. E. G. Rec. in Komsomolsky (Chernozemelsky District, Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Sources

Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kalmykia, Information Centre, Archives. Coll. 9. Cat. 1. Call nos. 43, 44 (KGB inventory data before 2004: Coll. 11-B. Cat. 62. Call no. 30). (In Russ.)
National Archive of the Republic of Kalmykia.

1946 гг. Сборник документов / Deportation der Deutschen der Ukraine 1941–1946. Dokumentensammlung / Упорядники А. Айсфельд, О. Айсфельд; Передмова А. Кудряченка; вступ А. Кудряченка і А. Айсфельда; ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України». Київ: Фенікс, 2021. 280 с.
Айсфельд и др. 2017 — История и культура немцев Казахстана = Geschichte und Kultur der Deutschen in Kasachstan / отв. ред. А. Айсфельд, научн. ред. О. Айсфельд. Гёттинген, Алматы: 2017. 524 с.
Алексеева 1983 — Алексеева П. Калмыкия в материалах экспедиций XVIII века // Теегин герл. 1983. № 2. С. 106–110.
Арендт 1998 — Арндт Е. А. Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.). М.: Mass media, 1998. 120 с.
Арендт 2000 — Арндт Е. А. Национальный костюм немцев Поволжья (конец XVIII – XX в.). Пермь: ИПК «Звезда», 2000. 128 с.
Ауман, Чернышев 1988 — Ауман В., Чернышев В. Советские немцы перед войной и сегодня // Правда. 1988. 4 ноября. С. 6.
Белоусов 2010 — Белоусов С. С. Немецкое население Калмыкии в исследованиях калмыцких учёных Российской академии наук // Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 52–57.
Белоусов 2016 — Белоусов С. С. Немецкие религиозные организации Калмыцкой АССР и проблемы их регистрации органами государственной власти (вторая половина 1950-х гг. – 1980-е гг.) // Oriental Studies (Вестник Калмыцкого института гуманитар-

- ных исследований РАН). 2016. Т. 24. № 2. С. 34–41. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-34-41
- Борисенко 1977а — *Борисенко И.* Первопроходцы // Комсомолец Калмыкии. 1977. 2 апреля. С. 4.
- Борисенко 1977б — *Борисенко И.* Первые исследователи Калмыцкой степи // Теегин герл. 1977. № 4. С. 141–147.
- Борисенко 1991 — *Борисенко Иван.* Немцы в Калмыкии // Советская Калмыкия. 1991. 22 февраля. С. 2.
- Борисенко 1998 — *Борисенко Иван.* Из истории поселений немцев в Калмыкии // Элистинские новости. 1998. 25–30 апреля. С. 5.
- Борисенко 2001 — *Борисенко И. В.* Из истории поселения немцев Калмыкии // Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII–XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 6–13 апр. 2000 г.). Волгоград: Старая Сарепта, 2001. С. 141–144.
- Борисенко, Убушиева 2000 — *Борисенко И. В., Убушиева С. И.* Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 – начало 1990-х гг. XX в. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 168 с.
- Бугай 1991а — *Бугай Н. Ф.* 40-е годы: «Автономия немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 172–180.
- Бугай 1991б — *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы» / науч. ред. Л. С. Бурчинова. Элиста: Респ. центр развития культуры, науки и просвещения им. Зая-Пандиты, 1991. 88 с.
- Бугай 1992 — *Бугай Н. Ф.* 40-50-е годы: последствия депортации народов // История СССР. 1992. № 1. С. 122–143.
- Бугай 2004 — *Бугай Н. Ф.* Депортация народов [электронный ресурс] // Война и общество. 1941–1945: сб. мат-лов. Кн. 2. М.: Наука, 2004. URL (ж. «Скепсис»): http://scepsis.ru/library/id_1237.html (дата обращения: 15.01.2022).
- Вайман, Черных 2015 — *Вайман Д. И., Черных А. В.* Немцы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2015. 64 с.
- Вашкау 1994 — *Вашкау Н. Э.* Немцы в России: История и судьба. Волгоград: ВГУ, 1994. 198 с.
- Вашкау 2002 — *Вашкау, Нина.* Без вины виноватые / Российские немцы на спецпоселении и в трудармии // Родина. 2002. № 10. С. 99–104.
- Вибе 2007 — *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: ОмГПУ, 2007. 368 с.
- Вормсбехер 1988 — *Вормсбехер Г.* Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С. 193–203.
- Вормсбехер 1999 — *Вормсбехер Гуго.* Российские немцы: у последней черты? // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 75–84.
- ВПН 1926 — Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Калмыцкая АО [электронный ресурс] // Институт демографии им. Вишневского НИУ ВШЭ. Проект «Демоскоп Weekly». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=484 (дата обращения: 20.01.2022).
- ВПН 1939 — Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. Калмыцкая АССР [электронный ресурс] // Институт демографии им. Вишневского НИУ ВШЭ. Проект «Демоскоп Weekly». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2206 (дата обращения: 20.01.2022).
- ВПН 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [электронный ресурс] // Институт демографии им. Вишневского НИУ ВШЭ. Проект «Демоскоп Weekly». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0 (дата обращения: 20.01.2022).
- Герман 1992 — *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 1. Саратов: СГУ, 1992. 192 с.
- Герман 2007 — *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. 2-е изд. М.: МСНК-Пресс, 2007. 576 с.
- Герман, Плеве 2002 — *Герман А. А., Плеве И. Р.* Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов: СГУ, 2002. 144 с.
- Герман, Иларионова, Плеве 2005 — *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плеве И. Р.* История немцев России: Хрестоматия. Приложение к уч. пособ. М.: МСНК-пресс, 2005. 544 с.
- Григорьева 1988 — *Григорьева Райма.* «Это моя родина»: интервью с Р. Витманом // Ленинец. 1988. 27 декабря. С. 2.
- Джафарли 2001 — *Джафарли М.* Депортация немецкого населения из Южного Кавказа в 1941 г. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие, 1941–1955 гг.: мат-лы 7-й междунар. науч. конф. (г. Москва, 19–22 октября 2000 г.). М.: Готика, С. 127–139.
- Джимбинов 1990 — *Джимбинов С.* Эпитафия спецхрану? // Новый мир. 1990. № 5. С. 242–253.

- Дитц 1997 — *Дитц Яков (Я. Е.)*. История поволжских немцев-колонистов / под ред. И. Р. Плеве. М.: Готика, 1997. 496 с.
- Дитц 2000 — *Дитц Я. Е.* История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. М.: Готика, 2000. 496 с.
- Докладная записка 1941 — Докладная записка наркома внутренних дел Калмыцкой АССР Г. Я. Гончарова, начальника КРО НКВД Калмыцкой АССР Короткова начальнику 2-го управления НКВД СССР П. В. Федотову об итогах переселения лиц немецкой национальности из Калмыцкой АССР. 22 декабря 1941 г. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. Д. 86. Л. 43–45. Подлинник [электронный ресурс] // Сталин: время, люди, империя. Депортации народов. URL: <https://stalinism.ru/deportatsii-narodov/dokladnaya-zapiska-narkoma-vnutrennikh-del-kalmytskoj-assr-g-ya-goncharova-nachalnika-kro-nkvd-kalmytskoj-assr-korotkova-nachalniku-2-go-upravleniya-nkvd-sssr-pv-fedotovu-ob-itogakh-pereseleniya-lits-nemetskoj-natsionalnosti-iz-kalmytskoj-assr.html> (дата обращения: 20.01.2022).
- Дульзон 2012 — *Дульзон А. А.* Российские немцы: прошлое, настоящее, будущее (лекция) [электронный ресурс] // Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Институт социально-гуманитарных технологий. 2012. URL: https://www.tomdeutsche.ru/content/editor/Российские%20немцы_доклад%20Дульзона.pdf?r=1354603038 (дата обращения: 06.01.2022).
- Зейналова 2002 — *Зейналова С. М.* Немецкие колонии в Азербайджане: 1919–1941 годы. Баку: Араз, 2002. 221 с.
- Зиннер 1925 — *Зиннер Петер*. Немцы Нижнего Поволжья. Исторический очерк. Саратов, 1925. 20 с.
- Иващенко, Ковалев 1991 — *Иващенко В., Ковалёв В.* У советских немцев есть будущее: считают делегаты прошедшей в Городовиковске конференции // Советская Калмыкия. 1991. 28 февраля. С. 1, 3.
- Иващенко 1992 — *Иващенко В.* Немцы покидают родину не от хорошей жизни // Известия Калмыкии, 1992. 17 ноября. С. 3.
- Из истории 2000 — Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.): сб. док. / сост.: И. Н. Бухонова, Т. Б. Митропольская. 2-е изд. Алматы; М.: Готика, 2000. 376 с.
- История немцев 2020 — История немцев России = Geschichte der Deutschen in Russland: уч. пособ. / А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плеве, В. В. Хасин, А. В. Лучников; Международный союз немецкой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: МаВигрупп, 2020. 648 с.
- Карагаев 1992 — *Карагаев Иван*. Душа в тревогах и надеждах // Советская Калмыкия. 1992. 25 июня. С. 2.
- Киссер 2019 — *Киссер Т. С.* Немцы Урала: трансформации этнической идентичности (середина XX – начало XXI в.): дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. 345 с.
- Кичихин 1992 — *Кичихин А. Н.* Немцы в России: от добровольного переселения к насильственной депортации // Репрессированные народы: история и современность / Тезисы докл. и сообщ. Росс. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 28–29 мая 1992 г.) / редкол.: В. Б. Убушаев (отв. ред.) и др. Элиста: КГУ, 1992. С. 176–179. (републикация: Кичихин А. Н. О немцах в России // Элистинские новости. 1992. 6 июня. С. 3).
- Клаус 1869 — *Клаус А. А.* Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб.: тип. В. В. Нусвальта, 1869. 561 с.
- Ковалев 1988 — *Ковалёв, Владимир*. Оборванные корни. О чем думают Иван Браун и другие в ожидании визы на выезд за границу. Очерк // Советская Калмыкия. 1988. 18 октября. С. 3.
- Корн 2008 — *Корн Роберт*. Решение 1918 года: Трудовая коммуна немцев Поволжья [электронный ресурс] // RD-Zeitung.eu (Russlanddeutsche Online-Zeitung). 31 октября 2008. URL: <http://rd-zeitung.eu/ru/решение-1918-года-трудовая-коммуна-немцев/> (дата обращения: 20.08.2020).
- Кригер 1997 — *Кригер Виктор*. Краткий очерк истории российских немцев: географический и демографический аспекты [электронный ресурс] // Страница др. Виктора Кригера. URL: <http://www.viktorkrieger.homepage.t-online.de/html/kratkij.html> (дата обращения: 25.12.2020).
- Куменова 1992 — *Куменова Н.* «Остаюсь в России» (интервью) // Известия Калмыкии. 1992. 2 апреля. С. 3.
- Лапин, Франк 1988 — *Лапин А., Франк А.* Русские немцы // Комсомольская правда. 1988. 28 декабря. С. 2.
- Лауденшлегер 1990 — *Лауденшлегер Иван*. Завешание первых поселенцев // Советская Калмыкия. 1990. 18 мая. С. 2.
- Лауденшлегер 1991 — *Лауденшлегер Иван*. Где правда? // Советская Калмыкия. 1991. 22 февраля. С. 3.

- Лиценбергер 2007 — *Лиценбергер О. А.* Восприятие немцев-лютеран и католиков русским обществом и Православной церковью: конфессиональный аспект // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): мат-лы XI междунар. науч. конф. (г. Москва, 1–3 ноября 2006 г.) / под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 9–19.
- Малиновский 1991 — *Малиновский Л.* История советских немцев в современной историографии ФРГ // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 238–241.
- Малиновский 1995 — *Малиновский Л.* Немцы в России и на Алтае. Популярно-исторические очерки. Барнаул: Позитив, 1995. 182 с.
- Мургаев 1997 — *Мургаев С. М.* Фонды Национального архива Республики Калмыкия: взаимоотношения калмыков и поволжских немцев в XVIII веке // Местные архивы об истории регионов: мат-лы 8-й Всерос. заочной науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 1 сентября 1997 г.). СПб.: Нестор-история, 1997. С. 116–118.
- Мухтарова 1992 — *Мухтарова Л.* Заложники двух государств // Известия Калмыкии. 1992. 29 мая. С. 3.
- Настаева 1993 — *Настаева Т.* Неправильно мы расстаемся // Советская Калмыкия. 1993. 12 октября. С. 3.
- Немцы Бурятии 1995 — Немцы Бурятии / сост.: Э. П. Нархинова, Е. А. Голубев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1995. 98 с.
- Немцы России 1999 — Немцы России: энциклопедия. Т. 1: А–И / редкол.: В. Карев (пред.) и др. М.: ЭРН, 1999. 822 с.
- Немцы России 2006 — Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / сост.: В. Ф. Дизендорф. М.: ЭРН, 2006. 472 с.
- Немцы-колонисты 2004 — Немцы-колонисты в век Екатерины / сост.: Е. Е. Лыкова, М. И. Осекина. М.: Древлехранилище; Общ. акад. наук рос. немцев, 2004. 340 с.
- Немецкий акцент 2010 — Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.) / редкол.: Б. В. Буданова (отв. за вып.), В. О. Имеров, Н. Ц. Босчаева, Р. Г. Саряева. Элиста: КалмГУ, 2010. 136 с.
- Немецкое население 2002 — Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.: сб. док. / сост., предисл. Т. Н. Плохотнюк. Ставрополь: СГУ, 2002. 272 с.
- Оконова 2013 — *Оконова Л. В.* Депортация немцев из Калмыцкой АССР // Oriental Studies (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований). 2013. № 3. С. 52–56.
- Оконова, Лиджиева 2014 — *Оконова Л. В., Лиджиева И. В.* Реконструкция истории депортации немцев Калмыкии // Новые исследования Тувы. 2014. № 4. С. 88–98.
- Очир-Горяев 2001 — *Очир-Горяев В.* Калмыко-немецкие этнокультурные связи // Вестник КИГИ РАН. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 281–284.
- Очирова, Белоусов 2011 — *Очирова Н. Г., Белоусов С. С.* Этносоциальное развитие немецкого населения калмыкии во второй половине XIX – начале XXI веков // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2. С. 97–103.
- Плохотнюк 1998 — *Плохотнюк Т. Н.* Образование немецких колоний на Северном Кавказе // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Анапа, 26–30 сентября 1997 г.). М.: Готика, 1998. С. 109–133.
- Плохотнюк 2001 — *Плохотнюк Т. Н.* Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2001. 203 с.
- Полян 2003 — *Полян, Павел.* У истоков советской депортационной политики: выселения белых казаков и крупных землевладельцев (1918–1925) [электронный ресурс] // Государство и антропоток. Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа. Группа «Русский Архипелаг». URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a304.htm> (дата обращения: 10.01.2009). Републикация 7 марта 2004: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0147/analit01.php>
- Полян 2001 — *Полян Павел.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
- Постановление Оргбюро 1938а — Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». 24 января 1938. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 637. Л. 7 // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945: сб. док. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадю. М.: РОССПЭН, 2009. С. 341.
- Постановление Оргбюро 1938б — Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах». 24 января 1938. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 634. Л. 7 // ЦК ВКП(б) и

- национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945: сб. док. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. С. 342–343.
- Постановление Оргбюро 1938в — Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных педучилищ и институтов». 19 марта 1938. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 640. Л. 6, 36 // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945: сб. док. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. С. 395–396.
- Постановление Полибюро 1939 — Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов». 20 февраля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1006. Л. 39, 40, 94–107 // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945: сб. док. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. С. 451–460.
- Райт 2015 — *Райт А. Г.* История села Цюрих. 1767–1941. М.: Фонд «Цюрих-Зоркино», 2015. 717 с.
- Рейфман 2007 — *Рейфман П.* История русской, советской и постсоветской цензуры. Электронный курс лекций. Тарту, 2007 [электронный ресурс] // Библиотека Гумер. История. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/reifm/11.php (а также на сайте автора: <http://reifman.ru/>) (дата обращения: 25.01.2022).
- Российские немцы 2021 — Российские немцы / отв. ред. Т. Б. Смирнова, В. А. Тишков. М.: Наука, 2021. 719 с.
- Саряева 2013 — *Саряева Р. Г.* Освещение депортации поволжских немцев в периодической печати Калмыкии // Репрессированные народы: история и современность: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Ч. II. Элиста: КГУ, 2013. С. 125–131.
- Саряева 2015 — *Саряева Р. Г.* Немцы Калмыкии: история и судьба этноса в печатных СМИ Калмыкии. Элиста: КГУ, 2015. 86 с.
- Так это было 1993 — Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. В 3-х томах / ред.-сост. С. У. Алиева. М.: Инсан, 1993. Т. 1, 337 с.; Т. 3, 351 с.
- Труд на концессионных 2015 — Труд на концессионных предприятиях Российской империи и СССР (1900–1940-е годы): док-ты и мат-лы / под общ. ред. Т. В. Юдиной; сост.: Т. В. Юдина (отв. сост.), В. В. Булатов, Е. Л. Фурман. Волгоград: ВолГУ, 2015. 477 с.
- Убушаев 1992 — *Убушаев В.* О депортации немецкого населения Калмыкии // Репрессированные народы: история и современность: тезисы докладов и сообщений Российской научно-практической конференции (г. Элиста, 28–29 мая 1992 г.) / редкол.: В. Б. Убушаев (отв. ред.) и др. Элиста: КГУ, 1992. С. 37–38.
- Убушаев 2001 — *Убушаев В. Б.* Немцы в Калмыкии: от добровольного переселения к насильственной депортации // Динамика ценностных и культурных ориентаций народов Калмыкии: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Н. Овшинов. Элиста: КГУ, 2001. С. 173–176.
- Указ 1948 — Указ Президиума ВС СССР от 26.11.1948 «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» // Справочно-правовая база «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16040#K9IqTKTUZdtIEcq7> (дата обращения: 20.01.2022).
- Усанова 1993 — *Усанова Н. А.* Немецкая советская автономия: создание, упразднение и проблемы восстановления // Репрессированные народы: упразднение государственности и проблемы реабилитации. Тезисы докладов и сообщений Российской научно-практической конференции (г. Элиста, 26–27 декабря 1993 г.). Элиста: КГУ, 1993. С. 40–41.
- Черказьянова 2011 — *Черказьянова И. В.* Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области // «Выселить с треском»: очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сб. науч. ст. и воспом. / под ред. А. А. Германа и О. Ю. Силантьевой. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 215–241.
- Черказьянова 2021 — *Черказьянова И. В.* Немецкие колонисты в пореформенный период. Подготовка и проведение колониальной реформы 1871 г. // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2021. № 2 (10). С. 6–20.
- Чернова 1999 — *Чернова Т.* Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР. Обзор отечественной историографии // Наказанный народ: репрессии против советских немцев / ред.-сост. И. Л. Щербакова. М.: Звенья, 1999. С. 261–278.
- Чернова 2001 — *Чернова Т. Н.* Российские немцы. Отечественная библиография 1991–

- 2000 гг. Указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев. М.: Готика, 2001. 270 с.
- Чернова 2004 — Чернова Т. Н. К истории первых немецких поселений на Северном Кавказе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2004. № 4. С. 157–162.
- Чернова-Дёке 2022 — Чернова-Дёке Т. Н. Автономистское движение немцев в Закавказье (1917–1918) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2022. № 1 (11). С. 16–24
- Черных 2020 — Черных А. В. Этнографическое изучение немецкого населения в регионах Урала в начале XXI в.: проекты, итоги и перспективы // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2020. № 2 (8). С. 170–178.
- Шепталин 2020 — Шепталин А. А. Немцы в Удмуртии: история и современность = Deutsche in Udmurtien. Geschichte und Gegenwart. Ижевск: Видергебурт, 2020. 328 с.
- Шлегель 2022 — Шлегель Е. А. Немцы России и немцы Казахстана: рефлексия об этнической идентичности // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2022. № 1 (11). С. 114–122.
- Eisfeld 1999 — Eisfeld Alfred. Die Russlanddeutschen: 2., erweiterte und aktualisierte Auflage. Band 2. Erste Auflage vom 1992. München: Langen Müller, 1999. 252 s.
- Eisfeld 2003 — Eisfeld, A. Die Aussiedlung der Deutschen aus der Wolgarepublik, 1941–1957. München: Osteuropa-Institut München, 2003. 70 s.
- Fleischhauer 1986 — Fleischhauer Ingeborg. Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart, DVA. 1986. 671 s.
- Klötzel 1999 — Klötzel Lydia. Die Russlanddeutschen zwischen Autonomie und Auswanderung: Die Geschicke einer nationalen Minderheit vor dem Hintergrund des wechselhaften deutsche-sowjetischen/russischen Verhältnisses. Hamburg: LIT Verlag Münster-Hamburg-London. 350 s.
- Mater 2009 — Mater Edmund. Das Autorenlexikon der Russlanddeutschen. Lage: Lichtzeichen-Verlag, 2009. Bd. 1, 628 s.; Bd. 2, 626 s.; Bd. 3, 588 s.; Bd. 4, 637 s.
- Saryaeva 2009 — Saryaeva Rayma. Die Russlanddeutschen in Kalmückien: Geschichte und Schicksal der Ethnie in den Printmedien Kalmückiens [электронный ресурс] // FH Magdeburg-Stendal, 2009. URL: https://dlc.library.columbia.edu/catalog/ldpd:514576/bytestreams/content/content?download=true;https://books.google.ru/books/about/Die_Russlanddeutschen_in_Kalm%C3%BCckien_Ges.html?id=anbomgEACAAJ&hl=en&output=html_text&redir_esc=y (дата обращения: 05.01.2022).
- Schiller 1927 — Schiller F. P. Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764–1926 // Pokrowsk: In Kommission des Deutschen Staatsverlags der ASSRR der Wolgadeutschen, 1927. 66 s.
- Schippa, Striegnitz 1992 — Schippa Michael, Striegnitz Sonja. Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. Berlin: Dietz Verl., GmbH, 1992. 240 s.
- Stumpp 1981 — Stumpp K. Die Russlanddeutschen, zweihundert Jahre unterwegs. Stuttgart: Verl. Landsmannschaft d. Dt. aus Russland, 1981. 142 s.

References

- 1926 Soviet Census. Ethnic Structures in Regions of the RSFSR. Kalmyk Autonomous Oblast. On: Demoscope Weekly. Project by the Vishnevsky Institute of Demography (HSE University). Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=484 (accessed: 20 January 2022). (In Russ.)
- 1939 Soviet Census. Ethnic Structures in Districts, Cities, and Major Rural Settlements of the RSFSR. Kalmyk ASSR. On: Demoscope Weekly. Project by the Vishnevsky Institute of Demography (HSE University). Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2206 (accessed: 20 January 2022). (In Russ.)
- 1989 Soviet Census. Ethnic Structures in Districts, Cities, and Major Rural Settlements of the RSFSR. Kalmyk ASSR. On: Demoscope Weekly. Project by the Vishnevsky Institute of Demography (HSE University). Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0 (accessed: 20 January 2022). (In Russ.)
- Akkieva S. I. German colonists in Kabardino-Balkaria. In: Russia Germans in the Don, Caucasus, and Volga. Conference proceedings (Anapa, 22–26 September 1994). Moscow: MSNK, 1995. Pp. 149–156. (In Russ.)

- Alekseeva P. Kalmykia in 18th-century expeditionary materials. *Teegin gerl*. 1983. No. 2. Pp. 106–110. (In Russ.)
- Alieva S. U. (comp., ed.) This Is How It Was: Ethnic Repressions in the USSR, 1919–1952. In 3 vols. Moscow: Insan, 1993. Vol. 1. 337 p.; Vol. 3, 351 p. (In Russ.)
- Arndt E. A. Economy and Everyday Life of the Volga Germans, 19th–20th Centuries. Moscow: Mass Media, 1998. 120 p. (In Russ.)
- Arndt E. A. Volga German Folk Costume, Late 18th to 20th Centuries. Perm: Zvezda, 2000. 128 p. (In Russ.)
- Auman V., Chernyshev V. Soviet Germans before WWII and nowadays. *Pravda*. 1988, November 4. P. 6. (In Russ.)
- Belousov S. S. German population of Kalmykia in works of Kalmyk researchers affiliated to the Russian Academy of Sciences. In: The German Accent. Germany in Kalmykia's History, Science and Culture. Conference proceedings (Elista, 30 September 2010). Elista: Kalmyk State University, 2010. Pp. 52–57. (In Russ.)
- Belousov S. S. German religious organizations in the Kalmyk ASSR and problems of their registration by governmental authorities (second half of the 1950s–1980s). *Oriental Studies*. 2016. Vol. 24. No. 2. Pp. 34–41. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-34-41
- Borisenko I. Earliest explorers of Kalmyk steppe. *Teegin gerl*. 1977. No. 4. Pp. 141–147. (In Russ.)
- Borisenko I. German settlements in Kalmykia: Glimpses of history. *Elistinskie novosti*. 1998, April 25–30. P. 5. (In Russ.)
- Borisenko I. Germans in Kalmykia. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1991, February 22. P. 2. (In Russ.)
- Borisenko I. Pioneering explorers. *Komsomolets Kalmykii*. 1977, April 2. P. 4. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Germans in Kalmykia: Glimpses of history. In: Historical Ties between The Lower Volga Kalmyks and Sarepta Community, 18th–20th Centuries. History, Science, Religion and Culture. Conference proceedings (Volgograd, 6–13 April 2000). Volgograd: Staraya Sarepta, 2001. Pp. 141–144. (In Russ.)
- Borisenko I. V., Ubushieva S. I. Essays on Kalmykia's Historical Geography, 1917 to Early 1990s. Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), Kalmyk State University. Elista: Dzhangar, 2000. 168 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. Ethnic deportations. In: War and Society, 1941–1945. Collected materials. Vol. 2. Moscow: Nauka, 2004. Available at: http://scepsis.ru/library/id_1237.html (accessed: 15 January 2022). (In Russ.)
- Bugay N. F. Operation Ulusy. L. Burchinova (ed.). Elista: Zaya Pandita Center, 1991. 88 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. The 1940s: 'Autonomy of the Volga Germans be abolished ...'. *History of the USSR*. 1991. No. 2. Pp. 172–180. (In Russ.)
- Bugay N. F. The 1940s–1950s: Consequences of ethnic deportations. *History of the USSR*. 1992. No. 1. Pp. 122–143. (In Russ.)
- Budanova B. V. et al. (eds.). The German Accent. Germany in Kalmykia's History, Science and Culture. Conference proceedings (Elista, 30 September 2010). Elista: Kalmyk State University, 2010. 136 p. (In Russ.)
- Bukhonova I. N., Mitropolskaya T. B. (comps.) Kazakhstan Germans, 1921–1975: Glimpses of History. Collected documents. 2nd ed. Almaty, Moscow: Gotika, 2000. 376 p. (In Russ.)
- Cherkazyanova I. V. Deportation of Germans from Leningrad and Leningrad Oblast. In: German A. A., Silantyeva O. Yu. (eds.) 'Be They Deported Severely': Eyewitness and Research Accounts of Russia Germans' Tragedy. Collected scholarly papers and memoirs. Moscow: MSNK-Press, 2011. Pp. 215–241. (In Russ.)
- Cherkazyanova I. V. German colonists in the post-reform period. Preparation and implementation of the colonist reform of 1871. *The Yearbook of the International Association of Researchers of History and Culture of Russian Germans*. 2021. No. 2 (10). Pp. 6–20. (In Russ.)
- Chernova T. N. History of earliest German settlements in the North Caucasus approached. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvistikheskogo universiteta*. 2004. No. 4. Pp. 157–162. (In Russ.)
- Chernova T. N. Russia Germans: Russian Bibliography, 1991–2000. Guidebook to contemporary works dealing with the history and culture of [Russia] Germans. Moscow: Gotika, 2001. 270 p. (In Russ.)
- Chernova T. Political repressions against Germans in the USSR: Russian historiography reviewed. In: Shcherbakova I. L. (comp., ed.) The Punished People: Repressions against Soviet Germans. Moscow: Zvenya, 1999. Pp. 261–278. (In Russ.)
- Chernova-Deoke T. N. Autonomy movement of the Germans in the Transcaucasus (1917–1918). *The Yearbook of the International Association of Researchers of History and Culture of Russian Germans*. 2022. No. 1 (11). Pp. 16–24. (In Russ.)
- Chernykh A. V. Ethnographic study of the German population in the regions of the Urals at the beginning of the XXI century: projects, results

- and prospects. *The Yearbook of the International Association of Researchers of History and Culture of Russian Germans*. 2020. No. 2 (8). Pp. 170–178. (In Russ.)
- Decree of the Organizational Bureau of the VKP(B) Central Committee on Abolishment of Ethnic Districts and Selsoviets of 24 January 1938 (At: Russian State Archive of Sociopolitical History. Coll. 17. Cat. 114. File 637. P. 7). In: Gatagova L. S. et al. (comps.) VKP(B) Central Committee and the Nationalities Question. Book 2: 1933–1945. Collected documents. Moscow: ROSSPEN, 2009. P. 341. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123861> (accessed: 3 January 2022). (In Russ.)
- Decree of the Organizational Bureau of the VKP(B) Central Committee on Elimination of Ethnic Schools and Ethnic School Departments of 24 January 1938 (At: Russian State Archive of Sociopolitical History. Coll. 17. Cat. 114. File 634. P. 7). In: Gatagova L. S. et al. (comps.) VKP(B) Central Committee and the Nationalities Question. Book 2: 1933–1945. Collected documents. Moscow: ROSSPEN, 2009. Pp. 342–343. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123862> (accessed: 3 January 2022). (In Russ.)
- Decree of the Organizational Bureau of the VKP(B) Central Committee on Elimination of Ethnic Teachers' Training Colleges and Institutes of 19 March 1938 (At: Russian State Archive of Sociopolitical History. Coll. 17. Cat. 114. File 640. Pp. 6, 36). In: Gatagova L. S. et al. (comps.) VKP(B) Central Committee and the Nationalities Question. Book 2: 1933–1945. Collected documents. Moscow: ROSSPEN, 2009. Pp. 395–395. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123877#mode/grid/page/1/zoom/4> (accessed: 3 January 2022). (In Russ.)
- Decree of the Political Bureau of the VKP(B) Central Committee on Abolition and Reorganization of Artificially Established Ethnic Districts and Selsoviets of 20 February 1939 (At: Russian State Archive of Sociopolitical History. Coll. 17. Cat. 3. File 1006. Pp. 39, 40, 94–107). In: Gatagova L. S. et al. (comps.) VKP(B) Central Committee and the Nationalities Question. Book 2: 1933–1945. Collected documents. Moscow: ROSSPEN, 2009. Pp. 451–460. (In Russ.)
- Decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of 26 November 1948 on Criminal Sanctions to Individuals Relocated to Remote Territories of the Soviet Union during the Great Patriotic War for Flights from Places of Obligatory and Permanent Residence. On: CONSULTANT PLUS Law Assistance System. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16040#K9IqTK-TUZdtIEcq7> (accessed: 20 January 2022). (In Russ.)
- Diesendorf V. F. (comp.) *Russia Germans: Settlements and Localities*. Encyclopedic dictionary. Moscow: ERN, 2006. 472 p. (In Russ.)
- Ditz J. E. *History of the Volga German Colonists*. 3rd ed. Moscow: Gotika, 2000. 496 p. (In Russ.)
- Ditz J. E. *History of the Volga German Colonists*. I. Pleve (ed.). Moscow: Gotika, 1997. 496 p. (In Russ.)
- Dulson A. A. *Russia Germans: Past, Present, Future*. Tomsk: Tomsk Polytechnic University, 2012. On: Deutsche der Region Tomsk (website). Available at: https://www.tomdeutsche.ru/content/editor/Rossiyskie%20nemtsy_doklad%20Dul'zona.pdf?r=1354603038 (accessed: 6 January 2022). (In Russ.)
- Dzhimbinov S. An epitaph to spetskhran? *Novy Mir*. 1990. No. 5. Pp. 242–253. (In Russ.)
- Eisfeld A. *Die Aussiedlung der Deutschen aus der Wolgarepublik, 1941–1957*. München: Osteuropa-Institut München, 2003. 70 p. (In Germ.)
- Eisfeld A. *Die Russlanddeutschen*. 2nd ed., suppl. and rev. Vol. 2. München: Langen Müller, 1999. 252 p. (In Germ.)
- Eisfeld A. Political self-organization of Russia Germans: Historical path and contemporary challenges reviewed. In: *Germans of Russia. Historical Path and Contemporary Challenges of Self-Organization*. Conference proceedings (Moscow, 29–30 October 2007). Moscow: MSNK-Press, 2008. Pp. 68–74. (In Russ.)
- Eisfeld A. *Russia and its Germans*. In: *The German Accent. Germany in Kalmykia's History, Science and Culture*. Conference proceedings (Elista, 30 September 2010). Elista: Kalmyk State University, 2010. Pp. 13–20. (In Russ.)
- Eisfeld A. *Russia Germans in 1996–2000: Social Standing and Prospects*. On: Rundschau. Posted on 2 November 2006. Available at: <http://www.rundschau.mv.ru/eisfeld-r.htm> (accessed: 27 November 2008). (In Russ.)
- Eisfeld A., Eisfeld O. (comps.) *Germans of Ukraine: The Deportation of 1941–1946*. Collected documents. A. Kudryachenka (foreword). Kiev: Feniks, 2021. 280 p. (In Ukr., Russ. and Germ.)
- Eisfeld A., Eisfeld O. (eds.) *History and Culture of Germans in Kazakhstan = Geschichte und Kultur der Deutschen in Kasachstan*. Göttingen, Almaty: 2017. 524 p. (In Russ. and Germ.)
- Fleischhauer I. *Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemein-*

- schaft. Stuttgart: DVA, 1986. 671 p. (In Germ.)
- German A. A. German Autonomy on the Volga: 1918–1941. 2nd ed. Moscow: MSNK-Press, 2007. 576 p. (In Russ.)
- German A. A. German Autonomy on the Volga: 1918–1941. Part 1. Saratov: Saratov State University, 1992. 192 p. (In Russ.)
- German A. A., Ilarionova T. S., Pleve I. R. History of Russia Germans: Chrestomathy. Moscow: MSNK-Press, 2005. 544 p. (In Russ.)
- German A. A., Ilarionova T. S., Pleve I. R., Khasin V. V., Luchnikov A. V. History of Russia Germans = Geschichte der Deutschen in Russland. Coursebook. International Union of German Culture. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: MaVigrupp, 2020. 648 p. (In Russ.)
- German A. A., Pleve I. R. The Volga Germans: A Brief Historical Essay. Saratov: Saratov State University, 2002. 144 p. (In Russ.)
- Grigoryeva R. 'This is my Motherland': An interview with R. Vitman. *Leninets*. 1988, December 27. P. 2. (In Russ.)
- Internal Memorandum by Kalmyk ASSR Internal Affairs Commissar G. Ya. Goncharov and Head of KASSR NKVD Office Korotkov to Chief of USSR NKVD Department 2 P. V. Fedotov Summarizing Outcomes of the Campaign to Have Resettled Ethnic Germans from the Kalmyk ASSR. 22 December 1941. At: State Archive of the Russian Federation. Coll. P-9479. Cat. n/d. File 86. Pp. 43–45. Original. On: Stalin. Time, Personalities, Empire. Ethnic Deportations. Available at: <https://stalinism.ru/deportatsii-narodov/dokladnaya-zapiska-narkoma-vnutrennikh-del-kalmytskoj-assr-g-ya-goncharova-nachalnika-kro-nkvd-kalmytskoj-assr-korotkova-nachalniku-2-go-upravleniya-nkvd-sssr-p-v-fedotovu-ob-itogakh-peresele-niya-lits-nemetskoj-natsionalnosti-iz-kalmytskoj-assr.html> (accessed: 20 January 2022). (In Russ.)
- Ivashchenko V. Germans forced to leave motherland. *Izvestiya Kalmykii*. 1992, November 17. P. 3. (In Russ.)
- Ivashchenko V., Kovalev V. Soviet Germans have future: Delegates of Gorodovikovsk Conference resume. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1991, February 28. Pp. 1, 3. (In Russ.)
- Jafarly M. The 1941 Deportation of ethnic Germans from the South Caucasus reviewed. In: Soviet Germans during the Great Patriotic War and the First Post-War Decade, 1941–1955. Conference proceedings (Moscow, 19–22 October 2000). Moscow: Gotika, 2001. Pp. 127–139. (In Russ.)
- Karagaev I. Soul in dismay and hope. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1992, June 25. P. 2. (In Russ.)
- Karev V. et al. (eds.) Russia Germans: An Encyclopedia. Vol. 1: A–И. Moscow: ERN, 1999. 822 p. (In Russ.)
- Kichikhin A. N. Germans in Russia: From voluntary migration to forced deportation. Reprint. In: Ubushaev V. B. et al. (eds.) Repressed Peoples: History and Present Days. Conference abstracts (Elista, 28–29 May 1992). Elista: Kalmyk State University, 1992. Pp. 176–179 (In Russ.)
- Kisser T. S. Germans of the Urals, Mid-20th to Early 21st Century: Transformation of Ethnic Identity Analyzed. Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 2019. 345 p. (In Russ.)
- Klaus A. A. Our Colonies: Experiences and Materials on the History and Statistics of Foreign Colonization in Russia. Vol. 1. St. Petersburg: V. V. Nusvalt, 1869. 561 p. (In Russ.)
- Klötzel L. Die Russlanddeutschen zwischen Autonomie und Auswanderung: Die Geschichte einer nationalen Minderheit vor dem Hintergrund des wechselhaften deutsche-sowjetischen/russischen Verhältnisses. Hamburg: LIT Verlag Münster-Hamburg-London, 1999. 350 p. (In Germ.)
- Korn R. Decision of 1918: Labor commune of Volga Germans. On: RD-Zeitung.eu (Russlanddeutsche Online-Zeitung). Posted on 31 October 2008. Available at: <http://rd-zeitung.eu/ru/reshenie-1918-goda-trudovaya-kommuna-nemtse/> (accessed: 20 August 2020). (In Russ.)
- Kovalev V. Roots broken: Thoughts of Ivan Braun and others awaiting exit visas. Essay. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1988, October 18. P. 3. (In Russ.)
- Krieger V. A Brief Essay on the History of Russia Germans: Geographic and Demographic Aspects. On: Dr. Viktor Krieger (webpage). Available at: <http://www.viktorkrieger.homepage.t-online.de/html/kratkij.html> (accessed: 25 December 2020). (In Russ.)
- Kumenova N. 'I choose to stay in Russia' (interview). *Izvestiya Kalmykii*. 1992, April 2. P. 3. (In Russ.)
- Lapin A., Frank A. Russia Germans. *Komsomolskaya pravda*. 1988, December 28. P. 2. (In Russ.)
- Laudenschläger I. Precepts of earliest colonists. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1990, May 18. P. 2. (In Russ.)
- Laudenschläger I. Where is truth? *Sovetskaya Kalmykiya*. 1991, February 22. P. 3. (In Russ.)
- Lizenberger O. A. How German Lutherans and Catholics were perceived by Russian society and Orthodox Church: A confessional aspect. In: German A. A. (ed.) Russian State, Society and Ethnic Germans: Key Stages and Essentials of Interaction, 18th to 21st Centuries. Con-

- ference proceedings (Moscow, 1–3 November 2006). Moscow: MSNK-Press, 2007. Pp. 9–19. (In Russ.)
- Lykova E. E., Osekina M. I. (comps.) German Colonists in the Era of Catherine II. Moscow: Drevlekhranilishche, Public Academy of Sciences of Russia Germans, 2004. 340 p. (In Russ.)
- Malinowski L. Germans in Russia and the Altay. Essays in popular history. Barnaul: Pozitsiya, 1995. 182 p. (In Russ.)
- Malinowski L. History of Soviet Germans in contemporary Germany's historiography. *Voprosy Istorii*. 1991. No. 2–3. Pp. 238–241. (In Russ.)
- Mater E. Das Autorenlexikon der Russland-deutschen. Lage: Lichtzeichen-Verlag, 2009. Vol. 1, 628 p.; Vol. 2, 626 p.; Vol. 3, 588 p.; Vol. 4, 637 p. (In Germ.)
- Mukhtarova L. Captives of two countries. *Izvestiya Kalmykii*. 1992, May 29. P. 3. (In Russ.)
- Murgaev S. M. Collections of Kalmykia's National Archive: 18th-century contacts between Kalmyks and Volga Germans reviewed. In: Local Archives and Regional Histories. Conference proceedings (St. Petersburg, 1 September 1997). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 1997. Pp. 116–118. (In Russ.)
- Narkhinova E. P., Golubev E. A. (comps.) Buryatia Germans. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1995. 98 p. (In Russ.)
- Nastaeva T. It is improper that we depart. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1993, October 12. P. 3. (In Russ.)
- Nikitenko G. A., Gromova E. B., Krivneva M. I. (comps.) Administrative Divisions of Stavropol Region: From the Late 18th Century to the Year 1920. Reference book. Stavropol Krai Archival Affairs Committee, State Archive of Stavropol Krai. Stavropol: Stavropol, 2008. 389 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaev V. Kalmyk-German ethnocultural ties. In: Bulletin of the Kalmyk Humanities Research Institute (RAS). Jubilee edition. Elista: Dzhangar, 2001. Pp. 281–284. (In Russ.)
- Ochirova N. G., Belousov S. S. Ethnosocial development of the German population of Kalmykia in the late 19th – early 21st centuries. *Scientific Thought of Caucasus*. 2011. No. 2. Pp. 97–103. (In Russ.)
- Okonova L. V. Deportation of Germans from the Kalmyk ASSR. *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS)*. 2013. No. 3. Pp. 52–56. (In Russ.)
- Okonova L. V., Lidzhieva I. V. Reconstructing the history of deportation of Germans of Kalmykia. *The New Research of Tuva*. 2014. No. 4. Pp. 88–98. (In Russ.)
- Plokhotnyuk T. N. (comp.) Germans in the North Caucasus, Late 18th to Mid-20th Centuries: Socioeconomic, Political and Religious Aspects. Collected documents. Stavropol: Stavropol State University, 2002. 272 p. (In Russ.)
- Plokhotnyuk T. N. Establishment of German colonies in the North Caucasus. In: Migration Processes among Russia Germans in a Historical Perspective. Conference proceedings (Anapa, 26–30 September 1997). Moscow: Gotika, 1998. Pp. 109–133. (In Russ.)
- Plokhotnyuk T. N. Russia Germans in the North Caucasus. Moscow: Public Academy of Sciences of Russia Germans, 2001. 203 p. (In Russ.)
- Polyan P. Against Their Will ... The History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Moscow: OGI-Memorial, 2001. 328 p. (In Russ.)
- Polyan P. At the beginnings of Soviet deportation policy: [Forced] relocations of white Cossacks, 1918–1925. Republication. On: State and Human Flows (website). [Project by the] Center for Strategic Research of the Volga Federal District. Available at: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a304.htm> (accessed: 10 January 2009). (In Russ.)
- Raith A. G. History of Zürich Village: 1767–1941. Moscow: Zürich –Zorkino Foundation, 2015. 717 p. (In Russ.)
- Reifman P. History of Russian, Soviet, and Post-Soviet Censorship. Lecture materials. Tartu, 2007. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/reifm/index.php (accessed: 25 January 2022). (In Russ.)
- Saryaeva R. Die Russlanddeutschen in Kalmückien: Geschichte und Schicksal der Ethnie in den Printmedien Kalmückiens. FH Magdeburg-Stendal, 2009. Available at: https://dlc.library.columbia.edu/catalog/ldpd:514576/bytestreams/content/content?download=true;https://books.google.ru/books/about/Die_Russlanddeutschen_in_Kalm%C3%BCckien_Ges.html?id=anbomgEACAAJ&hl=en&output=html_text&redir_esc=y (accessed: 5 January 2022). (In Germ.)
- Saryaeva R. G. Deportation of the Volga Germans in Kalmykia's periodicals. In: Ochirova N. G., Salaev B. K. (eds.) Repressed Peoples: Past and Present. Conference proceedings (Elista, 26–28 November 2013). Elista: Kalmyk State University, 2013. Part 2. Pp. 125–131. (In Russ.)
- Saryaeva R. G. Kalmykia Germans: History and Destiny of the Ethnos in Kalmykia's Print Media. Elista: Kalmyk State University, 2015. 86 p. (In Russ.)

- Schiller F. P. Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764–1926. Pokrovsk: State Publ. Commission (Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic), 1927. 66 p. (In Germ.)
- Schippan M., Striegnitz S. Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. Berlin: Dietz Verl. GmbH, 1992. 240 p. (In Germ.)
- Schlegel E. A. Germans of Russia and Kazakhstan: reflection over ethnic identity. *The Yearbook of the International Association of Researchers of History and Culture of Russian Germans*. 2022. No. 1 (11). Pp. 114–122. (In Russ.)
- Sheptalin A. A. Germans in Udmurtia: Past and Present = Deutsche in Udmurtien. Geschichte und Gegenwart. Izhevsk: Wiedergeburt, 2020. 328 p. (In Russ. and Germ.)
- Sinner J. P. The Lower Volga Germans: A Historical Essay. Saratov, 1925. 20 p. (In Russ.)
- Smirnova T. B., Tishkov V. A. (eds.) Russia Germans. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), Dostoevsky Omsk State University. Moscow: Nauka, 2021. 719 p. (In Russ.)
- Stumpp K. Die Russlanddeutschen, zweihundert Jahre unterwegs. Stuttgart: Verl. Landsmannschaft d. Dt. aus Russland, 1981. 142 p. (In Germ.)
- Tapkina A. O. et al. (comps.) Republic of Kalmykia: Administrative Divisions, 1918–2017. Reference book. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2019. 908 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. Germans in Kalmykia: From voluntary migration to forced deportation. In: Ovshinov A. N. (ed.) Peoples of Kalmykia: Dynamics of Values and Cultural Orientations reviewed. Elista: Kalmyk State University, 2001. Pp. 173–176. (In Russ.)
- Ubushaev V. Deportation of Kalmykia Germans revisited. In: Ubushaev V. B. et al. (eds.) Repressed Peoples: History and Present Days. Conference abstracts (Elista, 28–29 May 1992). Elista: Kalmyk State University, 1992. Pp. 37–38. (In Russ.)
- Usanova N. A. Soviet German autonomy: Establishment, abolition, and problems of restoration. In: Repressed Peoples. Abolition of Autonomies and Problems of Rehabilitation. Conference abstracts (Elista, 26–27 December 1993). Elista: Kalmyk State University, 1993. Pp. 40–41. (In Russ.)
- Waschkau N. E. Germans in Russia: History and Destiny. Volgograd: Volgograd State University, 1994. 198 p. (In Russ.)
- Waschkau N. The wrongly accused: Russia Germans in forced settlements and NKVD labor columns. *Rodina*. 2002. No. 10. Pp. 99–104. (In Russ.)
- Weiman D. I., Chernykh A. V. Germans of Perm: History and Culture. St. Petersburg: Mamatov, 2015. 64 p. (In Russ.)
- Wiebe P. P. German Colonies in Siberia: A Socioeconomic Aspect. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2007. 368 p. (In Russ.)
- Wormsbecher H. Germans in the USSR. *Znamya*. 1988. No. 11. Pp. 193–203. (In Russ.)
- Wormsbecher H. Russia Germans: At the last limit? *Social Sciences and Contemporary World*. 1999. No. 2. Pp. 75–84. (In Russ.)
- Yudina T. V., Bulatov V. V., Furman E. L. (comps.) Concessionary Enterprises of the Russian Empire and USSR, 1900s–1940s: Labor Relations Reviewed. Documents and materials. T. Yudina (ed.). Volgograd: Volgograd State University, 2015. 477 p. (In Russ.)
- Zeynalova S. M. German Colonies in Azerbaijan, 1919–1941. Baku: Araz, 2002. 221 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 4, pp. 731–739, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-731-739

Некоторые вопросы исследования сочинения «Sumagadha-avadāna» в отечественном и зарубежном востоковедении (на материале «Легенды о Сайн Магаде» из Монгольского Ганджура)

Деляш Николаевна Музраева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Музраева Д. Н., 2022

Аннотация. *Введение.* Сочинение «Sumagadha-avadāna» («Авадана о Сумагадхе») довольно часто упоминается в востоковедных трудах, включая работы по истории классической монгольской литературы, в которых рассматриваются сочинения, имеющие индо-тибетское происхождение. Это сочинение включено в состав канонического свода Кангьюр (Ганджур) на тибетском и монгольском языках. Несмотря на частые упоминания, оно не переводилось на русский язык, нет также описаний его структуры и содержания. *Цель* — рассмотреть сочинение, повествующее о Сайн Магаде, на материале текста «Легенды о Сайн Магаде» (монг. Sayin Magada-yin domu) из состава канонического свода Ганджур на монгольском языке, провести анализ текста, описать его жанровую принадлежность, выявить его структуру, изложить содержание, исследовать данные колофона. *Материалом* исследования послужил текст Sayin Magada-yin domu-i ögülegči kemekü («[Сутра,] излагающая „Легенду о Сайн Магаде“») из раздела «Eldeb» («Собрание сутр») Монгольского Ганджура (т. 91). *Результаты.* На основе текстологического и содержательного анализа трудов тибетологов, монголоведов, китаистов, посвященных сочинениям жанра авадана, включенным в канонический свод, выявлены основные характеристики этого жанра, описана структура монгольского текста «Легенда о Сайн Магаде», дано описание его содержания.

Ключевые слова: буддизм, письменные источники, канонический свод, монгольский язык, Ганджур, Sumagadha-avadāna, «Легенда о Сайн Магаде», востоковедение

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Музраева Д. Н. Некоторые вопросы исследования сочинения «Sumagadha-avadāna» в отечественном и зарубежном востоковедении (на материале «Легенды о Сайн

Магаде» из Монгольского Ганджура) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 731–739. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-731-739

Sumagadha-Avadāna and Some Aspects of Its Research in Russia and Worldwide: Analyzing The Legend of Sayin Magada from the Mongolian Kanjur

Delyash N. Muzraeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Muzraeva D. N., 2022

Abstract. *Introduction.* The Sumagadha-Avadāna ('Avadāna of Sumagadha') is often mentioned in Oriental studies, including works on the history of classical Mongolian literature examining writings of Indo-Tibetan origin. This text is included in both the Tibetan- and Mongolian-language canonical Kangyur (Kanjur) editions. Despite frequent references, the former has neither been translated into Russian, nor there are any descriptions of its structure and content. *Goals.* So, the article attempts to fill the gap and aims at considering the narrative about Sayin Magada through the analysis of The Legend of Sayin Magada (Mong. *Sayin Magada-yin domuy*), the latter being integral to the canonical collection of Kanjur in Mongolian. The work explores the text, describes its genre characteristics, identifies its structure, reveals contents, and investigates data contained in the colophon. *Materials.* The study focuses on the text titled '*Sayin Magada-yin domuy-i ögülegči kemekü*' ('[Sutra] Narrating the Legend of Sayin Magada') from the Eldeb ('Collection of Sutras') section of the Mongolian Kanjur (vol. 91). *Results.* The textual and content analysis of works by Tibetologists, Mongolists, and Sinologists dealing with writings of the avadāna genre included in the canon makes it possible to reveal key characteristics of the genre, describe the structure of the Mongolian text, and outline its content.

Keywords: Buddhism, written sources, canon, Mongolian language, Kanjur, Sumagadha-Avadāna, Legend of Sayin Magada, Oriental studies

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Muzraeva D. N. Sumagadha-Avadāna and Some Aspects of Its Research in Russia and Worldwide: Analyzing The Legend of Sayin Magada from the Mongolian Kanjur. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 731–739. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-731-739

Введение

В истории отечественного и зарубежного востоковедения, пожалуй, нет другого такого сочинения, которое бы упоминалось столь часто в трудах по истории классической монгольской литературы среди сочинений, имеющих индо-тибетское происхождение, каким является повествование, главной героиней которого выступает Сайн Магада (санскр. Sumagadha-avadāna «Авадана о Сумагадхе»). Оно включено в состав

канонического свода Кангюр (Ганджур) на тибетском и монгольском языках. Несмотря на частые упоминания, это сочинение не переводилось на русский язык, нет описаний его структуры и содержания. В данной статье мы хотели бы восполнить этот пробел, рассмотреть сочинение, повествующее о Сайн Магаде, на материале текста «Легенда о Сайн Магаде» (монг. Sayin Magada-yin domuy) из состава канонического свода Ганджур на монгольском языке.

«Легенда о Сайн Магаде» в составе канона. Из истории изучения и описания

Следует в первую очередь отметить, что описываемое сочинение включено в разные издания буддийского канона на тибетском и монгольском языках. Оно включено в 91-й том (раздел «Eldeb» («Собрание сутр»)) Монгольского Ганджура [SMD 1979: 741–750].

Санскритское (Sumagadha-avadāna) и тибетское (magadha bzang mo'i rtogs pa brjod pa) названия сочинения зафиксированы в начале текста [SMD 1979: 741]. В нем дважды приводится титул сочинения на монгольском языке: в начале — как Sayin Magada-yin domu-yi ögülegči kemekü («[Сочинение,] излагающее „Легенду о Сайн Магаде“») [SMD 1979: 741], и практически идентичное в колофоне — Sayin Mayada-yin domu-yi ögüleküi tegüsbe [SMD 1979: 761].

Как видим, жанровая принадлежность рассматриваемого сочинения передана словом domu-yi ('легенда'). А. Д. Цендина, основываясь на анализе номинаций жанров монгольских переводных сочинений, отмечает, что этот термин является эквивалентом тибетского rtogs pa brjod pa (или rtogs brjod), что соответствует санскритскому avadāna [Цендина 2015: 19–20]. Несмотря на то, что в титуле не указывается жанровая принадлежность сочинения, излагающего содержание легенды, для исследователей очевидно, что этим сочинением является сутра [Тойм 1977: 389].

Ценными сведениями, содержащимися в колофоне, также являются данные о двух переводчиках: Enedkeg-ün upadini dharm-a śriy bhadar-a kiged: yekede üjegči kelemürči šaysabad erdem-tü ayay-q-a takimlig orčiyluḡad: ('Индийский наставник Дхарма Шри Бхадра, а также знающий о многом переводчик, монах Шагшабад Эрдэмту') и редакторе: dayun kürbegülüḡči yeke kelemürči dgeslong rinčin bzangbo / jasaḡu sudur-tur bayulḡabai: ('передающий звучание великий переводчик, гелон Ринчин Зангбо поправил и переписал в виде сутры') [SMD 1979: 761].

Упоминание об этом сочинении мы можем найти в описаниях печатного и рукописного Ганджура на монгольском языке [Ligeti 1942–44: 300, № 1110 (4); Bischoff 1968: 542], а также в мировых каталогах тибетских книг [A Complete Catalogue 1934:

64, № 346; Bethlenfalvy 1982: 31, № 304; Каталог сочинений 2019: 161].

В одном из первых в тибетологии описаний состава и содержания разделов канонического свода Кангьюр, опубликованного венгерским ученым А. Чома де Кёрёши в 1839 г., приводится перечень сочинений из раздела «Сутры» (тиб. mdo, санскр. sūtra), дается краткая характеристика их содержания. В основу этого описания был положен Кангьюр нартанского издания. Среди текстов указанного раздела, вошедших в 29-й том, упоминается «История о Сумагадхе» (санскр. Sumagadha avadāna, тиб. Magadha-bzang-mo'i-rtogs-pa-brjod-pa) [Csoma de Kőrös 1886: 354].

Повествование о Сумагадхе вызвало большой интерес со стороны отечественных востоковедов. Свидетельством тому может послужить рецензия С. Ф. Ольденбурга на работу Т.-М. Токивай «Изучение Сумагадхаваданы; предисловие к изданию, подготовленному профессором Лойманом, вместе с переводом китайских версий» [Ольденбург 1899].

Давая высокую оценку труду Т.-М. Токивай, рецензент так описывает сочинение, которому он посвящен: «...Токивай посвятил свой первый научный труд любопытному исследованию в области буддийской литературы-легенды о том, как молодая буддистка Sumagadha, выданная замуж в семью неверующих, обратила ее в истинную веру, показав превосходство Будды и его учеников над другими вероучителями» [Ольденбург 1899: 0163].

В отзыве С. Ф. Ольденбург, отмечая обращение автора работы к санскритской версии, китайскому переводу и трем китайским обработкам «Сумагадхаваданы», дает пояснение к последним трем текстам, что они являются переводом одной сутры из раннего индийского текста Ekottarā-gāma [Ольденбург 1899: 0164]. Он также отмечает, что более широкое привлечение санскритских и палийских текстов будет способствовать выяснению сложной истории буддийской литературы [Ольденбург 1899: 0167].

Тексты о Сайн Магаде, их версии и списки до настоящего времени сохраняются в коллекциях востоковедческих центров. Рукопись на ойратском языке под названием Sayin Mayadayin touji («Повесть о Сайн

Магаде») [SMT] представлена в Монгольском фонде Института восточных рукописей РАН (в коллекции К. Ф. Голстунского) [Сазыкин 1988: 81, № 298].

Известный монгольский ойратовед Х. Лувсанбалдан в сводном перечне ойратских текстов из коллекций Государственной публичной библиотеки и Института языка и литературы АН Монголии, переведенных Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662) и его ближайшими учениками, приводит название сочинения *Sayin Maḡadiyin toḡji* («Повесть о Сайн Магаде») [Лувсанбалдан 1975: 215]. Он с сожалением отмечает, что в данной рукописи имеются утраты, что не позволяет установить имя заказчика, переводчика или составителя. Дать ответы на эти и другие вопросы позволяет обращение к ойратскому тексту с аналогичным названием из коллекции Института восточных рукописей РАН. Некоторые сведения из него, касающиеся заказчиков перевода, состава и содержания стихотворных строф, Х. Лувсанбалдан приводит в своей монографии «Ойратское письмо и его памятники» [Лувсанбалдан 1975: 94–95]. Несмотря на то, что ученый не дает окончательного ответа, кем переведена эта рукопись, ойратами или калмыками, он приводит ценные сведения о заказчиках, которыми выступили калмыцкий хан Аюка (1670–1724) и его старшая сестра Дорджи-Равдан (младшая жена хошутского Цэцэн-хана) [Лувсанбалдан 1975: 94].

В собрании монгольских рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН также имеется рукописный текст *Sayin maḡad kemekü okin* («Девушка по имени Сайн Магад»), описание его дано в каталоге Н. В. Цыремпилова [Annotated Catalogue 2006: 218, № 614].

О сочинениях жанра авада́на

Монгольский Ганджур, так называемый «красный» (ургинский) Ганджур из коллекции профессора Рагхувир в 1973–1979 гг., был издан Л. Чандрой в серии «*Śata-Piṭaka Series. Indo-Asian Literatures*» («Серия „Шата-Питака“. Индо-азиатские литературы»). Комплект этого издания хранится в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН.

В составе раздела «Сутры» представлен ряд сочинений, чья жанровая принадлежность определяется санскритским термином

avadāna. Среди этих текстов можно перечислить следующие: *Em-e ḡaqai-yin uḡaḡan-i öḡüleküi neretü sudur* или «*Sukarika-avadāna*» («Сутра под названием „Повествующая о мыслях свиньи“»), *Dügüreng ḡaḡun uḡaḡan-i öḡüleküi* или *Pūrṇa-pramukh-avadāna-śataka* («[Сутра,] повествующая о ста [разновидностях] ума»), *Qutuḡ-tu burḡan-u uḡaḡan-i öḡüleküi tegüs medeküi sudur* или *Āḡya-jñānaka-sūtra-buddha-avadāna* («[Сутра,] в совершенстве знающая мысли Будды»), *Buyan-u küčütü-yin domuḡ-i öḡüleküi* или *Puṇyabala-avadāna* («[Сутра,] повествующая легенду об обладающем силой добродетели»), *Saran gerel-tü-yin domuḡ-i öḡüleküi* или *Candraprabha-avadāna* («[Сутра,] повествующая легенду об обладающем лунным сиянием»), *Čoḡ-tu ayimaḡ-un domuḡ-i öḡüleküi* или *Śrīsenā-avadāna* («[Сутра,] повествующая легенду о блистательном собрании»), *Bars-ün čikitü-yin domuḡ-i üḡüḡlöküi* или *Śārdūlakarṇa-avadāna* («[Сутра,] повествующая легенду об обладающем тигриными ушами»).

Тексты авада́н не раз выступали объектом описания и исследования тибетологов и монголоведов. Авада́нам и джатакам посвящен раздел в монографии В. С. Дылыковой по истории тибетской литературы [Дылыкова 1990: 80–104]. В нем исследовательница подробно останавливается на таком сочинении, как «Сутра о мудрости и глупости», по сути являющемся сборником сочинений этих двух жанров [Дылыкова 1990: 81–95]. По мнению В. С. Дылыковой, тибетские джатаки и авада́ны «более пространны и значительно теснее, чем в палийских рассказах, связаны со сказочными сюжетами „рассказов о минувшем“» [Дылыкова 1990: 94]. Главной целью тибетских повествований, в отличие от более ранних индийских (палийских) джатак, было «наставление людей в милосердии, щедрости, нравственном поведении и т. п. на примерах деяний Будды Гаутамы в его мифических прошлых рождениях. В новых повествованиях основное внимание уделяется иллюстрации действия закона кармы» [Дылыкова 1990: 94].

О том, что «литература буддийских авада́н обширна и разнообразна» писал Ч. Кар [Kar 2017: 252]. Раскрывая жанровые особенности авада́н, Ч. Кар также отмечает их сходство с джатаками: «Авада́на — это

буддийская повествовательная история о прошлом, которая связана с историей настоящего или будущего. История показывает последствия кармы и вдохновляет буддийского практикующего вести правильную жизнь. Эта цель тесно связана с целью джатаки, и между этими двумя видами есть много общего. Многие ученые проводят общее различие между ними в том, что „герой“ истории джатаки обычно является Буддой или Бодхисаттвой (кем он был в предыдущей жизни), в то время как героем аваданы может быть любой буддийский святой или фигура» [Kar 2017: 253]. В качестве примера автор перечисляет ряд авадан, среди которых упоминается и Sumāgadhā Avadāna [Kar 2017: 253].

Г. Олбери, описывая тексты авадан, дает им такую характеристику: «Аваданы представляют собой расплывчатую форму повествовательной литературы, сегодня собранной в обширные антологии на китайском, гандхари, пали, санскрите и тибетском языках, главной целью которых является распространение буддийской идеологии и философии» [Albery 2020: 522]. Автор дает более детальное описание сочинений, относящихся к жанру авадан: «К ним относятся рассказы о действиях в предыдущих рожденьях, озаглавленные „нити действий“ (санскр. *karmaploti*), „прошлые связи“ (санскр. *pūrvayoga*) и „прошлые жизни“ (санскр. *pūrvaniveśa*), а также примеры, которые подробно описывают действия в нынешних существованиях и которые часто, в их более развитой форме, включают разъясняющую структуру повествования о предыдущем существовании (санскр. *bhūtapūrvam*), устанавливающую причинную связь между прошлым действием и настоящим состоянием, а также объяснение или предсказание (санскр. *vyākaraṇa*) результирующего будущего состояния, вызванного настоящим действием» [Albery 2020: 522].

Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что история сложения и природы рассматриваемой повествовательной литературы представляют собой сложный вопрос. Для понимания этого жанра в контексте буддийской традиции и науки требуется привлечение обширного материала на разных языках.

Структурные компоненты текста и краткое содержание¹ «Легенды о Сайн Магаде»

Монгольский текст начинается с молитвенной формулы поклонения трем драгоценностям (т. е. Будде, дхарме и сангхе). Далее приводится название сочинения на санскрите, тибетском и монгольском языках.

После приводится фраза поклонения всем буддам и бодхисаттвам. Здесь же во вводной части сочинения указывается место пребывания Будды — город Шравасты, где он вместе с сангхой пребывал в обители, обустроенной меценатом Анатхапиндадой. Здесь также упоминается дочь последнего по имени Сайн Магада, о которой было сказано, что она «была преисполнена благоговения, [обладала] добрыми помыслами, существовала ради того, чтобы помочь себе и другим» [SMD 1979: 742].

В это же время в другом городе Ишингу Вардани жил торговец (купец), у которого был сын по имени Суругун Манлай Оггугчи — последователь неверных (т. е. небуддийских) учений, преклоняющийся перед аскетами. О последних повествуется, что, когда Будда проявлял искусство перевоплощения, все аскеты разбрелись по отдаленным городам. Вместе с ними был и этот юноша. Поскольку он был не женат, аскеты посоветовали ему взять в жены Сайн Магаду, которая, по их общему мнению, была прекрасна, как богиня, и была хорошим человеком. Юноша под видом аскета отправился в Шравасты в дом Анатхапиндады, чтобы получить подношение. Как только он увидел Сайн Магаду, так тотчас же проникся к ней страстью и поэтому под принесенное пожертвование (пищу) подставил свой головной убор. Сайн Магада, увидев это, подумала про себя, что он не понимает, как надо принимать подношения, и засмеялась.

Юноша, которому стало стыдно, вернулся в свой город и рассказал обо всем отцу. Далее опускаются подробности, и мы узнаем, что тот юноша взял в жены эту девушку.

Отец девушки рассказал о своей дочери Будде, и тот ответил, что Сайн Магаде предстоит совершить деяния, достойные тойнов

¹ В тексте пересказа в круглых скобках приводятся эквиваленты перевода, в квадратных — поясняющие слова. — Д. М.

(священнослужителей высокого ранга) и даже самого Будды.

В доме супруга Сайн Магады свекровь сказала, что приготовит угощения и пригласит духовных особ. Это обрадовало Сайн Магаду, которая подумала, что пригласят учеников Будды и к ним явятся такие, как Шарипутра и Мaudгальяна. Когда свекровь сказала ей сходить и пригласить их, Сайн Магада без всякой опаски отправилась в лес, где пребывали духовные особы. Но когда она увидела обнаженных аскетов, ею овладел стыд и она очень расстроилась. На вопрос свекрови, почему она так погрузилась, Магада ответила, что те, кого она видела вовсе не духовные особы, но она знает таких учителей. Одним из них является Будда, который в то время находился в обители ее отца. Когда она подробно охарактеризовала Учителя, обрадованная свекровь попросила невестку пригласить его к ним домой на следующий день на религиозную трапезу.

Сайн Магада взошла на крышу двухэтажного здания, сложила молитвенно ладони и поклонилась в том направлении, в котором находился Будда, затем стала перечислять вслух все заслуги Будды, рассыпала (разбросала) цветы, зажгла благовония (курительные свечи) и разбрызгала воду из золотого сосуда, произнося при этом слова просьбы явиться сюда, адресованные и Будде, и его ученикам и последователям. При этом цветы, благовония и вода из золотого сосуда воспарили в воздухе, а через какое-то время эта вода в виде бериллового дерева (посоха) появилась перед Буддой, цветы воспарили в небе над его головой в виде двухэтажного дома, благовония и дым от них образовали двойное облако.

На вопрос одного из ближайших учеников Ананды, откуда появились эти знаки призыва явиться, Будда ответил, что это послание от того, кто живет в городе Ишингу Вардани, который был известен тем, что являлся оплотом последователей небуддийских учений. Поэтому Будда вознамерился сам отправиться туда, воспользовавшись волшебством перевоплощения. Ананда передал другим монахам (бхикшу) слова Будды о том, что завтра следует явиться (в особенности, тем, кто овладел волшебством перевоплощения) в город Ишингу Вардани, рассказал о том, что он находится на рассто-

янии 163 бэр (или йоджан)¹, что им владеют еретики (не-буддисты). С самого рассвета все пребывавшие в окружении Будды монахи стали практиковаться в волшебстве перевоплощений. Все поочередно стали являться в указанном месте (городе), демонстрируя свои способности.

Каундинья на колеснице, запряженной лошадьми, проявился словно сверкание молнии, после чего постепенно заставил пролиться дождю (ливню).

Маха-Кашьяпа спустился с неба на горе-скале, которую явно сделал прекрасной, полностью поросшей деревьями, переполненной самыми разными птицами, полностью покрытой множеством цветов, наполненной водой.

Шарипутра спустился с неба на колеснице, запряженной львами.

Маха-Мaudгальяна перевоплотился в царя слонов Эйравани и так спустился с неба.

Анируди (Анирудха) также спустился с неба на колеснице, ступицы которой были сделаны из золота и лотосов, а рукоятки (стержни) исполнены из золота и серебра.

Бурни (Пурна) явился с неба, чудесным образом наяву воплотив колесницу, запряженную гарудой.

Ашинчи (Ашваджит) явился, демонстрируя очень медленную, плавную поступь.

Убали (Упали) явился с неба, чудесным образом преобразовав (воплотив) сад из золотых деревьев тала (пальмовое дерево).

Маха-Гадаяна (Маха-Катьяяна), чудесным образом возведя многуровневый берилловый дом, спустился с небес.

Маха-Бугеши, чудесным образом создав колесницу Суругун Манглая [супруга Сайн Магады], также спустился с неба.

Сын Рангадары чудесным образом явился с небес, восседая на колеснице, запряженной гусьями.

Хорин Колти Чихиту (санскр. Карна) явился, восседая посреди сонма лесов.

Раху Баригчи (Рахула) — сын Будды явился, приняв на себя вид царя-чакравартина (вращающего колесо учения).

Каждый раз, когда Сайн Магаде задавали вопрос, это ли ее учитель, она под-

¹ Это соответствует расстоянию примерно в 2,5 тыс. км.

робно описывала каждого, кратко описывала его историю, объясняла каковы его заслуги, причину появления в том или ином облике.

Вслед за учениками явился сам Будда. Он шествовал по небу в сопровождении (окружении) богов: за ним следовал бодхисаттва Ваджрапани, над ним находилось 4 класса богов [из 28], снизу тенгрии (небожители) райской области Амармаг [Камадхату или мира веселья и чувственного наслаждения, мира Браммы], слева находился Хормуста (Индра), справа — Эсруа (Брахма). При этом божества во главе с Махешварой и др. наигрывали на музыкальных инструментах удивительно прекрасную мелодию, возжигали благовония, разбрасывали цветы и гирлянды [SMD 1979: 754].

В городе Ишингу Вардани Будду встречали сотни тысяч жителей во главе с Магадой, которые сделали подношения цветами, благовониями и гирляндами. Когда он проповедовал учение, все они уверовали в него, некоторые из них решили вступить в монашескую общину.

На вопрос своих последователей относительно того, как Сайн Магаде удалось проявить столько усердия в деле обращения верующих, Будда рассказал историю царя Кри Кри¹, который во времена Будды Кашьяпы правил в Варанаси. У этого царя была дочь по имени Алтан Эрихэту («Обладающая золотыми четками»), которая, обретя веру в Будде Кашьяпе, на протяжении всей своей жизни выказывала почтение, делая подношения монашеским одеянием, пищей, постельными принадлежностями, лекарствами и всем необходимым.

По совету дочери царь Кри Кри обратился к Будде Кашьяпе с просьбой разгадать десять снов, увиденных им за одну ночь, которые его очень опечалили. Кашьяпа поведал царю разгадку его снов, пророчествовал, что его государству и подданным не грозит разрушение, что в то время, которое еще не наступило, люди смогут жить до ста лет, что явится Будда Шакьямуни и его последователи будут строго соблюдать монашескую дисциплину и т. д. Он также про-

рицал, что дочь царя Кри Кри по имени Алтан Эрихэту и была Сайн Магада.

В заключение своих наставлений Будда проповедал учение о пользе белых (добродетельных) деяний и необходимости воздерживаться от всех черных (греховных) деяний.

В традиционной концовке в ответ на завершившуюся проповедь Будды монахи выражают радость и возносят ей хвалу.

Заключительная фраза гласит о том, что сочинение завершилось.

В конце (в послесловии) приводятся имена переводчиков и редактора текста. Завершает текст санскритская формула о благоденствии (manngalam).

Выводы

Сочинения канонического свода Ганджур позволяют исследователям познакомиться с образцами памятников, отражающими основные положения буддийского учения. Они представляют ценный материал для изучения жанровых особенностей сочинений, имеющих индо-тибетские корни. Среди этих текстов — сочинение Sumagadha-avadāna, вошедшая в канон под названием «[Сутра,] излагающая „Легенду о Сайн Магаде“». Примечательно, что, помимо указанного, в разделе «Eldeb» («Собрание сутр») Монгольского Ганджура можно перечислить ряд других (Puṇyabala-avadāna, Sukarika-avadāna, Pūrṇa-pramukha-avadāna-śataka, Ārya-jñānaka-sūtra-buddha-avadāna и др.), что является свидетельством того, сколь обширна литература авадан в буддийской традиции и как важны были эти сочинения для буддийских проповедников и составителей канонического свода.

Анализ работ тибетологов, монголоведов, китаистов и других востоковедов, посвященных аваданам, позволяет установить основные характеристики сочинений этого жанра (это истории о прошлом, связанные с историями настоящего или будущего; в них показаны последствия закона кармы; они вдохновляют буддийского практикующего вести праведную жизнь; в них главным героем могут выступить любые буддийские святые или рядовые персонажи и т. д.).

На основе текстологического и содержательного анализа монгольского текста «Легенда о Сайн Магаде» описана его структура, изложено его содержание.

¹ Кри-Кри — имя легендарного царя Бенареса, современника Будды Кашьяпы [Перих, I 1983: 82].

Источники

- SMD 1979 — Sayin Magada-yin domuy-i ögülegçi kemekü (= 'Легенда (авадана) о Сайн Магаде') // Mongolian Kanjur. Lokesh Chandra (ed.). From the Collection of Prof. Raghuvira. Vol. 1–108. New Delhi: Jayyed Press, 1973–1979. Vol. 91. 1979. Pp. 741–750.
- SMT — Sayin Maṣadayin toṣji (= Повесть о Сайн Магаде). Рукопись на «тодо бичиг» («ясном письме») // Монгольский фонд Института восточных рукописей РАН. Шифр С 318. 12 л.

Литература

- Annotated Catalogue 2006 — Annotated Catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs MII of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (CNEAS Monograph Series No. 24). Compiled by N. Tsyrepilov. Edited by Ts. Vanchikova. Sendai: Tohoku University, 2006. 412 с.
- Дылыкова 1990 — Дылыкова В. С. Тибетская литература: Краткий очерк. 2-е изд., доп. М.: Наука. ГРВЛ, 1990. 239 с.
- Каталог сочинений 2019 — Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИБР РАН. Вып. 2: Индексы / под общ. ред. А. В. Зорина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 952 с.
- Лувсанбалдан 1975 — Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд (= «Ясное письмо» и его памятники) / ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.
- Ольденбург 1899 — Ольденбург С. Ф. Studien zum Sumaḡadhāvadāna (рец.) // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. XII. 1899. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1900. С. 0163–0167.
- Рерих 1985 — Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. I–XI. Вып. I. М.: Наука, 1983. 378 с.
- Сазыкин 1988 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 507 с.
- Тойм 1977 — Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр (XVII–XVIII зууны үе) (= Обзор монгольской литературы. Т. II (XVII–XVIII вв.)) / ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. 672 х.
- Цендина 2015 — Цендина А. Д. Термины тууль,

Sources

- The Legend (Avadāna) of Sayin Magada. In: Mongolian Kanjur. Lokesh Chandra (ed.). From the Collection of Prof. Raghuvira. Vols. 1–108. New Delhi: Jayyed Press, 1973–1979. Vol. 91. Pp. 741–750. (In Mong.)
- The Tale of Sayin Magada'. Manuscript. At: Institute of Oriental Manuscripts (RAS), Mongolian Collection. Call no. C 318. 12 fol. (In Oir.)
- тууж, туух, улгэр, домог, намтар, цадиг, судар, шастур в старой монгольской литературе // Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Вып. LIV: Монгольский сборник. Тексты и контексты / сост. А. Д. Цендина. М.: РГГУ, 2015. С. 7–29.
- A Complete Catalogue 1934 — A Complete Catalogue of the Tibetan Buddhist Canons (Bkaḥ-gyur and Bstan-gyur) // Ui H., Suzuki M., Kanakura Y., Tada T. (ed.). Sendai: Tohoku Imperial University, 1934. 703 p.
- Albery 2020 — Albery H. Buddhism and Society in the Indic North and North west. 2nd Century BC – 3rd Century CE. München: Ludwig-Maximilians-Universität, 2020. 673 p.
- Bethlenfalvy 1982 — Bethlenfalvy G. A Hand-list of the Ulan-Bator manuscript of the Kanjur rGyal-rtse them spangs-ma by Geza Bethlenfalvy. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 112 p.
- Bischoff 1968 — Bischoff F. A. Der Kanjur und seine Kolophone. Bd. II. Bloomington: The Selbstverlag Press, 1968. 574 p.
- Kar 2017 — Kar Ch. Buddhist Avadāna-Śataka Literature and Tagore's Poems: Literaturistic Study // International Journal of Humanities & Social Science Studies (IJHSSS). A Peer-Reviewed Bi-monthly Bi-lingual Research Journal. Volume III, Issue V, March 2017. Pp. 250–258.
- Csoma de Körös 1986 — Csoma de Körös, A. Analysis of the Sher-chin-p'hal-ch'hen-dkon-seks-do-de-nyang-das-and Gyut; being the 2nd, 3rd, 4th, 5th, and 7th divisions of the Tibetan Work, entitled the Kah-Gyur // Tibetan Studies, being a Reprint of the Articles contributed to the Journal of the Asiatic Society of Bengal and Asiatic Researches. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. Pp. 265–424.
- Ligeti 1942–44 — Ligeti L. Catalogue du Kanjur Mongol imprimé. Vol. 1. Catalogue. Budapest: Société Kőrösi Csoma, 1942–44. (Bibliotheca Orientalis Hungarica. III). 345 p.

References

- Albery H. Buddhism and Society in the Indic North and Northwest: 2nd Century BC – 3rd Century CE. Munich: Ludwig Maximilian University of Munich, 2020. 673 p. (In Eng.)
- Bethlenfalvy G. A Hand-List of the Ulan-Bator Manuscript of the Kanjur rGyal-rtse them spangs-ma. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 112 p. (In Eng.)
- Bischoff F. A. Der Kanjur und seine Kolophone. Bloomington: The Selbstverlag Press, 1968. Vol. 2. 574 p. (In Germ.)
- Csoma de Kőrös A. Analysis of the Sher-chin-p'hal-ch'hen-dkon-seks-do-de-nyang-das-and Gyut; being the 2nd, 3rd, 4th, 5th, and 7th divisions of the Tibetan work, entitled the Kah-Gyur. In: Tibetan Studies (Reprint of the articles contributed to the *Journal of the Asiatic Society of Bengal* and *Asiatic Researches*). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. Pp. 265–424. (In Eng.)
- Damdinsüren Ts., Tsend D. The Review of Mongolian Literature. Vol. 2: 17th–18th Centuries. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1976. 672 p. (In Mong.)
- Dylykova V. S. Tibetan Literature: A Brief Essay. 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 239 p. (In Russ.)
- Kar Ch. Buddhist Avadāna-Śataka literature and Tagore's poems: Literaturistic study. *International Journal of Humanities & Social Science Studies*. 2017, March. Vol. 3. No. 5. Pp. 250–258. (In Eng.)
- Ligeti L. Catalogue du Kanjur Mongol imprimé. Vol. 1: Catalogue. Budapest: Csoma de Kőrös Society, 1942–44. (Bibliotheca Orientalis Hungarica III). 345 p. (In Fr. and Mong.)
- Luvsanbaldan Kh. Clear Script and Its Monuments. Ts. Damdinsüren (ed.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong)
- Oldenburg S. F. Review: Tokiwai T.-M. Studien zum Sumāgadhāvadāna. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva*. 1899. Vol. 12. Pp. 0163–0167. (In Russ.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Vols. I–XI. Vol. I. Moscow: Nauka, 1985. 378 p. (In Tib., Russ., Eng. and Sanskr.).
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. 507 p. (In Russ.)
- Tsendina A. D. The terms *tuuli*, *tuuji*, *tuukh*, *ulger*, *domog*, *namtar*, *tsadig*, *sudar*, *shastir* in old Mongolian literature. In: Tsendina A. D. (comp.) The Mongolian Collection: Texts and Contexts (*Orientalia et Classica LIV*). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2015. Pp. 7–29. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. (comp.) Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs MII of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (CNEAS Monograph Series No. 24). Ts. Vanchikova (ed.). Sendai: Tohoku University, 2006. 412 p. (In Eng.)
- Ui H., Suzuki M., Kanakura Y., Tada T. (eds.) A Complete Catalogue of the Tibetan Buddhist Canons (Bkah-hgyur and Bstan-hgyur). Sendai: Tohoku Imperial University, 1934. 703 p. (In Eng.)
- Zorin A. V. (ed.) Institute of Oriental Manuscripts (RAS): Catalogue of Texts Included in the Tibetan Buddhist Canon. Vol. 2: Indices. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019. 952 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 740–750, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2

DOI:10.22162/2619-0990-2022-62-4-740-750

Цифровая трансформация письменного наследия тибетского буддизма: состояние и перспективы

Борис Ванданович Базаров¹, Олег Сергеевич Ринчинов², Андрей Александрович Базаров³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, академик РАН, профессор, директор

 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1379-771X. E-mail: o.rinchin@gmail.com

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Базаров Б. В., Ринчинов О. С., Базаров А. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Освоение достижений буддийской культуры представляется важным и актуальным ввиду неуклонного роста глобального значения региона Восточной и Центральной Азии. Поэтому обращение к памятникам буддийского наследия, хранящимся в обширных российских коллекциях, на современном академическом и технологическом уровне с упором на активное применение цифровых технологий позволит найти решение многих задач социального и культурного развития России, укрепит историческую роль и место нашей страны в геополитическом пространстве Азии. *Целью* обсуждаемого исследования является анализ современного состояния цифровизации письменного наследия тибетского буддизма и оценка перспективных направлений ее дальнейшего развития, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта. *Задачи и методы.* Изучение современных подходов в этой области выполнено на основе сравнительного анализа деятельности консорциума Buddhist Digital Resource Center (BDRC), одной из старейших и наиболее успешных инициатив, действующей с 1999 г. В качестве перспективного направления рассмотрено использование методов искусственного интеллекта для решения проблемы создания корпуса машиночитаемых тек-

стов буддийских сочинений и машинного перевода. *Результаты.* Раскрыты принципы оцифровки и представления письменных памятников, реализованные в новой цифровой платформе BUDA (Buddhist Digital Archives), запущенной в 2021 г. Показана эффективность лежащих в ее основе архитектур IIF (International Image Interoperability Framework) и LOD (Linked Open Data) для интеграции ранее разрозненных цифровых хранилищ в глобальное информационное пространство буддийского культурного наследия. Для оценки перспектив использования технологий искусственного интеллекта было выполнено пилотное исследование по применению нейросетевых методов «глубокое обучение» для создания экспериментальной модели оптического распознавания символов тибетской письменности, в ходе которого достигнут результат 94 % распознанных символов. Таким образом, заложена база для решения проблемы поточного декодирования сканированных письменных источников на тибетском языке и создания всеобъемлющего корпуса буддийских сочинений в машиночитаемом формате, что открывает перспективы создания новых эффективных цифровых текстологических инструментов. *Выводы.* Интеграция существующих и перспективных подходов позволяет осуществить цифровую трансформацию буддийских письменных традиций, что открывает для них новые формы функционирования и новые возможности развития в современном мире и предоставляет возможность в полной мере раскрыть культурный и интеллектуальный потенциал буддийской цивилизации для современного общества.

Ключевые слова: цифровизация, тибетский буддизм, письменное наследие, искусственный интеллект, глубокое обучение

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания № 121031000263-3 «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии».

Для цитирования: Базаров Б. В., Ринчинов О. С., Базаров А. А. Цифровая трансформация письменного наследия тибетского буддизма: состояние и перспективы // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 740–750. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-740-750

Digital Transformation of Written Heritage of Tibetan Buddhism: State of the Art and Prospects

Boris V. Bazarov¹, Oleg S. Rinchinov², Andrei A. Bazarov³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Full Member of the RAS, Professor, Director

 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-1379-771X. E-mail: o.rinchin@gmail.com

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Research Associate

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Bazarov B. V., Rinchinov O. S., Bazarov A. A., 2022

Abstract. Introduction. Making public knowledge pertaining to Buddhist culture proves important and topical enough due to the steady growth of global significance attributed to East and Central Asia. Therefore, insights into monuments of Buddhist heritage represented in vast collections of Russia — at advanced academic and technological levels with an emphasis on the active use of

digital technologies — shall yield solutions to quite a number of sociocultural development problems, and strengthen positions of our nation in Asia's geopolitical environments. *Goals.* The study aims at analyzing the current state of the art in digitization of Tibetan Buddhism's written heritage and assessing some promising AI related technologies development trends. *Materials and methods.* The study provides a comparative analysis of activities by the Buddhist Digital Resource Center (BDRC) consortium, an oldest and most successful initiatives operating since 1999, for advanced approaches in this field. The use of artificial intelligence methods to solve the problem of creating a machine-readable text corpus of Buddhist writings and machine translation is considered as a promising direction. *Results.* The work discloses key principles of digitization and representation of written monuments implemented on the new digital platform BUDA (Buddhist Digital Archives), shows effectiveness of the underlying IIF (International Image Interoperability Framework) and LOD (Linked Open Data) architectures. The efforts to assess artificial intelligence technologies prospects included a pilot study on the use of 'deep learning' neural network methods to create an experimental model for optical recognition of Tibetan characters which yielded a result of 94 % of recognized characters. This lays a foundation for flow-line decoding of Tibetan-language scans and creating a comprehensive corpus of Buddhist writings in a machine-readable format, which offers the challenge of developing new efficient digital textual tools. *Conclusions.* The integration of existing and promising approaches allows for a digital transformation of Buddhist written traditions, the latter to open new functioning forms and development opportunities in the contemporary world backed with a possibility to reveal the cultural and intellectual potential of Buddhist civilization for modern society to the full.

Keywords: digitization, Tibetan Buddhism, written heritage, artificial intelligence, deep learning

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000263-3 'Scriptural Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia'.

For citation: Bazarov B. V., Rinchinov O. S., Bazarov A. A. Digital Transformation of Written Heritage of Tibetan Buddhism: State of the Art and Prospects. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 740–750. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-740-750

Введение

Научная значимость и актуальность изучения письменного наследия тибетского буддизма определяются огромным влиянием буддийской культуры в странах Восточной и Центральной Азии. С одной стороны, буддийская культура имеет важное структурообразующее значение для социально-политической жизни в азиатских обществах, обеспечивая непрерывность передачи духовных знаний и традиций, сохранение культурной и национальной идентичности. В то же время, благодаря универсальным идеям и ценностям, она способствовала сложению общего культурного пространства, развитию новых направлений межкультурного взаимодействия, технологических и торгово-экономических обменов, включая такие яркие исторические явления, как «Шелковый путь», «Чайный путь» и др. В связи с неуклонным ростом значения этого макрорегиона в современном глобальном мире освоение достижений буддийской

культуры представляется важным и актуальным.

Россия имеет длительный опыт проведения взвешенной политики межкультурного и межконфессионального взаимодействия, в том числе и с народами, исповедующими буддизм и имеющими многосторонние связи со странами буддийского ареала. В современных условиях использование такого подхода предоставляет России существенные преимущества при формировании стратегии «мягкой силы» в стратегически важном макрорегионе Восточной и Центральной Азии, учитывающие региональный историко-культурный контекст. В этой связи обращение к памятникам буддийского наследия, представленных в обширных российских коллекциях, на современном академическом и технологическом уровне с упором на активное применение цифровых технологий позволит найти решение многих задач культурного развития России, укрепит историческую роль и место нашей

страны в геополитическом пространстве Азии.

В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) хранится одно из крупнейших в мире собраний раритетных рукописей и ксилографов на тибетском языке, основу которого составляют многочисленные комплекты буддийского канона *Кангьюр* и *Тенгьюр*. Проводимые здесь исследования тибетоязычных памятников письменности с применением цифровых технологий вносят вклад в решение важных для науки и общества проблем освоения культурного наследия народов буддийской Азии, включающих анализ и реконструкцию философских, этических и естественнонаучных концепций, которые получили отражение в корпусе буддийской книжности и традиционной медицине.

Цифровизация колоссального собрания буддийских знаний в фондах ЦВРК требует внимательного изучения международного опыта, накопленного к настоящему времени. Необходима оценка текущего состояния в этой области, выявление наиболее успешных реализованных подходов. На основе анализа достижений и недостатков существующих инициатив по цифровизации тибетского книжного наследия определяются наиболее перспективные направления, обеспечивающие приоритет российской науки и устойчивое развитие тибетологических исследований в ИМБТ СО РАН.

Задачи и методы исследования

Целью исследования являются анализ современного состояния цифровизации тибетского письменного наследия и оценка перспективных направлений исследований в этой области.

Перед исследованием было поставлено две основные задачи. Первой являлось, используя сравнительный метод, изучение современных подходов к цифровизации тибетского книжного наследия на примере одной из наиболее успешных инициатив в этой области — Buddhist Digital Resource Center (BDRC), их тщательный анализ, выявление преимуществ и существующих проблем. Для этого были подробно рассмотрены информационные ресурсы, представленные

на веб-портале BDRC. Второй задачей являлась оценка перспектив использования технологий искусственного интеллекта для решения проблемы создания корпуса машиночитаемых текстов буддийских сочинений и машинного перевода. Для этого была налажена коллаборация между ИМБТ СО РАН и Новосибирским государственным университетом (НГУ), в составе которой были выполнены междисциплинарные исследования по применению нейросетевого метода «глубокого обучения» для создания экспериментальной модели оптического распознавания символов тибетской письменности. В качестве материала для реализации пилотного проекта были взяты памятники письменности из тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН [ЦВРК].

Современное состояние цифровизации тибетской книжности

Цифровизация буддийского письменного наследия началась более 30 лет назад усилиями религиозных общин и академических кругов в разных странах. За прошедший период этот процесс стал настолько интенсивным и всеобъемлющим, что в настоящее время становится очевидным: подобно освоению письменности и печати в ранние периоды, цифровизация переформатирует буддийское информационное пространство, делая его более связным и открытым.

Крупные и технологически продвинутые инициативы в области цифровизации тибетской книжности осуществляются западными про-тибетскими академическими кругами с широким привлечением представителей коренных этнических и религиозных сообществ. Среди них необходимо упомянуть Asian Classics Input Project (ACIP), действующий с 1988 г., Tibetan and Himalayan Digital Library (THL, с 2000 г.), Buddhist Digital Resource Center (BDRC, с 1999 до 2016 гг. — Tibetan Buddhist Resource Center, TBRC). Эти инициативы различаются организационными и технологическими подходами. Например, консорциум ACIP проявляет большую социальную ориентированность, активно вовлекая в свою деятельность местные сообщества. BDRC нацелен в существенной степени на запросы религиозного сообщества, в то время как THL исходит преимущественно из академи-

ческих интересов. Общей чертой является определяющее значение академического фактора [Ринчинов 2020: 649].

На наш взгляд, наибольших успехов в цифровизации письменного наследия тибетского буддизма достиг консорциум BDRC [About us 1999], основанный американским буддологом Джинном Смитом (E. Gene Smith, 1936–2010) с целью сохранения тибетского литературного наследия и обеспечения его максимальной доступности. Дж. Смит полагал, что традиционные формы передачи находятся в критической опасности в основном из-за неблагоприятных политико-социальных факторов. Исходя из этого, BDRC приступил к поиску памятников буддийской письменной культуры, а для их сохранения, организации и распространения упор сделал на широкое использование цифровых инструментов. К деятельности консорциума присоединилась Служба цифрового хранения (DRS) Гарвардского университета, являющаяся крупнейшим хранилищем культурно и научно значимых цифровых ресурсов. Создаваемая совместными усилиями цифровая библиотека тибетских текстов со временем стала важным ресурсом для тибетологии и буддологии, и вокруг BDRC сложилось активное сообщество академических ученых, религиозных деятелей, издателей и заинтересованной широкой публики. Каждый год к ресурсам BDRC обращаются из 150 стран мира [Access 2012].

За более чем 20 лет BDRC оцифровал значительное число буддийских сочинений, включая редкие рукописные и ксилографические издания, полученные самыми разными способами. Круг партнеров BDRC включает Библиотеку Конгресса США, Библиотеку тибетских трудов и архивов (LTWA) в Дхарамсале (Индия), управляемую Центральной тибетской администрацией, монастырские и университетские библиотеки из разных стран, где хранятся памятники тибетской литературы.

Одной из характерных черт BDRC является постоянное развитие поддерживаемой им цифровой платформы «вширь» и «вглубь». Развитие «вширь» обеспечивается за счет отбора и оцифровки как можно большего количества буддийских книжных материалов, включая и современные издания классики. Помимо сканированных

книг, представленных аннотированными цифровыми изображениями, BDRC занимается обработкой полнотекстовых материалов, представленных в машиночитаемых форматах, которые поступают из нескольких источников. Во-первых, электронные тексты предоставляют архивы и библиотеки в разных странах, выступающие партнерами BDRC, отдельные тибетские авторы и издатели. Во-вторых, полнотекстовые материалы создаются в рамках программы Namsel OCR (оптического распознавания символов), реализуемой в Калифорнийском университете в Беркли [Rowinski, Keutzer 2016].

Оба типа материалов, как сканированные, так и полнотекстовые, снабжаются разветвленными индексами по разным категориям и взаимосвязаны. При этом сканированные источники наиболее близки к оригиналу и сохраняют историко-культурный контекст. Начиная с 2016 г. BDRC занимается также интеграцией на своей платформе буддийских памятников на других языках, помимо тибетского. Выполнена оцифровка значительного объема писаний на санскрите, пали, бирманском, кхмерском, китайском языках [BUDA].

Развитие «вглубь» происходит за счет постоянного обновления технологической основы цифровой платформы, внедрения все более совершенных поисковых и аналитических инструментов. Основными этапами оцифровки являются сканирование, аннотирование (каталогизация) и индексирование для эффективной работы поисковых инструментов. Сканированные изображения размещаются в безопасном архиве, при этом пользователям обеспечивается открытый многоуровневый доступ к оцифрованным текстам. При аннотировании тексты размечаются метаданными, включающими название, автора, предмет, информацию о месте и времени издания и т. д. Принципы систематизации, предложенные Дж. Смитом, позволяют структурировать буддийскую литературу с учетом культурного, исторического, географического контекста. Обработываемые материалы индексируются по нескольким категориям, в существенной степени соответствующим методологии авторитетного контроля, включая обширные предметные таксономии, персоны, места. Благодаря этому создается глубокое

представление сложного и многогранного мира тибетской литературы [Cabezón, Jackson 1996: 29–31].

Этому способствует также возможность интеграции ресурсов цифровой платформы BDRC с информационными системами, которые создаются другими лицами и организациями. Доступ к хранилищу оцифрованных текстов со сторонних веб-сайтов предоставляется через открытый интерфейс доступа к данным на основе XML, позволяющий выполнять внешние программные запросы к базе данных BDRC.

В 2021 г. BDRC запустил новую цифровую платформу Buddhist Digital Archives (BUDA). Построенная с применением самых современных технологий, BUDA значительно улучшает доступ к обширной коллекции произведений тибетского буддизма и разнообразным материалам на санскрите, китайском, пали, бирманском и кхмерском языках [BUDA].

BUDA интегрирует множество инструментов, которые способствуют глубокому изучению буддийских текстов. Наиболее значительные улучшения касаются средств просмотра изображений (Image Viewer) и электронного текста (E-text Viewer). Чтение электронного текста в E-text Viewer сопрягается с одновременным просмотром сканированных изображений оригинального издания. BUDA предлагает новый многоязычный поисковый интерфейс, позволяющий пользователям формировать сложные запросы и получать наиболее релевантную информацию из цифрового архива BDRC.

Новая цифровая платформа построена на принципах открытого исходного кода. В ее основе лежат две основные архитектуры — это International Image Interoperability Framework (IIIF) и Linked Open Data (связанные открытые данные, LOD). Стандарты IIIF применяются для управления цифровыми изображениями и их отображения. Пользователям BUDA предоставляется многофункциональный интерфейс, который позволяет загружать, публиковать, встраивать и комментировать изображения.

Инициатива International Image Interoperability Framework (IIIF), выдвинутая в 2015 г. международным консорциумом, организаторами которого выступили Оксфордский и Стэнфордский университеты и Британская библиотека, нацелена на

внедрение единообразных способов описания и отображения цифровых образов культурных артефактов, таких как книги, карты, свитки, рукописи, нотные записи, архивные материалы, и обеспечение их глобальной доступности [IIIF].

Это достигается путем разработки и внедрения общих стандартов и инструментов представления изображений и других мультимедийных материалов, предназначенных для организации M2M взаимодействия (Machine-to-Machine) между репозиториями (цифровыми хранилищами) изображений через Интернет. Важным направлением деятельности консорциума является развитие совместно используемой распределенной инфраструктуры, включающей специализированные серверы изображений и веб-клиенты [Emanuel 2018: 127].

В настоящее время в рамках технологии IIIF представлены несколько интерфейсов прикладного программирования [API]. Они предоставляют пользователям богатые возможности поиска, просмотра, сравнения и аннотирования цифровых изображений и их коллекций, организации совместной работы. Например, IIIF Presentation API позволяет описать и представить составной цифровой объект, состоящий из нескольких изображений или мультимедийных материалов, разнесенных физически. Эта функция чрезвычайно полезна для часто встречающихся случаев, когда фрагменты одного документа оказываются в разных хранилищах. Это могут быть отдельные листы многостраничной книги, фрагментированные листы древней рукописи и т. д. Такая ситуация характерна, например, для гандхарских рукописных коллекций [Salomon 1997: 354].

IIIF позволяет исследователям обращаться с составными документами как с единым целым вне зависимости от физического местоположения их частей. Другие API предназначены для организации межмашинного взаимодействия и интеграции распределенных ресурсов и баз данных.

Архитектура связанных открытых данных (LOD) предназначена для структурирования машиночитаемых данных, что облегчает объединение, извлечение и обновление сложноорганизованных массивов информации на семантическом уровне. Например, архитектура LOD, реализованная на платформе BUDA, позволяет представить ос-

новые аспекты буддийского письменного наследия в контекстах актора (кто?), объекта (что?), времени (когда?) и места (где?) [BUDA].

Универсальная модель описания текстов предоставляет возможность идентифицировать и совмещать их разноязычные версии. Вместо привычного связывания веб-страниц LOD интегрирует ресурсы на уровне особым образом организованных и атрибутированных данных (метаданных). Таким образом, LOD является одной из реализаций авторитетного контроля. Например, через механизмы LOD налажен обмен данными между BUDA и базой данных проекта Sakya Research Centre (SRC) Австрийской академии наук, в которой собран большой объем авторитетных данных, связанных с тибетской культурой [Sakya 2011].

Обращение цифровых гуманитарных проектов и библиотек к технологиям, подобным PIF и LOD, обусловлено тем, что их широкое внедрение позволяет интегрировать отдельные распределенные базы данных друг с другом, создавая обширную сеть семантически взаимосвязанных ресурсов, формируя глобальное информационное пространство на основе ранее разрозненных цифровых хранилищ материалов, связанных с культурным наследием. Поэтому следование указанным подходам в деятельности по цифровизации письменного наследия позволит информационным ресурсам, создаваемым усилиями специалистов ИМБТ СО РАН, стать важной интегральной частью глобального цифрового пространства тибетского буддизма.

Технологии искусственного интеллекта как перспективное направление цифровизации тибетского письменного наследия

Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые в основном в рамках инициатив ACIP и BDRC, объем полнотекстовых материалов, связанных с наследием тибетского буддизма, и переводов письменных памятников на европейские языки продолжает оставаться незначительными. Острыми остаются проблемы критического исследования, перевода и интерпретации первоисточников буддийской классики, например, разновременных изданий канонических собраний *Кангьюр* и *Тенгьюр*. Для

того чтобы представить наследие тибетского буддизма во всей его полноте, возникает настоятельная необходимость во внедрении новых методов в цифровизации буддийского письменного наследия, его изучении и освоении, разработке эффективных методов анализа и систематизации информации, вводе в научный оборот новых источников.

На наш взгляд, дальнейшее развитие в этой области связано с развитием методов оптического распознавания символов (OCR) тибетской письменности и машинного перевода. Однако существующие на сегодня решения, например, упомянутый выше Namsel OCR, способные достаточно результативно обрабатывать печатные тексты (книги современного формата), остаются малопригодными для рукописей и ксилографов, которые отличаются неоднородным качеством воспроизведения текста, плохой сохранностью бумаги и т. д.

Для успешного и эффективного решения задач представляется актуальным внедрение технологий искусственного интеллекта, таких как нейросетевые алгоритмы «глубокого обучения» для распознавания символов тибетской письменности и машинного перевода, развитие корпусных методов текстологического анализа на основе подходов big data и других современных цифровых инструментов.

Под термином «искусственный интеллект» понимается ряд методик, позволяющих компьютерам имитировать человеческий интеллект, к числу которых относится машинное обучение, основанное на применении алгоритмов накопления опыта для решения разнообразных задач.

Одним из наиболее актуальных ныне является метод «глубокого обучения», основанный на применении программируемых нейронных сетей, имеющих несколько последовательных слоев преобразований и самообучения. Благодаря такой структуре нейронной сети глубокое обучение позволяет решать задачи выявления закономерностей в неструктурированных данных, таких как изображения, звук, видео и текст. По этой причине этот метод широко применяется во многих областях, в том числе для декодирования сканированных текстов, машинного перевода, содержательного анализа текстов.

Применение метода глубокого обучения подразумевает последовательное выполнение ряда этапов. Сначала необходимо подготовить определенное количество обучающих данных, размеченных в специализированных форматах, так называемых датасетов. Затем осуществляется выбор основного алгоритма, на основе которого строится нейросеть. Так, для задач распознавания символов наиболее результативно применение сверточных нейронных сетей, а для машинного перевода и анализа текстов — модели преобразователей (трансформеров). Следующим этапом производятся обучение, т. е. загрузка обучающих данных в нейронную сеть, и тестирование обученной модели; этот процесс повторяется многократно с новыми наборами обучающих данными для достижения необходимой точности решения основной задачи. После этого модель готова для работы с произвольными данными.

Общей чертой методов глубокого обучения является то, что создание работоспособных моделей требует большого количества тщательно подготовленных обучающих данных (датасетов), значительных вычислительных ресурсов (с использованием графических или тензорных процессоров) и существенных временных затрат. Вместе с тем данная методика позволяет получать отличные результаты для решения многих задач, недостижимые при использовании иных способов.

В июне 2021 г. ЦВРК ИМБТ СО РАН посетили Президент Российской академии наук академик А. С. Сергеев и Председатель Сибирского отделения РАН академик В. Н. Пармон. Они предложили внедрить методы искусственного интеллекта для изучения памятников буддийского письменного наследия. С их помощью была составлена коллаборация с участием ИМБТ СО РАН, в которой индустриальным партнером выступило структурное подразделение корпорации Мобильные телесистемы (МТС) «Центр искусственного интеллекта МТС» (МТС-ИИ), технологическим партнером стал Новосибирский государственный университет.

В составе этой коллаборации в октябре–декабре 2021 г. был выполнен пилотный проект «Подготовка датасета для обучения baseline моделей оптического распознава-

ния символов тибетского языка», в рамках которого впервые применена технология искусственного интеллекта «глубокое обучение» для создания работающей модели оптического распознавания тибетской письменности. Со стороны НГУ координаторами проекта выступили кандидат химических наук, доцент А. Г. Окунев и К. Бродт.

В ходе выполнения пилотного проекта сотрудники ИМБТ СО РАН выполнили высококачественное сканирование ряда редких изданий на тибетском языке, соответствующее спецификациям программы Endangered Archives Program Британской библиотеки [[Guidelines](#)].

В качестве основного источника было взято ксилографическое Чонэское издание *Кангьюра*, относящееся к первой трети XVIII в. Оно отличается неоднородной четкостью печати и относится к ксилографам среднего качества. После этого специалистами-тибетологами была выполнена наиболее трудоемкая часть проекта — ручной ввод тибетского текста в объеме 500 страниц в латинской транслитерации.

На основе отобранных текстовых материалов были сформированы 500 обучающих датасетов, каждый из которых включает размеченное изображение книжной страницы на тибетской письменности и связанные с разметкой текстовые аннотации в латинской транслитерации. Подготовка датасетов осуществлялась в специализированной программе Label Studio (<https://labelstudio.io/>), развернутой на сервере НГУ. В ходе разметки каждая строка, расположенная на изображении страницы ксилографа, выделялась полигональной фигурой из набора инструментов рисования, представленных в Label Studio [[Get Started](#)].

Затем в соответствующем текстовом поле размещалась аннотация, состоящая из транслитерации текста, который содержит выделенная полигоном строка. Специалистами НГУ был разработан нейросетевой алгоритм, позволяющий выполнять программное детектирование отдельных графем тибетской письменности из выделенной полигоном строки, что существенно облегчило задачу разметки, выполняемую сотрудниками ЦВРК. Для удобства работы размечаемые страницы *Кангьюра* группировались в проекты, включающие по 60 страниц. Экспорт датасетов для ввода в

нейронную сеть осуществлялся в формате JSON. На основе 450 сформированных указанных выше способом датасетов специалисты НГУ произвели обучение модели оптического распознавания символов, созданной на основе нейросетевых технологий. Остальные 50 датасетов использовались для проверки работоспособности OCR-алгоритма.

Полученный в результате машинного обучения алгоритм достиг точности распознавания графем тибетской письменности 94 %, что с учетом специфики последней (слоговое письмо) дает примерно 80 % общей правильности декодирования текста [Brodt et al. 2022].

Дальнейшее обучение OCR-алгоритма с целью повышения точности распознавания до приемлемого уровня (97–99 %) требует кратного увеличения количества обучающих материалов (не менее 1 500–2 000 датасетов).

Таким образом, в ходе реализации пилотного проекта в ЦВРК ИМБТ СО РАН были освоены технологии и внедрен рабочий процесс подготовки обучающих датасетов на основе текстовых материалов на тибетском языке для нейросетевых моделей оптического распознавания символов. Была показана принципиальная возможность разработки нейросетевой OCR для книжных памятников на тибетской письменности.

В результате реализации пилотного проекта заложена база для создания полнофункциональной системы оптического распознавания символов тибетской письменности, на основе которой будет выполняться поточное декодирование сканированных письменных источников на тибетском языке. Дальнейшее развитие этого направления исследований связано с созданием цифрового текстового корпуса тибетоязычных буддийских сочинений и сопутствующих инструментов текстологического анализа, в частности, тезаурусов и конкордансов для разных тематических областей, которые обеспечивают быстрый доступ к нужным текстам. Важным является также разработка текстологической основы для разработки системы машинного перевода с тибетского языка на основе технологий искусственного интеллекта, которая включает параллельный корпус и словарные базы данных. Эти работы также инициированы в ЦВРК ИМБТ СО РАН.

Выводы

Необходимо подчеркнуть глобальный характер цифровой трансформации информационного пространства тибетского буддизма. Именно цифровые технологии обеспечивают целостное представление о содержании, истории и современном состоянии тибетской письменной культуры. Действующие в этой области консорциумы и инициативы, такие как Asian Classics Input Project, Tibetan and Himalayan Digital Library, Buddhist Digital Resource Center, Sakya Research Centre, обеспечивают фундаментальную методическую и технологическую поддержку для исследований в этой области.

Вместе с тем даже их активная многолетняя деятельность не позволяет охватить полной цифровизацией письменное наследие тибетского буддизма ввиду его колоссального объема и разнообразия форм, в том числе региональных. Поэтому остро стоит проблема применения в этой области таких технологий искусственного интеллекта, как метод «глубокого обучения», которые позволят существенно интенсифицировать и автоматизировать работы по цифровизации памятников тибетской книжности. Выполненное нами в сотрудничестве со специалистами НГУ пилотное исследование «Подготовка датасета для обучения baseline моделей оптического распознавания символов тибетского языка» показало перспективность применения технологий искусственного интеллекта. С учетом полученных результатов происходит формирование нового приоритетного направления исследований в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

Цифровая трансформация буддийских письменных и литературных традиций открывает для них новые формы функционирования и новые возможности развития в современном мире, давая возможность в полной мере раскрыть культурный и интеллектуальный потенциал буддийской цивилизации для глобального общества. Для России она важна тем, что открывает еще одно направление культурной, ценностной интеграции со стремительно растущим Востоком.

Источники

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Литература

Ринчинов 2020 — Ринчинов О. С. Тибетское наследие в цифровом пространстве: подходы и реализации // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 640–651. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-640–651

About us 1999 — About us. Buddhist Digital Resource Center. Connecting Buddhist literature with the world [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: <https://www.bdrc.io/about-us/> (дата обращения: 15.07.2022).

API — API Specifications – International Image Interoperability Framework™ [электронный ресурс] // International Image Interoperability Framework. URL: <https://iiif.io/api/> (дата обращения: 15.07.2022).

Access 2012 — BDRC's Access Policies [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: <https://www.bdrc.io/access-policies/> (дата обращения: 15.07.2022).

Brodt et al. 2022 — Brodt K., Rinchinov O., Bazarov A., Okunev A. Deep Learning for the Development of an OCR for Old Tibetan Books // *Bioinformatics of Genome Regulation and Structure/Systems Biology (BGRS/SB-2022)*. Abstracts the Thirteenth International Multi-conference. Novosibirsk: Institute of Cytology and Genetics, SB RAS, 2022. Pp. 1086.

BUDA — BUDA: Buddhist Digital Archives. A New Platform for Preservation and Research [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: <https://www.bdrc.io/buda-archive/> (дата обращения: 15.07.2022).

Cabezón, Jackson 1996 — Cabezón José Ignacio, Jackson Roger R. Editors' Introduction // *Tibetan literature: studies in genre* / ed. by J. I. Cabezón and R. R. Jackson. Ithaca, N. Y.: Snow Lion, 1996. Pp. 11–37.

References

About us. Buddhist Digital Resource Center. Connecting Buddhist literature with the world. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://www.bdrc.io/about-us/> (accessed: 15 July 2022). (In Eng.)

API Specifications – International Image Interoperability Framework™. On: International Image Interoperability Framework. Available at:

Sources

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs.

Emanuel 2018 — Emanuel, Jeffrey P. *Stitching Together Technology for the Digital Humanities with the International Image Interoperability Framework (IIIF)* // *Digital Humanities, Libraries, and Partnerships: A Critical Examination of Labor, Networks, and Community* / ed. by R. Kear, K. Joranson. Cambridge, MA: Chandos Elsevier, 2018. Pp. 125–135.

Guidelines — Endangered Archives Programme: Guidelines for photographing and scanning archival material [электронный ресурс] // Endangered Archives Programme. British Library. URL: <https://eap.bl.uk/sites/default/files/Guidelines%20for%20photographing%20and%20scanning%20archival%20material%20%202017.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).

Get started — Get started with Label Studio [электронный ресурс] // Label Studio. URL: <https://labelstud.io/guide/> (дата обращения: 15.07.2022)

Rowinski, Keutzer 2016 — Rowinski Z., Keutzer K. Namsel: An Optical Character Recognition System for Tibetan Text // *Himalayan Linguistics*. Vol. 15. No. 1. 2016. Pp. 12–30.

Sakya 2011 — Sakya Research Centre – About [электронный ресурс] // Sakya Research Centre. URL: <https://sakyaresearch.org/about> (дата обращения: 15.07.2022).

Salomon 1997 — Salomon R. A Preliminary Survey of Some Early Buddhist Manuscripts Recently Acquired by the British Library // *Journal of the American Oriental Society*. 1997. Vol. 117. Pp. 353–358.

IIIF — Why IIIF? IIIF provides benefits to collection-hosting institutions and end users alike [электронный ресурс] // International Image Interoperability Framework. URL: <https://iiif.io/get-started/why-iiif/> (дата обращения: 15.07.2022).

<https://iiif.io/api/> (accessed: 15 July 2022). (In Eng.)

BDRC's Access Policies. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://www.bdrc.io/access-policies/> (accessed: 15 July 2022). (In Eng.)

Brodt K., Rinchinov O., Bazarov A., Okunev A. Deep learning for the development of an OCR for old Tibetan books. In: *Bioinformat-*

- ics of Genome Regulation and Structure/Systems Biology (BGRS/SB-2022). Conference abstracts. Novosibirsk: Institute of Cytology and Genetics (SB RAS), 2022. P. 1086. (In Eng.)
- BUDA: Buddhist Digital Archives. A New Platform for Preservation and Research. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://www.bdrce.io/buda-archive/> (accessed: 15 July 2022). (In Eng.)
- Cabezón J. I., Jackson R. R. Editors' Introduction. In: Cabezón J. I., Jackson R. R. (eds.) *Tibetan Literature: Studies in Genre*. Ithaca, N. Y.: Snow Lion, 1996. Pp. 11–37. (In Eng.)
- Emanuel J. P. Stitching together technology for the digital humanities with the International Image Interoperability Framework (IIIF). In: Kear R., Joranson K. (eds.) *Digital Humanities, Libraries, and Partnerships: A Critical Examination of Labor, Networks, and Community*. Cambridge, MA: Chandos Elsevier, 2018. Pp. 125–135. (In Eng.)
- Endangered Archives Programme: Guidelines for photographing and scanning archival material. On: British Library. Endangered Archives Programme. Available at: <https://eap.bl.uk/sites/default/files/Guidelines%20for%20photographing%20and%20scanning%20archival%20material%20202017.pdf> (accessed: 15 July 2022). (In Eng.)
- Get started with Label Studio. On: Label Studio. Available at: <https://labelstud.io/guide/> (accessed: 15 July 2022). (In Eng.)
- Rinchinov O. S. Tibetan heritage in digital space: Approaches and implementation. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 640–651. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-640–651
- Rowinski Z., Keutzer K. Namsel: An optical character recognition system for Tibetan text. *Himalayan Linguistics*. 2016. Vol. 15. No. 1. Pp. 12–30. (In Eng.)
- Sakya Research Centre – About. On: Sakya Research Centre. Available at: <https://sakyaresearch.org/about> (accessed: 15 July 2022). (In Eng.)
- Salomon R. A preliminary survey of some early Buddhist manuscripts recently acquired by the British Library. *Journal of the American Oriental Society*. 1997. Vol. 117. Pp. 353–358. (In Eng.)
- Why IIIF? IIIF provides benefits to collection-hosting institutions and end users alike. On: International Image Interoperability Framework. Available at: <https://iiif.io/get-started/why-iiif/> (accessed: 15 July 2022). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 751–760, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47)(09)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-751-760

Закон об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа как исторический источник

Наталья Петровна Мацакова¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0001-8586-1632. E-mail: matsakova_np@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Мацакова Н. П., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье приводятся результаты источниковедческого исследования закона от 16 марта 1892 г. об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа. Несмотря на изученность проведенной реформы, основанной на данном акте, отсутствует его анализ как исторического источника, что и является целью данного исследования. *Материалы и методы.* Основным методом исследования является источниковедческий анализ. Изучаемый документ рассматривается также с использованием приемов и подходов, применяемых при исследовании нормативно-правовых актов. *Результаты.* Исследуемый акт правомерно называть законом, обладавшим юридической силой. Его принятие было обусловлено рядом социально-экономических и политических предпосылок и причин. Разработка законопроекта происходила в Министерстве государственных имуществ путем создания специальных комиссий и проведения совещаний. Подготовительный процесс растянулся на три десятилетия, в нем принимали участие чиновники различного уровня. На характер и содержание закона повлияли события 1881 г. Реализация закона от 16 марта 1892 г. происходила в течение почти трех лет, но последствия данной реформы, активизировавшей социально-экономические и общественно-политические процессы в регионе, имели более значительное продолжение. В историографии реформы отмечается интерес и высокая оценка значения рассматриваемого закона. *Выводы.* Источниковедческий анализ показал, что закон от 16 марта 1892 г. относится к публично-правовым опубликованным законодательным актам. Его разработка и принятие связаны с процессом реформирования социально-экономической сферы в России в 1860–1870-е гг. Закон от 16 марта 1892 г., способствовавший модернизации калмыцкого общества, открыл новый этап калмыцкой истории, изменил жизнь тысяч калмыков-простолюдинов, даровав им права свободных сельских обывателей. Несомненно, его значение как исторического источника также заслуживает особого внимания и признания.

Ключевые слова: исторический источник, правительство, закон, реформа, комиссии, крепостничество, обязательные отношения, нойоны, зайсанги, простолюдины

Для цитирования: Мацакова Н. П. Закон об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа как исторический источник // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 751–760. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-751-760

Law on Abolition of Compulsory Relations between Certain Estates of the Kalmyks as a Historical Source

Natalya P. Matsakova¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-8586-1632. E-mail: matsakova_np@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Matsakova N. P., 2022

Abstract. Introduction. The article provides a source analysis of the Law of 16 March 1892. Despite there are works dealing with the reform initiated by the act, there is no analysis of the document as a historical source. **Goals.** So, the paper attempts such a comprehensive insight into the Law. **Materials and methods.** The key method employed is that of source studies with due involvement of analysis and synthesis tools. The document is also examined with the use of techniques and approaches inherent to investigations of normative legal acts. **Results.** It is proper enough to identify the examined source as a law with legal force. Its adoption was determined by a number of socioeconomic and political prerequisites and reasons. The draft law was developed by committees and councils specially established within the Ministry of State Property. The preparatory process lasted for three decades to be attended by officials of most various levels. Furthermore, the nature and essentials of the Law were influenced by the events of 1881. The Law of 16 March 1892 was being implemented for almost three years but consequences of the reform to have intensified socioeconomic and sociopolitical processes in the region had far more significant and lasting effects. Historiography of the reform attests to that there still is an interest in the Law arising from its significance. **Conclusions.** The source analysis shows the Law of 16 March 1892 be classified as a public legislative act. Its development and adoption are integral to the reform process witnessed by Russia in the 1860s–1870s. The Law contributed to modernization of Kalmyk society and opened a new phase in Kalmyk history, changed lives of thousands of Kalmyk commoners granting them rights of free rural inhabitants. Undoubtedly, its significance as a historical source deserves particular attention and recognition.

Keywords: historical source, government, law, reform, committees, serfdom, obligatory relations, noyons, *zaisangs*, commoners

For citation: Matsakova N. P. Law on Abolition of Compulsory Relations between Certain Estates of the Kalmyks as a Historical Source. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 751–760. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-751-760

Введение

В текущем году исполняется 130 лет с момента проведения в Калмыкии реформы 1892 г., которая занимает особое место в калмыцкой истории. Она знаменовала собой завершение процесса отмены крепостнических отношений в Российской империи, который растянулся почти на тридцатилетний период.

16 марта 1892 г. императором Александром III был утвержден закон¹, означавший юридическую ликвидацию личной зависимости рядовых калмыков от представителей привилегированных сословий — нойонов и зайсангов, — мнение Государственного Со-

¹ В статье в основном используется общий термин «закон», тем не менее, в некоторых случаях указывается его жанр.

вета «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа» [[Высочайше утвержденное 1895](#)].

Как и все преобразования 60–70-х гг. XIX в., реформа 1892 г. была обусловлена целым рядом экономических, социальных и политических причин и предпосылок. Она была направлена на интеграцию калмыков-кочевников в российское сообщество, изменение администрирования в регионе, стимулирование хозяйственной жизни. Осуществление реформы значительно позже 1861 г. определило ее догоняющий и модернизационный характер. Ее проведение открыло для калмыцкого народа новые возможности и перспективы социально-экономического развития.

Нормативно-правовую основу трансформации калмыцкого кочевого общества составил закон 16 марта 1892 г. Его содержание, претворение в жизнь и значение получили достаточное освещение в исторической литературе XIX–XX вв. Не проведен лишь анализ его как исторического источника, что и является целью данного исследования.

Материалы и методы

Исходя из цели исследования, основным методом является источниковедский анализ, который позволяет дать обоснованную оценку полноте, точности и достоверности содержащейся в источнике информации, определить значение источника для изучения какой-либо проблемы.

Закон от 16 марта 1892 г. подвергся исследованию согласно принятому алгоритму исследования исторического источника: выявлены исторические условия появления документа, рассмотрена проблема авторства, изучена история текста нормативного акта и его публикации, даны интерпретация и анализ его содержания.

В источниковедческом исследовании законодательных памятников применяются также специфические приемы и подходы, связанные с акцентированием на характерных чертах изучаемых нормативно-правовых актов. Обращается внимание на лексику юридического текста, дается юридическая оценка документа.

Публикация закона от 16 марта 1892 г.

«Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об отмене обя-

зательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа» опубликовано в «Полном собрании законов Российской империи» (далее — ПСЗ РИ), в третьем собрании, в XII томе, под номером 8429 [[Высочайше утвержденное 1895](#)].

Данный том издан был в 1895 г. в Государственной типографии в Санкт-Петербурге. Таким образом, изучаемый источник относится к опубликованным законодательным актам. Так как он имеет правительственное происхождение, его следует отнести к группе публично-правовых законодательных актов.

Если называть данный документ законом, следует иметь в виду, что в России в XVIII–XIX вв. не существовало четкого определения понятия «закон», отсутствовали отличительные критерии закона от других властных решений, имелись лишь самые общие определения, для которых характерным являлось представление о законе как воле императора. Однако в начале XIX столетия закон впервые был обозначен как «верховный» правовой акт: «Законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, удостоенных высочайшего утверждения» [[Основные... 1832: 13–14](#)].

«Мнения Государственного совета» — это положения, принятые Государственным советом единогласным решением, или в случае, если император поддерживал большинство Совета. Они являлись одной из разновидностей законодательных актов. Особенно много их издавалось в царствование Александра III, т. е. в рассматриваемый нами период.

В ПСЗ РИ исследуемый нами акт, как и все документы в сборнике, имеет номер и дату утверждения императором, которые приведены в самом начале текста — «8429 — Марта 16». Мнение оформлялось по определённым правилам: в начале текста шли слова «Высочайше утверждённое мнение Государственного совета...»; затем в скобках указывались статья и дата из Собрания Узаконений, что означало официальное обнародование закона. Далее указывалось наименование рассматриваемого дела или вопроса, как в нашем источнике, и следовало выражение: «Государственный

совет... рассмотрев... мнением положил...» [Мамкина 2021: 40].

Император накладывал резолюцию выражением «быть по сему», но в изучаемом акте санкция императора обозначена более пространно: «Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета, об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» [Высочайше утвержденное 1895: 175].

Необходимо отметить, что в профессиональной исторической среде сформировалось представление о том, что все, отобранное и опубликованное «в качестве законодательных актов составителями Полного собрания законов Российской империи, относится к законодательным актам второй половины XVII – начала XX в.» [Источниковедение 1998: 343].

Таким образом, и изучаемый нами документ вполне правомерно называть законом, поскольку он относился к одной из принятых форм законодательных актов, был санкционирован императором и принят в установленном в тот период порядке, т. е. обладал всей полнотой юридической силы.

Композиционно закон от 16 марта 1892 г. состоит из заголовка и основной части, разделенной на 11 статей с пунктами и содержащей правовые нормы. Отсутствуют преамбула, характерная для некоторых актов, и подстрочные или послетекстовые примечания, разъясняющие материал. Текст рассматриваемого акта излагается официальным документальным языком.

Историческая обстановка появления закона от 16 марта 1892 г.

При источниковедческом анализе нормативного акта от 16 марта 1892 г. как законодательного источника безусловное значение имеет изучение исторической обстановки и конкретных условий его появления. 1860–1870-е гг. вошли в историю России как время «великих реформ», способствовавших активизации социально-экономического и политического развития государства. В связи с этим правительство вынуждено было начать реформы и в национальных районах.

В Калмыкии наиболее актуальной проблемой, особенно после 1861 г., являлись особые права калмыцкой знати на подвластных простолюдинов. Немаловажное значение придавалось и изменению системы управления регионом. Имелись социально-экономические предпосылки и причины отмены обязательных отношений, связанные с активизировавшимся вовлечением Калмыцкой степи в общероссийские рыночные процессы.

Как правило, законотворческий процесс состоит из ряда стадий: во-первых, законодательная инициатива; во-вторых, разработка и обсуждение законопроекта; в-третьих, утверждение законопроекта; в-четвертых, обнародование законодательного акта. Соответственно, изучение истории и авторства текста исследуемого закона строится с учетом этих этапов.

В России во второй половине XIX в. правом законодательной инициативы обладал император и — опосредованно — министерства, Правительствующий Сенат и Святейший Синод [Черникова 2020: 61]. Соответственно, Министерство государственных имуществ (далее — МГИ) выступило инициатором изменений в общественном строе и управлении в Калмыцкой степи. Еще в ходе разработки крестьянской реформы 1861 г. оно сочло необходимым поставить данный вопрос, но реально приступило к его решению только после отмены крепостного права.

Начало подготовительному процессу было положено в 1861 г. Министерством государственных имуществ была образована особая комиссия во главе с В. М. Норовым для разработки проекта, направленного на изменение социальных отношений у калмыков. Впоследствии было создано еще четыре подобные комиссии: под руководством Д. А. Оболенского в 1870–1872 гг., А. А. Ливена в 1873–1874 гг., М. К. Куломзина в 1881–1882 гг. и В. И. Вешнякова в 1883–1884 гг. [Команджаев, Мацакова 2011: 80–129].

В 1882 г. заседало особое Совещание под председательством статс-секретаря А. Н. Куломзина, состоявшее из директоров департаментов, с участием члена Совета Министров — тайного советника, сенатора П. А. Шульца.

В разработке и обсуждении проектов данных комиссий принимали участие чиновники разного уровня: главные попечители калмыцкого народа; губернаторы Астраханской и Ставропольской губерний, Главный начальник Кавказского края и другие губернские лица; представители центральных министерств и ведомств; служащие Императорской канцелярии. Сохранились и имеются в распоряжении исследователей документы, отражающие данную подготовительную работу: журналы заседаний министерских комиссий, переписка между министерствами и ведомствами по поводу проектов, доклады и проекты различных участников [Команджаев, Мацакова 2011: 19].

Отдельно хотелось бы отметить вклад В. Н. Струкова, К. И. Костенкова и Н. О. Осипова, занимавших в разные годы пост главного попечителя калмыцкого народа и принявших активное участие в разработке законопроекта. Как главы местной администрации они были осведомлены о калмыках в большей степени, нежели другие участники законотворческого процесса. Они являлись как членами особых комиссий, так и сами составляли проекты, причем некоторые их идеи были включены в окончательный текст изучаемого закона [Мацакова, Амаева, Оконова 2018: 72].

К. И. Костенков к тому же являлся руководителем Кумо-Манычской экспедиции, которая в начале 1860-х гг. провела всестороннее изучение Калмыцкой степи. В результате ее деятельности он опубликовал несколько работ по истории и социально-экономической характеристике региона. В них особое внимание К. И. Костенков уделил изучению истории и происхождению обязательных отношений у калмыков. Его мнение о сущности этих отношений и предложения о будущей системе управления учитывались в последующей подготовке закона. По его проекту в руках чиновников местной администрации, численность которых, он считал, следовало увеличить, сосредотачивалось больше прав и обязанностей. Впоследствии по закону от 16 марта 1892 г. действительно происходит резкое увеличение компетенции местных попечителей и их числа [Команджаев, Мацакова 2011: 90, 136].

Примечателен и тот факт, что все должностные лица, участвовавшие в разработке

законопроекта о ликвидации обязательных отношений, были единогласны в мнении о том, что провести отмену обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа необходимо безотлагательно. Если при проведении реформы 1861 г. формальными инициаторами и участниками отмены крепостничества были помещики, то отмена обязательных отношений была произведена исключительно по инициативе правительства, а калмыцкие владельцы участия в подготовке законопроекта не принимали.

При подготовке законопроекта об отмене отношений зависимости в калмыцком обществе разработчики и должностные лица, участвовавшие в согласованиях, значительное внимание уделяли вопросам будущего землепользования, административно-территориального устройства, предполагаемой системы управления и налогообложения [Леджинова 2005: 223–224].

Не меньший интерес вызывала проблема последующего правового положения привилегированных сословий калмыцкого общества, механизм и размеры компенсационных выплат нойонам и зайсангам. Следует отметить, что возможно подготовительный процесс задержался на столь продолжительный период из-за того, что его участникам потребовалось время, чтобы уяснить специфику и содержание социальных отношений у калмыков [Команджаев, Мацакова 2011: 136, 139].

На подготовку исследуемого закона повлияли события 1881 г., а именно убийство императора Александра II и воцарение Александра III. Смена правительственного курса с либерального на консервативный сказалась на смене руководства в Министерстве государственных имуществ, изменились характер и содержание проектов, и, в конечном счете, исследуемого закона.

В итоге после долгих согласований и обсуждений в различных ведомствах окончательный проект закона был подготовлен в 1891 г., и уже 23 ноября по представлению министра государственных имуществ был рассмотрен в соединенных департаментах Государственного совета — законов и государственной экономии. На заседании были высказаны разные дополнения и замечания, а в проект были внесены небольшие коррективы. Например, уточнен порядок и время

сбора будущего налога с кибитки: два раза в году (в апреле и сентябре), средства сначала поступали в улусные управления, а затем — в губернское казначейство [Команджаев, Мацакова 2011: 130].

3 марта 1892 г. на общем собрании Государственного совета заключение департаментов было рассмотрено и утверждено, других дополнений и изменений не было внесено. 16 марта 1892 г. законопроект после утверждения его императором приобрел силу закона.

Таким образом, хотя закон — результат коллективного труда, сохранившиеся документы по подготовке законопроекта об отмене обязательных отношений у калмыков позволяют определить фактическое авторство некоторых положений, основываясь на мнении и предложениях известных участников подготовительного процесса. К примеру, проекты главных попечителей калмыцкого народа. В целом окончательный текст законопроекта был подготовлен трудом нескольких комиссий, созданных специально для его разработки, в результате многочисленных и многолетних согласований и обсуждений на различных уровнях [Команджаев, Мацакова 2011: 130].

Содержание закона от 16 марта 1892 г.

Обнародование нового закона калмыцкому населению стало первым шагом в осуществлении реформы. Для этого созывались улусные сходы, где, помимо разъяснения, выдавались листы с текстом закона, специально отпечатанные в астраханской типографии. 7 июня 1892 г. на Калмыцком Базаре новый закон был торжественно оглашен в присутствии приглашенных лиц и калмыцких выборных представителей. Для объявления и разъяснения закона в калмыцких улусах глава Астраханской губернии и главный попечитель калмыцкого народа должны были посетить все улусные ставки. Но они успели посетить только две улусные ставки, а затем из-за сложной эпидемиологической обстановки из-за холеры дальнейшее оглашение закона осуществил один главный попечитель В. А. Башкиров. Закон от 16 марта 1892 г. был также опубликован в местных газетах Астраханской губернии [Команджаев, Мацакова 2011: 143–147].

Закон от 16 марта 1892 г. по объему небольшой, имеет 11 статей с подпунктами, в

сборнике занимает 1,5 печатные страницы.

Статья I провозглашала свободу калмыков-простолудинов. Это был окончательный шаг к включению калмыков в общероссийскую социальную систему. Здесь же мы видим и правительственный взгляд на сущность обязательных отношений, согласно которому зависимость рядовых калмыков от своих владельцев выражалась в уплате последним налога — албана. Соответственно, утрата этого дохода и владельческих прав требовала материальной компенсации.

Статьи IV–VII определяли частичную реорганизацию калмыцкого управления и суда: сохранялась попечительская система, но предусматривалось увеличение ее компетенции и штата.

Статья IX вводила налогообложение всего калмыцкого народа, включая бывших владельцев, в пользу государства.

Распределение налога между жителями аймака осуществлял аймачный сход. При этом он, исходя из платежеспособности людей, был вправе снижать платеж или совсем освобождать от него, раскладывая его на остальных, но не более чем на 20 % от среднего размера кибиточного сбора. Решения схода должны были утверждать улусный попечитель. Если калмыки-домохозяева не платили налог в установленный срок, то улусные попечители и аймачные старшины могли отдать их в работы до выплаты всего долга [Высочайше утвержденное 1895: 174–175].

Как видим, в законе закреплялась круговая порука при раскладке суммы налога между кибитками на аймачном сходе, что в целом соответствовало тогдашнему правительственному курсу по укреплению общины. Круговая порука расценивалась как «надежнейшее средство изыскания всех недоимок» [Команджаев, Мацакова 2011: 138].

В тексте изучаемого законодательного акта в нескольких пунктах приводятся слова «впредь до преобразования калмыцкого общественного управления и поземельного устройства калмыков» и «впредь до преобразования ... судебной части». На наш взгляд, это доказывает, что установленная законом система управления и судопроизводства Калмыкии рассматривалась правительством в качестве временной. Очевидно, что этим же объясняется тот факт, что в

данном законе был обойден молчанием вопрос о землепользовании и землевладении, хотя эта проблема в регионе в рассматриваемый период стояла довольно остро. До ожидавшихся административной и судебной реформ улусы, ранее находившиеся в собственности нойонов, стали управляться так же, как и казенные. Не изменилась ведомственная принадлежность региона: хотя по существующему порядку дел он должен был перейти в ведение Министерства внутренних дел, оставалась подчиненность Министерству государственных имуществ.

Б. Г. Литвак считает, что распространение основ Великой реформы на национальные районы Российской империи продлилось несколько десятилетий, при этом «условия юридической отмены феодальных отношений в национальной деревне во многом еще хуже, чем условия реформы 1861 г.» [Литвак 1991: 186].

Закон, отменивший обязательные отношения у калмыков, начал приводиться в исполнение уже в 1892 г., и основные его мероприятия продолжались до конца 1894 г. Весной 1892 г. произошло назначение В. А. Башкирова новым главным попечителем калмыцкого народа. Необходимо отметить его несомненные заслуги и большие усилия по претворению закона в жизнь.

В связи с тем, что Управление калмыцким народом (далее — УКН) получило новый закон с задержкой, его обнародование и проведение в жизнь совпали по времени и осложнялись разными обстоятельствами, например эпидемической ситуацией. УКН одновременно производились все предусмотренные законом мероприятия: бывшим владельцам рассчитывались и выплачивались компенсация за потерю албана и особо нуждающимся единовременное пособие; управленческие функции передавались от нойонов и зайсангов улусным попечителям и аймачным старшинам; рассчитывался новый налог в пользу казны, которым теперь облагался весь калмыцкий народ. Этому сопутствовала подготовка огромного количества различной документации: ведомостей в получении денег, расчетных таблиц, списков, раскладок, расписок, приговоров сходов и т. д.

Следует обратить внимание на безуспешные попытки некоторых нойонов, зайсангов и руководства буддистских ху-

рулов избежать обложения новым налогом. Основная масса калмыцкого населения в целом спокойно отреагировала на новый закон, крупных протестов против него не отмечалось, хотя было определенное недовольство тем, что новый налог не облегчал налоговое бремя [Команджаев, Мацакова 2011: 168–170].

Так же, как и законодательные акты Великой реформы, закон от 16 марта 1892 г. считается половинчатым и ограниченным, но он, несомненно, имел глубокие последствия для социально-экономического развития Калмыкии. Освобождение калмыков-простолюдинов от власти их владельцев ликвидировало препятствия для развития рыночных отношений в регионе. Отмена обязательных отношений активизировала наметившиеся ранее качественные изменения в хозяйстве и способствовала втягиванию калмыков в общегосударственные социально-экономические процессы [Команджаев, Мацакова 2011: 171].

Реформа усилила процесс социального расслоения у калмыков, формировались два новых общественных полюса — национальное сельскохозяйственное предпринимательство и первые «пролетарские слои» [Команджаев, Мацакова 2011: 188]. Они пополнялись как из числа прежних владельцев сословий, так и из среды рядовых калмыков.

В этом двойном слиянии калмыцкого населения, во-первых, путем стирания границ внутри народа между сословиями, и, во-вторых, в результате введения калмыков в общероссийскую социальную структуру и состояла трансформирующая сила закона от 16 марта 1892 г.

Данный акт, безусловно, важен тем, что он даровал юридическую свободу значительной массе рядовых калмыков, наделил статусом свободных сельских обывателей с личными и имущественными правами, а также расширил возможность принимать участие в общественной жизни и деятельности органов местного самоуправления. Определенная демократизация управления впоследствии привела к активизации общественно-политической жизни в регионе. На рубеже XIX–XX вв. действовали аймачные и улусные сходы, созывались съезды калмыков-скотоводов и съезды улусных попе-

чителей, где обсуждались важные для калмыков проблемы.

Оценка реформы 1892 г. в исторических работах

Интерес вызывают исторические оценки закона от 16 марта 1892 г., сохранившиеся в литературе. Из современников событий приведем мнение Я. П. Дубровы, который крайне негативно отзывался о выкупном принципе освобождения калмыков, считая, что «калмыки сами себя выкупили, что с большим успехом можно было бы сделать и гораздо раньше...» [Дуброва 1998: 109]. Он же отмечал, что данный закон, «похоронив власть и права нойонов и зайсангов по отношению к калмыкам» [Дуброва 1998: 111], привел к усилению и расширению компетенции улусных попечителей, получивших обязанности по управлению, принадлежавшие ранее нойонам. По его мнению, влияние привилегированного сословия на простолюдинов было отменено только формально, он считает, что необходимо было заменить улусную администрацию другим органом управления, не связанным с институтом приставов и попечителей.

В советской исторической литературе, основанной на идеологических подходах, реформа 1892 г. получила оценку с классовой позиции. В книге У. Э. Эрдниева отмечается выкупной характер отмены крепостничества в Калмыкии и соблюдение интересов в первую очередь нойонов и зайсангов. По мнению автора, реформа 1892 г. открыла новый период в истории Калмыкии, потому что капиталистические отношения получили возможности развития [Эрдниев 1985: 85].

Похожая оценка дается в первой части «Очерков истории Калмыцкой АССР». В ней говорится, что изучаемый закон был предопределен предшествующим социально-экономическим развитием калмыцкого общества. Отмена крепостного права позволяла вовлечь калмыков в общероссийские экономические процессы. Она была выгодна также российской буржуазии, обеспечивая ее дешевой рабочей силой в виде освобожденных калмыков-простолюдинов. Реформа стала завершением правительственной политики, направленной на сокращение привилегий национальных феодалов. Мел-

кие феодалы (владельцы небольшого количества кибиток и разорившиеся зайсанги) становились такими же «сельскими обывателями», что и рядовые калмыки [Очерки истории 1967: 303–308].

Авторы «Очерков» отмечали «половинчатость» реформы 1892 г. Положительным фактом было то, что по закону 1892 г. возникали условия для постепенного исчезновения феодальных пережитков в хозяйстве и в быту калмыков и «для дальнейшего проникновения капитализма в Калмыцкую степь» [Очерки истории 1967: 303–308].

Из современных исследователей приведем мнение К. Н. Максимова: «закон 1892 г. не только отменил обязательные отношения, ликвидировал феодальную зависимость крестьян, предоставил ранее бесправной основной массе населения гражданские и общественные права, но и унифицировал социальную структуру, сословия Калмыкии с российскими, интегрировал ее систему управления в губернское и общероссийское внутреннее устройство, упразднив последние признаки административной автономии, введя и подчинив Калмыкию Астраханской губернии» [Максимов 2002: 204–205].

А. Н. Команджаев также отмечает положительное значение реформы 1892 г. в жизни калмыцкого общества. Она привела к существенным экономическим изменениям, прежде всего повысив товарность хозяйства [Команджаев 1999: 153–154].

Можно отметить некоторую схожесть точки зрения Я. П. Дубровы с мнением С. Ю. Деева, который отмечал в своем диссертационном исследовании, что исследуемый законодательный акт освободил калмыков-простолюдинов от обязательных отношений, наделил их всеми личными правами сельских обывателей. Он обратил внимание на отсутствие особых изменений в управлении или в общественном устройстве, особенно в земельном вопросе. По его мнению, тридцать лет подготовки были напрасны, и отменить зависимость рядовых калмыков можно было и раньше [Деев 2004: 195].

Заключение

В результате источниковедческого анализа установлено, что закон от 16 марта

1892 г. относится к публично-правовым опубликованным законодательным актам. Его разработка и принятие связаны с процессом социально-экономических реформ в России в 1860–1870-е гг. Для подготовки и обсуждения законопроекта было создано несколько министерских комиссий, в деятельности которых принимали участие чиновники разного уровня и ранга. Несмотря на признание необходимости скорейшей отмены обязательных отношений у калмыков, подготовительная работа затянулась: начавшись в царствование Александра II, она завершилась через тридцать лет при Александре III. В итоге проект получился более консервативным, нежели в начале обсуждения.

В числе нормативно-правовых актов XIX – начала XX в., относящихся к Калмыкии, данный закон является одним из значительных законодательных актов. Небольшой по объему закон изменил жизнь тысяч калмыков-простолюдинов, даровав им права свободных сельских обывателей, переводя тем самым их из статуса инородцев, которыми они были фактически несколько веков, в число российских подданных, наделенных гражданскими правами.

Несомненно, что закон 16 марта 1892 г., способствовавший модернизации Калмыкии, стал значительной исторической вехой, а его научная ценность и значение как исторического источника также заслуживают особого внимания и признания.

Литература

- Высочайше утвержденное 1895 — Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. XII. 1892 г. СПб.: Гос. тип., 1895. С. 173–175.
- Деев 2004 — Деев С. Ю. Административные реформы в национальных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004. 209 с.
- Дуброва 1998 — Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Источниковедение 1998 — Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Уч. пособ. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
- Команджаев 1999 — Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Команджаев, Мацакова 2011 — Команджаев А. Н., Мацакова Н. П. Реформа 1892 года в Калмыкии. Элиста: КалмГУ, 2011. 240 с.
- Леджинова 2005 — Леджинова (Мацакова) Н. П. Политика Российского правительства в Калмыкии во второй половине XIX – начале XX в. // Калмыкия — субъект Российской Федерации: история и современность: мат-лы Рос. науч. конф. (г. Элиста, 6–7 октября 2005 г.). Элиста: КГУ, 2005. С. 218–226.
- Литвак 1991 — Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Политиздат, 1991. 300 с.
- Максимов 2002 — Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Мамкина 2021 — Мамкина И. Н. Формы правовых узаконений в Российской империи // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 3. С. 34–43.
- Мацакова, Амаева, Оконова 2018 — Мацакова Н. П., Амаева Д. В., Оконова Л. В. Роль чиновничества в социально-экономическом развитии и управлении Калмыкии в XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 69–75.
- Основные... 1832 — Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Тип. Второго Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1832. С. 13–14.
- Очерки истории 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР: в 2 т. Т. 1. Дооктябрьский период / гл. ред. Н. В. Устюгов. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Черникова 2020 — Черникова Н. В. «Законодательная инициатива» Государственного совета Российской империи во второй половине XIX в. // Россия и современный мир. 2020. № 4 (109). С. 61–80.
- Эрдниев 1985 — Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 285 с.

References

- Chernikova N. V. «Legislative initiative» of the State Council of Russian Empire in the second half of the 19th century. *Russia and the Contemporary World*. 2020. No. 4 (109). Pp. 61–80. (In Russ.)
- Danilevsky I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyantseva M. F. Source Studies: Theory, History, Method. Sources in Russian History. Coursebook. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1998. 702 p. (In Russ.)
- Deev S. Yu. Administrative Reforms in Non-Russian Peripheries of the Russian Empire, Late 19th – Early 20th Centuries. Cand. Sc. (history) thesis. Astrakhan, 2004. 209 p. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. Household Life of Stavropol Kalmyks. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 285 p. (In Russ.)
- Imperially Approved Opinion Letter of the State Council on Abolition of Obligatory Relations between Certain Social Strata of the Kalmyk People. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. XII: The Year 1892. St. Petersburg: State Printing House, 1895. Pp. 173–175. (In Russ.)
- Key state laws. In: Digest of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: H.I.M. Chancery (Second Section), 1832. Vol. 1. Part 1. Pp. 13–14. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Late 19th to Early 20th Century Kalmykia: Economy and Social Relations Reviewed. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Matsakova N. P. The Reform of 1892 in Kalmykia. Elista: Kalmyk State University, 240 p. (In Russ.)
- Ledzhinova (Matsakova) N. P. Russian Government's policy in Kalmykia, mid-19th to early 20th centuries. In: Kalmykiya as Federal Subject of Russia — Past and Present. Conference proceedings (Elista, 6–7 October 2005). Elista: Kalmyk State University, 2005. Pp. 218–226. (In Russ.)
- Litvak B. G. The Russian Coup of 1861: Why the Reformist Alternative Was Never Implemented. Moscow: Politizdat, 1991. 300 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policy and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Mamkina I. N. Forms of legitimization in the Russian Empire. *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16. No. 3. Pp. 34–43. (In Russ.)
- Matsakova N. P., Amaeva D. V., Okonova L. V. The role of bureaucracy in socio-economic development and management of Kalmykia in 19th century. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2018. No. 4 (57). Pp. 69–75. (In Russ.)
- Ustyugov N. V. (ed.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. In 2 vols. Vol. 1: Pre-October Era. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 761–776, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 353(47):5(091)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-761-776

Маньчжуро-монгольский социум на страницах региональных научных изданий первой половины XX в.

Павел Николаевич Дудин¹

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (д. 40В, стр. 1, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии

 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Дудин П. Н., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье ключевое внимание сосредоточено на социуме маньчжуро-монгольского мира как историко-культурной общности восточноазиатского региона, оказавшей существенное влияние на судьбы многих народов Евразии. Подвергшиеся в первой половине XX в. воздействию как объективных, так и субъективных факторов, одна его часть фактически утратила самобытность, тогда как другая сохранила ее и укрепила. Эти и многие другие аспекты активно изучались отечественной и зарубежной научной общественностью, однако из ее поля зрения в значительной степени выпали труды тех наших соотечественников, кто жил и работал в изучаемом регионе. *Целью* исследования является проведение историко-научного анализа изданий, так или иначе освещающих на своих страницах маньчжуро-монгольский социум и выпущенных в научных центрах Дальнего Востока в первой половине XX в. *Материалы и методы.* Источниковую базу составили статьи и заметки журналов, опубликованные в Харбине Обществом русских ориенталистов, Обществом изучения Маньчжурского края, русским Юридическим факультетом г. Харбина, а также неперiodические издания. Методология исследования определялась междисциплинарным подходом при доминировании исторических методов. В работе проводились сбор данных, тематический мониторинг публикаций, дискурс-анализ, нарративный подход, внешняя и внутренняя критика источника и его текстологический анализ, историко-системный и ретроспективный методы. В *результате* исследования выявлены основные течения монголоведения и маньчжуроведения в начале XX в., обозначено место маньчжуро-монгольских народов в составе населения империи Цин / Китайской Республики, которое им отводилось в этих изданиях, дана характеристика степени изученности правовых традиций и права региона. *Выводы* автора позволяют говорить о том, что исследуемые публикации и их авторы внесли значительный вклад в пополнение знаний о заявленном регионе Восточной Азии, а также о населяющих его народах. Перед востоковед-

ной наукой вообще и историко-политической ее составляющей, в частности, стоит важная задача по возвращению имен тех исследователей, путешественников, переводчиков и иных участников этого грандиозного процесса изучения Маньчжуро-монгольского региона первой половины XX в., благодаря которым наше пребывание в этой части Евразийского континента было и продолжает оставаться мирным, а знания о нем — наиболее полными.

Ключевые слова: Маньчжурия, Внутренняя Монголия, Халха-Монголия, Барга, Восточная Азия, империя Цин, социум, «Вестник Азии», «Вестник Маньчжурии», право

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.».

Для цитирования: Дудин П. Н. Маньчжуро-монгольский социум на страницах региональных научных изданий первой половины XX в. // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 761–776. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-761-776

Manchu-Mongolian Society: Examining Early-to-Mid 20th Century Regional Scientific Publications

Pavel N. Dudin¹

¹ East Siberia State University of Technology and Management (40B/1, Klyuchevskaya St., 1670013 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Director of Center for the Study of State and Law of East Asian Countries

 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Dudin P. N., 2022

Abstract. Introduction. The article focuses on Manchu-Mongolian society as a historical and cultural community of East Asia which has had significant impacts on destinies and paths of many Eurasian peoples. Having been dramatically influenced by both objective and subjective factors in the early-to-mid 20th century, one part actually lost its identity while the other one preserved and even strengthened it. These and many other aspects have been actively explored by Russian (Soviet) and foreign scientific communities but works authored by our compatriots to have lived and worked in the to be examined region have been largely overlooked. **Goals.** The study attempts a source analysis of publications that somehow cast light on Manchu-Mongolian society and that were published in scientific centers of the Far East in the early-to-mid 20th century. **Materials and methods.** The work examines articles and notes from journals once published by the Society of Russian Orientalists, Society for the Study of Manchuria, Russian Law Faculty of Harbin, and non-periodical editions. The research methodology was determined by an interdisciplinary approach with the prevalence of historical tools. The work comprises data collection, thematic monitoring of publications, discourse analysis, a narrative approach, external and internal criticism of sources and their textual analysis, systemic historical and retrospective methods. The conducted research identifies key early 20th-century trends of Mongolian and Manchu studies, delineates the place of Manchu-Mongolian peoples in the population structure of the Qing Empire / Republic of China assigned to the former in those publications, characterizes the degree of awareness about legal traditions and law practices of the region. **Conclusions.** The publications under study and their authors contributed a lot to the understanding of the mentioned region of East Asia and its native peoples. The paper states that Orientalists at large — and particularly those engaged in historical and political studies — are obliged to revive names of those researchers, travelers, translators and other participants to have joined that grandiose process of exploring the Manchu-Mongolian region in the early-to-mid 20th century, and made (and still do) our stay in this part of Eurasia peaceful, with most complete knowledge about the latter.

Keywords: Manchuria, Inner Mongolia, Khalkha Mongolia, Barga, East Asia, Qing Empire, society, *Bulletin of Asia*, *Bulletin of Manchuria*, law

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 22-68-00054 'Manchurian-Mongolian World of Inner Asia in the First Half of the 20th Century'.

For citation: Dudin P. N. Manchu-Mongolian Society: Examining Early-to-Mid 20th Century Regional Scientific Publications. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 761–776. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-761-776

Введение

Маньчжуро-монгольский мир как историко-культурная общность восточноазиатского региона оказал существенное влияние на судьбы многих народов, населяющих Евразийский континент. Создавая в XI–XVII вв. могущественные державы, социум исследуемого региона проявил удивительную устойчивость и жизнеспособность, однако в первой половине XX в. подвергся серьезным испытаниям, когда традиционный жизненный уклад оказался под воздействием других культур и иных систем ценностей. К сожалению, одна его часть, маньчжурская, на сегодняшний день фактически утратила осязаемые черты самобытности, в то время как другая часть, монголы, эту самобытность не только сохранила, но и закрепила с помощью автономного статуса в России и КНР и статуса независимого государства — в Монголии. Поскольку уяснение причин столь разительных отличий судеб маньчжурских и монгольских народов в современном мире и на современной политической карте Восточной Азии может помочь в реализации национальной политики современных государств, необходимо понимание того, в каких условиях и в каком положении эти народы находились и развивались в начале XX в.

Выпускалось большое количество материала по заявленному проблемному полю с середины XIX в., преимущественно в гг. Санкт-Петербурге и Москве, в то время как разные исследователи, отправляясь на Дальний Восток и пребывая там по службе или переехав окончательно, публиковали не меньшее количество книг, статей, заметок и т. п., однако они гораздо менее известны широкой научной общественности. Поэтому, дабы компенсировать этот пробел, целью нашего исследования является проведение источниковедческого анализа изданий, так или иначе касающихся на

своих страницах маньчжуро-монгольского социума выпускаемых в научных центрах Дальнего Востока в первой половине XX в. Задачи, стоявшие перед нами, заключались в выявлении основных течений монголоведения и маньчжуроведения в начале XX в., определении места маньчжуро-монгольских народов в составе населения империи Цин / Китайской Республики, которое им отводилось в исследуемых нами изданиях, с отдельным анализом изучения монгольского и отдельным — маньчжурского социума, а также характеристике степени изученности правовых традиций и права в целом как ключевого регулятора общественных отношений в маньчжуро-монгольском регионе.

Что касается предметного поля, то в связи с тем, что на маньчжуро-монгольский социум в начале XX в. определяющее воздействие оказал распад империи Цин и последующее формирование на ее окраинах национальных политий, мы сосредоточим свое внимание на месте маньчжурских и монгольских народов в структуре именно цинской и китайской республиканской государственности с экстраполяцией на прилегающие территории и граничащие с ними государства и государственные образования.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили статьи и заметки журналов, опубликованных в Харбине Обществом русских ориенталистов (ОРО), Обществом изучения Маньчжурского края (ОИМК), русским Юридическим факультетом г. Харбина, а также неперiodические издания наших соотечественников-исследователей региона, выходившие в свет на русском Дальнем Востоке и в Китае.

В целом методология исследования определялась междисциплинарным подходом при доминировании исторических методов. Сбор данных помог сформировать

крупный задел информации относительно предмета исследования; тематический мониторинг публикаций позволил выявить «сюжетные» линии и встроить их в общий текст статьи; дискурс-анализ — выявить замысел изучаемых статей и заметок; нарративный подход, когда в силу разнородности содержания материала необходима была «склейка» тех или иных событий, которые до того момента не казались взаимосвязанными и взаимозависимыми; при работе с источниками применялись внешняя и внутренняя критика источника и его текстологический анализ; историко-системный метод позволил взглянуть на описываемые события как части единого историко-культурного пространства; ретроспективный метод был важен и применим в связи с отсутствием полной картины и достаточного количества источников и другой научной информации относительно состояния маньчжурского и монгольского социума в заданных хронологических рамках.

Монгольские и маньчжурские народы как объект познания среди отечественных и зарубежных исследователей региона в начале XX в.

Монголоведение и маньчжуроведение в начале XX в. было поставлено на исследовательские рельсы, и, если не брать во внимание некоторые заметки научно-популярного характера, как, например, некоего революционера, члена тайного общества «Гэ-мин-цзюнь», этнического ханьца из провинции Сычуань, писавшего под псевдонимом поручика Грегори [Грегори 1910б], то в заявленном хронологическом периоде можно выделить три ключевых течения.

Первое исследовательское течение сформировалось из деятельности военных. Примером тому могут служить: а) материалы Штаба Заамурского Округа Пограничной Стражи (г. Харбин) в серии работ «Материалы по Маньчжурии, Монголии, Китаю и Японии» под грифом «Не подлежит разглашению» в виде самостоятельных аналитических изданий (например, о японской «мягкой силе» в виде учебников для Монголии) [Баранов 1907; Монгольские учебники 1908; Баранов 1919], переводные работы иностранных авторов (например, японского генерального консула в Харбине Каваками-Тосихико) [Каваками 1909], справочные издания (например, о китайской колониза-

ции) [Колонизация 1909] и т. п.; б) материалы Штаба Приамурского военного округа (г. Хабаровск) в серии работ «Материалы по военно-статистическому описанию Маньчжурии, собранные офицерами Генерального штаба Приамурского военного округа в 1901 г.», включающие обширный перечень аспектов, которые позволят составить социальный портрет части региона по Цицкарскому (полковник Дуров) [Материалы 1903], Бутханскому (подполковник Мельгунов), Хуланьскому (в 2 частях, капитан Люпов), Нингутинскому (капитан Карликов) фудутунствам, а также Чан-чунь-фу и фудутунству Бодунэ (капитан Тихменев), Восточной части Гиринского фудутунства и части владений Хан-ден-гю уезда Дун-хуа-сянь (капитан фон-Зигеля); в) серия отчетов под общим названием «Монгольская экспедиция по заготовке мяса для действующих армий», изданных в Шанхае в 1915–1918 гг., в которой можно выделить такие издания, как отчет А. К. Мещерского [Мещерский 1920] с данными по населению Барги, ее демографическому, национальному и религиозному составу, со сводками о племенах, населяющих регион, населенных пунктах, экономике местных жителей и др. [Мещерский 1920: 15–26]; г) издания военного характера, описывающие общий фон исследуемой территории [Россов 1901] и отчасти касающиеся маньчжуро-монгольского населения региона с цифрами по численному составу и наличием карт [Маньчжурия 1945].

Второе исследовательское течение выходит из деятельности различных ведомств Китайско-Восточной железной дороги (далее — КВЖД) по картографированию, фотографированию, статистическому описанию и иному документированию маньчжуро-монгольского региона и, прежде всего, Экономического бюро. Ввиду их большого количества и разнообразия мы будем обращаться лишь к наиболее интересным, среди которых, например, материалы, показывающие место Маньчжурии и Монголии в государственной системе Китая [Краткий обзор 1927], описывающие их административно-территориальное устройство [Справочник 1927], содержащие описание и планы маньчжурских городов и др. [Спутник 1910; Спутник 1911].

Третье исследовательское течение формируется в результате переоценки роли и

значения исследуемого региона представителями широких востоковедных кругов и переход не только к профессиональному его изучению, но и к подготовке соответствующих кадров. И олицетворением этого перехода может служить Восточный Институт во Владивостоке как один из ведущих академических центров в области монголоведения, к десятилетию которого в 1909 г. в журнале «Вестник Азии» выходит объемная статья [К десятилетию 1909], рассказывающая об истории и современном состоянии учебного заведения. Наше внимание привлекает упоминание о китайско-монгольском и китайско-маньчжурском отделениях [К десятилетию 1909: 8], на которых в рамках трехлетнего цикла четырехлетней общей программы обучения изучаются монгольский и маньчжурский языки, политический и экономический строй, религиозное состояние региона и его торгово-промышленное развитие, а также дается сводка по выпускникам за первые пять лет в количестве 17 и 36 чел. соответственно [К десятилетию 1909: 14].

Неслучайно в этой связи наше внимание привлекла обзорная статья В. Муравьева об учебных заведениях Китая [Муравьев 1914]. В ней говорилось, что в том же 1909 г. по указу императора Гуансюя создавался Маньчжуро-монгольский институт с трехгодичным общим циклом обучения, годичными подготовительными курсами и 80 штатными единицами лиц преподавательского состава [Муравьев 1914: 60].

Статья была снабжена не только переведенной на русский язык инструкцией Института о детальной регламентации его деятельности [Муравьев 1914: 61–70], но также учебным планом по отделениям [Муравьев 1914: 62–67].

Примечательно, что после Синьхайской революции в Китае, как и в России, научный интерес к региону не ослабевает и свидетельство тому — две работы лектора китайского языка и известного китаеведа И. Г. Баранова об императорских сокровищах, ставших доступными широкой общественности. Во-первых, речь идет о коллекции изображений великих монгольских ханов и их жен, хранившейся, по сообщению И. Г. Баранова, в одном из пекинских императорских дворцов и ставших объектом описания в комментированном сборнике

портретов первых Чингисидов, переведенном исследователем на русский язык [Баранов 1941].

Во-вторых, это работа о фондах Государственной публичной библиотеки в Пекине [Баранов 1932], И. Г. Баранов показывает наличие в ней коллекций книг на китайском и английском языке о Маньчжурии, Монголии и Тибете [Баранов 1932: 8], о тангутах и находках русских исследователей в г. Хара-Хото [Баранов 1932: 4–5], о Ганджуре и Данджуре [Баранов 1932: 7] и др.

Монголоведение и маньчжуроведение отныне — полноценные сферы научного познания, и не только в России, поэтому ниже мы остановимся на каждой из них в отдельности.

Место маньчжуро-монгольских народов в составе империи Цин / Китайской Республики

Ответ на вопрос, какое место маньчжуро-монгольским народам отводилось в структуре империи Цин, а затем и пришедшей ей на смену Китайской Республики, пытались ответить, пусть и пунктирно и фрагментарно, многие авторы. Представляет интерес, к примеру, статья ветеринара Йоханнеса Юлиуса Кооль-Эстивенда, на основе накопленного опыта написавшего интереснейшее демографическое исследование о монгольском населении и прогнозах относительно его численности, а также о причинах и характере грядущих изменений [Кооль-Эстивенд 1915].

Эмпирические данные, собранные в некоторых хошунах, позволили автору сформировать представление о брачных обычаях, выживаемости и смертности детей, а также сделать неблагоприятный прогноз будущего этой части имперских подданных, которая в исследуемый период стремительно уменьшалась [Кооль-Эстивенд 1915: 12].

Также внимания заслуживает объемная этнографическая статья о народах Сибири, составленная из доклада подполковника В. К. Арсеньева, сопровождавшего приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти в поездке во Владивосток. Прочитанная в Обществе русских ориенталистов 13 июня 1916 г., она повествует, среди прочего, об орочах, маньчжурах, бурятах, даурах и других народах, населяющих регион [Арсеньев 1916].

Внимание также уделено истории Маньчжурии и ее населению с характеристикой количественного состава и демографии [Арсеньев 1916: 56–59], описанием быта, обычаев и верований. Занимательными кажутся некоторые сведения о мусульманском населении Маньчжурии, которые можно получить из короткой заметки в «Вестнике Азии» за 1911 г. [Наука и жизнь 1911в].

Однако к более стройному и системному изложению авторы подходят с началом 1920-х гг. Так, П. В. Шкуркин в одной из заметок о численности китайских граждан [Шкуркин 1923], размещенной в газете «North China Star» от 17 июня 1923 г., комментирует результаты последней переписи населения этой страны в количестве 431 792 204 чел. [Шкуркин 1923: 14]. Высказывая сомнения не только в достоверности цифр, но и в самой возможности такой переписи из-за «междоусобной распри последних лет», когда Маньчжурия и Северный Китай стали «автономными или даже независимыми частями», П. В. Шкуркин приводит данные переписи 1904 и 1911 гг., когда количество проживавших в Маньчжурии указано 8 млн и 17 млн соответственно, а общее количество проживавших в Монголии, Тибете, Джунгарии и Восточном Туркестане в совокупности — 27 млн чел. [Шкуркин 1923: 15]. При этом он указывает на сомнительность роста населения Маньчжурии с 1904 по 1911 гг. с 3,5 до 17 млн, тогда как в благоприятные, по его мнению, годы с 1911 по 1923 гг. прирост составил всего 2 млн чел. [Шкуркин 1923: 15].

Весьма обширные данные по этому вопросу приводит в своих трудах, выходивших как в периодической печати, так и непериодических изданиях, крупный экономист и востоковед Е. Е. Яшнов. В непериодической печати ученый касается, преимущественно, Северной Маньчжурии [Яшнов 1928б] и Барги [Яшнов 1926], подробно описывая этнографический состав населения региона [Яшнов 1926: 79–86], в то время как в периодической печати регулярно сетует на недостоверность сведений относительно населения Китая, чему посвящен ряд работ в заданном проблемном поле.

В одной из таких работ [Яшнов 1928а] он дает краткий исторический экскурс получения данных и лаконично описывает систему «бао-цзя», введенную в 1741 г. и использованную до 1849 г., оговариваясь при этом,

что система применялась во Внутреннем Китае, тогда как во Внешнем Китае считали не души, а семьи [Яшнов 1928а: 55–56].

Далее он приводит общую численность населения Маньчжурии, опираясь на сводки почтового ведомства за 1924 г. и 1925 г. (в количестве 22 083 434 и 24 040 819 чел. соответственно) и сводки морских таможен за 1926 г. (19 290 000 чел.) [Яшнов 1928а: 57].

В своих комментариях Е. Е. Яшнов утверждает, что цифры почтового ведомства скорее преуменьшены, тогда как цифры морских таможен вызывают еще меньше доверия из-за пользования ими «глазомерной прикидки» [Яшнов 1928а: 57].

Ценность работе придает карта «густоты населения Китая» [Яшнов 1928а: 58а] и таблицы: численность населения Внутренней и Внешней Монголии, Синьцзяна и Тибета [Яшнов 1928а: 58–59], демографический состав [Яшнов 1928а: 59–60], численность семей и возраст населения [Яшнов 1928а: 60].

Некоторую верификацию изученной информации позволяют обеспечить материалы европейских исследований в имперский и республиканский период, обширное библиографическое описание которых дается в том же номере «Вестника Маньчжурии» [Библиографический бюллетень 1928], и не только в текстовом исполнении, но и с размещением карты плотности населения Китая [Библиографический бюллетень 1928: 78].

И наконец в предметном исследовании о сельском хозяйстве Китая [Яшнов 1932], выделив Маньчжурию и Внутреннюю Монголию в 2 района с особыми, сходными, хозяйственными особенностями, Е. Е. Яшнов приводит цифры по их населению в размере 24,1 и 7,5 млн чел. за 1925 г. и 26,6 и 10,7 млн чел. — в 1931 г. соответственно [Яшнов 1932: 81], констатируя из-за погрешности методов подсчета недоучет женщин, что дало ему основания вывести суммарную численность населения в этих регионах в размере 31 и 11 млн чел. соответственно [Яшнов 1932: 82].

Материал снабжен таблицами плотности населения [Яшнов 1932: 83], сводками полицейско-административных учетов [Яшнов 1932: 86] и сведениями о занятости населения в Маньчжурии за 1924 г. [Яшнов 1932: 90].

В целом публикуемый Е. Е. Яшновым материал позволяет судить о населении Маньчжурии и Внутренней Монголии в той мере, в которой нам необходимы общие цифры по региону, начиная с глубокой древности и вплоть до создания Маньчжоу-Го [Яшнов 1935], однако данных относительно численности коренных народов, населявших исследуемое нами пространство, приводится крайне мало, и эти сведения грешат фрагментарностью.

Отчасти компенсировать этот момент могут редкие публикации, наподобие работ знатока Барги В. А. Кормазова [Кормазов 1930], или небольшие заметки без авторства, в которых иногда приводились цифры о тех хошунах Барги и других монгольских земель, по которым пролегла КВЖД [Маньчжурия 1928]. Так, повествуя о том развитии, которое железная дорога дала краю, безымянный автор упускает из виду влияние, оказанное ею на политику региона и отчуждение у коренного населения его исконных земель.

Однако, если на общем фоне стран и народов бывшей империи Цин, проявивших волю и национальное самосознание, сформировать целостный портрет монгольских и маньчжурских народов, опираясь на изученные публикации, было затруднительно, то при ближайшем знакомстве с предметными статьями и заметками о них контуры этого портрета все же проступают.

Монгольский социум — на страницах трудов представителей русского зарубежья в регионе

В отношении монгольского социума отметим, что его присутствие на страницах указанных изданий — явление весьма редкое и фрагментарное, а из имеющихся публикаций можно выделить два сегмента: языковой и санитарный. И раз выше мы коснулись образовательного аспекта, то им и продолжим. Так с провозглашением автономии Внешней Монголии в предреволюционную эпоху российские имперские власти активизировали развитие монголоведения, учредив, как сообщалось в коротенькой заметке «Вестника Азии», в 1916 г. в Урге 8-классное коммерческое училище [Хроника 1916а] и организовав с 1 июня 1916 г. при 5 и 6 классах троичесавского (кяхтинского) реального училища коммерческое отделение с изучением, среди прочих, монголь-

ского языка и монгольской корреспонденции и с добавлением курса монголоведения, глобальной целью чего было обеспечение русско-монгольских торговых отношений квалифицированными кадрами [Хроника 1916б].

В других заметках сообщалось об инициативе министра народного просвещения перед Советом министров об открытии в Монголии и других соседних странах начальных школ для детей русских подданных [Хроника 1916г], а также об инициативе министра торговли перед Государственной думой положения и штата Практической восточной академии с изучением монгольского, калмыцкого, бурятского и других восточных языков [Хроника 1916в].

В отношении изучения монгольских языков харбинские журналы представляют богатейшую палитру более развернутых и подробных публикаций, оформленных в отдельные рубрики. Так, в «Вестнике Азии» давался обзор «Пособию для практического изучения монгольского языка» (1909 г.) за авторством известного бурятского востоковеда Гомбожаба Цыбикова и упоминалось о «Русско-монгольском словаре» г. Бимбаева [Библиография 1909а], освещалась книга А. Д. Руднева за 1911 г. «Материалы по говорам Восточной Монголии» [Библиография 1911а], упоминалось о переводе на бурятский язык Евангелия [Библиография 1911б] и изданий о церковных песнопениях [Библиография 1910б] и церковной службе [Библиография 1910а], рассказывалось о труде по антропологии бурят профессора Краковского университета Талько-Гринцевича [Библиография 1909б], а также приводились бурятские поверья, загадки и поговорки [Фарафонов 1922].

«Вестник Маньчжурии», издание Общества изучения Маньчжурского края, куда беднее в содержательном плане по данному вопросу: в отдельных его выпусках за 1930 г. встречаются заметка о труде Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» от 1929 г. [Ершов 1930], а также заметки о некоторых изданиях Ленинградского Восточного Института по исследованию тунгусского, корейского, японского и монгольского языков [Новости востоковедения 1930]. Упомянем также о докладе об устных языках Маньчжурии [Титов 1927] и

исследовании Н. Н. Поппе дагурского наречия [Е. Т. 1930].

Что касается санитарного вопроса, то в публикациях речь идет о некоторых существенных проблемах монгольского общества, и первая среди них — эпидемии в регионе, где «монгольский след» можно увидеть в упоминаниях о так называемой «тарбаганьей болезни», пришедшей в Маньчжурию из Монголии, о чем повествует как специальная заметка по региону [Наука и жизнь 1911a], так и большая статья с экстраполяцией на всю страну и в исторической ретроспективе [Титов 1911].

Особого внимания заслуживает вызывающая естественное негодование позиция китайской научной общественности [Лоцилов 1923], высказанная на одной из медицинских конференций в 1921 г. в Пекине о том, что чума возникла в России, на Урале и оттуда заносится в Китай [Лоцилов 1923: 41].

Как антипод этого — заметка В. А. Кормазова о монгольском курорте в Барге [Кормазов 1924] и его целебных источниках с картой окружающей местности и дороги к нему от г. Хайлара, с фотографией вида на местную достопримечательность и схемой расположения источников, привлекавших нуждавшихся в лечении со всех уголков Китая и, заодно, представлявшая всю палитру недугов, мучавших посещавших его людей.

Наконец, нельзя не упомянуть о таком аспекте, как проституция, речь о которой в бывшей империи Цин в виде увлекательного повествования ведет голландский синолог доктор Шлегель. Повествование было переведено на русский язык и помещено в номер 7 «Вестника Азии» [Шлегель 1911]. События, описанные в работе, соответствуют периоду восстания тайпинов во второй половине XIX в., а речь идет, преимущественно, о южных районах Китая и таких его городах, как Кантон (Гуанчжоу) и Амой (совр. Сямынь), с вкраплением небольшого блока, посвященного кочевым народам вообще и монголам в частности [Шлегель 1911: 126]. К сожалению, на этом монгольский социум своего присутствия на страницах изданий русского зарубежья в регионе больше не проявляет.

Маньчжурские народы и основные направления их изучения

В отношении маньчжурских народов картина оказалась более насыщенной. О

численности маньчжуров, называемых разбойниками, на излете имперского порядка в регионе повествует от первого лица все тот же поручик Грегори [Грегори 1910a] в своеобразном манифесте, переведенном на русский язык и помещенном в № 2 «Вестника Азии». Указывая на их малую численность относительно ханьского населения, автор подробно обрисовывает место маньчжуров в государственном аппарате страны как на общенациональном, так и на провинциальном уровнях с указанием их должностей, статусов и других важных данных [Грегори 1910a: 60–63]. Повествование сопровождается примерами излишеств, которые имели маньчжуры при дворе и на службе в ущерб коренному населению.

Сведения, заслуживающие внимания, приводятся и в работе 1908 г. за авторством Ли Дачуня, начальника округа Суйфын-тин [Жу-и 1910], называемого родиной императорского дома и административным центром маньчжурского племени Сушэнь и образованного в 1903 г. Текст сопровождается подробным описанием администрации и истории тина, данных о численном и демографическом составе, границах и дорогах, приводится список деревень и некоторые экономические характеристики, позволяющие составить представление о функционировании типичной маньчжурской административной единицы, именуемой в русских источниках того времени как приставство [Жу-и 1910: 117].

Любопытные сведения об истории Маньчжурии, включая древние политики на ее территории, встречаются в анонимной статье [Очерк 1911] о колонизации китайской части русско-цинского фронта по р. Амур начиная со второй половины XVII в. Текст снабжен данными о новых ханьских поселениях и их системе управления, о функционировании в Пекине специальной школы по изучению колонизации окраин «Чжи-бян-сяо-тан» и Высшей пекинской школы маньчжурской и монгольской литературы в составе 300 учащихся; в заключении делается вывод о том, что цинские власти всерьез взялись за подготовку лиц, имевших существенные знания о Маньчжурии, Монголии и Тибете [Очерк 1911: 42].

Несмотря на превалирование сведений о землях, занятых под колонизацию, статья упоминает о местных племенах и их обычаях

ях. Небезынтересным дополнением является приложение в виде «Проекта постановления об изменении существующих правил земледелия в Хэйлунцзянской провинции», внесенного на рассмотрение в Конституционную палату, а также же рукописная карта-схема р. Амур по правому краю с символическим соотношением маньчжурских площадей с площадями других китайских провинций. Авторство статьи, возможно, — за известным исследователем А. В. Гребенцовым, перу которого принадлежат две замечательные работы: «Маньчжуры, их язык и письменность», изданная во Владивостоке в 1912 г. [Библиография 1913], и «Маньчжурия (в ее современном положении): историко-географический и экономический очерк», помещенная в «Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю» И. С. Кларка в 1913 г. с положительной рецензией редакции журнала [Солдатов 1913].

Облеченный в яркую и информативную статью доклад известного исследователя региона и председателя историко-этнографической секции ОИМК А. М. Баранова [Баранов 1922] касался тех народов, которые проживают на маньчжурских и монгольских землях, их истории, старинных нравов и обычаев, а также некоторых современных явлений, таких как колонизация и «хунхузм». Последнее, к слову, уже стало объектом внимания изучаемых нами источников [Хроника 1913].

После внезапной смерти А. М. Баранова в январе 1927 г. на посту председателя секции его сменил не менее авторитетный ученый, упоминаемый нами выше П. В. Шкуркин. Ценные сведения о населении региона и его изучении содержится в разделе историко-этнографической секции Отчета о деятельности ОИМК за 1927 г. с указанием имен исследователей, перечислением их трудов и фотографиями помещений, занимаемых Обществом [Рачковский 1928].

Небезынтересным кажется нам труд Н. А. Байкова [Байков 1928], потомка руководителя первого русского посольства к цинскому двору Ф. И. Байкова, в котором известный путешественник и натуралист повествует об историческом прошлом маньчжурских племен, описывает их жилища и быт, сопровождая рассказ множеством фотографий, касается экономики в части сбыта добытого в лесу богатства, а также в не-

скольких абзацах — промыслов хунхузов. В заключение ученый поднимает вопрос об уничтожении в результате увеличения численности населения и «развития культуры и цивилизации» лесов и охотничьих угодий, что угрожает не только самим племенам, но и государству в целом, вынужденному со временем взять на себя бремя заботы о бывших коренных обитателях тайги. Его же перу принадлежит цикл интереснейших заметок о жизни и быте в тайге представителей некоторых маньчжурских племен [Байков 1934].

Что касается предметного изучения маньчжурских племен, то обратимся к нескольким наиболее интересным работам. В «Вестнике Азии» тунгусам посвящены одна короткая заметка — о естественной убыли в некоторых сибирских волостях [Хроника 1910] и весь номер 43 за 1917 г. — о тунгусских племенах [Рычков 1917], об их расселении по региону, языках и половозрастном составе со ссылками на многочисленные отечественные и зарубежные издания.

Работа известного исследователя Дальнего Востока И. И. Гапановича, выходящая в трех номерах «Вестника Маньчжурии» за 1927 г. [Гапанович 1927а; Гапанович 1927б; Гапанович 1927в] и посвященная амгунским тунгусам и негидальцам, раскрывает немало интересных моментов из их истории, сообщает об их племенной организации, хозяйстве и быте, современном (автору) состоянии. Статья снабжена несколькими картами и таблицами, в которых отражается численность семей, возрастной состав, род занятий и другие данные.

В отличие от тунгусов, орочонам оказались посвящены лишь заметка о пребывании у них венгерского профессора Бенедикта Баллодота весной-летом 1909 г. [Наука и жизнь 1909], заметка об экспедиции сибиряков, обучавшихся в вузах Санкт-Петербурга [Наука и жизнь 1911б], и статья об айгунских, мэргэньских и хулунбуирских орочонах, их расселении, военно-административном устройстве, переходе на оседлое положение, делении на роды, быте, обрядах, питании, одежде [Го 1931].

Среди неперiodических изданий прежде всего следует упомянуть о конспекте лекций [Серебренников 1920] бывшего министра продовольствия в Российском пра-

вительстве адмирала Колчака, куда более известного в качестве поэта и экономиста, И. И. Серебренникова, включающего в себя сведения о бурятском населении Сибири, тунгусах, даурах и др. [Серебренников 1920: 59–62].

Определенного внимания заслуживает брошюра этнографа И. А. Лопатина [Лопатин 1925], описывающая его поездку в Маньчжурию по изучению племени орочей, их истории, численного состава, организации быта и обычаев, религиозных воззрений и праздников.

Краткое перечисление и описание маньчжурских народов дается в сборнике статей под редакцией преподавателей Юридического факультета г. Харбина Е. М. Чепурковского и И. Г. Баранова [Китаеведение 1928–1929], тогда как наиболее подробные сведения об этих и других, в первую очередь, социально-экономических, аспектах по Барге приводятся в объемной одноименной книге В. А. Кормазова [Кормазов 1928].

Заслуживает внимания книга о маньчжурских народах СССР «Первый туземный съезд ДВО» в 1925 г., изданная Комитетом содействия народностям северных окраин при Президиуме Дальревкома [Первый туземный 1925].

Наконец, статистические данные по народам и их численному составу, языкам и прочим данным приводятся в справочнике [Маньчжурия 1934], изданном после образования Маньчжоу-Го и потому отражавшем точку зрения на национальную политику нового государства японских военных, а также в одном шанхайском издании [Третичиков 1936], раскрывающем состав населения, особенности трудовых отношений, земледелия и промыслов.

Правовые традиции маньчжуро-монгольского региона и их отражение в работах наших соотечественников

Нормативные установления вообще и право в частности также становились объектом исследования наших соотечественников, проживавших в исследуемом регионе, и самой знаковой фигурой среди таковых был выпускник Московского университета и третий декан Юридического факультета в г. Харбине В. А. Рязановский. Разнообразие его научных интересов открывало новые горизонты для изучения обычного права племен Сибири и Дальнего Востока [Рязанов-

ский 1932], где особое положение занимало монгольское обычное право [Рязановский 1924], а в русле исследования этого нормативного феномена — обычное право бурят [Рязановский 1921] вкупе с бурятскими обычаями и поверьями, изучаемыми другими исследователями [Фарафонов 1922].

Помимо этого, существенный интерес вызывало кодифицированное монгольское право [Рязановский 1931б] как в качестве самостоятельной системы, так и с опорой на сравнительно-правовой метод применительно к русскому [Рязановский 1931а] и к традиционному китайскому праву [Рязановский 1929].

Надо заметить здесь, что потребность в более активном применении этого метода требовала от автора большей критичности, нежели догматизма, о чем писали рецензенты на его труды [Библиография 1925], однако данный недостаток компенсировал в своих исследованиях другой выдающийся ученый, выпускник Санкт-Петербургского университета, Управляющий делами Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и многолетний бессменный заместитель декана того же факультета, руководивший юридическим отделением Г. К. Гинс [Гинс 1932].

В отличие от Монголии, сохранившей свой древний правовой уклад, Маньчжурия ни маньчжурского обычного права, ни каких-либо его элементов не сохранила, восприняв либо китайское модифицированное законодательство, либо используя в экстерриториальных образованиях право государств, владевших этими территориями, в связи с чем небезынтересным будет изучение некоторого опыта применения этого гибридного материального и процессуального права как в отношении русских торговцев [Вологодский 1923], так и в общем действии китайского права на подконтрольных ему территориях [Елисеев 1923].

Выводы

В результате проведенного источниковедческого анализа изданий о маньчжуро-монгольских народах мы пришли к выводу о том, что они внесли значительный вклад в пополнение знаний о заявленном регионе Восточной Азии, а также о населяющих его народах. Несмотря на удаленность от политического центра страны и ее

крупных городов, исследователям в Харбине, Владивостоке, Хабаровске и других городах удалось организовать процесс получения достоверных данных, их обработки и опубликования.

Что касается социальных аспектов существования маньчжурских и монгольских народов, то в поле зрения наших соотечественников оказывались те стороны их жизни, которые оказывали влияние на взаимодействие с ними и обеспечение присутствия нашей страны в регионе: язык, история, культура, здравоохранение и т. п. При этом демографические данные, сведения об обычаях и праве страдали фрагмен-

тарностью и нуждаются в более детальном изучении и подкреплении данными из других источников. В целом же необходимо констатировать, что перед востоковедной наукой вообще и историко-политической ее составляющей в частности стоит важная задача по возвращению имен тех исследователей, путешественников, переводчиков и иных участников этого грандиозного процесса изучения Маньчжуро-монгольского региона первой половины XX в., благодаря которым наше пребывание в этой части Евразийского континента было и продолжает оставаться мирным, а знания о нем — наиболее полными.

Литература

- Арсеньев 1916 — *Арсеньев В.* Этнологические проблемы на Востоке Сибири (с картой) // Вестник Азии. 1916. № 38–39. С. 50–77.
- Байков 1928 — *Байков Н. А.* Очерки быта обитателей тайги // Вестник Маньчжурии. 1928. № 3. С. 31–41.
- Байков 1934 — *Байков Н.* В дебрях Маньчжурии. Очерки и рассказы из быта обитателей тайги. Харбин: Типо-хромолит.; Офсет-Пресс (Р. М. Бурсук), 1934. 225 с.
- Баранов 1907 — *Баранов А. М.* Северно-Восточные сеймы Монголии. Харбин: Штаб Заамур. окр. Отд. корпуса погран. стражи, 1907. 138 с.
- Баранов 1919 — *Баранов А. М.* Халха. Аймак Цецен-хан. Харбин: Типо-лит. Охранной стражи КВЖД, 1919. 52 с.
- Баранов 1922 — *Баранов А. М.* Доклад Председателя историко-этнографической секции О.И.М.К. (Общему собранию 29-го октября 1922 г.) // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1922. № 2. С. 4–8.
- Баранов 1932 — *Баранов И. Г.* Государственная публичная библиотека в Бэйпине (Пекине) // Обзор литературы по Китаю (отдельный оттиск из «Библиографического сборника») / Б-ка КВЖД; под ред. дир. б-ки, проф. Н. В. Устрялова. Харбин: Б-ка КВЖД, 1932. Т. II(V). С. 1–13.
- Баранов 1941 — *Баранов И. Г.* Портретная галерея монгольской династии (пер. с кит. с прим.) // Известия Клуба естествознания и географии Христианского союза молодых людей (отдельный оттиск из «Известий...»). Харбин: Клуб естествознания и географии, 1941. С. 99–118.
- Библиографический бюллетень 1928 — Библиографический бюллетень Центральной библиотеки КВЖД, № 7 (Продолжение) // Вестник Маньчжурии. 1928. № 2. С. 76–79.
- Библиография 1909а — Библиография // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 281–289.
- Библиография 1909б — Библиография // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 203–210.
- Библиография 1910а — Библиография // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 287–301.
- Библиография 1910б — Библиография // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 152–164.
- Библиография 1911а — Библиография // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 153–161.
- Библиография 1911б — Библиография // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 236–241.
- Библиография 1913 — Библиография. Китай // Вестник Азии. 1913. № 14. С. 56.
- Библиография 1925 — Библиография // Вестник Маньчжурии. 1925. № 1–2. С. 93–98.
- Вологодский 1923 — *Вологодский П.* Администрация по делам торговых предприятий // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 46. С. 9–11.
- Гапанович 1927а — *Гапанович И. И.* Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущность // Вестник Маньчжурии. 1927. № 8. С. 30–35.
- Гапанович 1927б — *Гапанович И. И.* Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущность // Вестник Маньчжурии. 1927. № 9. С. 43–46.
- Гапанович 1927в — *Гапанович И. И.* Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущность // Вестник Маньчжурии. 1927. № 11. С. 45–49.
- Гинс 1932 — *Гинс Г. К.* Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин: [б. и.], 1932. 53 с.
- Го 1931 — *Го Д. Ч.* Ороконы Хэйлунцзянской провинции // Вестник Маньчжурии. 1931. № 2. С. 71–76.
- Грегори 1910а — *Грегори, пор.* Революционная армия // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 53–67.

- Грегори 1910б — *Грегори, пор.* Революционная армия (Гэ-мин-цзюнь) // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 14–42.
- Е. Т. 1930 — *Е. Т.* Библиография. Новости востоковедения // Вестник Маньчжурии. 1930. № 11–12. С. 136–137.
- Елисеев 1923 — *Елисеев С. А.* Право и суд в Маньчжурии // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1923. № 3. С. 3–9.
- Ершов 1930 — *Ершов М. Н.* Научная хроника // Вестник Маньчжурии. 1930. № 4. С. 93–94.
- Жу-и 1910 — *Жу-и.* Округ Суй-фын-тин // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 117–133.
- К десятилетию 1909 — К десятилетию Восточного Института (1890–1909) // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 5–19.
- Каваками 1909 — *Каваками Т.* Промышленность Северной Маньчжурии / пер. с яп. яз. Харбин: Штаб Заамурск. округа погранич. стражи, 1909. 271 с.
- Китаеведение 1928–1929 — Китаеведение: Сборник статей по географии, экономике и культуре Китая. Часть 1: Природа и первобытная культура Китая. Выпуск I: 1) Е. М. Чепурковский. Общий очерк географии и этнографии Китая. 2) И. Г. Баранов. Черты народного быта в Китае. Харбин: [б. и.], 1928–1929. 54 с.
- Колонизация 1909 — Колонизация Чжеримского сейма Монголии, правого берега Амура и округа Айгунского и Син-дун-дао / сост. подполковник Полумордвинов. Харбин: Издано штабом Заамурск. округа погранич. стражи, 1909. VIII, 86 с.
- Кооль-Эстивенд 1915 — *Кооль-Эстивенд Й.* О движении населения в Монголии // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 3–12.
- Кормазов 1924 — *Кормазов В.* Монгольский курорт Халхин «Халун Аршан» // Экономический вестник Маньчжурии. 1924. № 37–38. С. 11–21.
- Кормазов 1928 — *Кормазов В. А.* Барга: Экономический очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. VII, [5], 281 с.
- Кормазов 1930 — *Кормазов В. А.* Движение населения в районе Западной линии КВЖД (участок станция Маньчжурия – р. Петля) // Вестник Маньчжурии. 1930. № 4. С. 51–60.
- Краткий обзор 1927 — Краткий обзор Китая: приложение к «Карте Внутреннего Китая». Харбин: Тип. КВЖД, 1927. 50, [2] с.
- Лопатин 1925 — *Лопатин И. А.* Орочи — сородичи Маньчжур. Харбин: Изд-во ОИМК, 1925. 30 с.
- Лоцилов 1923 — *Лоцилов П.* Задачи и цели секции «Медицина, гигиена и санитарная техника» при Обществе И[зучения]. М[аньчжурского]. Края // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1923. № 3. С. 40–42.
- Маньчжурия 1928 — Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога // Вестник Маньчжурии. 1928. № 6. С. 1–4.
- Маньчжурия 1945 — Маньчжурия. Карманный справочник офицера. Карта Маньчжурии. М.: [б. и.], 1945. 32 с.
- Маньчжурия 1934 — Маньчжурия: Экономическо-географическое описание. Часть 1 / Экономическое бюро КВЖД. Харбин: Тип. КВЖД, 1934. VIII, 385 с.
- Материалы 1903 — Материалы по военно-статистическому описанию Маньчжурии, собранные офицерами Генерального штаба Приамурского военного округа в 1901 г. Циккарское фудутунство / сост. ген. шт. полк. Дуров. Хабаровск: Тип. штаба Приамурск. воен. округа, 1903. 93, 26 с.
- Мещерский 1920 — *Мещерский А. С.* Автономная Барга: Монгольская экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. Владивостокско-Маньчжурский район: Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 г.г. вып. XII прилож. III. Шанхай: Тип. «Русского Книгоиздательства», 1920. 40 с.
- Монгольские учебники 1908 — Монгольские учебники: Пер. с яп. яз. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурск. округа погран. стражи, 1908. [2], VI, 23 с.
- Муравьев 1914 — *Муравьев В.* Законоположения об учебных заведениях Китая (окончание) // Вестник Азии. 1914. № 28–29. С. 47–109.
- Наука и жизнь 1909 — Наука и жизнь. Будапештский профессор среди ороченов и гиляков // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 202.
- Наука и жизнь 1911а — Наука и жизнь. В Обществе русских ориенталистов. Чумная экспедиция в Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 133–135.
- Наука и жизнь 1911б — Наука и жизнь. Изучение быта орочен // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 214–215.
- Наука и жизнь 1911в — Наука и жизнь. Магометане в Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 223–224.
- Новости востоковедения 1930 — Новости востоковедения // Вестник Маньчжурии. 1930. № 5. С. 105–107.
- Очерк 1911 — Очерк заселения китайского Приамурья // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 34–58.
- Первый туземный 1925 — Первый туземный съезд ДВО (протоколы съезда с вводной ста-

- ттей А. Липского). Хабаровск: Изд. Ком-та содейств. народностям сев. окраин при Презид. Дальревкома, 1925. 139 с.
- Рачковский 1928 — *Рачковский А.* Отчет о деятельности Общества изучения Маньчжурского края (5-й год существования) // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1928. № 7. С. 59–107.
- Россов 1901 — *Россов П. А.* Русский Китай. Очерки занятия Квантуна и быта туземного населения: с приложением карты Квантуна. Порт Артур: Изд. Книжного склада «Новый край», 1901. [4], XII, 38, [2], 39–164, 4 с.
- Рычков 1917 — *Рычков Р.* Тунгусские племена. Очерк // Вестник Азии. 1917. № 43. С. 3–16.
- Рязановский 1921 — *Рязановский В. А.* Обычное право монгольских племен. Ч. 2: Обычное право бурят. Чита: Упр. Бурят-Монг. автоном. обл., 1921. 121 с.
- Рязановский 1924 — *Рязановский В. А.* Обычное право монгольских племен // Вестник Азии. 1924. № 52. С. 23–141.
- Рязановский 1929 — *Рязановский В. А.* Монгольское право и сравнительное правоведение // Известия Юридического факультета. 1929. Т. VII. С. 287–302.
- Рязановский 1931а — *Рязановский В. А.* К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Известия Юридического факультета. 1931. Т. IX. С. 3–31.
- Рязановский 1931б — *Рязановский В. А.* Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306, 42, II с.
- Рязановский 1932 — *Рязановский В. А.* Некоторые черты обычного права алтаев и телеутов. Харбин: [б. и.], 1932. 4 с.
- Серебренников 1920 — *Серебренников И. И.* Сибиреведение: конспект лекций по сибиреведению, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине в мае–июне 1920 года. Харбин: Тип. «Свет», 1920. 213 с.
- Солдатов 1913 — *Солдатов В. В.* Библиография. Китай // Вестник Азии. 1913. № 16–17. С. 115–121.
- Справочник 1927 — Справочник по С. Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Изд. Экономич. Бюро КВЖД, 1927. 609 с.
- Спутник 1910 — Спутник по Дальнему Востоку. Харбин: Тип. КВЖД, 1910–1911. 1910. 389 с.
- Спутник 1911 — Спутник по Дальнему Востоку. Харбин: Тип. КВЖД, 1911–1912. 1911. 396 с.
- Титов 1911 — *Титов А.* Чума в Китае // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 117–127.
- Титов 1927 — *Титов Е.* К изучению бесписьменных языков Маньчжурии. Библиография. Библиографический бюллетень Центральной Библиотеки КВЖД № 5 // Вестник Маньчжурии. 1927. № 7. С. 56–70.
- Третчиков 1936 — *Третчиков Н. Г.* Современная Маньчжурия в цифрах и фактах. Экономические очерки. Часть I. Шахай: The China Economic Press, 1936. viii, 9–158, iv, [2] с.
- Фарафонов 1922 — *Фарафонов А. П.* По Забайкалью и Амуру. Заговоры, загадки, приметы и поверья // Вестник Азии. 1922. № 48. С. 120–130.
- Хроника 1910 — Хроника Востока. Вымирание тунгусов // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 151.
- Хроника 1913 — Хроника. Китай // Вестник Азии. 1913. № 14. С. 41–47.
- Хроника 1916а — Хроника. Азиатская Россия. Коммерческое училище в Урге // Вестник Азии. 1916. № 38–39. С. 170.
- Хроника 1916б — Хроника. Азиатская Россия. Монголоведение в средней школе // Вестник Азии. 1916. № 38–39. С. 173.
- Хроника 1916в — Хроника. Азиатская Россия. Практическая восточная академия // Вестник Азии. 1916. № 38–39. С. 173.
- Хроника 1916г — Хроника. Азиатская Россия. Русские школы в соседних странах // Вестник Азии. 1916. № 38–39. С. 171.
- Шкуркин 1923 — *Шкуркин П.* Население Китая // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 27. С. 14–16.
- Шлегель 1911 — *Шлегель.* История протестантизма в Китае // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 107–127.
- Яшинов 1926 — *Яшинов Е. Е.* Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии: Экономический очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. VIII, 525, [3] с.
- Яшинов 1928а — *Яшинов Е. Е.* Источники познания населения и крестьянского хозяйства Китая // Вестник Маньчжурии. 1928. № 2. С. 54–62.
- Яшинов 1928б — *Яшинов Е. Е.* Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. VII, 292 с.
- Яшинов 1932 — *Яшинов Е. Е.* Сельское хозяйство Китая в цифрах // Вестник Маньчжурии. 1932. № 6–7. С. 79–115.
- Яшинов 1935 — *Яшинов Е. Е.* Очерки Китайского крестьянского хозяйства. Харбин: Тип. Н. А. Френкеля, 1935. XVI, 231 с.

References

- A Brief Review of China: Supplement to the Map of Inner China. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1927. 50, [2] p. (In Russ.)
- Arsenyev V. Ethnological questions of Eastern Siberia (Map enclosed). *Vestnik Azii*. 1916. No. 38–39. Pp. 50–77. (In Russ.)
- Baikov N. A. Essays on household life of taiga dwellers. *Vestnik Man'chzhurii*. 1928. No. 3. Pp. 31–41. (In Russ.)
- Baikov N. In the Wilds of Manchuria: Household Essays and Stories Recorded from Taiga Dwellers. Harbin: R. Bursuk, 1934. 225 p. (In Russ.)
- Baranov A. M. Khalkha. Aimag [of] Tsetsen Khan. Harbin: Guard Service of Chinese Eastern Railway, 1919. 52 p. (In Russ.)
- Baranov A. M. Northeastern Counties of Mongolia. Harbin: Special Border Guard Corps (Headquarters of Trans-Amur District), 1907. 138 p. (In Russ.)
- Baranov A. Report by the Chairman of History and Ethnography Research Department delivered at the general meeting on 29 October 1922. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya*. 1922. No. 2. Pp. 4–8. (In Russ.)
- Baranov I. G. Portrait gallery of the Mongolian dynasty. In: Newsletter of the Association for Natural Science and Geography (Christian Youth Union). Harbin: Association for Natural Science and Geography, 1941. Pp. 99–118. (In Russ.)
- Baranov I. G. State Public Library in Beijing. In: Ustryalov N. V. (ed) Review of Literature on Chinese Studies. Harbin: Library of Chinese Eastern Railway, 1932. Vol. II(V). Pp. 1–13. (In Russ.)
- Bibliographic Bulletin of CER Central Library. Part 7 (Continuance). *Vestnik Man'chzhurii*. 1928. No. 2. Pp. 76–79. (In Russ.)
- Bibliography. *Vestnik Azii*. 1909. No. 1. Pp. 281–289. (In Russ.)
- Bibliography. *Vestnik Azii*. 1909. No. 2. Pp. 203–210. (In Russ.)
- Bibliography. *Vestnik Azii*. 1910. No. 3. Pp. 287–301. (In Russ.)
- Bibliography. *Vestnik Azii*. 1910. No. 6. Pp. 152–164. (In Russ.)
- Bibliography. *Vestnik Azii*. 1911. No. 10. Pp. 236–241. (In Russ.)
- Bibliography. *Vestnik Azii*. 1911. No. 8. Pp. 153–161. (In Russ.)
- Bibliography. *Vestnik Azii*. 1913. No. 14. P. 56. (In Russ.)
- Bibliography. *Vestnik Man'chzhurii*. 1925. No. 1–2. Pp. 93–98. (In Russ.)
- Celebrating the 10th anniversary of Oriental Institute (1890–1909). *Vestnik Azii*. 1909. No. 2. Pp. 5–19. (In Russ.)
- Chinese Studies: Collected Articles on Geography, Economy and Culture of China. Part 1: Nature and Primitive Culture of China. Issue I: 1) Chepurkovsky E. M. A General Survey of China's Geography and Ethnography. 2) Baranov I. G. Outlining People's Household Life in China. Harbin, 1928–1929. 54 p. (In Russ.)
- Current News of the East. Depopulation of Tunguses. *Vestnik Azii*. 1910. No. 6. P. 151. (In Russ.)
- Current News. Asian Russia. Mongolian studies at secondary school. *Vestnik Azii*. 1916. No. 38–39. P. 173. (In Russ.)
- Current News. Asian Russia. Practical Oriental Academy. *Vestnik Azii*. 1916. No. 38–39. P. 173. (In Russ.)
- Current News. Asian Russia. Russian schools in neighboring countries. *Vestnik Azii*. 1916. No. 38–39. P. 171. (In Russ.)
- Current News. Asian Russia. Urga School of Commerce. *Vestnik Azii*. 1916. No. 38–39. P. 170. (In Russ.)
- Current News. China. *Vestnik Azii*. 1913. No. 14. Pp. 41–47. (In Russ.)
- Durov. Materials Describing Manchuria in Military and Statistical Perspectives, and Collected by General Staff Officers of the Amur Military District in 1901. Qiqihar Military Governorate. Khabarovsk: Headquarters of Amur Military District, 1903. 93, 26 p. (In Russ.)
- E. T. Bibliography. Developments of Oriental studies. *Vestnik Man'chzhurii*. 1930. No. 11–12. Pp. 136–137. (In Russ.)
- Farafontov A. P. Through Transbaikalia and the Amur [Valley]. Spells, riddles, tokens, and beliefs. *Vestnik Azii*. 1922. No. 48. Pp. 120–130. (In Russ.)
- Gapanovich I. I. Amgun Tunguses, Negidals, and their future. *Vestnik Man'chzhurii*. 1927. No. 8. Pp. 30–35. (In Russ.)
- Gapanovich I. I. Amgun Tunguses, Negidals, and their future. *Vestnik Man'chzhurii*. 1927. No. 9. Pp. 43–46. (In Russ.)
- Gapanovich I. I. Amgun Tunguses, Negidals, and their future. *Vestnik Man'chzhurii*. 1927. No. 11. Pp. 45–49. (In Russ.)
- Gins G. K. Mongolian Nationhood and Law: A Historical Perspective. Harbin, 1932. 53 p. (In Russ.)
- Go D. Ch. Oroqens of Heilongjiang. *Vestnik Man'chzhurii*. 1931. No. 2. Pp. 71–76. (In Russ.)
- Gregori E. Revolutionary Army (Gémíng Jūn). *Vestnik Azii*. 1910. No. 6. Pp. 14–42. (In Russ.)
- Gregori E. Revolutionary Army. *Vestnik Azii*. 1910. No. 5. Pp. 53–67. (In Russ.)

- Guidebook to the Far East. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1910–1911. 1910. 389 p. (In Russ.)
- Guidebook to the Far East. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1911–1912. 1911. 396 p. (In Russ.)
- Kawakami T. Industries of Northern Manchuria. Harbin: [Special] Border Guard Corps (Headquarters of Trans-Amur District), 1909. 271 p. (In Russ.)
- Kool-Estivend Y. Population migration in Mongolia revisited. *Vestnik Azii*. 1915. No. 35–36. Pp. 3–12. (In Russ.)
- Kormazov V. A. Manzhouli – Petlya: Population migration along the western part of the CER reviewed. *Vestnik Man'chzhurii*. 1930. No. 4. Pp. 51–60. (In Russ.)
- Kormazov V. A. The Barga: An Economic Essay. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1928. VII, [5], 281 p. (In Russ.)
- Kormazov V. Khalkhin Khalun Arshan: The Mongolian health resort reviewed. *Ekonomicheskii vestnik Man'chzhurii*. 1924. No. 37–38. Pp. 11–21. (In Russ.)
- Lopatin I. A. Oroqens — Relatives of Manchus. Harbin: Society for the Study of Manchuria, 1925. 30 p. (In Russ.)
- Loshchilov P. Department of Medicine, Hygiene and Sanitary Engineering: Goals and objective reviewed. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya*. 1923. No. 3. Pp. 40–42. (In Russ.)
- Manchuria and Chinese Eastern Railway. *Vestnik Man'chzhurii*. 1928. No. 6. Pp. 1–4. (In Russ.)
- Manchuria: A Review of Economy and Geography. Part 1. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1934. VIII, 385 p. (In Russ.)
- Manchuria: Officer's Pocket Reference Book. Map of Manchuria. Moscow, 1945. 32 p. (In Russ.)
- Meshchersky A. S. The Barga Autonomy: [Activities of the] Mongolian Expedition Aimed at Procuring Meat for Combat Armies. Vladivostok-Manchuria Region: Materials for the 1915-1918 Progress Report. Vol. XII. Appendix III. Shanghai: Russkoe Knigoizdatelstvo, 1920. 40 p.
- Mongolian-Language Textbooks. Harbin: [Special] Border Guard Corps (Headquarters of Trans-Amur District), 1908. [2], VI, 23 p. (In Russ.)
- Muravyov V. Regulations on China's educational institutions (finale). *Vestnik Azii*. 1914. No. 28–29. Pp. 47–109. (In Russ.)
- News of Oriental Studies. *Vestnik Man'chzhurii*. 1930. No. 5. Pp. 105–107. (In Russ.)
- Northern Manchuria and Chinese Eastern Railway: A Reference Book. Harbin: CER Economic Bureau, 1927. 609 p. (In Russ.)
- Polumordvinov M. A. (comp.) Colonization of Jirem League in [Inner] Mongolia, the right bank of the Amur, and Aigun District along with Xing Dong Dao. Harbin: [Special] Border Guard Corps (Headquarters of Trans-Amur District), 1909. VIII, 86 p. (In Russ.)
- Rachkovsky A. Society for the Study of Manchuria: [5th Annual] Activity Report. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya*. 1928. No. 7. Pp. 59–107. (In Russ.)
- Rossov P. A. Russian China: Essays on the Kwantung Campaign and Household Life of Native Inhabitants. Suppl. with a map of the territory. Port-Artur: Novyi Krai, 1901. [4], XII, 38, [2], 39–164, 4 p. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Customary Law of Altaians and Teleuts: Some Features Reviewed. Harbin, 1932. 4 p. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Customary Law of Mongolic Tribes. Part 2: Customary Law of Buryats. Chita: Executive Committee of Buryat-Mongolian Autonomous Oblast, 1921. 121 p. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Customary law of Mongolic tribes. *Vestnik Azii*. 1924. No. 52. Pp. 23–141. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Mongolian Law (Primarily Customary One): A Historical Essay. Harbin: N. Chinarev, 1931. 306, 42, II p. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Mongolian law and comparative legal science. *Izvestiya Yuridicheskogo fakul'teta*. 1929. Vol. VII. Pp. 287–302. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Revisiting impacts of Mongolian culture and law on those of the Russians. *Izvestiya Yuridicheskogo fakul'teta*. 1931. Vol. IX. Pp. 3–31. (In Russ.)
- Rychkov R. Tungus tribes: An essay. *Vestnik Azii*. 1917. No. 43. Pp. 3–16. (In Russ.)
- Schlegel. History of prostitution in China. *Vestnik Azii*. 1911. No. 7. Pp. 107–127. (In Russ.)
- Science and Life. Budapest professor among Oroqens and Gilyaks. *Vestnik Azii*. 1909. No. 2. P. 202. (In Russ.)
- Science and Life. Exploring household life of Oroqens. *Vestnik Azii*. 1911. No. 9. Pp. 214–215. (In Russ.)
- Science and Life. In Society of Russian Orientalists. Plague research expedition in Manchuria. *Vestnik Azii*. 1911. No. 7. Pp. 133–135. (In Russ.)
- Science and Life. Mohammedans in Manchuria. *Vestnik Azii*. 1911. No. 9. Pp. 223–224. (In Russ.)
- Serebrennikov I. I. Siberian Studies: Compendium of Lectures Delivered at Cooperative Courses in Harbin, May-June 1920. Harbin: Svet, 1920. 213 p. (In Russ.)

- Shkurkin P. Heritage of China. *Ekonomicheskii vestnik Man'chzhurii*. 1923. No. 27. Pp. 14–16. (In Russ.)
- Soldatov V. V. Bibliography. China. *Vestnik Azii*. 1913. No. 16–17. Pp. 115–121. (In Russ.)
- The First Congress of Indigenous Peoples of the Far Eastern District. A. Lipsky (minutes, foreword). Khabarovsk: Assistance Commission for Peoples of the North (Presidium of Far Eastern Revolutionary Committee), 1925. 139 p. (In Russ.)
- The peopling of China's Amur lands: An essay. *Vestnik Azii*. 1911. No. 7. Pp. 34–58. (In Russ.)
- Titov A. Plague in China. *Vestnik Azii*. 1911. No. 8. Pp. 117–127. (In Russ.)
- Titov E. Exploring non-literate languages of Manchuria. Bibliography. Bibliographic Bulletin of CER Central Library. No. 5. *Vestnik Man'chzhurii*. 1927. No. 7. Pp. 56–70. (In Russ.)
- Tretchikov N. G. Contemporary Manchuria in Numbers and Facts. Economic essays. Part I. Shanghai: The China Economic Press, 1936. VIII, 9–158, IV, [2] p. (In Russ.)
- Vologodsky P. Trade Affairs Administration. *Ekonomicheskii vestnik Man'chzhurii*. 1923. No. 46. Pp. 9–11. (In Russ.)
- Yashnov E. E. China's agriculture in numbers. *Vestnik Man'chzhurii*. 1932. No. 6–7. Pp. 79–115. (In Russ.)
- Yashnov E. E. China's population and peasant economy: Research sources reviewed. *Vestnik Man'chzhurii*. 1928. No. 2. Pp. 54–62. (In Russ.)
- Yashnov E. E. Chinese Colonization of Northern Manchuria and Its Prospects. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1928. VII, 292 p. (In Russ.)
- Yashnov E. E. Chinese Peasant Economy in Northern Manchuria: An Economic Essay. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1926. VIII, 525, [3] p. (In Russ.)
- Yashnov E. E. Essays on Chinese Peasant Economy. Harbin: N. Frenkel, 1935. XVI, 231 p. (In Russ.)
- Yeliseev S. A. Law and court in Manchuria. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya*. 1923. No. 3. Pp. 3–9. (In Russ.)
- Yershov M. N. Scientific chronicles. *Vestnik Man'chzhurii*. 1930. No. 4. Pp. 93–94. (In Russ.)
- Zhu Yi. Suifenhe District. *Vestnik Azii*. 1910. No. 6. Pp. 117–133. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 777–787, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787

Обряд отрезания «черного языка» и буддийский защитный ритуал (противоречия этических оснований)

Юлия Юрьевна Эрендженова¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат философских наук, ассистент кафедры

 0000-0001-5387-9731. E-mail: yulia.er16@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Эрендженова Ю. Ю., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье проводится анализ буддийского защитного ритуала против злословия, популярного в среде калмыцких буддистов в форме обряда отрезания «черного языка». Несмотря на то, что исследования доказывают прямую связь обряда с добуддийскими верованиями, крайне противоречивым видится его практика священнослужителями, активно пропагандирующими буддийские идеи сострадания и ненасилия. *Целью* настоящей работы является обнаружение этических оснований обряда отрезания «черного языка» в системе буддийских защитных ритуалов и его потенциала для личностного развития. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели применяется комплексная методология: антропологический и междисциплинарный подходы, этический анализ, герменевтический метод. Важным дополнением является системный подход культурной антропологии, в соответствии с которым следует признавать теоретическую и методологическую ценность разработок буддийских авторов. В качестве основных материалов исследования используются ойратский текст «Хага келен» и его русские переводы, тибетский текст «Святая махаянская сутра, называемая „Умиротворение черных споров“». *Результаты.* Обряд отрезания «черного языка» — это защита от экзистенциальных проблем (болезней, неудач в учебе и работе, проблем в личных отношениях, потери имущества и т. д.), вербально спровоцированные недоброжелателями. Определено, что в системе буддийских защитных ритуалов обряд отрезания «черного языка» приобретает черты не столько религиозного действия, сколько духовной практики, совершаемой для обретения буддийской мудрости и развития альтруистической интенции. В том случае, когда верующий не понимает сущности обряда, он прибегает к нему с целью устранения реальных препятствий, якобы спровоцированных другими. И только тогда практика данного обряда обретает видимые противоречия с буддийской этикой. *Выводы.* С учетом буддийского подхода к толкованию смысла защитных ритуалов становится очевидной непротиворечивость обряда отрезания «черного языка» буддийской этике. При такой интерпретации и соответствующем

практическом применении защитный обряд может быть одним из способов личностного развития верующих.

Ключевые слова: буддийская культура, защитный ритуал, калмыки, обряд отрезания «черного языка», буддийская этика, личностное развитие

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-18-00118 «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения».

Для цитирования: Эрендженова Ю. Ю. Обряд отрезания «черного языка» и буддийский защитный ритуал (противоречия этических оснований) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 777–787. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787

The Rite of Cutting off the ‘Black Tongue’ — and Buddhist Protective Ritual: Contradictions of Ethical Grounds Analyzed

Yulia Yu. Erendzhenova¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Lecturer

 0000-0001-5387-9731. E-mail: yulia.er16@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Erendzhenova Yu. Yu., 2022

Abstract. Introduction. The article analyzes the Buddhist protective ritual against slander popular among Kalmyk Buddhists in the form of the rite of cutting off the ‘black tongue’. Despite studies prove a direct connection between the rite and pre-Buddhist beliefs, its practice by clerics who actively promote the Buddhist ideas of compassion and non-violence seems extremely controversial. **Goals.** The study aims to discover ethical foundations of the rite of cutting off the ‘black tongue’ within the system of Buddhist protective rituals and its potential for personal spiritual development. **Materials and methods.** The work employs a complex methodology that includes anthropological and interdisciplinary approaches, ethical analysis, hermeneutic method. An important addition is the systematic approach of cultural anthropology according to which the theoretical and methodological significance of Buddhist scholars’ developments should be duly recognized. The study focuses on the Oirat text titled ‘Xara kelen’ and its Russian translations, a Tibetan text of The Noble Mahayana Sutra Entitled ‘Pacification of Black Disputes’. **Results.** The rite of cutting off the ‘black tongue’ serves to protect from existential problems (disease, failures in study and work, problems in personal relationships, loss of property, etc.) verbally provoked by ill-wishers. The paper clarifies that in the system of Buddhist protective rituals, the rite of cutting off the ‘black tongue’ acquires features of a spiritual practice performed to acquire Buddhist wisdom and develop altruistic intention rather than a religious action as such. If a believer does not understand the essence of the rite, he/she resorts to it in order to eliminate real obstacles allegedly provoked by others — and only in this case the practice of this rite acquires visible contradictions with Buddhist ethics. **Conclusions.** If one adopts the Buddhist approach to semantic interpretations of protective rituals, the consistency of the rite of cutting off the ‘black tongue’ to Buddhist ethics becomes obvious. With such interpretations and a corresponding practical application, the protective rite can serve a path for personal development of believers.

Keywords: Buddhist culture, protective ritual, Kalmyks, rite of cutting off the ‘black tongue’, Buddhist ethics, personal development

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-18-00118 ‘Russia and the Buddhist World in the Discourse of Philosophical Oriental Studies’.

For citation: Erendzhenova Yu. Yu. The Rite of Cutting off the ‘Black Tongue’ — and Buddhist Protective Ritual: Contradictions of Ethical Grounds Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 777–787. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787

Введение

Значимость существующих религиозных культур определяется степенью их воздействия на сознание верующих. Когда такое воздействие оценивается как существенное, возрастает необходимость детального исследования всех аспектов наиболее распространенных религиозных практик, включая защитные ритуалы.

Религиозную культуру калмыков важно рассматривать как многогранную традицию, сложившуюся в процессе длительного взаимодействия буддизма с добуддийскими верованиями [Бакаева 2008: 176–178].

Среди разных по своей практической направленности защитных ритуальных практик, существовавших у калмыков как в добуддийский период, так и после принятия буддизма, следует особо выделить два наиболее древних и активно практикуемых обряда. Это обряд жертвоприношения «хозяевам земли и воды», непосредственно связанный с культом Белого старца, и обряд отрезания «черного языка», представляющий своеобразную защиту от проклятий либо отвращение всякого злословия.

Если культ Белого старца, текстовая и иконографическая традиции, связанные с этим культом, всегда были в поле интереса широкого круга монголоведов [Позднеев 1887; Heissig 1966; Герасимова 1980; Sárközi 1983; Futaki 2005; Altan 2007; Birtalan 2013; Дулам 2018], то интерес к обряду отрезания «черного языка» ограничивается лишь рамками калмыковедения [Очиров 1909; Бичеев 2006; Борджанова 2007; Бичеев 2014; Музраева 2018].

По всей видимости, феномен особой популярности этого защитного обряда существовал преимущественно в ареале ойратской религиозной традиции, на основе которой сформировалась собственно калмыцкая традиция.

Об активной практике этих двух обрядовых действий свидетельствует огромное количество рукописных ритуальных текстов, появившихся уже после адаптации их к буддийскому учению. Необходимо отметить, что искоренение буддизмом некоторых древних культов проходило в довольно жесткой форме. Известно, что ойратский

религиозный деятель Нейджи-тойн (1557–1653) действовал не только увещеваниями и просьбами, но и насильно собирал *онгоны* (монг. изображения духов предков или рода) в домах верующих и сжигал их [Пурбуева 1984: 73–74].

Однако наряду с этим шел интенсивный процесс ассимиляции и наполнение буддийским содержанием не поддающихся искоренению древних религиозных культов, выражавших суть народной религиозности [Герасимова 1999: 27–28]. К примеру, ойратский буддийский монах, рабджамба Зая-пандита (1599–1662), осуществил перевод текста защитного ритуала отрезания «черного языка», хотя в его проповеднической деятельности прослеживается жесткое противостояние добуддийским верованиям [Лунный свет 2003: 161–165].

Одной из причин широкой популярности обряда отрезания «черного языка», как это ни парадоксально, оказался сам буддизм, обнародовавший текст обрядника с вкрапленными в него буддийскими формулами поклонения буддам и бодхисаттвам. Адаптированный буддизмом древний обряд получил новый импульс и значительно расширил свою первоначальную концепцию. По мнению Н. Очирова, теперь уже всякая неприятность (дурной сон, падеж любимой лошади, болезнь в семье, проявление зависти друзей, соседей и т. д.) вызывала у суеверного человека необходимость приглашения к себе духовных лиц, которые ограждали его от проклятий и бедствий распространенной мерой — проведением обряда «хара келе утулган» [Очиров 1909: 85; Бичеев 2014: 88].

В процессе обряда священнослужители острым ножом отрезают черные и белые нити, символизирующие проклятия и лесть соответственно. По данным современных полевых исследований, многие люди по-прежнему верят в силу «черного языка» и обращаются к нему. Данный ритуал считается верующими буддийским, поскольку в нем присутствуют элементы поклонения буддийским божествам, а его текстовая форма традиционно называется сутрой [Борджанова 2007: 141–165]. Все это сказалось на устойчивости и значимости этого обряда

в калмыцком обществе, который продолжал сохраняться даже в условиях атеистической политики советского времени [Музраева 2018: 78].

Калмыцкие исследователи отмечают, что ритуал отрезания «черного языка» является древним языческим обрядом, сопровождающимся чтением молитвы, которое было утверждено Зая-пандитой. В частности, в первом русском переводе текста ритуала, выполненного Н. Очировым, указано, что текст молитвы «сочинил мудрый лама Зая-пандита» [Лунный свет 2003: 252].

Известный калмыцкий монголовед А. В. Бадмаев отмечает, что Зая-пандита известен не только как переводчик буддийских религиозно-философских трактатов, но и как духовный глава ойратской монашеской общины, установивший правила принятия различных обетов монахами, правила принятия посвящений и пр. [Лунный свет 2003: 252]. В ряду 186 произведений, переведенных Зая-пандитой, под № 19 значится текст «Хара келен» [Раднабхадра 1999: 62].

Действительно, анализ содержания многочисленных рукописей «Хара келен» показывает, что в каждом из них обнаруживается имя Зая-пандиты в качестве составителя этого текста [Бичеев 2014: 91]. Тем не менее исследователи отмечают, что данный текст по своей природе не является буддийским, так как буддийские вкрапления были добавлены намного позднее. Это, в свою очередь, ставит под сомнение его преемственность от тибетской буддийской традиции [Бичеев 2006: 360].

Исходя из вышеприведенных мнений исследователей, отметим преобладание точки зрения о небуддийской природе защитного обряда отрезания «черного языка» и в то же время его крайней популярности среди тех, кто мыслит себя правоверным буддистом. Так, обряд отрезания «черного языка» на протяжении долгого времени органично сосуществует с буддийской религиозной практикой в калмыцком обществе.

В этой связи вполне естественно возникает вопрос о некотором противоречии этических оснований данного религиозного обряда с этикой буддийского учения, поскольку буддизм, прежде всего, представляется как религиозно-этическая система, отказывающаяся от какого бы то ни было причинения вреда. На основании этого, к

примеру, обосновывается идея значимости в международных отношениях буддийской дипломатии как «мягкой силы» [Кузнецов 2006; Китинов 2015]. Теоретической основой для этой «мягкой силы» признается провозглашаемый буддистами принцип ненасилия (ахимсы).

Вместе с этим, обобщив этические взгляды буддистов, некоторые исследователи приходят к парадоксальному выводу об оправдании насилия в буддийской религии. На примерах из буддийских текстов исследователи приходят к мнению, что по мере духовного развития личность получает возможность трактовать моральные нормы и в определенных случаях даже преступать их [Goodman 2017].

Подобные противоречия в большей степени выявляются исследователями в тантрической практике, где верующие сознательно обращаются к гневным божествам, в иконографических образах которых явно выражена их неимоверная психофизическая мощь. В связи с этим широкое распространение тантры в Тибете вызвало многочисленные дебаты об этических основаниях тантрических практик [Davidson 2005: 137].

Тем не менее результаты разных исследований показывают, что буддийская тантра, содержащая специфические черты в своей практике, в своей основе полностью согласуется с этикой буддизма [Ray 2002: 66–69; Buddhism in Practice 2007: 6–7; Hopkins 2008: 126–128].

В силу того, что в поле буддийской традиции калмыков тантрическая практика сочетается с добуддийскими верованиями, то вполне естественно возникает вопрос об этических основаниях. Среди таких практик, прежде всего, выделяются специфические защитные ритуалы, направленные на устранение препятствий, возникающих вследствие ряда причин. Одной из таких популярных защитных практик и является обряд отрезания «черного языка». Во время его совершения читается текст, в котором присутствуют следующие строки:

«Отрезаю язык того, кто со злобой и завистью говорит: „Он сделался сановником, господином и богачом“, язык того, кто клеветает „он болен дурной болезнью“, язык того, кто лжет, говоря, „он присвоил чужое“» [Очиров 1909: 87].

Подобные формулы в ритуальном тексте кажутся крайне противоречивыми по отношению к состраданию и принципу ненасилия, столь важных для буддистов. Даже если учесть символическое значение этих интенций, возникает вопрос о том, насколько гуманной является такая защитная практика, помогающая преодолевать возникшие проблемы. Исходя из этого, целью настоящего исследования является обнаружение этических оснований обряда отрезания «черного языка» в системе буддийских защитных ритуалов и его потенциала для личностного развития. Обозначенная цель требует определения сути и целесообразности защиты в буддизме, установления связи защитного обряда отрезания «черного языка» с буддийскими нравственными основами, выявления значения данного обряда в контексте личностного развития верующих.

Материалы и методы

Для решения обозначенных задач особую значимость приобретает сочетание антропологического подхода с междисциплинарным, что позволяет рассматривать религиозные феномены в их взаимоотношении с другими объектами жизни человека в социуме [Феномен междисциплинарности 2016: 17–30, 285–291]. В данном исследовании применяются анализ этических оснований защитного обряда и герменевтическая методика выявления его значения на основе данных, полученных в ходе этнологического, филологического и религиоведческого анализов. Антропологическое понимание защиты как способа преодоления страха, по сути, являющегося неотъемлемой частью личности [Humphrey 2013: 286], требует выявления психологической взаимосвязи страха с защитными ритуалами.

При исследовании религиозной культуры важно представлять ее как сбалансированное единство, в котором все элементы, включая ее самооценку, тесно взаимосвязаны и являются значимыми в равной степени [Жуковская 2002: 218].

Это позволяет признать теоретическую и методологическую ценность буддийских разработок. В данном случае имеются в виду комментарии авторитетных буддийских наставников, сформировавших общее мнение о буддийской этике и сущности защитных ритуалов в частности.

В качестве материала исследования используется как ойратский текст «Хага келен» и его русские переводы [Очиров 1909; Бичеев 2006; Музраева 2018], так и тибетский текст «'Phags pa kha mchu nag po'i zhi bar byed pa zhes bya ba theg pa chen po mdo» («Святая махаянская сутра, называемая „Умиротворение черных споров“») [Kha mchu nag po].

О природе защитных ритуалов в буддологических исследованиях

Буддийские защитные ритуалы, как правило, рассматриваются в исследованиях традиции тантры, получившей наибольшее распространение в Тибете, Непале и среди монголоязычных народов России. Такие ритуалы предполагают обращение к буддийским божествам-защитникам — дхармапалам. В иконографии буддизма эти божества обычно изображаются в гневной форме, размахивающими оружием и раздавливающими своими стопами человеческие или демонические тела [Nebesky-Wojkowitz 1996: 3–21].

Наряду с дхармапалами роль защитников могут выполнять и другие буддийские святые личности, достигшие просветления, а потому обретшие сверхъестественные способности. Благодаря этому они способны внимать чаяниям верующих и ограждать их от различных страданий. Что касается калмыков, то они по традиции поклоняются и обращаются за помощью не только к гневным защитникам, но и к самому Будде, а также бодхисаттвам буддийского пантеона [Трансграничная культура 2016: 169–175].

Необходимость защиты обуславливается наличием неблагоприятных жизненных ситуаций, детерминированных различными явлениями. К особым причинам человеческих несчастий можно отнести проклятия как вид словесной магии, способной вызвать негативные последствия на физическом уровне для тех, кто верит в их реальную силу.

По мнению одних исследователей, буддийские защитные ритуалы являются одним из бесчисленных методов опыта космической иллюзии, и поэтому призываемые силы оказываются всего лишь обманчивым результатом человеческого невежества. В то же время это не умаляет практической пользы ритуалов в мире, где существование

вещи — это то же, что ее воображаемое существование [Туччи 2005: 230].

По мнению других исследователей, «подобное ритуальное действие выступает своего рода защитным механизмом, направленным на преодоление внешней угрозы. Индивид, усматривая причинную связь между явлениями, интерпретирует отношение причин и следствий, символически замещая их ритуальным действием «подобное подобным». Главный смысл обряда заключается для него в достижении такого состояния, при котором он психологически не чувствует себя больше беззащитным перед угрозой извне [Бичеев 2006: 361].

Буддийский взгляд на сущность и этические основания защитного обряда отрезания «черного языка»

Обряд отрезания «черного языка» — это защита от экзистенциальных проблем (болезней, неудач в учебе и работе, проблем в личных отношениях, потери имущества и т. д.), вербально спровоцированные недоброжелателями. Каким образом эта защита осуществляется?

В тибетском тексте «Умиротворение черных споров» приводятся следующие наставления Будды:

«Вы, домохозяева, держитесь этой мантры, читайте ее и показывайте другим. Тогда наказания от царя, ссоры, драки, провокации, дурные намерения и т. д. будут успокоены.

Читайте мантру „Тадьятха ом ваджрапанинама ракша / Ом джодогпаргьюртэ / Камчу марая рбад самая дукшанахумхумпахатхат сваха“» [Kha mchu nag po].

Из приведенной цитаты следует, что защита главным образом осуществляется посредством рецитации мантры.

Его Святейшество Далай-лама XIV (Тензин Гьяцо, род. в 1935) объясняет, что используемые на тантрическом пути мантры являются защитой ума от обыденных видимостей и представлений, которые приводят к страданиям [Далай-лама 2019: XLI].

Следовательно, главным препятствием является не какое-либо существо и его действия, а неведение человека. В буддизме неведение часто персонифицируется в форме Мары — искушителя, стремящегося препятствовать человеку, усердствующему на духовном поприще [Философия буддизма 2011: 436–438].

Лама Тубтен Еше (1935–1984), сооснователь одной из самых влиятельных буддийских организаций в западной культуре «Фонд поддержания махаянской традиции», изложил основные идеи буддийского тантризма. Он обратил внимание на то, что тантрический способ достижения просветления является чрезвычайно радикальным, поскольку влечет за собой полную трансформацию обыденного восприятия реальности за счет осознания *пустотности* бытия, что в итоге буквально искореняет все волнения и конфликты [Lama Yeshe 2014: 43–44].

Пустота в буддийском учении не тождественна общепринятому пониманию *ничто*. Философские воззрения буддистов основываются на том, что никакое явление не может существовать независимо от каких бы то ни было причин и условий.

Основания, которые вкладывают буддисты в необходимость защитных ритуалов, отражены в фундаментальном труде тибетского автора Чже Цонкапы (1357–1419) «Большое руководство к этапам пути мантры» [Цонкапа 2019].

В ней подробно изложены все аспекты духовного пути тантрической практики, опирающегося на мудрость постижения пустоты. Одним из этих аспектов является обращение за защитой и благословением для удаления препятствующих сил. Под последними имеются в виду как люди, так и гипостазированные существа, обладающие сверхъестественными способностями, способные препятствовать духовному развитию верующего. Таким образом, защитный ритуал, в сущности, является обращением к буддийским божествам с просьбой устранить всевозможные барьеры, которые могут возникнуть на пути духовного развития.

Интересно, что, разъясняя ритуал против препятствующих сил, Цонкапа перечисляет различные атрибуты, среди которых упоминаются нити пяти цветов [Цонкапа 2019: 125].

Это положение не дает повода прямо сопоставить описанный ритуал с отрезанием нитей как символов злословия. Однако важно учитывать, что как таковое использование нитей не исключает буддийскую, а именно тантрическую природу обряда отрезания «черного языка».

В тексте защитного обряда отрезания «черного языка» нет прямого упоминания

фундаментальных категорий буддийского учения, но косвенно на это указывает на присутствие в тибетском тексте Бодхисаттвы Манджушри, олицетворяющего буддийскую мудрость и заявляющего о готовности защищать всех, кто будет постоянно рецитировать сутру.

«Затем Бодхисаттва Манджушри сказал: Очень хорошо! Очень хорошо! Тех людей, кто хранит и рецитирует эту глубокую сутру Бхагавана¹, я буду защищать» [Khamchu nag po].

После этого Будда дает наказ созерцать Манджушри в своем сердце при чтении сутры.

«Бхагаван сказал: Всякий, у кого возникли черные споры, должен, читая эту сутру семь раз, представлять святого Манджушри в сердце. Все споры будут разрушены, собственные слова будут достойны уважения, сказанному будут верить» [Khamchu nag po].

Интерпретация данного фрагмента позволяет связать защиту от злословия с одной из ступеней постижения мудрости, которая ведет личность к дальнейшему духовному совершенству. Если рассматривать злословие как проявление омраченного сознания, то защитный ритуал предполагает устранение собственного неведения, которое, в свою очередь, искажает реальность и вынуждает негативно оценивать бытие. На основании этого возникает страх, а для его преодоления собственно и происходит обращение к буддийскому защитному ритуалу. Современные буддийские наставники подчеркивают, что существование внешних недоброжелателей имеет место только вследствие омраченного сознания. Как только с помощью буддийской мудрости человек освобождается от неведения, гнева и сильной привязанности, его враги сразу же перестают быть врагами, а причиняемый ими вред исчезает без следа [Sakya Trichen 2020: 138–148].

С восприятием защитного ритуала через призму буддийской мудрости несомненной становится его прямая связь с буддийской этикой, в основе которой лежит идея *бодхичитты*. Бодхичитта — это особая направ-

ленность сознания на личное просветление как способ оказания предельной помощи страдающим существам и их спасения от оков сансары. В буддизме бодхичитта и мудрость рассматриваются в диалектической взаимосвязи и отражаются в категории *метод – мудрость* (санскр. *упая – праджня*), что отчетливо прослеживается в буддийской тантрической практике [Философия буддизма 2011: 531–532].

Таким образом, в системе буддийских защитных ритуалов обряд отрезания «черного языка» приобретает черты не столько религиозного действия, сколько духовной практики, совершаемой для обретения буддийской мудрости и развития альтруистической интенции.

Значение обряда отрезания «черного языка» в контексте личностного развития

Опираясь на вышеприведенные выводы, следует признать, что защитный обряд отрезания «черного языка» в определенной мере способствует личностному развитию, так как направлен на расширение сознания того, кто его осуществляет. Вероятно, именно такое основание вкладывалось при актуализации изучаемого обряда Зая-пандитой.

Исходя из сущности и целесообразности защитного обряда отрезания «черного языка», можно предположить, что буддийские проповедники предусматривают его как один из значимых способов духовной реализации личности. Буддийская практика обряда отрезания «черного языка» непосредственно влияет на сознание человека, трансформируя его посредством обращения к буддийской мудрости и альтруизму. В том случае, когда верующий не понимает сущности ритуала, он прибегает к нему с целью устранения реальных препятствий — болезней и неудач, якобы спровоцированных другими. И только тогда практика данного обряда обретает видимые противоречия с буддийской этикой.

Заключение

Кажущийся агрессивным императив защитного обряда отрезания «черного языка» в действительности имеет глубокий смысл, основанный на буддийском понимании не-

¹ Бхагаван (тиб. *bcom ldan 'das*; санскр. *Bhagavan* 'Победитель') — эпитет Будды Шакьямуни.

ведения как главного врага, от которого и требуется духовная защита. Верующий обращается к буддийским божествам с просьбой уничтожить неведение, которое искажает восприятие и вынуждает видеть угрозу со стороны других людей. Более того, такой подход полностью согласуется с традиционной для буддизма этической направленностью на сострадание, ненасилие, альтруизм и тем самым способствует личностному развитию верующих.

Это подтверждает, что буддизм является по-настоящему прагматической религией, сводящей обыденные явления к духовному развитию. В связи с этим исчезает сомнение в том, что обряд отрезания «черного языка» благодаря стараниям буддийских проповедников обрел основания буддийской этики. Этот вывод дает возможность продолжать исследование религиозной культуры калмыков с учетом истинного значения наиболее популярных ритуальных практик.

Литература

- Бакаева 2008 — *Бакаева Э. П.* Калмыцкий буддизм: история и современность // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Вост. лит., 2008. С. 161–200.
- Бичеев 2006 — *Бичеев Б. А.* Хар келнэ судр оршв // Очиров Н. Живая старина / сост., вступит. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 359–361.
- Бичеев 2014 — *Бичеев Б. А.* Обряд «отрезания черного языка»: традиция и современность // Полевые исследования. 2014. № 2. С. 87–101.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592с.
- Герасимова 1980 — *Герасимова К. М.* О некоторых аспектах ассимиляции добуддийских культов по тибетским обрядникам // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 54–82.
- Герасимова 1999 — *Герасимова К. М.* Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 138 с.
- Далай-лама 2019 — *Далай-лама XIV Тензин Гьяцо.* Сущность тантры // Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо) / пер. с тиб. А. Кугявичуса. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. С. VIII–LXXIII.
- Дулам 2018 — *Дулам С.* Монголын буриад бөө нэрийн Цагаан өвгөний шүтлэг, тахилга (= Культ и поклонение Белому старцу бурятских шаманов Монголии) // Эрдэм шинжилгээнийгүүллэл. I боть. Домог зүй, бөө мөргөлийн судалгаа (= Исследовательские статьи. Т. 1. Исследования в области мифологии и шаманизма). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. С. 404–419.
- Жуковская 2002 — *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Китинов 2015 — *Китинов Б. У.* Буддийская культура: от возможностей «мягкой силы» до потенциала Лумбини // Азия и Африка сегодня. 2015. № 7. С. 53–57.
- Кузнецов 2006 — *Кузнецов В. С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР. М.: ИДВ РАН, 2006. 379 с.
- Лунный свет 2003 — *Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники* / пер. с калм. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.
- Музраева 2018 — *Музраева Д. Н.* Текст «Хара келе» из коллекции О. М. Дорджиева // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 2(13). С. 71–85. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-71-85
- Очиров 1909 — *Очиров Н.* Йорэлы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» у калмыков // Живая старина. 1909. Т. XVIII. Вып. II–III. Кн. 70–71. С. 84–87.
- Позднеев 1887 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. 492 с.
- Пурбуева 1984 — *Пурбуева Ц. П.* Биография Нейджи-тойна. Источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 110 с.
- Раднабхадра 1999 — *Раднабхадра.* «Лунный свет»: История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999. 176 с.
- Трансграничная культура 2016 — *Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков* / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева и др. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 546 с.
- Туччи 2005 — *Туччи Дж.* Религии Тибета / пер. с итал. О. В. Альбедиль. СПб.: Евразия, 2005. 448 с.

- Феномен междисциплинарности 2016 — Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. 458 с.
- Философия буддизма 2011 — Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2011. 1045 с.
- Цонкапа 2019 — Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо) / пер. с тиб. А. Кугявичуса. В 3-х т. Т. 2. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. 800 с.
- Altan 2007 — *Altan S.* An Oirad-Kalmyk Version of the 'White Old Man' Sutra Found among the Archives of the Late Lama Sanji Rabga Mōngke Baqsi // *Mongolian Studies: Journal of the Society of Mongolia*. 2007. Is. 29. Pp. 13–24.
- Birtalan 2013 — *Birtalan A.* Cagān Öwgön — The White Old Man in the Leder Collections The Textual and Iconographic Tradition of the Cult of the White Old Man among the Mongols // *The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder* / M.-K. Lang, S. Bauer (eds.). Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2013. Pp. 84–94.
- Buddhism in Practice 2007 — *Buddhism in Practice. Abridged Edition* / ed. by D. S. Lopez, Jr. Princeton. Oxford: Princeton University Press, 2007. 464 p.
- Davidson 2005 — *Davidson R. M.* Tibetan Renaissance: Tantric Buddhism in the Rebirth of Tibetan Culture. NY: Columbia University Press, 2005. 596 p.
- Futaki 2005 — *Futaki H.* Classification of Texts Related to the White Old Man // *Quaestiones Mongolorum Disputatae I*. Tokyo: Association for International Studies of Mongolian Culture, 2005. Pp. 35–46.
- Goodman 2017 — *Goodman Ch.* Ethics in Indian and Tibetan Buddhism [электронный ресурс] // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2017 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/ethics-indian-buddhism/> (дата обращения: 17.04.2022).
- Heissig 1966 — *Heissig W.* Mongolische volksreligiose und folklorische Texte. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1966. 256 p.
- Hopkins 2008 — *Hopkins J.* Tantric Techniques. Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2008. 424 p.
- Humphrey 2013 — *Humphrey C.* Fear as a property and an entitlement // *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*. 2013. No. 21. Pp. 285–304. DOI: 10.1111/1469-8676.12033
- Lama Yeshe 2014 — *Lama Yeshe.* Introduction to Tantra: The Transformation of Desire / ed. by J. Landaw. Boston: Wisdom Publications, 2014. 192 p.
- Nebesky-Wojkowitz 1996 — *Nebesky-Wojkowitz R., de.* Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi: Book Faith India, 1996. 572 p.
- Ray 2002 — *Ray R. A.* Secret of the Vajra World. The Tantric Buddhism of Tibet. Boston & London: Shambala, 2002. 524 p.
- Sakya Trichen 2020 — *Sakya Trichen Rinpoche.* Freeing the Heart and Mind. Part Three: Teachings of the Sakya Path. Boston: Wisdom Publications, 2020. 176 p.
- Sárközi 1983 — *Sárközi A.* Incense-offering to the White Old Man // *Documenta Barbarorum. Festschrift für Walter Heissig zum 70. Geburtstag. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica Band. 18* / ed. by K. Sagaster and M. Weiers. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1983. C. 357–369.
- Kha mchu nag po — 'Phags pa kha mchu nag po'i zhi bar byed pa zhes bya ba theg pa chen po mdo (= Святая махаянская сутра, называемая «Умиротворение черных споров») // 'Phags pa tshe dang ye shes dpag tu med pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo sogs (= Святые махаянские сутры, называемые «Безграничная жизнь и мудрость»), pp. 214–221 [электронный ресурс]. *Buddhist Digital Resource Center*. URL: http://purl.bdrc.io/resource/MW1NLM2019_3964DC (дата обращения: 05.03.2022).

References

- 14th Dalai Lama Tenzin Gyatso. Essence of Tantra. In: Tsongkhapa Je. The Great Exposition of Secret Mantra (*sngags rim chen mo*). A. Kugevičius (transl.). In 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: A. Terentyev, 2019. Pp. VIII–LXXIII. (In Russ.)
- Altan S. An Oirad-Kalmyk version of the 'White Old Man' Sutra found among the archives of the late Lama Sanji Rabga Mōngke Baqsi. *Mongolian Studies: Journal of the Society of Mongolia*. 2007. No. 29. Pp. 13–24. (In Eng.)
- Badmaev A. V. (comp.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Texts. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Kalmyk Buddhism: Past and present. In: Zhukovskaya N. L. (comp., ed.) *Mongolic Peoples of Russia: Religion in History and Culture*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. Pp. 161–200. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N. et al. The Cross-Border Culture: Comparative Essays on Traditions of Westerns Mongols and Kal-

- myks. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 546 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. Sutra of [Cutting off] the Black Tongue. In: Ochirov N. [Keeping] The Old Customs Alive. B. Bicheev (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. Pp. 359–361. (In Kalm. and Russ.)
- Bicheev B. A. The rite of ‘cutting off the black tongue’: Tradition and present days. *Polevye issledovaniya*. 2014. No. 2. Pp. 87–101. (In Russ.)
- Birtalan A. Cagān Öwgön — the White Old Man in the Leder Collections. The textual and iconographic tradition of the cult of the White Old Man among the Mongols. In: Lang M.-K., Bauer S. (eds.) *The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder*. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2013. Pp. 84–94. (In Eng.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System, Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Davidson R. M. Tibetan Renaissance: Tantric Buddhism in the Rebirth of Tibetan Culture. New York: Columbia University Press, 2005. 596 p. (In Eng.)
- Dulam S. The cult and veneration of the White Old Man among Buryat shamans of Mongolia. In: [Collected] Scholarly Articles. Vol. 1: Studies in Mythology and Shamanism. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2018. Pp. 404–419. (In Mong.)
- Futaki H. Classification of texts related to the White Old Man. In: Futaki H., Oyunbilig B. (eds.) *Quaestiones Mongolorum Disputatae I*. Tokyo: Association for International Studies of Mongolian Culture, 2005. Pp. 35–46. (In Eng.)
- Gerasimova K. M. Pre-Buddhist cults in Tibetan ceremonials: Some aspects of assimilation reviewed. In: *Buddhism and Medieval Central Asian Cultures*. Novosibirsk: Nauka, 1980. Pp. 54–82. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Protection Rituals in Central Asian Buddhism. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. 138 p. (In Russ.)
- Goodman Ch. Ethics in Indian and Tibetan Buddhism. On: Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive. Spring 2017 Edition. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/ethics-indian-buddhism/> (accessed: 17 April 2022). (In Eng.)
- Heissig W. Mongolische volksreligiose und folklorische Texte. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1966. 256 p. (In Germ.)
- Hopkins J. Tantric Techniques. Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2008. 424 p. (In Eng.)
- Humphrey C. Fear as a property and an entitlement. *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*. 2013. No. 21. Pp. 285–304. (In Eng.) DOI: 10.1111/1469-8676.12033
- Kitinov B. U. Buddhist culture: From the possibility of “soft power” to Lumbini potential. *Asia and Africa Today*. 2015. No. 7. Pp. 53–57. (In Russ.)
- Komarova G. A. (ed.) *The Phenomenon of Interdisciplinarity in Russia’s Ethnology*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2016. 458 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. S. The Buddhist Factor in Contemporary China’s External Policy. Moscow: Institute of the Far East (RAS), 2006. 379 p. (In Russ.)
- Lopez D. S. Jr. *Buddhism in Practice*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2007. 464 p. (In Eng.)
- Muzraeva D. N. A xara kele text from O. M. Dordzhiev’s collection. *Mongolian Studies*. 2018. Vol. 10. No. 2 (13). Pp. 71–85. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-71-85.
- Nebesky-Wojkowitz R. de. *Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities*. Delhi: Book Faith India, 1996. 572 p. (In Eng.)
- Ochirov N. Yöräls, kharals, and the Kalmyk rite of ‘cutting off the black tongue’. *Zhivaya starina*. 1909. Vol. XVIII. Nos. II–III. Books 70–71. Pp. 84–87. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. *Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia, and Relations of the Latter to the People*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1887. 492 p. (In Russ.)
- Purbueva Ts. P. *The Biography of Ven. Nayiji Toyin: A Sources in the History of Mongolia’s Buddhism*. Novosibirsk: Nauka, 1984. 110 p. (In Russ.)
- Ratnabhadra. *The Moonlight: A Biography of Ven. Zaya Pandita*. Facsimile of the manuscript. G. Rummyantsev, A. Sazykin (transl.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Oir. and Russ.)
- Ray R. A. *Secret of the Vajra World. The Tantric Buddhism of Tibet*. Boston, London: Shambhala, 2002. 524 p. (In Eng.)
- Sakya Trichen Rinpoche. *Freeing the Heart and Mind. Part Three: Teachings of the Sakya Path*. Boston: Wisdom Publications, 2020. 176 p. (In Eng.)
- Sárközi A. Incense-offering to the White Old Man. In: Sagaster K., Weiers M. (eds.) *Documenta Barbarorum. Celebrating the 70th Birthday of Walter Heissig*. Transactions of Societas Uralo-Altaica. Vol. 18. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1983. Pp. 357–369. (In Eng.)

- Stepanyants M. T. (ed.) *Philosophy of Buddhism: An Encyclopedia*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. 1045 p. (In Russ.)
- The Noble Mahayana Sutra Entitled 'Pacification of Black Disputes'. In: [Collected] Noble Mahayana Sutras Entitled 'Boundless Life and Wisdom'. Pp. 214–221. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: http://purl.bdrc.io/resource/MW1NLM2019_3964DC (accessed: 5 March 2022). (In Tib.)
- Thubten Yeshe. *Introduction to Tantra: The Transformation of Desire*. J. Landaw (ed.). Boston: Wisdom Publications, 2014. 192 p. (In Eng.)
- Tsongkhapa Je. *The Great Exposition of Secret Mantra (sngags rim chen mo)*. A. Kugevičius (transl.). In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg: A. Terentyev, 2019. 800 p. (In Russ.)
- Tucci G. *The Religions of Tibet*. O. Albedil (transl.). St. Petersburg: Evraziya, 2005. 448 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. *Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 247 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 4, pp. 788–807, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(571.56)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-788-807

«Холод на службе человека»: модернизация практик использования криогенных ресурсов в экономике и повседневной жизни сельской Якутии в советский период

*Александр Альбертович Сулейманов*¹

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
 (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-8746-258X. E-mail: alexas1306@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Сулейманов А. А., 2022

Аннотация. Целью исследования является историко-антропологическая реконструкция опыта эксплуатации в экономике и повседневной жизни сельских сообществ Якутии на протяжении 1920–1980-х гг. криогенных ресурсов — материальных объектов и сил природы, происхождение и развитие которых обусловлено сферой холода (температурой среды ниже 0°C). *Материалы и методы.* Работа подготовлена на основе документов федеральных, республиканских и муниципальных архивов, анализа научной литературы, а также полевых наблюдений, осуществленных автором в ряде населенных пунктов Якутии в течение 2017–2022 гг. При интерпретации аккумулированных материалов автор опирался на комплекс методологического инструментария, основными элементами которого стали базовые принципы, заложенные в криософию и предполагающие анализ явлений «холодного мира» с точки зрения их ресурсного потенциала. *Результаты.* Важнейшим результатом советской модернизации, включавшей, прежде всего, два ключевых момента — коллективизацию хозяйств региона и поселкование, оказалось появление новой силы, третьего актора в процессе взаимодействия человека с комплексом криогенных факторов — государства. С конца 20-х гг. XX в. оно стало энергично вмешиваться во взаимодействие представителей сельских сообществ Якутии с холодом, определяя места для создания новых населенных пунктов, путей сообщений и других объектов инфраструктуры, направления хозяйственной деятельности местного населения и т. д. Советский период развития сельской Якутии характеризовался параллельным существованием двух разнонаправленных трендов. С одной стороны, целый ряд практик взаимодействия населения с криогенными процессами и явлениями либо сошел на нет, либо их востребованность была минимизирована. С другой — значение других не только сохранилось, но и приобрело принципиально иные масштабы. Кроме того, часть этих практик эволюционировала в сторону лучшего соответствия актуальным потребностям сельских сообществ Якутии, возникли и полу-

чили распространение новые способы извлечения предпочтений из природно-географических особенностей региона. Важными характеристиками произошедших изменений являются также унификация и стандартизация. На основании изложенного сделан *вывод* о том, что, несмотря на все изменения, которые претерпела жизнь на селе в течение советского периода истории Якутии, криогенные ресурсы сохранили свое значение в экономике и повседневной жизни.

Ключевые слова: Якутия, антропология холода, сельские сообщества, снег, лед, «вечная мерзлота», хозяйственная деятельность

Благодарность. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)»).

Для цитирования: Сулейманов А. А. «Холод на службе человека»: модернизация практик использования криогенных ресурсов в экономике и повседневной жизни сельской Якутии в советский период // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 788–807. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-788-807

‘Cold at the Service of Man’: Soviet Modernization of Cryogenic Resources Practices in Rural Yakutia’s Economy and Everyday Life Reviewed

Alexander A. Suleymanov¹

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8746-258X. E-mail: alexas1306@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Suleymanov A. A., 2022

Abstract. Goals. The study attempts a historical and anthropological reconstruction of how cryogenic resources — material objects and forces of nature arising from the realm of cold (ambient temperature below 0 degrees Celsius) — were used in economies and everyday life of rural Yakutia’s communities in the 1920s–1980s. **Materials and methods.** The work analyzes archival materials, scientific literature and author’s field observations made in settlements of Khangalassky, Megino-Kangalassky, Amginsky, Olyokminsky, Srednekolymsky Districts, and the urban locality of Zhatay (Yakutia, Russia) between 2017 and 2022. The most important elements of the methodological toolkit are basic principles of cryosophy implying analyses of phenomena inherent to the ‘cold world’ from perspectives of their resource potentials. **Results.** The most important outcome of Soviet modernization — along with collectivization and construction of settlements — proved the emergence of a new force in the process of human interaction with a complex of cryogenic factors — state. While before the 1920s rural dwellers were actually left to themselves, the Soviet era witnessed an extensive involvement of the government in the former’s relationship with cold. This resulted in the parallel existence of two oppositely directed trends. On the one hand, a number of once popular cryogenic practices either faded away or experienced a minimized demand. On the other hand, significance of others not only persisted but increased dramatically. Furthermore, some of the latter evolved to better meet actual needs of Yakutia’s rural communities, new techniques were created and developed to gain preferences from natural and geographic properties of the region. Unification and standardization are important characteristics of the then changes too. During that period, economic practices widespread in central regions of the country were actively introduced and, thus, diminished the diversity of ethnic ‘man-cold’ interaction practices. Supply improvement programs for large settlements led to decreased dependence of life sustenance systems on local resources and accordingly increased roles of communication routes, including winter roads and ice crossings. The emergence of large

collective farms in Yakutia — as well as their extensive activities — gave rise to accelerated scales of icehouse construction. The extended areas of the former demanded farmland irrigation systems be as broadened, including with the use of cryogenic resources. *Conclusions.* Despite all the changes experienced by rural life patterns during the Soviet period of Yakutia's history, cryogenic resources retained their significance both in the regional economy and everyday life.

Keywords: Yakutia, cryoanthropology, rural communities, cold, snow, ice, permafrost, economic activity

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-78-10088 'Cryoanthropology: Natural Low Temperatures in Life Sustenance System of Yakutia's Rural Communities (Traditional Practices, Modern Challenges and Adaptation Strategies)'

For citation: Suleymanov A. A. 'Cold at the Service of Man': Soviet Modernization of Cryogenic Resources Practices in Rural Yakutia's Economy and Everyday Life Reviewed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 788–807. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-788-807

Введение

Возникновение после череды войн и революций на обломках бывшей Российской империи нового государства где-то стремительно, а где-то постепенно привело ко всеобъемлющим изменениям в жизни его населения. Перемены, естественно, не обошли стороной и Якутию, хотя имели здесь свою региональную специфику. Эта специфика обуславливалась разными факторами, в том числе природно-географическими условиями региона: его удаленностью от политического центра страны, обширностью и слабой освоенностью территории и, конечно же, господством холода и сопутствующих ему криогенных явлений — снега, льда и «вечной мерзлоты». Анализ того, как последний из отмеченных факторов в своей традиционной хозяйственной деятельности использовали представители самого многочисленного этноса Якутии, был осуществлен в статье «Антропология холода: естественные низкие температуры в традиционной системе жизнеобеспечения якутов (XIX в. – 30-е гг. XX в.)», принадлежащей автору данной работы [Судейманов 2021].

Представляется логичным продолжить рассмотренные в ней вопросы в хронологическом ключе и показать, какое применение «ресурсы холода», т. е. преимущества, которые жители «холодных» регионов научились извлекать их климатических особенностей зимнего времени, получили в претерпевшей в советский период истории России значительные трансформации сельской Якутии.

Анализируя обозначенную проблематику, естественно, нельзя обойти вниманием накопленный исследовательский опыт в отношении подобного позитивного подхода к холоду, тем более что значительная его часть была аккумулирована именно в советский период. Важную роль в этом отношении играли главным образом ориентированные на изучение различных природных процессов представители естественных наук. Так, собиравший в 1920–1930-е гг. полученные ранее исследователями сведения о «вечной мерзлоте», свойствах воды и льда геолог С. Г. Пархоменко пришел к выводу, что первым ученым, обратившим внимание на позитивное значение криогенных явлений, был натуралист И. Г. Георги. Во время своих изысканий в Забайкалье в 1772 г. этот исследователь зафиксировал наличие русловых наледей, в пределах которых образовывались ледяные бугры высотой 1,2–2,4 м. Данные бугры использовались пастухами для водопоя скота: они разбивали такие бугры, и из них вытекала вода. Подобный источник был фактически неисчерпаемым, так как на месте разбитых бугров образовывались новые — большей величины [АРАН. Ф. 594. Оп. 1. Д. 38. Л. 13–14].

В дальнейшем исследовательское сообщество проделало очень большую и кропотливую работу на пути переосмысления значения криогенных явлений и процессов в жизни человека. Авторы, в частности, анализировали возможности применения естественных низких температур, снега, льда и «вечной мерзлоты» при орошении

сельскохозяйственных угодий, обеспечении длительного хранения продовольствия, организации транспортных связей, в гражданской инженерии и даже в фортификационном деле [Крылов 1940; Чекотилло 1943; Войнилович, Самгин 1950; Гапеев 1951; Крылов 1954; Лысканов 1964; Файко 1986; Авсюк, Маркин 1987; Файко 1988; Алексеев 2011; и др.].

Во многом именно благодаря этим исследованиям шаг за шагом формировалось понимание того, что холод нельзя рассматривать односторонне, только с точки зрения его ограничивающего потенциала. Каждая в отдельности из данных работ показывала какой-то отдельный вектор использования естественных низких температур. В совокупности же они свидетельствовали о том, что холод заключает в себе значительные возможности для гармоничного развития северных сообществ и человечества в целом.

В этой связи закономерным видится то, что в гуманитарные науки позитивное представление о холоде пришло из геофизиологии — науки о «вечной мерзлоте». Уже в XXI столетии в Тюмени под руководством академика В. П. Мельникова началась разработка нового философского направления в онтологии — криософии. В соответствии с ее базовыми установками холодные материи Земли рассматриваются в качестве активного элемента мироздания, источника благ и возможностей для человечества [Мельников, Геннадик, Федоров 2016; Мельников, Федоров 2018; Fedorov 2019; и др.].

Применительно к Якутии подобный подход в социогуманитарном отношении оказался востребован в работах автора данной статьи, а также ряда других исследователей. Однако в этих трудах в поле зрения ученых находились, главным образом, досоветский период истории Якутии, характеризовавшийся высокой степенью сохранности традиционных хозяйственных и социокультурных практик [Сулейманов 2018а; Сулейманов 2018б; Романова, Добжанская 2019; и др.], а также различная современная проблематика — экономический потенциал, возможности брендинга и продвижения образа региона [Куклина, Осипова 2018; Nogovitsyn, Romanov 2020; Romanova, Zamorshchikova 2020; Nikolaeva, Pribylykh 2021; и др.].

Советская же эпоха развития сельских сообществ Якутии, вобравшая в себя, как будет показано далее, широкий спектр приемов и направлений применения естественных низких температур, фактически остается за бортом исследовательского внимания.

В связи с вышеизложенным целью данной работы является историко-антропологическая реконструкция опыта эксплуатации криогенных ресурсов в экономике и повседневной жизни сельских сообществ Якутии в 20–80-е гг. XX в. Под криогенными ресурсами автор статьи понимает используемые обществом в процессе жизнедеятельности материальные объекты и силы природы, происхождение и развитие которых обусловлено сферой холода (температурой среды ниже 0°C [Алексеев 2011: 85]).

Прежде чем переходить к непосредственному анализу обозначенной проблематики, представляется необходимым вкратце обозначить два основных фактора, оказавших самое серьезное влияние на практики использования холода, снега, льда и «вечной мерзлоты» на селе. В связи с этим, конечно же, нельзя обойти вниманием коллективизацию, которая имела значительные последствия на сельскую жизнь по всему Советскому Союзу. Коллективизация в Якутии началась практически одновременно с ее стартом на большей части территории страны — в конце 20-х гг. XX в. В центральных районах республики она завершилась не многим позднее по сравнению с общепринятой периодизацией — в 1940 г. [Санникова 2007: 73–84].

Однако на севере Якутии ввиду природно-географических и этнокультурных особенностей коллективизация продолжалась вплоть до начала 60-х гг. XX в. Так, единоличные хозяйства эвенов Березовского наслега вошли, минуя систему колхозов, в состав совхоза им. 50 лет СССР только в 1961 г. [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 6]

Коллективизация сопровождалась реализацией политики поселкования: концентрацией распыленного ранее по аласам якутского населения, а также в значительной степени сохранявших кочевой образ жизни представителей коренных малочисленных народов Севера в создаваемых или укрупняемых населенных пунктах. В результате поселкования и последующей

ликвидации «неперспективных деревень» к 1989 г. в Якутии остался только 641 сельский населенный пункт, где проживало 362 тыс. чел. Около 80 % их них приходилось на поселения с числом жителей более 500 чел. Для сравнения в 1926 г. в регионе насчитывалось 11,7 тыс. сельских населенных пунктов. При этом около 8,3 тысяч (71 %) составляли поселения с числом жителей менее 20 человек [Федорова 1998: 119–127].

В созданных крупных коллективных хозяйствах и населенных пунктах зачастую были сосредоточены представители разных национальностей: от коренных народов региона — долган, эвенков, эвенов, чукчей, юкагиров, якутов, приленской и арктической групп русских старожилов до активно мигрировавшего в Якутию на протяжении всего советского периода из западных регионов страны русского и украинского населения. В пестрых по этническому составу колхозах, совхозах, селах и поселках, естественно, интенсивно протекали процессы обмена культурными ценностями [РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 40–41], отразившиеся на разнообразии этнических практик, в том числе практик взаимодействия человека с холодом. В связи с этим затруднительно по примеру названной в начале работы статьи сосредоточиться на анализе опыта какого-то конкретного этноса. Более разумным представляется не выделять этническую компоненту.

Материалы и методы

Методологически статья базируется на обозначенных выше принципах криософии. При этом в основе разработки темы лежит анализ комплекса источниковых материалов. Среди них важное место занимает научная литература и, конечно же, уникальная по своей глубине монография С. И. Николаева «Народ саха» [Николаев 2009б]. В данной работе представлен скрупулезный анализ хозяйственных практик якутов до 70-х гг. XX в. Большое значение при написании статьи имели также отложившиеся в ряде архивохранилищ (Архив Российской академии наук (РАН), Архив Якутского научного центра Сибирского отделения (СО) РАН и его Рукописный фонд, Муниципальный архив Муниципального района «Олекминский район», Муниципальный архив

Муниципального района «Среднеколымский улус», Научный архив СО РАН, Национальный архив Республики Саха (Якутия) и Российский государственный архив экономики) документы, позволяющие пролить свет на опыт применения криогенных ресурсов хозяйствующими и торговыми субъектами Якутии, разработку научных основ их использования в экономике региона. Ценную информацию для подготовки статьи удалось почерпнуть в ходе полевых исследований, проводившихся в ряде административных районов Якутии в течение 2017–2022 гг. За этот период автор посетил н. п. Исит и Нохорой Хангаласского улуса, Майя и Петровка Мегино-Кангаласского улуса, Амга, Чапчылган и Покровка Амгинского улуса (района), Олекминск и Юнкюр Олекминского района, Аргахта Среднеколымского улуса, а также городской округ Жатай Республики Саха (Якутия). Здесь были взяты более сорока глубинных и экспертных интервью у старожилов, представителей местных органов власти, бывших и действующих руководителей хозяйствующих субъектов, осуществлено наблюдение за актуальными практиками использования «ресурсов холода», их фото- и видеофиксация.

Использование холода, снега и льда в хозяйственной деятельности: новации и эксперименты

Укрупнение поселений в ходе поселения и коллективизации, снижение степени их автаркичности и усиление зависимости от привозной продукции, а также распространение общесоюзной кулинарной моды, в том числе благодаря развитию СМИ, привело к активному замещению ряда трудоемких в приготовлении традиционных продуктов питания. В этом плане показательно, что в вышедшей в свет в 1975 г. брошюре «Якутские национальные блюда» из 38 яств, рецептура приготовления которых была в ней приведена, только 3 (*строганина*, *макса* и *үрүмэ*) подвергались криогенному воздействию [Якутские национальные 1975]. К данным блюдам в плане сохранности, безусловно, следует добавить десерт *тонкүөрчэх*, получивший в рассматриваемый в статье период распространение также под другим названием — *мартышки*. Осталась востребованной и настру-

ганная жеребятина, однако первоначальное название блюда (*кыспа*) стало применяться достаточно редко. Употребление же, например, бывшего ранее «хлебом насущным» *тара* не мог вспомнить ни один из опрошенных автором респондентов [ПМА 2017; ПМА 2018а; ПМА 2018б; ПМА 2019; ПМА 2021а]. В связи с этим у С. И. Николаева можно встретить упоминание о том, что тар перестали готовить еще в 30-е гг. XX в. [Николаев 2009а: 132].

Серьезные изменения были характерны и для целого ряда хозяйственных приемов и, в частности, *куйуура*. Улучшение снабжения сельских населенных пунктов Якутии фактически сделало необязательным для обеспечения семьи рыболова пропитанием осуществление трудоемких манипуляций по управлению криогенными процессами. В результате постепенно значение *куйуура* как средства добычи пищи и народной забавы фактически свелось только к последнему.

Вместе с тем более подробно в данной статье автор предлагает остановиться, в первую очередь, не на том, что исчезло или сократилось до каких-то минимальных параметров, а на анализе того, что появилось или получило новый импульс для своего развития, т. е. на модернизационном аспекте.

В этой связи необходимо отметить, что колхозно-совхозный период в истории сельских сообществ Якутии стал временем масштабных экспериментов, механизации труда и определенной унификации, включавшей широкое внедрение тех хозяйственных приемов, которые характерны для центральных районов страны.

В частности, именно с началом колхозно-совхозного строительства в Якутии стала активно использоваться тяжелая техника. Нашла она применение, например, при срезке кустарников и кочек в целях создания луговых угодий. По обводненным участкам, где в летнее время не могли пройти бульдозеры и тракторы, она пускалась зимой, когда почва промерзала. При этом борьба с кустарниками зимой оказывалась проще — стебли на морозе становились менее гибкими. Большой эффект имела и срезка кочек именно в холодное время года, а не летом — в последнем случае закорачивание луговых угодий возобновлялось значительно быстрее [НА СО РАН. Ф. 10. Оп. 8. Д. 98. Л. 52–69].

В советский период отечественной истории широкое распространение в Якутии получил метод снегозадержания для орошения лугов. Ранее он применялся только на пашнях, однако с появлением тяжелой техники стало возможно его более широкое использование [Николаев 2009б: 28–29]. Первоначально снег задерживали посредством срубленных деревьев, уложенных поздней осенью рядами поперек направления ветра. Эти заграждения позволяли аккумулировать в течение зимы снежные массы, которые с наступлением теплого времени таяли и орошали почву. Данный метод, однако, был достаточно трудоемок, так как деревья требовалось сначала срубить, затем доставить в нужное место, а в конце весны убрать, чтобы они не мешали сельхозработам.

В результате ему на смену пришел метод, который уже практически полностью базировался на эксплуатации криогенных ресурсов. Снег в нем играл не только роль увлажнителя, но, собственно, являлся снегозадерживающим материалом — с помощью бульдозеров якутские аграрии стали создавать валы из первых зимних осадков. Между ними в течение зимы происходило дальнейшее накопление снега (фото 1). Распространение такой метод получил на тех лугах, которые были удалены от водоемов [Николаев 2009б: 28].

В 1960–1970-е гг. в совхозах Якутии при орошении лугов нашла также применение технология, при которой в качестве увлажнителя почвы использовался уже не снег, а другой криогенный ресурс — лед. В этой связи необходимо отметить, что впервые эксперименты по намораживанию воды на поля Советского Союза были поставлены в 30-е гг. XX в. инженером М. М. Крыловым в Поволжье [Крылов 1954].

Во время использования в Якутии технология сводилась к следующему: из близлежащего водоема в течение зимы на луга насосами выкачивалась вода, которая замерзала пластами и таяла значительно дольше снега, соответственно имея больший орошающий эффект [Николаев 2009б: 29].

Кроме того, в советский период отечественной истории в Якутии при орошении лугов получили импульс работы по использованию искусственных затопов во время прохождения ледоходов. В их основе лежа-

Фото 1. Работы по снегозадержанию в Сунтарском районе Якутии, 1974 г. ЯГОМ КПФ-26435
 [Fig. 1. Snow retention works in Suntarsky District (Yakutia, RSFSR), 1974. File ID ЯГОМ КПФ-26435]

ло сооружение плотин на небольших реках в зимнее время года и активная эксплуатация криогенных ресурсов. При этом данное начинание получило импульс в разных районах республики и опиралось в своем осуществлении на различные подходы.

Так, в Амгинском районе в сухом русле реки была возведена плотина посредством послойного намораживания воды, подаваемой через брандспойт. В Ленинском (ныне — Нюрбинском) районе схожую плотину соорудили, предварительно выморозив до дна р. Нюрбинку. Вымораживания русла реки местные жители добились благодаря ежедневному скалыванию льда в самые холодные зимние дни [НА СО РАН. Ф. 10. Оп. 8. Д. 98. Л. 86–87].

В совхозе «Эльгыйский» Сунтарского района на р. Хаххаар была построена плотина из трамбованного гусеницами трактора снега. Более сложный механизм был применен опять же в Амгинском районе. Здесь аграрии решили создать плотину путем укрепления льда на реке используя эффект наледи — поступления воды на уже образовавшийся ледяной колпак. Достигнут такой эффект был с помощью брезентовых полотен, растянутых на каркас рыболовной заездки. В течение нескольких часов полотна

промерзли, и часть воды заливала ледовый покров реки, укрепляя его [НА СО РАН. Ф. 10. Оп. 8. Д. 98. Л. 87–88].

Таким образом, в советский период в Якутии сохранялись навыки целенаправленного управления криогенными процессами. Вместе с тем во всех этих случаях успех был ограниченным из-за незамерзающего подруслового талика [Николаев 2009б: 32].

Значительно больших успехов удавалось достигнуть, когда процесс создания плотин ставился на научно-производственные рельсы. В 1961 г. инженер Г. А. Лысканов построил на р. Ирелях для водоснабжения фабрики № 5 треста «Якуталмаз» плотину из кусков промерзшего грунта, которые были сцементированы между собой замерзшей водой. Обобщены полученные результаты были в монографии Г. А. Лысканова «Опыт строительства плотин мерзлого типа в Якутии», вышедшей в свет в 1964 г.

Как отмечает С. И. Николаев, именно «вмешательство научной мысли» позволило решить проблему таликов на небольших реках при сооружении плотин. Ключевую роль в этом отношении опять же сыграло использование криогенных ресурсов. Так, одной из необходимых мер было достижение промерзания водоема до дна. Одновре-

менно с этим под основанием плотины поперек всего русла выкапывались одна или две траншеи, которые на всю зиму оставались открытыми, а для лучшего промерзания грунта они регулярно очищались от снега. Весной для предотвращения быстрой оттайки траншеи закапывались талым суглинком [Николаев 2009б: 32]. Сами же плотины «при обдувании с трех сторон переохлажденным воздухом, за зиму превращались в монолит, сросшийся внизу с вечномерзлым грунтом. До паводка он оттаивал незначительно, и ничего не могло сделать с ним и быстротечное половодье. После паводка он опять оказывался полностью на суше и зарастал зелеными травами. Далее следовало одернение, еще больше увеличивающее его прочность» [Николаев 2009б: 34].

Другим примером успешного использования научной мысли в ходе практической эксплуатации криогенных ресурсов Якутии стала сооруженная в 1964 г. по проекту сотрудника Якутского государственного университета Л. И. Файко земляная плотина высотой 6 м для увеличения площади обводнения лугов Покровского опытно-производственного хозяйства Якутского научно-исследовательского института сельского хозяйства на протоке Беденкей р. Лены в Орджоникидзевском (ныне — Хангаласском) районе. Плотина в течение двух десятилетий успешно обеспечивала деривационное распределение высокого уровня воды на Лене, возникающего во время ежегодных ледовых заторов, и соответствующее орошение около 600 га лугов, которые располагались по берегам названной протоки. Важным этапом сооружения плотины, по замечанию ее проектировщика, было оптимальное промерзание отсыпанного и утрамбованного грунта в первую после строительства зиму [Файко 1986: 78–80].

В плане характеристики масштабов и практик использования подобных сооружений в хозяйствах сельской Якутии представляется целесообразным привести данные из упоминавшейся работы Г. А. Лысканова: «в колхозах ... имеется много плотин (предназначенных для лиманного орошения лугов), замерзших в период эксплуатации. Зимой водохранилища, образуемые этими плотинами, полностью или частично опорожняются, в результате чего плотины на этот период превращаются в простую насыпь,

овеваемую с трех сторон холодным воздухом» [Лысканов 1964: 3].

По примеру хозяйств западных районов Советского Союза в 60-е гг. XX в. в совхозах Якутии развернулись эксперименты по воспитанию скота холодом. Отобранные для участия в эксперименте телята разных пород зимой находились в *хотоне* (якутском типе хлева), где поддерживалась температура ниже нормы. Кроме того, деревянный пол в скотопомещении был заменен на ежедневно наращиваемую соломенную подстилку. Из теплой пищи участники эксперимента получали только воду и жидкие корма. Сено же раскладывалось на снег внутри околехотонной изгороди. Дневной отдых телят в случае отсутствия экстремальных морозов проходил также вне пределов хотона. Подобные опыты оказались в основном удачными, и телята по их результатам давали существенный ежесуточный привес.

Существовал и более жесткий вариант экспериментов аналогичной направленности. Для участия в них отбирался только не имевший других примесей скот якутской породы как наиболее адаптированный к местным реалиям. Вторым требованием первоначально был годовалый возраст. Затем в эксперименте участвовали уже более молодые телята, а позднее — скот всех возрастов, включая стельную корову. При этом отбирались для участия в эксперименте самые здоровые особи. В ходе опытов скот максимально долго оставался осенью на пастбищном содержании. Зимовали подопытные в шалашах, также расположенных в укрытых от ветра местах и построенных по типу хотона, но из соломы или камышей на жердяном каркасе. Пол в этих шалашах утеплялся соломенной подстилкой. В течение всего зимнего дня скот пасся на открытом воздухе с перерывом на водопой. Сено при этом раскладывалось на чистом снегу [Николаев 2009б: 122–123].

В результате эксперимента «каждый подопытный обрастал густой шерстью», «давал удивительные привесы» и, что, наверное, более любопытно, «становился на редкость тихим, дружным и взаимотерпимым» [Николаев 2009б: 123–124]. Вместе с тем даже такие многообещающие результаты не позволили подобным практикам широко распространиться по совхозам Якутии

в связи с «погодными условиями, последовавшими несколько лет подряд после проведения отмеченных выше опытов» [Николаев 2009б: 124].

Эксплуатация консервирующих свойств природного холода и «вечной мерзлоты»: развитие традиционных практик и масштабирование накопленного опыта

Другой важной характеристикой изменений, связанных с практиками эксплуатации «ресурсов холода» хозяйствующими субъектами сельской Якутии в советский период, стало развитие накопленного ранее опыта, его масштабирование в рамках новых укрупненных хозяйств. Начали формироваться они еще до осуществления в регионе политики коллективизации в рамках распространения кооперативного движения, также активно продвигаемого на союзном уровне. В частности, в 1921 г. в Якутии было 32 коллективных хозяйства, включая 7 коммун, 18 артелей, 7 товариществ и сельхозобъединений [Бурнашева 2010: 55]. Центром кооперативной работы в регионе являлся Союз потребительской кооперации «Холбос», созданный в 1918 г.

Кооперация в Якутии в 20-е гг. XX в. распространилась и на охотничий промысел. Первые подобные структуры появились в Олекминском округе: здесь возникли трудовая артель зверопромышленников «Булчут», объединившая 80 охотников, и промыслово-охотничье товарищество «Чара», которое включало 100 членов [Бурнашева 2016: 193].

Созданные относительно крупные хозяйства требовали либо соответствующего числа ледников для хранения добытых зверей и птиц, либо строительства более крупных сооружений подобного плана. Так, в «Чаре» в 1925 г. был построен ледник объемом в 46 м³. Ледник представлял из себя следующую конструкцию: «заглубленный в землю, стены деревянные в заборку на столбах, пол земляной, потолок деревянный» [МАМР ОР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 6. Л. 19].

Определенную роль в интенсификации строительства ледников в Якутии сыграло и развертывание в регионе в 30-е гг. XX в. деятельности одной из суперорганизаций, занимавшихся освоением высоких широт — Главного управления Северного

морского пути при Совете народных комиссаров СССР (ГУСМП). В сферу ее влияния входил широчайший круг вопросов: от развития транспортной системы до обеспечения образования коренных народов [Боякова 1995: 23–106].

Подобная многогранность направлений, масштабность задач, стоявших перед ГУСМП, диктовали также необходимость обеспечения условий, создания инфраструктуры для их выполнения, включая хранение продовольствия для личного состава и продукции, произведенной различного рода структурами Главсевморпути. В результате, если ранее ледники на севере Якутии фактически возводились «кустарно» местными жителями — по сути инженерами-любителями и, естественно, в массе своей были сравнительно небольшими по размерам, то теперь потребовалось сооружение более масштабных конструкций.

В связи с этим, например, в 1936 г. по заданию Сельхозотдела Якутского территориального управления ГУСМП трестом «Якутстрой» была составлена смета на постройку ледника в Булуе общим объемом в 150 м³ в целях хранения выловленной рыбы [НА РС (Я). Ф. Р-499. Оп. 8. Д. 120. Л. 7–18]. Строительство схожих ледников во второй половине 30-х гг. XX в. по заданию ГУСМП было спроектировано также в других «рыбных местах» — Аллаихе и Нижнеколымске [НА РС (Я). Ф. Р-499. Оп. 8. Д. 112. Л. 2–13; НА РС (Я). Ф. Р-499. Оп. 8. Д. 114. Л. 1–7].

Однако, наверное, самая яркая роль «ресурсов холода» в отношении развития рыболовства в Якутии связана с периодом Великой Отечественной войны. К 1942 г., когда Советский Союз под натиском немецких войск потерял значительную часть своих рыбопромысловых участков, потребовалась интенсификация добычи рыбы в водоемах Сибири и Дальнего Востока.

Следует отметить, что к этому времени рыбная промышленность в Якутии, даже с учетом деятельности ГУСМП и того факта, что рыболовство было одним из традиционных занятий населения региона, фактически находилась в зачаточном состоянии. Добыча рыбы здесь ранее осуществлялась в основном в личных целях и, конечно же, была далека от промышленных масштабов. Основные перспективы по увеличению производственных показателей при этом вполне

логично связывались с устьевыми участками крупнейших рек Якутии — Лены, Яны, Индигирки и Колымы.

За годы войны Якутским рыбным трестом было организовано 240 рыболовецких бригад. В результате в 1942 г. в республике было добыто рыбы почти в 3 раза больше, чем в 1940 г., а в 1943 г. — 127 813 ц, т. е. еще в 2 раза больше, чем годом ранее [Петров 1992: 311–312].

Подобная динамика поставила на повестку дня вопрос о хранении добытой продукции до прихода транспорта. С учетом невозможности какого-то массового применения морозильных установок на севере Якутии и хронической проблемы со снабжением рыбных промыслов солью [РГАЭ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 428. Л. 14], естественным и логичным решением оказалось широкое использование ледников, которые, однако, несмотря на начатую деятельность ГУСМП, требовалось в необходимых количествах построить. Возникшая необходимость массового и форсированного сооружения ледников была столь значительной, что Якутский рыбный трест был вынужден заняться разработкой их типового проекта объемом в 1 000 м³ и сметной стоимостью 50 000 руб. [РГАЭ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 428. Л. 15].

По состоянию на 1943 г. в Булунском районе Якутии функционировали 5 рыбных заводов с 7 рыболовецкими участками; в Усть-Янском районе работало 2 рыбных завода также с 7 рыболовецкими участками; в Жиганском районе насчитывался 1 рыбный завод [Сивцева 2000: 57]. Для каждого из этих заводов по типовому проекту (с разумными отклонениями, вызванными учетом местной специфики рельефа и геологического строения) были построены специальные заводские ледники. Сооружались ледники и вблизи рыболовецких участков. Кроме того, существовали ледники в каждом из созданных для вылова рыбы колхозов [РГАЭ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 428. Л. 8–44].

Другим важным фактором, имевшим следствием интенсификацию использования ледников в Якутии, стало распространение клеточного звероводства. Как отмечает автор монографии, посвященной обобщению опыта разведения ценных пушных зверей, З. И. Буковская, первые зверофермы появились в регионе в 20–30-е гг. XX в., а содержались в них голубые песцы, уссурий-

ские еноты и серебристо-черные лисицы [Буковская 1983: 5–40].

Однако в активную фазу развитие звероводства в Якутии вошло в послевоенный период. В 1948 г. на союзном уровне было принято решение об интенсификации разведения в республике серебристо-черных лисиц. К 1960 г. в Якутии существовало уже 216 звероферм. На своем пике в первой половине 70-х гг. XX в. число чернобурых лисиц в зверофермах Якутии превышало 15,5 тысяч голов. В 1974 г. из 70 совхозов региона 57 (81,4 %) занимались разведением пушных зверей. Затем совхозы начали отказываться от содержания звероферм, и их количество стало сокращаться. Так, в 1981 г. из 89 совхозов подобные хозяйства были уже в 52 (58 %) [Буковская 1983: 5–40].

Разведение пушных зверей требовало соответствующего обеспечения их кормом, в особенности учитывая то обстоятельство, что в Якутии в наиболее холодные зимние месяцы потребность в нем увеличивается в среднем на 15–20 %. В результате для успешного разведения серебристо-черных лисиц требовалось более 120 кг рыбы и мяса, около 20 кг зерновых на одного зверя в год [Буковская 1983: 48]. Нормальный же рацион голубого песца предполагал употребление в течение года более 40 кг мяса и 122 кг рыбы. В результате, например, в совхозе «Алазейский» в 1977 г. на прокорм разводимых зверей было предусмотрено 2 130 ц рыбы [МАМР СУ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 15].

Учитывая средние показатели поголовья разводимых зверей в 150–200 голов на одну звероферму [Буковская 1983: 38–39], в других совхозах Якутии ситуация, очевидно, мало отличалась. Хранение подобных объемов кормов требовало соответствующих условий, предполагавших и консервацию хотя бы части из них путем замораживания. Для этих целей в колхозах и совхозах, как правило, сооружались специальные ледники.

Так, в колхозе им. Шверника в с. Исит Орджоникидзевого района на рубеже 40–50-х гг. XX в. в целях хранения корма для чернобурых лисиц был построен 100-тонный ледник. В начале 1960-х гг. на смену ему пришло уже 300-тонное сооружение. Конструкция ледника включала шесть последовательно расположенных на одном

уровне камер, температура в которых понижалась на пути от входа в конец сооружения. С закрытием зверофермы в 1978 г. этот ледник недолгое время использовался для нужд местного маслоцеха, а затем оказался не востребован и был заброшен [ПМА 2017].

Подобная ситуация была характерна и для других звероводческих хозяйств Якутии. В своей массе они либо были ликвидированы в период спада интереса к разведению зверей в 70–80-е гг. XX в., либо не пережили эпоху рыночных преобразований в нашей стране. Вместе с ними, как правило, становились ненужными и приходили в упадок ледники.

Крупнейшими же пользователями ледников в советский период стали структуры потребсоюза. О развитии кооперативного движения и создании его локомотива в Якутии — союза «Холбос» вкратце писалось выше. Ранее упоминалось также и об укрупнении поселений в советский период истории региона. Эти поселения, естественно, по сравнению с небольшими якутскими *ыалами*, теряли свою автаркичность и были значительно более зависимы от привозной продукции. Последний факт требовал соответствующей организации снабжения, важным каналом которого и стали структуры потребительской кооперации. Так, если в 1928–1929 гг. в Якутию по линии кооперации было завезено продукции на 6 317 тыс. руб., то спустя три года — уже на почти на 28 000 тыс. руб. [Бурнашева 2011: 290].

К середине же 30-х гг. XX в., как отмечает Н. И. Бурнашева, «потребительская кооперация превратилась в основную торгующую систему в колхозной деревне» и вплоть до конца советского периода оставалась «единственной организацией, обеспечивающей сельское население товарами первой необходимости и развивающей систему общественного питания на селе [Бурнашева 2011: 291, 305].

В 1970–1980-е гг. «Холбос» включал в свою сеть 7 районных потребительских союзов и объединял деятельность более 900 предприятий розничной торговли, естественно, остро нуждавшихся в создании условий для длительного хранения продуктов питания [Бурнашева 2011: 303]. Так, например, в учреждениях Олекминского районного потребительского союза в 1985 г. на-

считывалось 23 ледника общей вместимостью в 50 т [МАМР ОР. Ф. 18. Оп. 2. Д. 277. Л. 28].

В каждом относительно крупном по меркам Якутии сельском населенном пункте сооружались овощехранилища, которые также опирались на применение «ресурсов холода». Зимой в них с помощью печей поддерживалась температура воздуха, незначительно превышающая 0°C. Летом же использовалась прохлада, исходящая от близости «вечной мерзлоты» [ПМА 2017]. В том же Олекминском районе имевшиеся при совхозах к концу советской эпохи овощехранилища были способны вместить более 5 750 т продукции [МАМР ОР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1050. Л. 1].

Важную роль в рассматриваемый период ледники сохраняли также для хранения забитого скота и льда. Последний, помимо традиционного использования для питья, также нашел применение в целях охлаждения свежего молока. Пример организации использования льда для охлаждения молока привел С. И. Николаев. В обследованном им совхозе «Хатасский» рядом с хотоном было размещено подсобное здание. В этом здании располагались пункт искусственного осеменения, склад кормов, молокоприемная, а также молокоохладитель и ледник. Молокоохладитель представлял собой облицованную цементом яму, которая заполнялась ледяной водой. При этом исследователь обрисовал и устройство совхозного ледника: бульдозерами вырывалась неглубокая траншея, в которую в зимнее время закладывался лед, укрываемый затем сверху древесными опилками в качестве теплоизолятора. Подобным способом хранения льда в Якутии пользовалось «почти каждое хозяйство» в сельской местности Нюрбинского района [Николаев 2009б: 109]. Таким образом, появление тяжелой техники позволило также изменить методику сооружения ледников и их конструкцию — раньше подобные сооружения выкапывали в толще многолетней мерзлоты или выдалбливали в ископаемом льду.

Бульдозеры стали использоваться и для сооружения более традиционных по своему типу ледников. В частности, один из опрошенных автором респондентов отметил, что при строительстве ледника для нужд зверофермы в местности Сенопункт Токкинского

отделения совхоза «Димитровский» Олекминского района была прокопана траншея длиной 20 м и шириной 3–4 м. Затем в траншее устанавливались деревянные столбы, служившие каркасом для будущей постройки. Возведенная на этом каркасе крыша засыпалась землей и обмазывалась глиной. Ледник предназначался для хранения готового корма для зверей, а также субпродукта — минтая, из которого делалась рыбная мука [ПМА 2019].

Изменения касались и путей обеспечения необходимой степени «холодности» в ледниках. В том же леднике в местности Сенопункт отошли от традиционного способа сохранения отрицательных температур в летний период посредством использования льда и стали применять в качестве аккумуляторов холода крупные камни, промерзавшие за зиму при открытых дверях и затем «отдававшие» холод в течение лета [ПМА 2019].

Более универсальной практикой сохранения отрицательной температуры в ледни-

ке была его *глазировка*, производившаяся в марте или начале апреля. Данная манипуляция, сохраняющая свою востребованность и в наше время, предполагала обмазывание стен и потолка ледника смешанным с водой снегом [ПМА 2021a; ПМА 2021b].

В советский период новое звучание приобрела также санитарно-гигиеническая роль холода. Массовое создание относительно крупных поселений, изменение характера потребления поставили на повестку вопрос решения проблемы хранения и вывоза многократно увеличившихся объемов мусора [Винокурова 2020: 67]. В связи с этим в селах Якутии в 1960–1970-е гг. получила распространение практика заморозки бытовых отходов в специальных формах, как правило, имевших вид усеченной пирамиды. Эти конструкции демонтировались после их наполнения мерзлой массой. Далее сформировавшуюся глыбу мерзлого мусора и других отходов жизнедеятельности вывозили на отведенные для этого участки за пределы поселения (фото 2).

Фото 2. Санитарная точка в с. Аргахта, Среднеколымский улус РС(Я), март 2021 г. Фото автора
[Fig. 2. Ambulance station in Argakhtakh village (Srednekolymsky District, Sakha, Russia). March 2021.
Photo by author]

Соединяя пространства: «ресурсы холода» в обеспечении снабжения и связности территории Якутии

Отмеченное усиление зависимости населенных пунктов Якутии от привозной продукции и рост товарооборота (в сельской местности со 182 руб. в 1933 г. до 652 руб. в 1967 г.) [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 296. Л. 56] требовало и соответствующей дорожной инфраструктуры. Между тем природно-географические особенности Якутии, обширность и труднодоступность ее территории, а также крайняя степень дисперсности расселения традиционно делали чрезвычайно тяжелой задачей обеспечение нормальной транспортной связи населенных пунктов республики как между собой, так с и с «центром» страны.

Важную роль в данном отношении сыграли создаваемые в Якутии с 30-х гг. XX в. автомобильные зимники — дороги, проложенные по смерзшейся почве и поверхностному льду водоемов. Интерес к развитию системы автомобильных зимников обуславливался достаточно прозаически — относительной дешевизной их устройства. Показательными в этом плане являются данные

участников Якутского отряда Комплексной транспортной экспедиции Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР 50-х гг. XX в., определивших средние показатели стоимости строительства дорог различного типа. В частности, дорога класса Амуро-Якутская магистраль («Лена») — самая качественная из имевшихся на тот период времени — обходилась в 300–400 тыс. руб. за км, автозимник же стоил бюджету 10–20 тыс. руб. за км, т. е. в 20–30 раз дешевле [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 784. Л. 6].

По сведениям начальника Якутского отряда Комплексной транспортной экспедиции СОПС АН СССР В. П. Ходатаева, в 1955 г. протяженность автомобильных дорог в регионе составляла 1 900 км, из которых 1 000 или 52,6 % приходилось на зимники [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 1543. Л. 103–104]. К концу же советского периода, по данным Якутского статистического управления, из 10 183 км дорог Якутии 5 540 км (54,4 %) составляли автомобильные зимники, которые являлись безальтернативным вариантом обеспечения сухопутной связи со всей арктической зоной региона (фото 3).

Фото 3. Автомобильный зимник «Арктика» на участке Аргахта — Налимск, Среднеколымский улус РС(Я), март 2021 г. Фото автора
[Fig. 3. Argakhtakh – Nalimsk section of the Arctica ice road (Srednekolymsky District, Sakha, Russia). March 2021. Photo by author]

Немаловажную роль в повышении эффективности использования этих зимних «дорог жизни» внесли научные разработки. Так, упоминавшийся Л. И. Файко в ходе изучения поведения капли воды, падающей под действием силы тяжести при различных отрицательных температурах воздуха, установил, что в случае подбрасывания капли вверх она начинает замерзать прежде, чем достигнет поверхностного льда водоема. В результате при падении полученные льдинки смерзаются в очень прочный монолит. После этого Л. И. Файко осуществил серию экспериментов по определению оптимальных параметров струи и высоты, на которой она дробится на части.

В ноябре 1981 г. около Якутска, традиционно являющегося важнейшим логистическим хабом снабжения сельской Якутии и имеющего стабильную сухопутную связь с центром страны только в зимний период, с помощью опытного образца установки, получившей название «Град», было проведено намораживание слоя гранулированного льда на переправе через Лену. В месте соприкосновения с поверхностью льда реки образовывался слой из смеси ледяных шариков и воды, который быстро промерзал и превращался в слой гранулированного льда. Полученный таким путем криогенный материал был более однороден и, следовательно, прочен по сравнению с естественным ледовым покровом. Кроме того, его гранулированная поверхность повышала сцепление колес автотранспорта со льдом. В результате продолжительность действия ледовой переправы была увеличена на два месяца. По подсчетам экономистов Якутского филиала СО АН СССР, это принесло ежегодный экономический эффект в более чем 1 млн руб. [Файко 1988: 22–116].

На использование криогенных ресурсов опирались и другие виды транспорта, включая появившуюся в советский период в Якутии гражданскую авиацию. Во второй половине 1980-х гг. в регионе эксплуатировалось свыше 60 тыс. км воздушных линий, по которым ежегодно перевозилось около 2,5 млн пассажиров и порядка 220 тыс. т грузов. В распоряжении Якутского управления гражданской авиации тогда находилось 45 классифицированных аэродромов. Из них только 10 имели взлетно-посадочные полосы (ВПП) с искусственным покрытием.

Остальные же ВПП были грунтовыми. В результате в теплое время года в случае дождливой погоды аэропорты могли днями или даже неделями не принимать самолеты из-за размокания подобных полос. Сковывавший же их зимой холод давал возможность обеспечить стабильное авиасообщение. Более того, в зимний период грунтовая ВПП при укреплении ее льдом и снегом по условиям прочности покрытия была способна принимать даже тяжелые типы самолетов, включая флагман «Аэрофлота» того времени — ИЛ-62. В случае же необходимости удлинения ВПП также прибегали к использованию криогенного материала — утрамбованного техникой снега [Негенбля 2018: 8–75].

Нашли применение «ресурсы холода» и на водном транспорте. 1105 транспортным судам, которые были в ведении Ленского объединенного речного пароходства в 1989 г. [История Якутии 2021: 401], естественно, требовалось соответствующее обслуживание — замена изношенного оборудования, ремонт корпуса и т. п. Если в обычных условиях для этих целей было необходимо дорогостоящее поднятие судна в док или на слип, то якутские речники использовали преимущества, предоставляемые наличием в регионе продолжительного периода устойчивых отрицательных температур. После окончания летней навигации и прихода судов к месту своей зимовки они дожидались формирования ледового покрова достаточной мощности и приступали к выпиливанию корпуса судна из льда. Эта эффективная с экономической точки зрения, хотя и трудоемкая процедура получила специальное название — *выморозка*.

За механизмом осуществления выморозки, принципиально мало изменившимся по сравнению с рассматриваемым в статье периодом, автор имел удовольствие наблюдать в январе 2022 г. По периметру корабля и под килем выморозчики выдавливают и выпиливают узкие углубления и ледовый колодец — *майну*. С помощью этих «ледовых коридоров» и майны ремонтная бригада может добраться до той части корпуса, которая требует осмотра и/или восстановления. При этом широкое использование получило управление криогенными процессами (фото 4–5). Для форсирования льдообразования под судном первоначально снима-

Фото 4. Выморозка судов в Жатайском затоне, январь 2022 г. Фото автора
[Fig. 4. *Vymorozka* ('freezing out' for repair works) of vessels in Zhatay dockyard.
January 2022. Photo by author]

Фото 5. Выморозка судов в Жатайском затоне, март 2022 г. Фото автора
[Fig. 5. *Vymorozka* of vessels in Zhatay dockyard. March 2022. Photo by author]

ются первые 20–40 см. Дальнейшие работы проводятся только после промерзания воды еще на полметра. Если же морозы начинают ослабевать, а работы требуют продолжения, над майной устанавливаются вентиляторы, нагнетающие холодный воздух под корпус судна и позволяющие интенсифицировать процесс промерзания [ПМА 2022]. В случае с выморозкой фактически действует правило «чем холоднее, тем лучше», так как при низких температурах происходит более быстрое формирование льда, что повышает как скорость работ, так и их безопасность.

Заключение

Важнейшим результатом советской модернизации сельской Якутии, таким образом, стало появление новой силы, третьего актора в процессе взаимодействия человека с комплексом криогенных факторов. Если до конца 20-х гг. XX в. представители сельских сообществ были фактически предоставлены сами себе, то в последующем в их «отношения» с холодом стало энергично вмешиваться государство, определяя места для создания новых населенных пунктов, путей сообщений и других объектов инфраструктуры, направления хозяйственной деятельности местного населения и т. д. В результате, если раньше организация индивидуального жилого пространства и в целом — поселения в значительной мере определялась необходимостью автономного существования в условиях господства криогенных процессов и явлений, то в советский период где-то постепенно, где-то достаточно быстро поселения стали утрачивать свою автаркичность и оказывались более зависимы от внешних факторов.

Вследствие этого советский период развития сельской Якутии характеризовался параллельным существованием двух разнонаправленных трендов. С одной стороны, целый ряд существовавших ранее практик взаимодействия населения с криогенными процессами и явлениями либо сошел на нет,

либо их востребованность была минимизирована. С другой — значение других не только сохранилось, но и приобрело принципиально иные масштабы. Кроме того, часть этих практик эволюционировала, в результате появились новые приемы, оптимальнее соответствующие актуальным потребностям сельских сообществ Якутии.

Важными характеристиками произошедших изменений стали унификация и стандартизация способов и направлений эксплуатации естественных низких температур в экономике. Произошло значительное уменьшение разнообразия этнических практик взаимодействия человека с холодом, что было связано в том числе с объединением в рамках одного колхоза/совхоза представителей разных народов. С повышением технической оснащенности хозяйств и улучшением снабжения укрупненных населенных пунктов значительно уменьшилась степень зависимости системы жизнеобеспечения локальных сельских сообществ Якутии от местных ресурсов. В результате отпала необходимость в осуществлении ряда чрезвычайно трудоемких манипуляций по управлению и использованию криогенных процессов, что привело к утрате соответствующих навыков. Одновременно увеличилась роль путей сообщения, включая автомобильные зимники и ледовые переправы. Возникшие крупные коллективные хозяйства и распространение в их рамках новых для Якутии направлений деятельности привели к принципиально иным масштабам строительства ледников. Размеры новых коллективных хозяйств требовали и других масштабов орошения сельскохозяйственных угодий, где также нашло свою нишу использование криогенных ресурсов. При этом практики целенаправленного управления криогенными процессами не изжили себя, а эволюционировали и получили широкое распространение в приобретенных только в советский период истории Якутии отраслях экономики. Более того, подобные практики были поставлены на научные основы.

Источники

АРАН — Архив Российской академии наук.
Архив ЯНЦ СО РАН — Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.
МАМР ОР — Муниципальный архив Муниципального района «Олекминский район».
МАМР СУ — Муниципальный архив муниципального района «Среднеколымский улус».

НА РС(Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия).

НА СО РАН — Научный архив Сибирского отделения Российской академии наук.

РГАЭ — Российский государственный архив экономики.

РФА ЯНЦ СО РАН — Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

Sources

Archive of the Russian Academy of Sciences.
National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia).
Olyokminsky Municipal District, Municipal Archive.
Srednekolymsky Municipal District, Municipal Ar-

chive.

Russian State Archive of the Economy.
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Scientific Archive.
Yakut Scientific Centre (SB RAS), Archive.
Yakut Scientific Centre (SB RAS), Archive, Manuscript Collection.

Полевые материалы автора

ПМА 2017 — материалы из сс. Исит и Нохорой Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия), август 2017 г.
ПМА 2018а — материалы из сс. Майя и Петровка Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия), март 2018 г.
ПМА 2018б — материалы из сс. Амга, Чапчылган и Покровка Амгинского улуса (района) Республики Саха (Якутия), март 2018 г.

ПМА 2019 — материалы из г. Олекминска и с. Юнкюр Олекминского района Республики Саха (Якутия), февраль–март 2019 г.
ПМА 2021а — материалы из с. Аргахта Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия), март 2021 г.
ПМА 2021б — материалы из с. Амга Амгинского улуса (района) Республики Саха (Якутия), сентябрь 2021 г.
ПМА 2022 — материалы из ГО «Жатай» Республики Саха (Якутия), январь 2022 г.

Author's Field Data

Field Observations: Amga village, Amginsky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. September 2021. (In Russ.)
Field Observations: Amga, Chapchylgan and Pokrovka villages, Amginsky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. March 2018. (In Russ.)
Field Observations: Argakhtakh village, Srednekolymsky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. March 2021. (In Russ.)
Field Observations: Isit and Nokhoroy villages, Khangalassky District, Republic of Sakha (Ya-

kutia), Russian Federation. August 2017. (In Russ.)

Field Observations: Mayya and Petrovka villages, Megino-Kangalassky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. March 2018. (In Russ.)
Field Observations: Olyokminsk town and Yunkyr village, Olyokminsky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. February – March 2019. (In Russ.)
Field Observations: Zhatay Urban Okrug, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. January 2022. (In Russ.)

Литература

Авсюк, Маркин 1987 — *Авсюк Г. А., Маркин В. А.* Застывший холод. М.: Советская Россия, 1987. 75 с.
Алексеев 2011 — *Алексеев В. Р.* Криогенные ресурсы и судьбы цивилизации // Наука и техника в Якутии. 2011. № 1. С. 85–90.
Боякова 1995 — *Боякова С. И.* Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии: 1932 – июнь 1941 г. Новосибирск: Наука, 1995. 124 с.
Буковская 1983 — *Буковская З. И.* Пушное звероводство Якутии. Якутск: Як. кн. изд-во, 1983. 141 с.
Бурнашева 2010 — *Бурнашева Н. И.* Сельскохозяйственная кооперация в Якутии в условиях преодоления экономического кризиса (1920–1927 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–1. С. 53–57.

Бурнашева 2011 — *Бурнашева Н. И.* Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870–1980-е гг.). М.: МБА, 2011. 376 с.
Бурнашева 2016 — *Бурнашева Н. И. В. В. Никифоров* о проблемах кооперации в период поиска путей развития экономики Якутии // Василий Васильевич Никифоров-Кюлюмнюр. Сборник статей. Якутск: Бичик, 2016. С. 191–196.
Винокурова 2020 — *Винокурова Л. И.* Зимние хозяйственные занятия мужчин в сельской Якутии 1920–1960-х гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 4. С. 65–72.
Войнилович, Самгин 1950 — *Войнилович П., Самгин А.* Тепло и холод на службу. М.: Изд-во и тип. Госкультпросветиздата, 1950. 56 с.
Гапеев 1951 — *Гапеев С. И.* Использование естественного холода в дорожно-строитель-

- ных целях. М.: Дориздат, 1951. 120 с.
- История Якутии 2021 — История Якутии. В 3-х т. Т. 3 / отв. ред. С. И. Боякова. Новосибирск: Наука, 2021. 592 с.
- Крылов 1940 — *Крылов М. М.* Холодные склады из льда и мерзлого грунта (строительство и эксплуатация). М.; Л.: АН СССР, 1940. 24 с.
- Крылов 1954 — *Крылов М. М.* Зимнее орошение с намораживанием льда для резкого повышения урожайности картофеля на юге // Почвоведение. 1954. № 7. С. 61–64.
- Куклина, Осипова 2018 — *Куклина В. В., Осипова М. Е.* Роль зимников в обеспечении транспортной доступности арктических и субарктических районов Республики Саха (Якутия) // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 2. С. 107–112.
- Лысканов 1964 — *Лысканов Г. А.* Опыт строительства плотин мерзлого типа в Якутии. Якутск: Як. кн. изд-во, 1964. 69 с.
- Мельников, Геннадиник, Федоров 2016 — *Мельников В. П., Геннадиник В. Б., Федоров Р. Ю.* Гуманитарные аспекты криософии // Криосфера Земли. 2016. № 2. С. 112–117.
- Мельников, Федоров 2018 — *Мельников В. П., Федоров Р. Ю.* Роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 133–141.
- Негенбля 2018 — *Негенбля И. Е.* История воздушного транспорта Якутии. В 4-х т. Т. 4. Якутск: РИО медиа-холдинга, 2018. 408 с.
- Николаев 2009а — *Николаев С. И.* Пища якутов (в свете соседних культур). Якутск: Якутский край, 2009. 168 с.
- Николаев 2009б — *Николаев С. И.* Народ саха. Якутск: Якутский край, 2009. 300 с.
- Петров 1992 — *Петров Д. Д.* Якутия в годы Великой Отечественной войны. В 2-х ч. Ч. 2. Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1992. 328 с.
- Романова, Добжанская 2019 — *Романова Е. Н., Добжанская О. Э.* Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–263.
- Санникова 2007 — *Санникова Я. М.* Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929–1940 гг.). Якутск: Бичик, 2007. 140 с.
- Сивцева 2000 — *Сивцева С. И.* Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2000. 148 с.
- Сулейманов 2018а — *Сулейманов А. А.* «Ресурсы холода» в системе питания якутов: традиции и современность // Научный диалог. 2018. № 2. С. 263–274.
- Сулейманов 2018б — *Сулейманов А. А.* «Ресурсы холода» в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Былые годы. 2018. № 4. С. 1601–1611.
- Сулейманов 2021 — *Сулейманов А. А.* Антропология холода: естественные низкие температуры в традиционной системе жизнеобеспечения якутов (XIX в. – 30-е гг. XX в.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 115–133. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-115-133
- Файко 1986 — *Файко Л. И.* Использование льда и ледовых явлений в народном хозяйстве. Геофизический аспект. Красноярск: КрасГУ, 1986. 156 с.
- Файко 1988 — *Файко Л. И.* Ледяные мосты. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1988. 78 с.
- Федорова 1998 — *Федорова Е. Н.* Население Якутии: прошлое и настоящее (геодемографическое исследование). Новосибирск: Наука, 1998. 207 с.
- Чекотилло 1943 — *Чекотилло А. М.* Применение снега, льда и мерзлого грунта в фортификации. М.: Воениздат, 1943. 36 с.
- Якутские национальные ... 1975 — Якутские национальные блюда. Рецептура и технологии приготовления / ред. Д. Г. Барашков, сост.: Т. Г. Коровина, Е. Н. Подрясова. Якутск: Як. кн. изд-во. 1975. 28 с.
- Fedorov 2019 — *Fedorov R.* Cryogenic Resources: Ice, Snow, and Permafrost in Traditional Subsistence Systems in Russia // Resources. 2019. № 1. Pp. 8–17.
- Nikolaeva, Pribylykh 2021 — *Nikolaeva T., Pribylykh A.* “The Yakut Cold” as a brand // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 291. Pp. 05022.
- Nogovitsyn, Romanov 2020 — *Nogovitsyn R. R., Romanov A. R.* Value and Economic Significance of the Cold for Human Life and Activities in the Arctic // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2020. Vol. 459. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/459/6/062034/pdf> (дата обращения: 23.01.2022).
- Romanova, Zamorshchikova 2020 — *Romanova E., Zamorshchikova L.* Geocultural Branding as an Innovative Strategy of Touristic Development of the «Cold World» // Public Recreation and Landscape Protection – With Sense Hand in Hand? Conference Proceedings. Křtiny: Mendel University in Brno, 2020. Pp. 190–193.

References

- Alekseev V. R. Cryogenic resources and destinies of civilization. *Nauka i tekhnika v Yakutii*. 2011. No. 1. Pp. 85–90. (In Russ.)
- Avsyuk G. A., Markin V. A. The Solid Cold. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1987. 75 p. (In Russ.)
- Boyakova S. I. (ed.) History of Yakutia. In 3 vol. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka, 2021. 592 p. (In Russ.)
- Boyakova S. I. Exploring and Developing Yakutia's North, 1932 – June 1941: Glavsevmorput and Its Impacts Reviewed. Novosibirsk: Nauka, 1995. 124 p. (In Russ.)
- Bukovskaya Z. I. Fur Farming in Yakutia. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1983. 141 p. (In Russ.)
- Burnasheva N. I. Yakutia's agricultural cooperation in 1920–1927 crisis resolution efforts. *Izvestiya of Altai State University*. 2010. No. 4–1. Pp. 53–57. (In Russ.)
- Burnasheva N. I. Cooperation in Yakutia's Socioeconomic Development: 1870s–1980s. Moscow: MBA, 2011. 376 p. (In Russ.)
- Burnasheva N. I. In search of economic development paths for Yakutia: Vasily V. Nikiforov about problems of cooperation. In: Vasily Vasilyevich Nikiforov-Kyulyumnyur. Collected articles. Yakutsk: Bichik, 2016. Pp. 191–196. (In Russ.)
- Chekotillo A. M. Use of Snow, Ice and Frost Soil for Fortification Purposes. Moscow: Voenizdat, 1943. 36 p. (In Russ.)
- Faiko L. I. Ice and Related Phenomena in Public Economy: A Geophysical Aspect. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 1986. 156 p. (In Russ.)
- Faiko L. I. Ice Bridges. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1988. 78 p. (In Russ.)
- Fedorov R. Cryogenic resources: Ice, snow, and permafrost in traditional subsistence systems in Russia. *Resources*. 2019. No. 1. Pp. 8–17. (In Eng.)
- Fedorova E. N. Yakutia's Heritage: Past and Present (A Study in Geodemography). Novosibirsk: Nauka, 1998. 207 p. (In Russ.)
- Gapeev S. I. Cold for Road Construction Purposes. Moscow: Dorizdat, 1951. 120 p. (In Russ.)
- Korovina T. G., Podryasova E. N. (comps.) Yakut Dishes: Recipes and Cooking Methods. D. Barashkov (ed.). Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1975. 28 p. (In Russ.)
- Krylov M. M. Cold Stores of Ice and Frost Soil: Construction and Exploitation. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 24 p. (In Russ.)
- Krylov M. M. Freezing irrigation aimed at fast potato productivity increase in southern territories. *Pochvovedenie*. 1954. No. 7. Pp. 61–64. (In Russ.)
- Kuklina V. V., Osipova M. E. The role of winter roads in provision of transportation accessibility for the Arctic and northern districts of the Republic of Sakha (Yakutia). *Society. Environment. Development*. 2018. No. 2. Pp. 107–112. (In Russ.)
- Lyskanov G. A. Constructing Frost Dams in Yakutia. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1964. 69 p. (In Russ.)
- Melnikov V. P., Fedorov R. Yu. The role of natural cryogenic resources in traditional subsistence systems of the peoples of Siberia and the Far East. *Tomsk State University Journal*. 2018. No. 426. Pp. 133–141. (In Russ.)
- Melnikov V. P., Gennadinik V. B., Fedorov R. Yu. Humanitarian aspects of cryosophy. *Earth's Cryosphere*. 2016. No. 2. Pp. 112–117. (In Russ.)
- Negenblya I. E. History of Yakutia's Air Transport. In 4 vol. Vol. 4. Yakutsk: Media Holding, 2018. 408 p. (In Russ.)
- Nikolaev S. I. Food of Yakuts: A Perspective from Neighboring Cultures. Yakutsk: Yakutskiy Krai, 2009. 168 p. (In Russ.)
- Nikolaev S. I. The Sakha People. Yakutsk: Yakutskiy Krai, 2009. 300 p. (In Russ.)
- Nikolaeva T., Pribylykh A. "The Yakut Cold" as a brand. *E3S Web of Conferences*. 2021. Vol. 291. Pp. 05022. (In Eng.)
- Nogovitsyn R. R., Romanov A. R. Value and economic significance of the cold for human life and activities in the Arctic. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2020. Vol. 459. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/459/6/062034/pdf> (accessed: 23 January 2022). (In Eng.)
- Petrov D. D. Yakutia during the Great Patriotic War. In 2 parts. Part 2: Home Front Workers of Yakutia. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1992. 328 p. (In Russ.)
- Romanova E. N., Dobzhanskaya O. E. Anthropology of the cold: Methodology, concepts, images (On the materials of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic). *Tomsk State University of Cultural Studies and Art History*. 2019. No. 35. Pp. 255–263. (In Russ.)
- Romanova E., Zamorshchikova L. Geocultural branding as an innovative strategy of touristic development of the «Cold World». In: Public Recreation and Landscape Protection – With Sense Hand in Hand? Conference proceedings. Křtiny: Mendel University in Brno, 2020. Pp. 190–193. (In Eng.)

- Sannikova Ya. M. Collectivization in Rural Yakutia, 1929–1940. Yakutsk: Bichik, 2007. 140 p. (In Russ.)
- Sivtseva S. I. Yakutia during the Great Patriotic War of 1941–1945: A Sociodemographic Aspect. Yakutsk: Yakut Scientific Centre (SB RAS), 2000. 148 p. (In Russ.)
- Suleymanov A. A. “Cold resources” in food system of Yakuts: Traditions and present day. *Nauchnyi dialog*. 2018. No. 2. Pp. 263–274. (In Russ.)
- Suleymanov A. A. “The resources of cold” in economic and socio-cultural practices of rural communities of Yakutia. The second half of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 2018. No. 4. Pp. 1601–1611. (In Russ.)
- Suleymanov A. A. Cryoanthropology: Influence of natural low temperatures on the Yakut traditional life sustenance system, 19th century to the 1930s. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 115–133. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-115-133
- Vinokurova L. I. Winter economic activities for men in rural Yakutia in the 1920s–1960s. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2020. No. 4. Pp. 65–72. (In Russ.)
- Voynilovich P., Samgin A. Warmth and Cold to the Service of Man. Moscow: Goskultprosvetizdat, 1950. 56 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 4, pp. 808–833, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-808-833

Мемориализация подвига 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в боях на Дону в июле 1942 г. в форме конных походов (май, июль 2022 г.)

Уташ Борисович Очиров¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Очиров У. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье описываются два конных похода, прошедшие в мае и июле 2022 г. и посвященные 80-летию первых боев на Дону 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Данные походы рассматриваются как коммеморативные практики, которые внесли свой вклад в дело мемориализации подвига национального соединения в первых боях на Дону. *Материалы и методы.* При написании статьи использовался комплекс различных общенаучных и специальных методов, в том числе историко-генетический метод, метод включенного наблюдения и метод интервью. Материалами для работы послужили книги и статьи по истории 110-й кавалерийской дивизии, интервью участников похода, публикации средств массовой информации. *Результаты.* Статью открывает краткий очерк истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии и описание борьбы за ее историческую память. Далее в работе рассматривается история двух конных походов, посвященных 80-летию первых боев национального соединения. Первый поход прошел в мае 2022 г. по маршруту Малые Дербеты – Элиста в течение 7 дней (длиной около 200 километров). В составе этой конной группы было более 30 чел., в том числе одна девушка и пятеро детей. Он завершился 9 мая торжественным прохождением по улицам Элисты. Этот поход носил больше тренировочный характер для отработки возможных логистических и технических проблем, которые могли бы возникнуть в аналогичных мероприятиях. Второй поход прошел в июле 2022 г. по маршруту Малые Дербеты – Раздорская в течение 14 дней (длиной более 500 километров). В составе группы было 17 мужчин, для которых специально была пошита форма кавалеристов Красной армии образца 1942 г. и подобрано охолощенное оружие, идентичное образцам вооружения периода Великой Отечественной войны. Этот поход большей частью проходил по территории Ростовской области и завершился 23 июля, в станице Раздорской, где проходил межрегиональный фестиваль казачьей песни. В обоих походах всадники принимали участие в ежедневных митингах и концертах, рассказывали о подвигах воинов 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Конные походы в

начале III тысячелетия оказались весьма неординарной формой патриотической пропаганды и хорошо запомнятся участникам мероприятий так же, как и история национального соединения. *Выводы.* Прошедшие конные походы оказались весьма эффективной и эффективной формой мемориализации истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии как на территории Калмыкии, так и на территории Ростовской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Красная армия, кавалерия, Калмыцкая АССР, национальное соединение, калмыки, мемориализация, коммеморативная практика, историческая память, конный поход

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Очиров У. Б. Мемориализация подвига 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в боях на Дону в июле 1942 г. в форме конных походов (май, июль 2022 г.) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15(4): 808–833. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-808-833

Memorializing Heroism of the 110th Kalmyk Cavalry Division in July 1942 Battles for the Don: Equestrian Expeditions, May and July 2022

Utash B. Ochirov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Associate

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru>

© KalmSC RAS, 2022

© Ochirov U. B., 2022

Abstract. Introduction. The article describes two equestrian expeditions undertaken in May and July 2022 to celebrate the 80th anniversary of earliest battles for the Don attended by the 100th Kalmyk Cavalry Division. The expeditions are viewed as commemorative practices to have facilitated further memorialization of the ethnic military unit's heroic deeds. *Materials and methods.* The study employs a variety of general scientific and special research techniques, including the genetic method in history, participant observations, and interviews. The work analyzes monographs and articles dealing with the 110th Cavalry Division, interviews with expedition attendees, and published media materials. *Results.* The paper begins with a historical review of the 110th Kalmyk Cavalry Division and describes the struggle for its historical memory. This is followed by insights into the two equestrian expeditions to have commemorated the 80th anniversary of the unit's earliest hostilities attended. The first expedition was held on Malye Derbety – Elista route (over 200 km long), lasted for seven days, and was culminated by a ceremonial march along Elista streets on 9 May. This involved a total of approximately thirty individuals, including one young woman and five children, and was largely a preparatory arrangement to identify and settle some potential logistic and technical problems. The second expedition was organized on route Malye Derbety – Razdorskaya (over 500 km long) in July 2022 and lasted for fourteen days. The group included seventeen male individuals dressed in 1942 uniforms of Red Army cavalymen and equipped with blank WWII firearms. The expedition was to primarily pass through Rostov Oblast and ended in Razdorskaya on 23 July during an interregional Cossack song contest. Horse riders to have attended both the expeditions would participate in public meetings and concerts to narrate about heroic deeds performed by soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division. So, the early 3rd millennium equestrian tours have proved an ingenious form of patriotic propaganda and shall be long remembered — like the delivered history of the ethnic military unit proper — by participants of corresponding events. *Conclusions.* The arranged equestrian expeditions have served an efficient tool to memorialize heroic past of the 110th Kalmyk Cavalry Division both across Kalmykia and Rostov Oblast.

Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945, Red Army, cavalry, Kalmyk ASSR, ethnic military unit, Kalmyks, memorialization, commemorative practice, historical memory, equestrian expedition

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Ochirov U. B. Memorializing Heroism of the 110th Kalmyk Cavalry Division in July 1942 Battles for the Don: Equestrian Expeditions, May and July 2022. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 808–833. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-808-833

Введение

В Великой Отечественной войне наши предки ценой титанических потерь одержали победу над самым сильным и опасным противником в своей истории. В этом противостоянии народы СССР, отстаивая независимость страны и свое будущее, выступили как многонациональное сообщество, объединенное новой идентичностью, чувством «советскости» [Тишков 2021: 214–216].

События тех лет «огненной чертой» прошли через все общество того времени, и сегодня трудно найти семью, которой бы не коснулся этот военный конфликт. Неудивительно, что историческая память о войне 1941–1945 гг., как коллективная, так и индивидуальная, занимает особое место в обществе не только в России, но и в государствах бывшего СССР. Во многих странах СНГ историческая память об этом вооруженном конфликте оказалось одной из немногих, значение которых почти не подвергалось пересмотру, сохранило там положительную коннотацию в общественном сознании [Безугольный 2019: 58–79; Жанбосинова 2019; и др.].

Некоторые ведущие политики России даже считают историческую память о Великой Отечественной войне символом, объединяющим все народы РФ, а также стран СНГ. Например, Д. А. Медведев (в свою бытность президентом РФ) в официальной речи на параде 9 мая 2008 г. прямо назвал День Победы праздником, «который уже навеки стал символом нашего национального единства» [Медведев 2008], а президент В. В. Путин в аналогичной речи 9 мая 2004 г. подчеркнул, что «день Победы — это действительно праздник один на всех. Это общий праздник народов России и стран Содружества Независимых Государств» [Путин 2004].

Неудивительно, что историческая память о Великой Отечественной войне в Рос-

сии (как для государства, так и для общества) имеет почти сакральную значимость, стала значимой сама по себе. По мнению известного американского историка и философа Аллана Мегилла, «Когда возникает поклонение, память в ее основном, опытном смысле... становится коммеморацией», которая зарождается из стремления современного сообщества «подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение... к репрезентации прошлых событий» [Мегилл 2007: 116].

Наши политики неслучайно придают столь важное значение исторической памяти, поскольку она (помимо прочего) обеспечивает для социальной группы и для каждого человека такие важные функции, как чувство «единства социальной общности; трансгенерационной преемственности; ... социальной идентичности и эго-идентичности (самотождественности); построения непротиворечивой картины мира» [Семенова, Векилова, Полферова 2019: 42].

Мемориализация истории Великой Отечественной войны осуществляется в разных формах. Чаще всего она реализуется путем возведения памятников (в том числе на воинских захоронениях), создания музейных и архивных экспозиций, увековечивается в топонимических названиях, научных трудах и книгах памяти, литературных и музыкальных произведениях и т. д. [Кулик 2014; Кантор 2015; Манаев 2018; Воробьева 2020; Корсак 2021; Медведев 2021; и др.].

Кроме того, она может проявляться в активной форме через различные коммеморативные практики (парады, шествия, флэш-мобы, поисковую деятельность, исторические реконструкции и т. д.). Самым ярким примером подобных практик последних лет, охватившим миллионы человек, можно назвать «Бессмертный полк» — массовые

шествия в День Победы с фотографиями родственников — участников Великой Отечественной войны.

Формы коммеморативных практик могут быть самые разные, к тому же в условиях информационного общества осуществляться в режиме онлайн людьми из разных стран и континентов. При этом патристически настроенные активисты иногда не застрекиваются на одних и тех же формах, а, стремясь привлечь охватить все большее количество участников, постоянно ищут новые формы и методы. Одной из таких новых форм коммеморативной практики стали конные походы, осуществленные энтузиастами из Республики Калмыкии в мае и июле 2022 г. и посвященные 80-летию первых боев на Дону 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии.

Материалы и методы

В ходе работы над статьей был использован широкий комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Для данного исследования базовым стал историко-генетический метод, при помощи которого был последовательно описан процесс подготовки и проведения конных походов, посвященных подвигу 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Большое значение для исследования имел метод включенного наблюдения: автор статьи участвовал в подготовке обоих походов, проведении торжественных митингов в с. Малые Дербеты, Садовое (Республики Калмыкия), хут. Пухляковском и станице Раздорской (Ростовская область). Его применение позволило наблюдать поведение участников походов в естественной обстановке, глубже понять их мотивацию и представления о событиях прошлого. Также был использован метод интервью, давший возможность уточнить ряд вопросов. Данное исследование было основано на комплексе научных работ по истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, серии интервью (сделанных как самим автором и профессиональными журналистами, так и участниками походов), публикациях из средств массовой информации.

Краткая история 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии

Прежде чем осветить историю конных походов, скажем несколько слов о

110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, в память о которой проводились эти мероприятия.

Это соединение ведет свою историю от постановления Государственного комитета обороны № 894сс от 13 ноября 1941 г. Согласно этому постановлению в пяти союзных республиках Средней Азии и четырех автономных республиках Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Приуралья началось формирование 20 кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад. В Калмыцкой АССР формировались 110 и 111-я Калмыцкие кавалерийские дивизии [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85–85об.].

Согласно штату, утвержденному в феврале 1942 г., в кавалерийской дивизии числилось более 4,5 тыс. чел. Таким образом, с учетом пополнений, прибывших в 110-ю кавалерийскую дивизию осенью 1942 г., в обоих соединениях служила почти четверть жителей Калмыкии, призванных в Красную армию в годы Второй мировой войны [Максимов 2010: 344].

Особое отличие этих национальных соединений состояло в том, что хотя набор в них осуществлялся через военкоматы, а формирование, вооружение и обучение шло по штатам и уставам Красной армии, эти дивизии и бригады до их принятия наркоматом обороны содержались за счет бюджетов республик, должны были получить технику, конский состав, обмундирование, снаряжение, довольствие и даже частично вооружение за счет ресурсов национальных регионов [РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 14. Л. 85].

Ответственность за их формирование возлагалось на руководство союзных и автономных республик. При этом начальствующий состав предписывалось подбирать из представителей местных национальностей, лишь недостающие должности разрешалось заполнить другими национальностями. Это решение позволяло преодолеть языковой барьер и эффективно использовать национальные призывные контингенты.

Несмотря на значительные бюджетные издержки и организационные сложности, руководство национальных регионов с большим энтузиазмом отнеслось к этому проекту. Колхозы, совхозы и иные предприятия оказывали национальным дивизиям всемерную поддержку. Население откликнулось на призыв с большим патри-

отическим подъемом, многие мужчины (в том числе имеющие «бронь») добровольно записывались в национальные части, включая чиновников из партийно-советской элиты. Комплектование рядовым составом почти во всех национальных кавалерийских дивизиях прошло успешно, во многих из них были излишки призывников, однако не хватало техники, амуниции и, самое главное, вооружения, что заметно затормозило процесс обучения и боевой подготовки. К марту 1942 г. командование Красной армии временно разочаровалось в возможностях кавалерийских соединений, имевших небольшую огневую мощь, слабый тыл и систему связи, и расформировало ряд кавалерийских дивизий. В конечном итоге на фронт попали лишь 110-я Калмыцкая, 112-я Башкирская, 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийские дивизии и 255-й отд. Чечено-Ингушский кавалерийский полк [Очиров, Заярный, 1 2018: 108–110].

110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия в мае 1942 г. выступила на фронт и вошла в состав 51-й армии. Как раз в этот период немцы начали стратегическое наступление на южном фланге с целью захвата кавказской нефти. Панцерваффе прорвались в тыл войскам Юго-Западного и Южного фронтов и отрезали им пути отступления на восток. Теперь спасение этих фронтов зависело от того, успеют ли они отступить на юг и достичь переправ через Дон раньше моторизованных армий противника. Для защиты этих переправ на Дону на 420-километровом участке была развернута немногочисленная 51-я армия. 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии был поручен участок обороны шириной 58 км от Багаевской до Раздорской. Благодаря умелым действиям и мужеству воинов калмыцкого соединения, через три донские переправы, которые они защищали, удалось вывести управление Южного фронта, большую часть 37-й, 24-й и 9-й армий, остатки армий Юго-Западного фронта, которые сыграли важную роль в сдерживании противника на начальном этапе Битвы за Кавказ (всего более 425 тыс. человек, 215 танков, около 1 300 орудий, более 8 тыс. тракторов и автомашин и др.) [Заярный, Очиров 2017: 59].

Первым противником 110-й кавалерийской дивизии оказалась элитная моторизованная дивизия «Великая Германия», кото-

рая имела отборный личный состав с богатым боевым опытом, четырехкратный перевес в живой силе и многократное превосходство в огневой и технической мощи. В ходе боев «Великая Германия» была усилена 16-й моторизованной дивизией, артиллерийскими и саперными частями, объединенными под управлением 3-го танкового корпуса. Несмотря на превосходство врага и тяжелые потери, воины калмыцкого соединения 6 суток удерживали позиции. 21 июля при обороне Раздорской совершил свой знаменитый подвиг Эрдни Деликов, первым из калмыков удостоенный звания Героя Советского Союза. 110-я кавалерийская дивизия не отступила, даже когда немцы обошли ее, атаковали штаб и тылы. Лишь в разгар атаки, в ходе которой она понесла большие потери, пришел приказ об отступлении [Очиров, Заярный, 2 2018: 247–413].

110-я кавалерийская дивизия, которую возглавил полковник В. А. Хомутников (герой Гражданской войны, бывший председатель Верховного совета Калмыцкой АССР), отступала с боями, попадала в окружение, но, несмотря на тяжелые потери, прорвалась на Кавказ. После этого она охраняла стратегическую магистраль Кизляр–Астрахань, проводила рейды в Ногайской степи в тыл 1-й немецкой танковой армии, штурмующей кавказские рубежи. В ноябре–декабре 1942 г. 110-я кавалерийская дивизия прикрывала правый фланг Северной группы войск от атак танкового корпуса «Ф». Зимой 1942–1943 гг. советские войска перешли в долгожданное наступление, в котором калмыцкое соединение безостановочно прошло с боями более 600 км, освободив более 220 населенных пунктов, в том числе Буденновск, Прасково, Арзгир, Ипатово и др. К началу февраля 1943 г. 110-я кавалерийская дивизия понесла тяжелые потери и фактически утратила национальный состав (калмыков осталось 12 %). Ее расформировали и обратили на укомплектование 4-го гв. Кубанского казачьего корпуса [В годы... 2003: 133–192].

Мемориализация памяти национального соединения

Несмотря на славный боевой путь, проявленное мужество и стойкость в оборонительных сражениях, многочисленные успехи и трофеи в наступательных боях,

исторической памяти о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии пришлось испытать немало трудностей. Еще в годы войны вокруг калмыцкого соединения начали складываться порочащие его мифы, не соответствующие действительности. Появились утверждения, что в первых боях на Дону, 110-я кавалерийская дивизия «*проявила неустойчивость*», «*ушла в банду*» во главе с В. А. Хомутниковым, а то и вовсе перешла к немцам [НКВД-МВД... 2008: 525; НА РК. Ф. П-1. Оп. 20. Д. 24. Л. 69; Убушаев 1991: 18–19; и др.].

Казалось бы, сами действия калмыцкого соединения, сражавшегося после боев на Дону еще 6 месяцев под руководством В. А. Хомутникова и обращенного на пополнение элитного гвардейского корпуса, должны были опровергнуть лживые мифы. Сам В. А. Хомутников продолжал воевать, был отмечен боевыми орденами и погиб при штурме Будапешта. Тем не менее слухи о «неустойчивости», «массовом дезертирстве», «бандитизме» 110-й кавалерийской дивизии продолжали циркулировать в последующие годы, легли на страницы официальных документов и даже частично послужили оправданием решения о депортации всего калмыцкого народа в Сибирь в 1943 г. В результате упоминания о калмыцком соединении на несколько десятилетий исчезли из печати. Даже когда действия частей 110-й кавалерийской дивизии (в том числе и в боях на Дону) описывались в литературе (включая военно-историческую), сведения о принадлежности ее личного состава к репрессированному народу вымарывались цензурой [Оборона... 1949].

После восстановления автономии Калмыкии и возвращения калмыцкого народа из депортации выжившие ветераны начали борьбу за возвращение честного имени 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. В этом процессе важную роль сыграл М. Л. Кичиков, участник Великой Отечественной войны, с 1965 г. возглавивший сектор истории Калмыцкого научно-исследовательского института истории, языка и литературы (далее КНИИЯЛИ, ныне — Калмыцкий научный центр РАН). В годы войны Мерген Лиджинович воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, поэтому первоначально его представления о боевых действиях на Дону и в Битве за Кавказ

и участия в них 110-й кавалерийской дивизии зиждились на сведениях из литературы и воспоминаний ветеранов соединения, не всегда точных. Летом 1967 г. он вместе с ветераном 110-й кавалерийской дивизии Н. В. Бадьминовым и инструктором обкома ВЛКСМ И. С. Манджиковым выехал на Дон, на места первых боев национального соединения, записал воспоминания очевидцев. Развернувшаяся перед глазами историка картина потрясла его. Позже Мерген Лиджинович писал в различных работах о своих впечатлениях от первой поездки: «Н. В. Бадьминов помог нам увидеть и услышать на Дону многое. Мы увидели нечто грандиозное...» [Материалы... 1970]; «Сейчас можно с уверенностью сказать, что здесь совершили подвиг не отдельные солдаты и офицеры, а целое соединение» [В боях за Дон 1969: 8]; «Предварительная поездка... оставила неизгладимое впечатление: здесь все говорило о героизме, трагизме и величии происходившего в июле 1942 года. Величие состояло в упорстве, высоком сознании долга и силе духа людей, которые выполняли заведомо непосильную задачу — прикрывать отход наших войск, стоять насмерть, чтобы задержать на Дону хоть на несколько часов и дней лавину танковых, мотомеханизированных сил врага» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 246. Л. 6].

Сразу же после этой поездки прошел комсомольско-молодежный моторизованный поход (на мотоциклах), имевший прежде всего пропагандистскую задачу. Неслучайно командиром похода был назначен секретарь обкома ВЛКСМ Ким Катусов (сын офицера 110-й кавалерийской дивизии и будущий директор КНИИЯЛИ), в то время как ученый Мерген Кичиков, рассказывавший комсомольцам о подвигах национального соединения, считался комиссаром похода. Тогда ветераны 110-й кавалерийской дивизии, ученые КНИИЯЛИ, комсомольцы Калмыкии совершили 11-дневный поход от Элисты и до мест первых боев национального соединения. Участники похода записали рассказы местных жителей о тяжелейшем сражении и героизме воинов калмыцкого соединения, возложили цветы на многочисленные братские могилы, высыпали на них горсти калмыцкой земли, произвели раскопки на местах боев [В боях за Дон 1969: 139–144].

Осенью 1967 г. КНИИЯЛИ организовал поездку по местам боев на Дону 15 ветеранов 110-й кавалерийской дивизии. По возвращении они приняли участие в расширенном совещании в КНИИЯЛИ, на котором было принято решение о написании истории калмыцкого соединения [[Расширенное заседание... 1970](#)]. Так из ветеранов 110-й кавалерийской дивизии, их родственников и ученых-историков стала складываться группа исследователей под руководством М. Л. Кичикова. Они начали поисковую работу в архивах, стали собирать воспоминания ветеранов, записывать свидетельства очевидцев. В 1969 г. ветераны 110-й кавалерийской дивизии совершили еще два похода (в том числе молодежный мотопоход) по ее боевому пути, на сей раз по Северному Кавказу [[В боях за Северный Кавказ 1973: 95–107](#)].

Однако работа по написанию истории национального соединения столкнулась с большими сложностями, главной из которых стало исчезновение большей части его документального архива, сданного после расформирования в инспекцию кавалерии Красной армии. Несмотря на это, исследовательская группа М. Л. Кичикова, опираясь на имеющиеся сведения, смогла решить поставленную задачу и создать достаточно цельную историю 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, опровергнув все мифы о «разбежавшейся дивизии» [[Очиров 2021a](#)]. Из-под их пера вышли два сборника воспоминаний [[В боях за Дон 1969](#); [В боях за Северный Кавказ 1973](#)], коллективная монография, которая выдержала три издания (большая редкость для Калмыкии) [[В годы... 1976](#); [В годы... 1981](#); [В годы... 2003](#)], а также ряд статей [[Кичиков 1967](#); [Кичиков 1968](#); [Кичиков 1974](#); и др.].

К сожалению, в 1977 г. М. Л. Кичиков был вынужден по семейным обстоятельствам переехать в Калужскую область, после чего исследования по данной теме пошли на спад.

Тем не менее импульс, заданный исследованиями этой группы, имел большой резонанс в обществе. Он в значительной степени изменил восприятие истории 110-й кавалерийской дивизии в общественном сознании. Мифы, порочащие калмыцкое соединение, были опровергнуты, о нем теперь говорили с положительной коннотацией, подвигами

ее воинов стали гордиться, активно использовать в патриотическом воспитании молодежи. В республику было привезено знамя 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, врученное ему от Калмыцкого обкома ВКП(б), Верховного совета и Совнаркома Калмыцкой АССР и хранящееся в Центральном музее Вооруженных сил СССР. Его торжественно пронесли по всем районам региона, в ряде сел прошли митинги, на которых были отмечены заслуги воинов национального соединения. Заметно увеличилось количество публикаций в газетах, связанных с этой темой. Если в 1975 г. один из ветеранов 110-й кавалерийской дивизии жаловался, что его воспоминания, написанные специально к 30-летию Победы, не берут в газету без санкции обкома, то в более позднее время такие публикации стали проходить без всяких препятствий [[Очиров 2021b: 1179](#)].

В начале XXI в. новый толчок научному изучению темы дал С. А. Заярный — внук комиссара 110-й кавалерийской дивизии С. Ф. Заярного и сын активного участника кичиковской группы А. С. Заярного. Он в течение многих лет работал в Центральном архиве Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО), разыскивая утерянные дела из архива калмыцкого соединения. Ему удалось ввести в оборот большой массив сведений как из ЦАМО, так из трофейных фондов вермахта, хранящихся в США. Все это позволило ему существенно продвинуться во многих вопросах по истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии.

В 2011 г. С. А. Заярный наладил сотрудничество с преемником КНИИЯЛИ — Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН (с 2016 г. — Калмыцкий научный центр РАН) и рядом его сотрудников, в том числе автором этих строк и главным библиографом института П. Э. Алексеевой. Результатом этой работы стали многочисленные публикации: ряд статей [[Заярный 2016](#); [Заярный, Очиров 2017](#); [Заярный, Очиров 2018](#); [Очиров 2017](#); [Очиров 2019](#); и др.], биографический справочник [[Солдаты Победы 2015](#)] и два тома монографии [[Очиров, Заярный, 1 2018](#); [Очиров, Заярный, 2 2018](#)].

Большой объем работы по мемориализации 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии был проведен Х. П. Хомутниковым —

внуком командира национального соединения. Он постоянно организует мероприятия по этой теме: круглые столы, митинги, классные часы. Им написан ряд работ о биографии его деда и 110-й кавалерийской дивизии [Хомутников 2012; Хомутников 2013; Хомутников 2016; Хомутников 2021]. По его инициативе, получившей широкую поддержку в народе, в общественных организациях, в прессе, Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия в июле 2017 г. установил День Памяти воинов 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии — 13 ноября.

Эти исследования получили широкий резонанс в обществе. Стало публиковаться больше статей в газетах и журналах. Редакция газеты «Парламентский вестник Калмыкии» под руководством главного ре-

дактора М. И. Ланцыновой в 2013 г. даже провела специальный круглый стол по истории 110-й кавалерийской дивизии и опубликовала тексты всех докладов в специальном выпуске газеты. Вокруг национального соединения вновь начинают слагаться мифы, но теперь уже с положительной коннотацией, восхваляющей подвиги его воинов. Правительство региона добилось передачи на временное хранение знамени 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии из Центрального музея Вооруженных сил в Национальный музей им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкия. В республике создаются различные мемориальные комплексы, связанные с национальным соединением (фото 1, 2). Их имена присваиваются новым улицам [В Калмыкии... 2021; В столице... 2022; и др.].

Фото 1. Мемориальная доска на бывшем здании штаба 110-й кавалерийской дивизии, с. Малые Дербеты

[Photo 1. Memorial tablet on ex-headquarters building of the 110th Cavalry Division in Malye Derbety (Kalmykia, Russia)]

Фото 2. Мемориальная доска на бывшем здании штаба 273-го кавполка, с. Садовое

[Photo 2. Memorial tablet on ex-headquarters building of the 273rd Cavalry Regiment in Sadovoye (Kalmykia, Russia)]

Можно с уверенностью сказать, что сегодня 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия является гордостью республики и одним из самых почитаемых символов Великой Отечественной войны в регионе.

Традиции коневодства в Калмыкии

В былые времена в жизни калмыков как воинов-кочевников конь играл огромную роль. Хорошо обученный и выносливый скакун в бою и в походе мог спасти жизнь своему наезднику, поэтому калмыки с большой любовью относились к своим лошадям. Неслучайно в героическом эпосе «Джангар» именно лошади могут выступать героями наравне с людьми, разговаривать с ними и давать мудрые советы. У калмыков была своя калмыцкая порода лошадей, которая (уступая некоторым другим породам в грузоподъемности или скорости) отличалась выносливостью и неприхотливостью — ключевыми факторами для осуществления дальних походов в Великой степи. Во время Северной войны, в 1709 г. по просьбе Петра I калмыцкий хан Аюка послал под Полтаву войско под командованием своего наследника Чагдорджаба. Этот отряд прошел более 1 100 верст за 25 дней! Крупный современный историк петровской эпохи П. А. Кротов так оценивал этот марш: *«продвижение калмыков... было столь стремительным, что трудно представить, как так можно гнать лошадей долгое время... конная выездка калмыков в дальнем походе была показана в полной мере»* [Кротов 2018: 309].

Ценили калмыцкую лошадь и в Российской Императорской армии. До реформы Г. А. Потемкина и развертывания сети государственных конных заводов в конце XVIII в. именно степные лошади калмыцкой и башкирской пород составляли большую часть верховых скакунов русской кавалерии [Рахимов 2009: 13].

Вплоть до самой революции 1917 г. богатство калмыка-кочевника оценивалось не по количеству имеющихся у него денег, земель, имущества или редких предметов роскоши, а по количеству лошадей. И именно лошадь приносила наибольший доход в хозяйстве калмыка-кочевника [Материалы... 1910: 32].

Однако после перехода калмыцкого народа к оседлости и развития современной транспортной инфраструктуры значение

лошади в хозяйстве калмыков заметно упало. Особенно большой удар по коневодству нанес отказ армии от кавалерии как рода войск. Сегодня лошадь как транспортное средство уступает автомобилю, а мясо-молочные продукты коневодства не столь рентабельны, как аналогичные продукты крупного рогатого скота или свиноводства. Все это привело к заметному сокращению количества лошадей. Если в начале XX в. в Калмыцкой степи (то есть без учета Большедербетовского улуса, но с учетом Хошеутского улуса) имелось от 56,4 тыс. (1908 г.) до 90,2 тыс. (1903 г.) лошадей [Команджаев 1999: 253–254], то сегодня на территории Калмыкии имеется 11 тыс. лошадей (в том числе 7,2 тыс. конематок), из которых более 3 тыс. голов относится к калмыцкой породе (в том числе 1 659 конематок и 90 жеребцов-производителей). Аналогичное сокращение конского поголовья произошло и во всей России: если к началу Первой мировой войны в стране насчитывалось более 40 млн голов (треть мирового поголовья), то через сто лет — 1,3 млн голов [Новицкий 2016].

Хотя большая часть лошадей относится к рабоче-пользовательскому и продуктивному коневодству, наиболее рентабельным является спортивно-досуговое коневодство (конные туризм, скачки, охота и т. д.). Исходя из этого, можно прийти к выводу, что поголовье лошадей в Калмыкии к началу XXI в. хоть и сократилось в несколько раз, но все же не столь быстрыми темпами, как в целом по России. Коневодство в республике, несмотря на кризис в «лихие девяностые», сохранилось, благодаря усилиям энтузиастов коневодства в том числе.

Неудивительно, что в Калмыкии в начале XXI в. начался поиск новых возможностей применения коневодства, в первую очередь, в области спортивно-досугового. Стали появляться конноспортивные клубы или иные организации, готовые за плату прокатить желающих на лошадях или даже провести для них конный тур, в том числе на значительное расстояние (например, от «Одинокого тополя» до Джалыково) [Умиралиева 2019].

Среди таких клубов, находящихся в черте г. Элисты, можно назвать «Аранзал», «Верблюжий остров» (также предлагает прогулки на верблюдах), «Контур-клуб», «Кочевник 08», «Тотем» и др.

Однако, помимо коммерческих предприятий, появилась практика проведения дальних конных походов и фестивалей, в которых могли принять участие все желающие на своих лошадях. Первоначально такие мероприятия носили больше спортивно-туристический характер, хотя каждый из них имел какую-то идейную подоплеку, был посвящен какой-то исторической дате или имел определенную цель. Но для участников этих мероприятий конные походы являлись возможностью показать свои умения, испытать свои силы и дух в тяготах дальнего похода, иногда с ночевками под открытым небом.

Первый конный поход был проведен в 2010 г. Церен Басангов, Дмитрий Шуркаев и другие энтузиасты калмыцкого коневодства решили осуществить конный поход к священной для калмыков горе Богдо (Астраханская область) для совершения религиозных обрядов. При этом руководитель группы Церен Басангов подчеркивал, что, помимо паломнической цели, конный поход преследует цель пропаганды «ойратского духа».

В мероприятии, помимо энтузиастов коневодства, участвовали известные общественные деятели: руководитель общественной организации «Тенгрин уйдл» Басан Захаров, известный спортсмен, чемпион мира по кикбоксингу Бату Хасиков, шоумен Сангаджи Тарбаев, певица Элистана Бурвяшова и др. Конный отряд должен был пройти более чем 700-километровый путь по маршруту Элиста – Кетченеры – Цаган-Нур – Цаган-Аман – г. Богдо – Цаган-Аман – Эрдниевский – Привольный – Яшкуль – Элиста, при этом в различных пунктах должны были проходить мероприятия, именуемые «*Өөрдин цаг*» (Время ойратов) [Первый конный... 2010]. Хотя не все участники выдержали тяготы дальнего пути, поход в целом прошел успешно. При этом конников торжественно встречали в населенных пунктах, читали им благопожелания, благодарили за вклад в развитие коневодства в республике.

В последующем практика конных походов была продолжена, при этом в ряды их участников вливались все новые и новые добровольцы со своими скакунами. Фактически из «походников» сложилось новое общество. Пережитые вместе тяготы даль-

них походов, романтика открытой степи и ночного неба, любовь к конному делу скрепляли участников этих мероприятий крепкой дружбой. Как говорил один из участников, пришедший в это движение в 2018 г.: *«И мы так сдружились, что с каждым из них я готов пойти в разведку... С ребятами мы стали одной семьей. Мы не просто друзья или знакомые, мы — семья!»* [Тербатаев 2021].

Вместе с тем пребывание в одном коллективе в течение длительного времени требовало сохранения позитивного настроения, благожелательных взаимоотношений, поэтому всадники всегда проверяли новичков в походах на психологическую устойчивость, стараясь отсеивать неустойчивых людей, способных разрушить положительный микроклимат.

Большей частью маршруты походов проходили по территории Калмыкии, и конников везде ждал радушный прием земляков, предоставлявших гостям кров и горячий ужин. В последние годы были проведены конные походы к горе Богдо (повторно), в Лагань на открытие статуи Будды Майтрейя, на Курган Пиршества на р. Калаус (к 250-летию победы армии Убаши-хана), к Хошеутовскому хурулу, в Городовиковск (к 75-летию Победы) и др. Походы были разной протяженности по времени и по расстоянию. Например, маршрут второго похода на Богдо (июнь–июль 2019 г.) был проложен не прямо к горе, а со значительными отклонениями, чтобы всадники могли охватить пропагандистскими мероприятиями максимальное количество населенных пунктов и принять участие в конноспортивных праздниках в Салын-Тугтуне и Цаган-Амане. В результате длина маршрута составила более 1 200 км, а сам поход продолжался почти 40 дней, что на данный момент является рекордом для сообщества конников [ПМА 2022: инф. 2].

Самым коротким по времени был поход на Калаус (апрель 2019 г.). Тогда всадники преодолели за один день более ста километров от Элисты до Кургана Пиршества (что можно считать суточным рекордом). Одновременно с ними должна была прибыть делегация из Элисты во главе с мэром г. Элисты В. Х. Намруевым. В эту делегацию входили представители общественных организаций, казачества (во главе с атама-

ном Э. Н. Манжиковым), ламы, ученые, юнармейцы, которые ехали на автомобилях кружной дорогой. По пути к ним присоединились представители местных властей. Однако, несмотря на неоднократные согласования, «автомобильная» делегация прибыла на Курган Победы, где и провела обряды подношения духам местности, а конная делегация — на Курган Пиршества. Между курганами была река, поэтому делегации не смогли встретиться [ПМА 2022: инф. 1].

Как уже говорилось, большей частью маршруты походов проходили по территории Калмыкии, но иногда конники могли проходить по территории соседних регионов. Например, поход в Лагань, на открытие статуи Майтрейи (сентябрь 2019 г.), конники осуществили двумя группами, одна из которых вышла из Хулхуты и прошла к цели своего путешествия через сёла бывшего Долбанского района, ныне входящего в Астраханскую область (Зензели, Яндыки, Промысловка и др.). После проведения похода в Городовиковск, посвященного 75-летию Победы, в среде конников возникла идея осуществления конного похода на Дон — к местам первых боев 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии [ПМА 2022: инф. 2].

Эта идея «зрела» почти два года. Однако такой поход протяженностью несколько сот километров требовал более тщательной организационной подготовки, тем более, что большая часть маршрута пролегла за пределами Калмыкии. Первоначально не был известен даже исторический маршрут 110-й кавалерийской дивизии, по которому она из Калмыкии прибыла на Дон. В этих условиях многие логистические вопросы могли оказаться нерешаемыми. Неясно было, как отнесутся местные власти к передвижениям больших масс незнакомых людей по их территории. Для этого требовалось осуществить согласования с органами власти на территории Ростовской области.

В 2021 г. в Калмыкии отмечалось 80-летие формирования 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. На одном из заседаний оргкомитета представитель конников А. Б. Анджаев озвучил идею конного похода на Дон руководителю Администрации Главы Республики Калмыкия Ч. Н. Берикову. Идея была воспринята положительно. Однако организация и проведение конного

похода для чиновников были делом совершенно новым, таящим в себе массу возможных проблем: финансовых, логистических, психологических и др. Хотя сами всадники относились к этим вопросам намного проще, полагая по своему опыту, что смогут решить их уже во время похода, непосредственно на местах, чиновники считали необходимым исключить все возможные случайности и максимально обеспечить походников необходимыми припасами. Поэтому было предложено перед походом на Дон провести поход по маршруту Малые Дербеты – Элиста (протяженностью почти 200 км), который играл роль тренировочного. В ходе него планировалось выявить и отработать все возможные недостатки и препятствия в вопросах снабжения, ночлега, питания, фуражного довольствия, медицинского и ветеринарного сопровождения, учесть все нюансы морального микроклимата в коллективе и т. д. Ведь только фуража для лошадей потребовалось почти две тонны. Кроме того, планировалось, что конники со своими скакунами примут участие в параде 9 мая [ПМА 2022: инф. 2].

Конный поход Малые Дербеты – Элиста (май 2022 г.)

В первом конном походе 2022 г., посвященном 80-летию первых боев 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, приняли участие более 30 всадников из Элисты, Цаган-Нура, Малых Дербет, Сарпы, Бураты, Улан-Эрге и др., в том числе одна девушка (еще одна присоединилась к конникам в с. Троицкое). Достаточно большим оказался «разброс» и по возрасту участников: от 12 до 70 лет. Характерно, что в походе участвовало 5 детей, которые разделили все тяготы похода наравне со взрослыми. Командиром конной группы был назначен А. В. Эрдниев — руководитель конноспортивного клуба «Аранзал».

Конная группа выступила 3 мая 2022 г. из с. Малые Дербеты, в котором в 1941–1942 гг. формировались управление 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии и 292-й Малодербетовский кавалерийский полк. Маршрут пролег вдоль федерального шоссе через населенные пункты Кетченеры, Ергенинский, Кегульта, Овата, Бага-Чонос, Троицкое до Элисты, куда всадники торжественным маршем вошли 9 мая. Конная

группа под флагами России, Калмыкии и знаменами Победы прошла по главным магистралям города (проспектам Оки Городовикова и Чонкушова, улицам Пушкина и Ленина) и через улицу 28-й армии вышла к республиканскому ипподрому. Там как раз шли торжественные мероприятия, посвященные Дню Победы, скачки на различные призы, конная стрельба из лука и т. д.

Работу по координации похода взял на себя заместитель председателя Правительства Республики Калмыкия Н. Г. Кюкев, который по совместительству являлся председателем Калмыцкого регионально-го отделения Российского военно-исторического общества. Большую помощь в организации похода оказал руководитель администрации Главы Республики Калмыкия Ч. Н. Бериков. Конечно, высокий ранг этих чиновников сыграл важную роль в решении многих логистических проблем. Чиновники на местах и без того не оставались равнодушными к нуждам конной группы, но осознание того, что поход пройдет под эгидой руководителя администрации главы региона и заместителя председателя правительства, заставил их отнестись к этому вопросу максимально серьезно. Большую поддержку походу оказали руководители всех районов Калмыкии, по которым прошел маршрут конников: Малодербетовского (С. Н. Лиджиев), Кетченеровского (С. В. Годжуров), Целинного (Э. А. Опиев). Они организовали места ночлегов и питание «походников», торжественный прием и последующую культурную программу, в которую активно вовлекалось местное население. Свою лепту в организацию похода внес и глава администрации г. Элисты Ш. Г. Тепшинов. Ряд сельхозпредприятий Городовиковского района обеспечили значительную часть фуража. Тем не менее оставалась масса проблем, которые решить за счет авторитета чиновников было нельзя. Например, для сбора конников с лошадьми почти со всей Калмыкии и их доставки на специализированных машинах-коневозках в исходный пункт похода пришлось собирать средства в день выезда.

Весь поход прошел с большим воодушевлением и моральным подъемом. В каждом населенном пункте конную группу

ждал радушный прием. Устраивался митинг, на который с большим удовольствием собирались, что называется, и стар и млад.

Параллельно могли проходить разные мероприятия. Почти всегда конников встречали музыкой, даже с оркестром, играли военные марши, исполнялись искромётные калмыцкие танцы и классические вальсы. В Кетченерах конники приняли участие в церемонии утреннего подъема флагов России и Калмыкии в местной школе, в Кегульте — в утренней линейке. В районном центре Троицкое конники приняли участие в концерте накануне Дня Победы, посетили ветерана Великой Отечественной войны, участника боев на Курской дуге и широколавца Ивана Менжуевича Соваева [ПМА 2022: инф. 4]. Детей, конечно, больше всего привлекали лошади. Они с удовольствием катались на них, слушали речи взрослых и впитывали в себя историю подвигов воинов 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии (фото 3). Нет сомнения, что такие впечатления закрепятся в их памяти надолго!

Конники даже выработали несколько ритуалов. У них появился особый клич, который можно классифицировать как своеобразную форму урана. Он начинается с того, что один из «походников» кричит: «Хальмгуд»! («Калмыки»!). На это все остальные восклицают: «Уралан»! («Вперед»!). Этот клич обычно звучит троекратно.

В походе от первого и до последнего дня участвовал 70-летний Андрей Нюрмяевич Оконов. В тот самый день, когда он вышел из Малых Дербет, откуда выступил на фронт 292-й Малодербетовский кавалерийский полк (ком. — майор С. И. Ориночко), его 42-летний сын Баатр выехал с делегацией калмыцких ученых в Адыгею, где они взобрались на хребет Лагонаки, приняв участие во флэшмобе «Споёмте вместе с нашими дедами»! [Северцев 2022]. А ведь как раз на склонах Лагонаки завершил свой боевой путь 292-й Малодербетовский кавполк (1-го формирования), после этого обращенный на доукомплектование 10-й гв. Кубанской казачьей кавалерийской дивизии. Вот так причудливо сплелась связь времен через 80 лет (фото 4, 5).

*Фото 3. Дети на конях участников похода Малые Дербеты – Элиста. Кетченеры (май 2022 г.).
В середине держит лошадь под уздцы командир группы А. В. Эрдниев*

[Fig. 3. Malye Derbety – Elista memorial equestrian expedition headed by A. Erdniev (in the center).
Children on horses of expedition attendees. Ketchenery (Kalmykia, Russia), May 2022.]

Конный поход получил в обществе широкий резонанс, особенно в социальных сетях, и имел очень хорошую поддержку среди населения. Некоторые пользователи даже стали создавать специальные видеоролики с участниками мероприятия.

Конный поход Малые Дербеты – Раздорская (июль 2022 г.)

После этого в Элисте началась подготовка похода на Дон. Маршрут похода был проложен по реальному историческому маршруту из Малых Дербет до Ажинова и Раздорской, по которому в 1942 г. 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия шла навстречу своим первым боям и испытаниям. Время похода было назначено на июль — в дни празднования 80-летия первых боев 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, в одном из которых погиб Эрдни Деликов (первый калмык — Герой Советского Союза), 100-летие которого также отмечается в 2022 г. Этот маршрут протяженностью почти 500 километров, рассчи-

танный на 14 дней перехода, технически был намного более сложный. Он частично пролегал в стороне от дорог, при этом необходимо было пересечь Сал, Дон и другие реки. При этом, если первый маршрут пролегал по местности, знакомой участникам похода, и где они могли ожидать содействия от родственников, знакомых, земляков, то теперь поход должен был пройти по малознакомой территории.

К отбору участников похода на Дон были предъявлены более строгие требования. Женщины и дети в группу не допускались. В нее отбирали только совершеннолетних мужчин и по рекомендациям опытных конников, подтверждающих, что кандидат сможет вынести тяготы двухнедельного пути длиной в полтысячи километров. К тому времени из зоны специальной военной операции на Украине вернулся калмыцкий добровольческий отряд, в составе которого были опытные конники, мечтавшие об участии в этом мероприятии [ПМА 2022: инф. 1].

Фото 4. А. Н. Оконов перед выходом из Малых Дербет (Калмыкия)

[Fig. 4. A. Okonov before marching off in Malye Derbety (Kalmykia, Russia)]

Фото 5. Б. А. Оконов участвует во флэшмобе на Лагонаки (Адыгея)

[Fig. 5. B. Okonov attending a flash mob in Lago-Naki (Adygea, Russia)]

Всего для участия в новом походе было отобрано 17 человек. Кроме того, в выходные дни в походе принимали участие два чиновника из руководства республики: руководитель Администрации Главы Республики Калмыкия Ч. Н. Бериков и заместитель председателя Правительства Республики Калмыкия Н. Г. Кюкеев.

Для сопровождения конного похода различные ведомства Калмыкии предоставили три служебных автомобиля: ВАЗ-2121 «Нива», бортовую ГАЗ-3302 «Газель» (с фургончиком) и УАЗ-452 «буханка» (со снаряжением). На борта всех машин была нанесена символика, посвященная 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии (фото 6, 7).

Для участников похода была специально пошита военная полевая форма кавалеристов образца 1942 г. с синими петлицами кавалеристов. Кроме того, для них подобрано вооружение. Большую помощь оказали коллеги из региональных отделений Российского военно-исторического общества Московской и Орловской областей: коман-

дир военно-исторического клуба «Крылатая пехота» К. Н. Марычев (г. Фрязино Московской обл.) и руководитель военно-исторического поискового клуба «Орловская пехота» С. Ю. Сретенский (г. Мценск Орловской обл.) предоставили 5 автоматов ППШ и 5 винтовок Мосина. Все образцы оружия были деактивированными и приспособлены под стрельбу холостыми патронами. Калмыцкий казачий округ Всевеликого Войска Донского при поддержке коллег из Астрахани собрал 19 шашек, в том числе 8 донских и 11 кавказских [ПМА 2022: инф. 3].

Командиром конной группы был избран А. Б. Анджаев, заместитель командира — А. В. Эрдниев, заместитель командира по вооружению — О. В. Болдырев, заместитель командира по тылу — Б. В. Зургадаев (фото 8). Они предварительно проехали по всему маршруту на машине, установили контакты с руководством населенных пунктов, в которых планировались дневки, обговорили условия встреч и торжественных мероприятий.

Фото 6. Бортовая ГАЗ-3302 «Газель» с символикой 110-й Калмыцкой кавдивизии
[Fig. 6. GAZelle dropside truck decorated with symbols of the 110th Kalmyk Cavalry Division]

Фото 7. ВАЗ-2121 «Нива» с символикой 110-й Калмыцкой кавдивизии
[Fig. 7. VAZ-2121 "Niva" decorated with symbols of the 110th Kalmyk Cavalry Division]

Фото 8. Руководство конной группы с племянницей Э. Т. Деликова у дома двух Героев Советского Союза (слева направо: О. В. Болдырев, Б. В. Зургадаев, Е. О. Деликова, А. В. Эрдниев, А. Б. Анджаев)

[Fig. 8. Leading members of the equestrian group with E. Delikov's niece (left to right: O. Boldyrev, B. Zurgadaev, E. Delikova, A. Erdniev, A. Andzhaev)]

Н. Г. Кюкеев установил контакты с руководством Ростовской области, встретился с руководством Багаевского (глава администрации — А. Н. Черных) и Усть-Донецкого (глава администрации — В. М. Гуснай) районов. План конного похода в целом был встречен с одобрением и получил полную поддержку от властей районов Ростовской области, по территории которых пролег маршрут похода. Первоначально планировалось завершить поход в день и месте последних боев 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии на Дону — 26 июля, в хуторе Ажинов. Однако, узнав о проведении 23 июля в станице Раздорской межрегионального фестиваля казачьей песни, организаторы решили приурочить завершение похода к этому мероприятию, учитывая его заметно больший охват населения и патриотический эффект [ПМА 2022: инф. 3]. Таким образом, поход прошел при полной поддержке властей, что в значительной мере облегчило реализацию проекта и позволило охватить больше населения.

Поход на Дон стартовал 10 июля в с. Малые Дербеты, от здания, где 80 лет находился штаб 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. В дальнейшем маршрут похода пролег через с. Садовое, с. Кануково, пос. Салын-Тугтун (родина Эрдни Деликова) Сарпинского района Республики Калмыкия, хут. Шебалин (Заветинского района), хут. Гуреев, хут. Новогашунский (Дубовского района), пос. Зимовники, ст. Кутейниковскую (Зимовниковского района), сл. Большую Мартыновку (Мартыновского района), хут. Золотаревку (Семикаракорского района), хут. Ажинов, ст. Багаевскую (Багаевского района) и завершился 23 июля в ст. Раздорской (Усть-Донецкого района), где принял свой последний бой Эрдни Деликов.

В эти дни на территории Калмыкии и Ростовской области установилась сильная жара. На утреннем митинге 10 июля в Малых Дербетах, посвященном началу похода, трое местных юнармейцев получили солнечный удар и были вынуждены покинуть строй, даже после того, как перешли в тень. Поэтому (за редким исключением) поход осуществлялся по следующему алгоритму. Отряд прибывал к определенному плану населенному пункту на рассвете и становился на дневку. Утром, как правило, всад-

никам предоставляли помещение для отдыха и принятия пищи (чаще всего это были местные школы). В назначенный час конники торжественно входили на главную площадь населенного пункта, где их встречали администрация и местное население. Затем участники похода вместе с администрацией, казаками, представителями иных структур (в первую очередь, силовых) прибывали к памятникам, связанным с историей Великой Отечественной войны, возлагали к ним цветы и заранее заготовленные венки от имени Главы Республики Калмыкии Б. С. Хасикова. На воинских захоронениях конники (с согласия местной администрации) отдавали почести в виде троекратного залпа холостыми патронами. Затем проходил праздничный концерт и ужин. После небольшого отдыха конный отряд в 2 часа ночи выступал к следующему населенному пункту [ПМА 2022: инф. 1].

Протяженность суточного перехода составляла (за некоторым исключением) от 30 до 50 км. В зависимости от расстояния, которое надо было пройти, задавался аллюр. На более коротких расстояниях лошади шли большей частью шагом, на более длинных использовался переменный аллюр — шаг мог сменяться на рысь и наоборот. Впрочем, на переходах конники могли в зависимости от настроения переходить на галоп и даже устраивать скачки на скорость. Наиболее сложным и протяженным оказался последний переход: из Багаевской в Раздорскую. Дело в том, что на участке Дона между Ольгинской и Константиновской нет мостов, имелись только паромные переправы в Багаевской и Семикаракорской, которые на ночь прекращали свою работу. Однако при переправе в Багаевской утром 22 июля конники могли опоздать к назначенному часу в Раздорскую. Поэтому они избрали более сложный маршрут протяженностью почти 80 км: из Багаевской группа в ночь выехала до Семикаракорска, утром переправилась там на пароме и прибыла в Раздорскую до полудня [ПМА 2022: инф. 2].

Все 17 всадников в возрасте от 18 до 70 лет выдержали тяготы похода. Кроме того, как упоминалось, на переходах Малые Дербеты — Садовое — Кануково (10–11 июля), Зимовники — Кутейниковская (16–17 июля) и на завершающем этапе в Раздорской (22–23 июля) к конникам в вы-

ходные дни присоединялись чиновники из руководства республики — Ч. Н. Бериков и Н. Г. Кюкеев (фото 9). На последних переходах Ажинов – Багаевская – Раздорская с конниками также ехал Народный джангарчи Республики Калмыкия Б. К. Манджиев. Один из организаторов в начале похода говорил, что не сомневался в том, что конники выдержат этот сложный маршрут, но выразил опасения, что скакуны могут не справиться с такой задачей. Лошади выдержали этот дальний переход, но в середине пути трое из них поранились, и их пришлось заменить [ПМА 2022: инф. 4].

Некоторые всадники позже вспоминали, что для них этот поход, как и другие, начинался как спортивно-туристический. Но по мере того, как они слышали слова людей на митингах, на личных встречах, их отношение к походу стало меняться. Вот как вспоминал об этом Б. В. Зургадаев: *«И там [в Салын-Тугтуне] был такой вот момент... наверно, один из самых трогательных, когда ты готов просто поддаться эмоциям, разрыдаться. К нам подошла женщина, принесла мешочек земли и два портрета... ее двух родных дядей, это ее мамы братья. Ее маме 95 лет, она сама не смогла прийти... Ее два родных дяди погибли на Дону, они служили в 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, и она принесла портреты их, попросила, чтобы мы портреты их по этому маршруту пронесли с собой. Как будто они живые, с нами идут. И землю, чтобы мы там рассыпали... им частичку родной земли, чтобы их души успокоились... И когда она нам говорила, эту землю давала, эти портреты, мы стояли с глазами, полными слез... И в тот момент произошел, наверно, какой-то щелчок... я лично, наверно, начал осознавать свою миссию. Что это не просто поход, мы едем там, красиво нарядились, смеемся, веселимся, а что действительно что-то там произошло в голове на тот момент... Я понял, что это не просто поход, а это миссия»* [110 Калмыцкая...].

Действительно, жительница пос. Салын-Тугтун С. Лиджиева обратилась к всадникам с просьбой взять в поход портреты ее родственников У. Б. Лиджиева (политрука) и Б. П. Доржинова (воина 273-го кавале-

рийского полка), погибших на Дону, чтобы они еще раз прошли по этому маршруту, как живые (фото 10). Здесь мы наблюдаем явную перекличку с другой коммеморативной практикой — «Бессмертным полком» [Гриценко 2022: 2].

Этот поход был встречен с большим энтузиазмом и патриотическим подъемом во всех населенных пунктах, где были дневки участников похода. Теплый прием оказали не только жители Малодербетовского (глава С. Н. Лиджиев) и Сарпинского (глава Б. А. Манджиев) районов Калмыкии, но и всех районов Ростовской области. Жители других населенных пунктов, в которых конная группа не останавливалась на дневку, даже высказывали обиду, почему конники не заехали к ним. В краю донского казачества, как и в Калмыкии, лошади пользуются особым почетом и уважением, но ныне из-за низкой рентабельности коневодство в Ростовской области находится в упадке. Во многих селах осталось лишь несколько лошадей или нет вовсе. Поэтому появление большой группы всадников, одетых в красноармейскую форму времен Великой Отечественной войны, всегда вызывало восторг и сильный интерес местных жителей. В хуторе Ажинов один из местных жителей передал участникам конного похода шашку времен Великой Отечественной войны, найденную в огороде. По всей видимости, это был клинок одного из воинов 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Ныне он хранится в Национальном музее им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкия [ПМА 2022: инф. 3].

В каждом населенном пункте проходил концерт, который иногда организовывался совместно местными жителями и участниками похода, которые вместе танцевали, пели песни. Специально для этого участники похода выучили песню А. Б. Санджиева «110-я», а Р. И. Манжиков (племянник командира взвода батареи 110-кавалерийской дивизии И. Г. Ургадулова) подготовил номера по фланкировке саблями и владению плетью. В некоторых населенных пунктах к конникам присоединялись артисты, которые специально приезжали из Калмыкии. Такие концерты собирали большое количество зрителей, от души благодаривших артистов и конников за их номера.

Фото 9. Заместитель председателя Правительства Республики Калмыкия Н. Г. Кюкеев (слева) и руководитель Администрации Главы Республики Калмыкия Ч. Н. Бериков во время похода в Раздорскую

[Fig. 9. Deputy Prime-Minister of Kalmykia N. Kyukeev (on the left) and Chief of Executive Office of Kalmykia's Head Ch. Berikov during the expedition to Razdorskaya]

Фото 10. Портреты У. Б. Лиджиева и Б. П. Доржинова — воинов 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии конники пронесли от Салын-Тугтуна до Раздорской

[Photo 10. Portraits of veterans U. Lidzhiev and B. Dorzhinov carried by horse riders from Salyn-Tugtun (Kalmykia) to Razdorskaya (Rostov Oblast)]

Встреча в Раздорской (22–23 июля 2022 г.)

На заключительные мероприятия в Раздорскую прибыла большая делегация из Калмыкии, в которую входили руководитель Администрации Главы РК Ч. Н. Бериков, заместитель председателя Правительства РК Н. Г. Кюкеев, заместитель министра спорта и молодежной политики Н. А. Болдырева, заместитель председателя Совета Старейшин РК С. Г. Ершов, атаман Калмыцкого казачьего округа А. Н. Андреев и др. В составе делегации были чиновники, ученые, общественные деятели, группа юнармейцев из Калмыкии, принявшая участие в ряде торжественных мероприятий, вокально-хореографический ансамбль «Сар-Герел».

Эти мероприятия начались 22 июля в хуторе Пухляковский с открытием мемориальной доски Герою Советского Союза Эрдни Деликову (фото 11).

Затем они продолжились в самой станции Раздорской. В этот момент в станице (в которой, по словам местных жителей, дождей не было два месяца) начался проливной ливень. Дождь был такой силы, что по улицам текли потоки, а от машин, проезжавших по ним, возникали буруны. Несмотря на это, местные жители не разошлись и с восторгом встретили конников, хотя митинг памяти пришлось перенести на следующий день. После этого в местном историко-этнографическом музее представители Национального музея им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкия открыли выездную выставку, посвященную 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Затем в местном клубе прошел концерт артистов Республики Калмыкия, который открыл Л. Б. Очир-Горяев с песней раздорского поэта А. Колодяжного «Калмыцкие тюльпаны, донские ковыли» (о подвиге Э. Деликова). Затем его сменили артисты ансамбля «Сар-Герел». Концерт был принят местными жителями с восторгом. Однако ливень в какой-то степени «скомкал» программу мероприятий, в частности, была отменена запланированная на вечер акция «Свеча памяти».

23 июля программа мероприятий продолжилась в парке, где прошел митинг, посвященный памяти воинов 25-го пограничного полка, которые бок о бок сражались с воинами 110-й кавалерийской дивизии в Раздорской, объединенный с отмененным

накануне митингом в память о 110-й кавалерийской дивизии. Перед началом митинга снова пошел сильный дождь. Знамена промокли настолько, что древки из полипропиленовых труб от их тяжести сгибались в дугу. Однако участники похода, делегации из Калмыкии, местные жители во главе с руководителем администрации Усть-Донецкого района В. М. Гуснаем стойко выдержали и это испытание. Выступающие на митинге рассказали о значимости событий, происходивших 80 лет назад, о подвиге Эрдни Деликова, о необходимости беречь память о защитниках Отечества. Затем участники митинга возложили цветы к плитам с именами защитников Раздорской и памятнику Эрдни Деликова. К тому времени дождь прошел, и многие местные жители с удовольствием фотографировались с гостями в форме 1942 г. и катались на лошадях.

Программа мероприятий продолжилась на межрегиональном фестивале казачьей песни, который прошел на пляже станицы Раздорской. На сцене также выступили участники похода с песней «110-я», ансамбль «Сар-Герел» и Л. Б. Очир-Горяев представили свою программу. Кроме того, участники похода демонстрировали свое искусство владения конем, а во время исполнения одной из песен поддерживали выступающий коллектив конным хороводом перед сценой. По завершении фестиваля участники конного похода погрузились на машины и уехали в Элисту.

Заключение

На всем протяжении похода широко освещался в социальных сетях, о нем было подготовлено несколько репортажей в средствах массовой информации, сделано несколько видеороликов. Это мероприятие получило широкий резонанс в обществе и поддержку среди населения Калмыкии. 24 июля в столице республики всадников ждала восторженная встреча элистинцев, восхищенных реализацией столь неординарного и сложного проекта. Все конники были награждены благодарностями Главы Республики Калмыкия, которые вручил и. о. председателя Правительства О. С. Шургучеев. Под занавес конники представили встречающим их элистинцам концертную программу, которую они освоили за это время. Следует заметить, что для многих

Фото 11. Юнармейцы Ростовской области и Республики Калмыкия у мемориала в хуторе Пухляковский

[Photo 11. Young Army cadets of Rostov Oblast and Kalmykia at the memorial in Pukhlyakovsky (Rostov Oblast, Russia)]

конников столь протяженный поход стал серьезным испытанием. Некоторые к концу похода стали уставать, но никто не дрогнул, не выказал слабости в глазах товарищей, мнение которых для них было важнее всего. Когда наконец это испытание завершилось, они с гордостью говорили: «Мы сделали это!».

Подводя итоги конным походам, посвященным 80-летию первых боев 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, можем

сказать, что коммеморативная практика, реализованная в такой форме, оказалась весьма эффективной и эффективной для мемориализации подвигов национального соединения. Нет сомнений, что те, кто видел и общался с конниками, надолго запомнят их и 110-ю Калмыцкую кавалерийскую дивизию, которую они представляли. Однако процесс мемориализации работает в обе стороны: сами всадники узнали много нового об истории национального соединения.

Полевые материалы автора

ПМА 2022: инф. 1 — Информант Анджаев Александр Борисович (запись 2022 г., Элиста).
ПМА 2022: инф. 2 — Информант Зургадаев Бакур Васильевич (запись 2022 г., Элиста).
ПМА 2022: инф. 3 — Информант Кюкеев Наран Геннадьевич (запись 2022 г., Элиста).
ПМА 2022: инф. 4 — Информант Эрдниева Александр Владимирович (запись 2022 г., Элиста).

Author's Field Data

Informant 1: Aleksandr B. Andzhaev. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation), 2022. (In Russ. and Kalm.)
Informant 2: Bakur V. Zurgadaev. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation), 2022. (In Russ. and Kalm.)
Informant 3: Naran G. Kyukeev. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation), 2022. (In Russ. and Kalm.)
Informant 4: Aleksandr V. Erdniev. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation), 2022. (In Russ. and Kalm.)

Источники

- В боях за Дон 1969 — В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М. Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.
- В боях за Северный Кавказ 1973 — В боях за Северный Кавказ: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М. Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 124 с.
- НА КалмНИЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

- Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Russian State Archive of Sociopolitical History.
- Vladimirtsev N. I., Kokurin N. I. (comps.) NKVD-MVD of the USSR: Struggling against Banditry And Armed Nationalist Underground in Western Ukraine, Western Belorussia, and the Baltic. Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 369 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. (comp., ed.) In Battles for the Don: Memoirs by Veterans of the 110th Separate Kal-

- myk Cavalry Division. Elista: Kalmykia Book Publ., 1969. 180 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. (comp., ed.) In Battles for the North Caucasus: Memoirs by Veterans of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. Elista: Kalmykia Book Publ., 1973. 124 p. (In Russ.)
- 110th Kalmyk Cavalry Division. Undying Glory. On: YouTube. Camel Island (Russ. *Verbylyuzhiy ostrov*) channel. Posted on 29 July 2022. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=8qLEiPaPPJs> (accessed: 1 August 2022). (In Russ.)
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
- 110 Калмыцкая 2022 — 110 Калмыцкая кавалерийская дивизия: вечная слава [электронный ресурс] // YouTube. Верблюжий остров. 2022. 29 июля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8qLEiPaPPJs> (дата обращения: 01.08.2022).

Литература

- Безугольный 2019 — *Безугольный А. Ю.* Опыт строительства Вооруженных сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. М., 2019. 597 с.
- В годы... 1976 — В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А. И. Заднепрук, А. С. Заярный, М. И. Гучинов, Н. У. Илишкин, М. Т. Бимбаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 239 с.
- В годы... 1981 — В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А. И. Заднепрук, А. С. Заярный, М. И. Гучинов, Н. У. Илишкин, М. Т. Бимбаев. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 235 с.
- В годы... 2003 — В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А. И. Заднепрук, А. С. Заярный, М. И. Гучинов, Н. У. Илишкин, М. Т. Бимбаев. 3-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 335 с.

- В Калмыкии... 2021 — В Калмыкии открыли мемориальную доску в память о подвиге воинов 110-й ОККД [электронный ресурс] // Московский Комсомолец в Калмыкии. 2021. 14 ноября. URL: <https://www.mk-kalm.ru/social/2021/11/14/v-kalmykii-otkryli-memorialnuyu-dosku-v-pamyat-o-podvige-voinov-110y-okkd.html?ysclid=la992wyzgp3817447> (дата обращения: 07.08.2022).
- В столице... 2022 — В столице Калмыкии улице присвоено имя ветерана войны [электронный ресурс] // Степные вести. 2022. 7 ноября. URL: https://tegrk.ru/archives/146270?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 07.11.2022).
- Воробьева 2020 — *Воробьева В. Н.* Мемориализация участников Великой Отечественной войны в Книгах Памяти районов и сел Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 40–54. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-40-54
- Гриценко 2022 — *Гриценко Г.* Воинам 110-й кавдивизии посвящается // Сарпинские вести. 2022. 16 июля. С. 1–2.

- Жанбосинова 2015 — *Жанбосинова А. С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // *Мир Большого Алтая*. 2015. Т. 1. № 2. С. 123–131.
- Заярный 2016 — *Заярный С. А.* Новые данные о боевых действиях 110-й кд на Дону // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 24–46.
- Заярный, Очиров 2017 — *Заярный С. А., Очиров У. Б.* 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017. № 6. С. 41–59. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-43-61
- Заярный, Очиров 2018 — *Заярный С. А., Очиров У. Б.* «Разбежавшаяся» 110-я калмыцкая кавдивизия: реальность войны и исторический миф // *Новый исторический вестник*. 2018. № 4 (58). С. 34–62.
- Кантор 2015 — *Кантор Ю. З.* Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941–1945 гг. // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2015. № 3 (142). С. 8–22.
- Кичиков 1967 — *Кичиков М. Л.* Трудящиеся Калмыцкой АССР в борьбе за Дон и Северный Кавказ (1941–1942 гг.) // К научной сессии по истории и культуре народов Северного Кавказа и Дона, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (Тезисы докладов и сообщений). Элиста: [б. и.], 1967. С. 19–24.
- Кичиков 1968 — *Кичиков М. Л.* О некоторых вопросах истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // *Ученые записки [Калмыцкого НИИЯЛИ]*. Вып. 6. Серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 163–194.
- Кичиков 1974 — *Кичиков М. Л.* К историографии боевого пути 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии // *Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ*. Вып. 10. Серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 219–226.
- Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Корсак 2021 — *Корсак А. И.* Воинские захоронения периода Великой Отечественной войны на территории белорусско-латвийско-русского пограничья в советской практике увековечения памяти // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11. № 1. С. 174–183.
- Кротов 2018 — *Кротов П. А.* Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М.: Яуза-каталог, 2018. 640 с.
- Кулик 2014 — *Кулик С. В.* Мемориализация памяти жертв Великой Отечественной войны на Северо-Западе России // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2014. № 1 (191). С. 200–206.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Манаев 2018 — *Манаев А. Ю.* Мемориализация событий Великой Отечественной войны в Крыму: памятниксохранный аспект (1944–1991) // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки*. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 25–39.
- Материалы... 1910 — Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии. В 2 ч. Ч. 1. Астрахань: Губ. тип., 1910. 350 с.
- Материалы... 1970 — Материалы совещания по вопросу создания истории 110 Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии // *Ученые записки [КНИИЯЛИ]*. Серия историческая. Вып. 9. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 300–313.
- Мегилл 2007 — *Мегилл А.* Историческая эпистемология: Научная монография / пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
- Медведев 2008 — *Медведев Д. А.* Выступление на Военном параде в честь 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне [электронный ресурс] // Портал «Президент России». 2008. 9 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/30> (дата обращения: 11.05.2020).
- Медведев 2021 — *Медведев М. В.* Мемориализация и музеефикация событий Великой Отечественной войны в западных районах Ростовской области как фактор сохранения исторической памяти // *Труды Южного научного центра Российской академии наук*. 2021. Т. 9. С. 172–182.
- Новицкий 2016 — *Новицкий И.* Коневодство в России: особенности и основные виды [электронный ресурс] // *СельхозПортал. Статьи и материалы. Животноводство*. 2016. 25 ноя-

- бря. URL: <https://xn--80ajgpcpbhks4a4g.xn--p1ai/articles/konevodstvo-v-rossii> (дата обращения: 27.09.2022).
- Оборона... 1949 — Оборона 273-м кп р. Дон в районе Раздорская, Мелеховская // Сборник тактических примеров боевых действий кавалерийского полка по опыту Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1949. С. 82–87.
- Очиров 2017 — *Очиров У. Б.* Формирование 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий в 1941–1942 годах: трудности и итоги // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 55–70.
- Очиров 2019 — *Очиров У. Б.* Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широклаге: статистическое исследование // Magna adsurgit: historia studiorum. 2019. № 1. С. 23–35.
- Очиров 2021a — *Очиров У. Б.* Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Ч. 1 // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5. С. 937–955. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-937-955
- Очиров 2021b — *Очиров У. Б.* Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Ч. 2 // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 6. С. 1176–1187. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1176-1187
- Очиров, Заярный, 1 2018 — *Очиров У. Б., Заярный С. А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. I. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 528 с.
- Очиров, Заярный, 2 2018 — *Очиров У. Б., Заярный С. А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. II. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 524 с.
- Первый конный... 2010 — Первый конный поход на священную гору Богдо «Өөрдин хаалһар» [электронный ресурс] // ВКонтакте. Центр развития современной ойратской культуры «Тенгрин уйдл». 2010. 18 мая. URL: https://vk.com/topic-17095258_22896119?offset=0. (дата обращения: 20.09.2022).
- Путин 2004 — *Путин В. В.* Выступление на военном параде, посвященном 59-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне [электронный ресурс] // Портал «Президент России». 2004. 9 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22453> (дата обращения: 11.05.2020).
- Расширенное заседание... 1970 — Расширенное заседание ученого совета Калмыцкого НИИЯЛИ // Ученые записки [КНИИЯЛИ]. Серия историческая. Вып. 9. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 314–321.
- Рахимов 2009 — *Рахимов Р. Н.* Вместо легкой кавалерии // Родина. 2009. № 7. С. 13.
- Северцев 2022 — *Северцев О. В.* Ученые Калмыкии на высоте двух тысяч метров почтили память бойцов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии [электронный ресурс] // РИА «Калмыкия». 2022. 4 мая. URL: <https://riakalm.ru/news2/33174-uchenye-kalmykii-na-vysote-dvukh-tysyach-metrov-pochtili-pamyat-bojtsov-110-j-otdelnoj-kalmytskoj-kavalerijskoj-divizii> (дата обращения: 11.09.2022).
- Семенова, Векилова, Полферова 2019 — *Семенова Г. В., Векилова С. А., Полферова А. С.* Коммеморативные практики и их роль в актуализации исторической памяти человека в современном мире // Развитие человека в современном мире. 2019. № 3. С. 40–47.
- Солдаты Победы 2015 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.
- Тербатаев 2021 — *Тербатаев О.* О конном туризме и калмыцкой породе лошадей // Хальмг үнн. 2021. 23 января.
- Тишков 2021 — *Тишков В. А.* Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: Времена, 2021. 413 с.
- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991. 96 с.
- Умираниева 2019 — *Умираниева Н.* Церен Басангов: Надо возвращаться в степь [электронный ресурс] // Степные вести. 2019. 5 июня. URL: <https://tegrk.ru/archives/67084?ysclid=la5cad5hx974345275> (дата обращения: 11.09.2022).
- Хомутников 2012 — *Хомутников Х. П.* Выдающийся сын калмыцкого народа. Элиста: Герел, 2012. 24 с.
- Хомутников 2013 — *Хомутников Х. П.* Жизнь и судьба в годы репрессий. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2013. 108 с.
- Хомутников 2016 — *Хомутников Х. П.* Они воевали за Отечество. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2016. 144 с.
- Хомутников 2021 — *Хомутников Х. П.* Сквозь огонь и время... Историко-документальное повествование. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. 176 с.

References

- 100th Kalmyk Cavalry Division: Materials of a meeting to have discussed the shaping of its history. In: Scholarly Notes. Vol. 9. Series 'History'. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1970. Pp. 300–313. (In Russ.)
- Alekseeva P. E., Bayanova A. T., Zayarny S. A., Lantsanova L. Yu. Soldiers of the Victory. Vol. 2: Name List of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. 373 p. (In Russ.)
- Bezugolny A. Yu. Experiences of Military Force Development, 1922–1945: An Ethnic Aspect. Dr. Sc. (history) thesis. Moscow, 2019. 597 p. (In Russ.)
- Defensive actions of the 273rd Cavalry Regiment on the Volga between Razdorskaya and Melekhovskaya. In: [Exploring] Experiences of the Great Patriotic War, 1941–1945. Collected Tactical Patterns of Combat Actions to Be Arranged by a Cavalry Regiment. Moscow: Voenizdat, 1949. Pp. 82–87. (In Russ.)
- Extended meeting of Academic Board at Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. In: Scholarly Notes. Vol. 9. Series 'History'. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1970. Pp. 314–321. (In Russ.)
- Gritsienko G. Tribute to soldiers of 110th Cavalry Division. *Sarpinskije vesti*. 2022, July 16. (In Russ.)
- Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Materials of a Survey on Statistics, Economy, Nature, and History. In 2 parts. Astrakhan: Astrakhan Governorate Press, 1910. Part 1. 350 p. (In Russ.)
- Kantor Yu. Z. The Great Patriotic War events as reflected in the Russian SFSR museums between 1941 and 1945. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2015. No. 3 (142). Pp. 8–22. (In Russ.)
- Khomutnikov Kh. P. A Prominent Representative of the Kalmyk Ethnos. Elista: Gerel, 2012. 24 p. (In Russ.)
- Khomutnikov Kh. P. Life and Fate in the Years of Repression. Elista: Dzhangar, 2013. 108 p. (In Russ.)
- Khomutnikov Kh. P. They Were Fighting for Motherland. Elista: Dzhangar, 2016. 144 p. (In Russ.)
- Khomutnikov Kh. P. Through Fire and Time: A Documentary Historical Narrative. Elista: RIA Kalmykiya, 2021. 176 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. 110th Separate Kalmyk Cavalry Division: Historiography of the battle route revisited. In: Scholarly Notes. Vol. 10. Series 'History'. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. Pp. 219–226. (In Russ.)
- Kichikov M. L. Kalmykia during the Great Patriotic War: Some issues of history revisited. In: Scholarly Notes. Vol. 6. Series 'History'. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1968. Pp. 163–194. (In Russ.)
- Kichikov M. L. Laborers of the Kalmyk ASSR in battles for the Don and the North Caucasus, 1941–1942. In: Histories and Cultures of the North Caucasus and the Don. Jubilee session abstracts. Elista, 1967. Pp. 19–24. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Economy and Social Relations in Kalmykia, Late 19th – Early 20th Centuries: Historical Experience and Contemporaneity. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)
- Korsak A. I. Military burials of the Great Patriotic War on the territory of the Belarusian-Latvian-Russian border in the Soviet practice of immortalization of memory. *Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 1. Pp. 174–183. (In Russ.)
- Krotov P. A. Battle of Poltava: The Breakthrough Victory of Russian History. Moscow: Yauza-Katalog, 2018. 640 p. (In Russ.)
- Kulik S. V. Memorialization of remembrance of the victims of the Great Patriotic war in the North-West of Russia. *Terra Linguistica*. 2014. No. 1 (191). Pp. 200–206. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Manaev A. Yu. Memorialization of the events of the Great Patriotic War in Crimea: The monumental aspect. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science*. 2018. Vol. 4 (70). No. 4. Pp. 25–39. (In Russ.)
- Medvedev D. A. Speech at military parade celebrating 63rd anniversary of Victory. On: President of Russia (web portal). Posted on 9 May 2008. Available at: <http://www.kremlin.ru/transcripts/30> (accessed: 11 May 2020). (In Russ.)
- Medvedev M. V. Memorialization and museumification of the events of the Great Patriotic War in the western areas of the Rostov Region as a factor of historical memory preservation. In: Transactions of the Southern Scientific Center RAS. Vol. 9. Rostov-on-Don, 2021. Pp. 172–182. (In Russ.)
- Megill A. Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice. M. Kukart-

- seva, V. Kataev, V. Timonin (transl.). Moscow: Kanon+, 2007. 480 p. (In Russ.)
- Memorial tablet to commemorate heroic deeds of soldiers from 110th SKCD opened in Kalmykia. On: Moskovskij Komsomolets in Kalmykia (newspaper website). Posted on 14 November 2021. Available at: <https://www.mk-kalm.ru/social/2021/11/14/v-kalmykii-otkryli-memorialnuyu-dosku-v-pamyat-o-podvige-voinov-110y-okkd.html?ysclid=la992wyzgp3817447> (accessed: 7 August 2022). (In Russ.)
- Novitsky I. Horse breeding in Russia: Peculiarities and key types reviewed. On: Web Portal of Agriculture (Russ. *SelkhozPortal*). Articles and materials. Livestock breeding. Posted on 25 November 2016. Available at: <https://xn--80ajgpcebkhkds4a4g.xn--p1ai/articles/konevodstvo-v-rossii> (accessed: 27 September 2022). (In Russ.)
- Ochirov U. B. Soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division in Shiroklag: A statistical survey. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. No. 1. Pp. 23–35. (In Russ.)
- Ochirov U. B. The formation of the 110th and 111th Kalmyk Cavalry Divisions in 1941–1942: Difficulties and results. *The New Historical Bulletin*. 2017. No. 4 (54). Pp. 55–70. (In Russ.)
- Ochirov U. B. The revived from oblivion: Struggling for historical memory of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Part 1. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 937–955. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-937-955
- Ochirov U. B. The revived from oblivion: Struggling for historical memory of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Part 2. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1176–1187. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1176-1187
- Ochirov U. B., Zayarny S. A. Remained Faithful to the Oath: The Formation and Battle Path of the 110th Kalmyk Cavalry Division Reviewed. Vol. 1. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 528 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Zayarny S. A. Remained Faithful to the Oath: The Formation and Battle Path of the 110th Kalmyk Cavalry Division Reviewed. Vol. 2. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 524 p. (In Russ.)
- Öördin xaalýar (Following path of Oirats): First equestrian expedition to holy Mount Bogdo. On: VK Social Networking Service. Contemporary Oirat Culture Development Center (group account). Posted on 18 May 2010. Available at: https://vk.com/topic-17095258_22896119?offset=0. (accessed: 20 September 2022). (In Russ.)
- Putin V. V. Speech at military parade celebrating 59th anniversary of Victory. On: President of Russia (web portal). Posted on 9 May 2004. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22453> (accessed: 11 May 2020). (In Russ.)
- Rakhimov R. N. In lieu of light cavalry. *Rodina*. 2009. No. 7. P. 13. (In Russ.)
- Semenova G. V., Vekilova S. A., Polferova A. S. Commemorative practices and their role in updating of historical memory of man in the modern world. *Human Development in the Modern World*. 2019. No. 3. Pp. 40–47. (In Russ.)
- Severtsev O. V. Kalmykia's scholars paid homage to soldiers of 110th Separate Kalmyk Cavalry Division at 2,000 meters above sea level. On: RIA Kalmykia news agency (website). Posted on 4 May 2022. Available at: <https://riakalm.ru/news2/33174-uchenye-kalmykii-na-vysotedvukh-tysyach-metrov-pochtili-pamyat-bojtssov-110-j-otdelnoj-kalmytskoj-kavalerijskoj-divizii> (accessed: 11 September 2022). (In Russ.)
- Street in Kalmykia's capital named after war veteran. On: Stepnye Vesti (online news outlet). Posted on 7 November 2022. Available at: https://tegrk.ru/archives/146270?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 7 November 2022). (In Russ.)
- Terbataev O. About equestrian tourism and Kalmyk horse. *Khalmg Ünn*. 2021, January 23. (In Russ.)
- Tishkov V. A. The National Idea of Russia: Russian Nation and Its Identity. Moscow: Vremena, 2021. 413 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. The Kalmyks: Deportation and Return. Elista: Sanan, 1991. 96 p. (In Russ.)
- Umiralieva N. Tseren Basangov: Time to move back to steppe. On: Stepnye Vesti (online news outlet). Posted on 5 June 2019. Available at: <https://tegrk.ru/archives/67084?ysclid=la5cad5hx974345275> (accessed: 11 September 2022). (In Russ.)
- Vorobyova V. N. The memorialization of the participants of the Great Patriotic War in the memorial books of the regions and villages of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center RAS*. 2020. No. 4. Pp. 40–54. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-40-54
- Zadnepruk A. I., Zayarny A. S., Guchinov M. I., Ilshkin N. U., Bimbaev M. T. In the Years of Ordeals: The Battle Route of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 239 p. (In Russ.)

- Zadnepruk A. I., Zayarny A. S., Guchinov M. I., Ilshkin N. U., Bimbaev M. T. In the Years of Ordeals: The Battle Route of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1981. 235 p. (In Russ.)
- Zadnepruk A. I., Zayarny A. S., Guchinov M. I., Ilshkin N. U., Bimbaev M. T. In the Years of Ordeals: The Battle Route of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 335 p. (In Russ.)
- Zayarny S. A. 110th Cavalry Division in combat operations for the Don: Newly discovered data reviewed. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. No. 2. Pp. 24–46. (In Russ.)
- Zayarny S. A., Ochirov U. B. The “runaway” 110th Kalmyk Cavalry Division: The reality of the war and historical myth. *The New Historical Bulletin*. 2018. No. 4 (58). Pp. 34–62. (In Russ.)
- Zayarny S. A., Ochirov U. B. The 110th Separate Kalmyk Cavalry Division in the defensive battles for Don River crossings and its role in the rescue of some Southern Front units in the summer of 1942. *Oriental Studies*. 2017. No. 6. Pp. 41–59. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-43-61
- Zhanbosinova A. S. Cultural memory and memorialization of the Great Patriotic War at the present stage. *World of the Great Altai*. 2015. Vol. 1. No. 2. Pp. 123–131. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 4, pp. 834–848, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-834-848

Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская *Кусимово-8* (Южное Зауралье)

Вячеслав Георгиевич Котов¹, Никита Сергеевич Савельев²

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН
 (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-3510-0058. E-mail: kslav1@yandex.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН
 (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-3643-2388. E-mail: sns_1971@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Котов В. Г., Савельев Н. С., 2022

Аннотация. *Введение.* Полноценное изучение процесса начальных этапов заселения территории южно-уральского региона началось после открытия стоянки *Мысовая* в Абзелиловском районе Башкортостана. Материал эпохи палеолита с этого памятника рассматривался как смешанный — ашело-мустьерский или мустьерский. В последние годы поблизости от этого памятника было открыто местонахождение эпохи нижнего и среднего палеолита *Кусимово-8*. Оно представляет собой рассеянную стоянку-мастерскую на выходах галечного кремня на поверхности террасы палеозера Банное-Сабакты. *Цель* исследования — изучение ранних этапов заселения южно-уральского региона. В данной работе описывается и анализируется коллекция нижнего палеолита. Находки были выделены на основании технико-типологических характеристик и сохранности. Всего присутствует в собрании 121 изделие. Большая часть предметов изготовлена из галек кремня и только 2 бифаса — из диабазы. Нуклеусы с патинированной поверхностью (19 экз.) разнообразны: в основном присутствуют ядрища плоские параллельного и субпараллельного скалывания, за ними по возрастанью следуют радиальные, веерообразный и ортогональный нуклеусы. Орудия представлены рубилами овальной и миндалевидной формы, а также кливером, пикообразными орудиями, чоппером, заготовками бифасов, разнообразными скребками. Стратиграфия шурфов показала наличие двух культурных горизонтов: под культурным слоем эпохи среднего палеолита в серовато-коричневом суглинке с доломитовой щебенкой ниже на 0,5 м в желтовато-коричневом суглинке были обнаружены кремневые сколы и бифасиальное рубящее орудие. Палеоэкологические исследования шур-

фов демонстрируют принадлежность отложений желтовато-коричневого суглинка к среднему плейстоцену. В аналогичных условиях были обнаружены нижнепалеолитические находки на стоянке *Мысовая*. Сходство обоих памятников позволяет говорить о сопоставимом возрасте этих коллекций и принадлежности их к единой индустрии карышкинского типа, которая объединяет большую часть памятников нижнего палеолита Южного Зауралья. Все они характеризуют своеобразный вариант тейякской традиции нижнего палеолита.

Ключевые слова: стоянка-мастерская, нижний палеолит, технология, типология, стратиграфия, Южное Зауралье

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)». Авторы выражают благодарность Р. Г. Курманову, сотруднику Института геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН, за проведенные палинологические исследования.

Для цитирования: Котов В. Г., Савельев Н. С. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская *Кусимово-8* (Южное Зауралье) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 834–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-834-848

Lower Paleolithic Workshop Site of *Kusimovo-8* (Southern Transurals)

*Viacheslav G. Kotov*¹, *Nikita S. Savelev*²

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
 0000-0002-3510-0058. E-mail: kslav1@yandex.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-3643-2388. E-mail: sns_1971@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kotov V. G., Savelev N. S., 2022

Abstract. Introduction. Comprehensive and efficient investigations of the earliest peopling of the Southern Urals became possible after the discovery of Mysovaya site in Abzelilovsky District of Bashkortostan (Russia). The Paleolithic materials from this site were considered mixed — Acheulean/Mousterian — or Mousterian proper. In recent years, the Lower and Middle Paleolithic site of Kusimovo-8 has been discovered nearby. This is a scattered workshop site on pebble flint outcrops within the terrace surface of the Bannoe-Sabakty paleolake. **Goals.** The study attempts an insight into the earliest peopling of the Southern Urals, describes and analyzes the Lower Paleolithic collection. **Results.** The finds were identified on the basis of technical and typological characteristics and preservation parameters. The collection comprises a total of 121 items, most of the objects made of flint pebbles and only two bifaces made of diabase. Nucleuses with patinated surfaces (19 items) are diverse enough: mainly flat cores of parallel and sub-parallel shearing are available to be quantitatively followed by radial, fan-shaped, and orthogonal cores. The tools are represented by oval and almond-shaped hand axes, cleavers, piked tools, a chopper, biface blanks, and various side-scrapers. The stratigraphy of test pits shows the presence of two cultural horizons: flint chips were found under the Middle Paleolithic cultural layer (grayish-brown loam with dolomite gravel) — 0.5 m lower in yellowish-brown loam. Paleoecological analyses of the pits attest to that yellowish-brown loam deposits can be dated to the Middle Pleistocene. Similar conditions were identified for Lower Paleolithic finds discovered at Mysovaya site. Similarity of both the sites makes it possible to conclude as to comparable ages of these collections and that they may cluster together within one Karyshkino-type industry which unites a majority of Lower Paleolithic sites across the Southern Transurals, all of them to form a specific variant of the Tayacian.

Keywords: workshop site, Lower Paleolithic, technology, typology, stratigraphy, Southern Transurals
Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 22-28-00815 ‘Comprehensive Reconstruction of How Southern Ural Mountain Steppes Were Peopled from the Stone Age to Modern Times: Sociocultural and Environmental Transformations’. Authors extend gratitude to R. Kurmanov, research associate of the Institute of Geology of the Ufa Federal Research Centre of the RAS) for the conducted spore-and-pollen analyses.

For citation: Kotov V. G., Savelev N. S. Lower Paleolithic Workshop Site of *Kusimovo-8* (Southern Transurals). *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 834–848. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-834-848

Введение

Проблема первоначального заселения территории Уральского региона является дискуссионной до настоящего времени. Долгое время все рассуждения об этом основывались на материалах стоянки *Мысовая* (Урта-Тубе, Карабалыкты VII) на оз. Карабалыкты в Абзелиловском районе Башкортостана, в 30 км к западу от г. Магнитогорска [Бадер, Матюшин 1973: 135]. На стоянке в неясных стратиграфических условиях были обнаружены полсотни находок палеолитического облика, обладающие архаическими технико-типологическими характеристиками и особой сохранностью (патина, люстраж), на основании чего эти изделия были отделены от другого материала эпохи голоцена.

По мнению О. Н. Бадера и Г. Н. Матюшина, палеолитическая коллекция стоянки *Мысовая* содержит наиболее типичные для развитого мустье формы — мустьерские и бифасиальные остроконечники, дисковидные и радиальные нуклеусы [Бадер, Матюшин 1973: 137, 142]. Между тем палеолитические материалы этого памятника содержат изделия явно более архаичные, свойственные нижнему палеолиту, среди которых грубые рубила, массивные скребла и чоппер. Все это вызвало дискуссии по поводу возраста тех или иных находок: относится ли часть изделий к нижнему или среднему палеолиту и является ли палеолитический памятник однослойным или многослойным [Матюшин 1976: 461–462].

Однако в последние два десятилетия в Южном Зауралье был открыт и исследован ряд памятников нижнего палеолита, продемонстрировавших определенное сходство

индустрий с палеолитическими находками со стоянки *Мысовая* [Котов 2013; Котов 2015].

Кроме того, в непосредственной близости от стоянки *Мысовая*, в 3 км к юго-западу, с 2019 г. авторами исследуется стоянка среднего палеолита *Кусимово-6*, в обширной коллекции которой присутствуют аналогичные типы изделий среднего палеолита (бифасиальные остроконечники, скребла на плитках, дисковидные нуклеусы и др.) [Котов, Савельев, Русланова 2020].

Рядом со стоянкой *Кусимово-6*, в этой же долине, были обнаружены другие палеолитические памятники (стоянка *Кусимово-7* и местонахождение¹ *Кусимово-8*), на которых были сделаны находки нижнего палеолита, позволяющие по-новому взглянуть на материалы стоянки *Мысовая* и на ранний этап палеолитической истории Уральского региона в целом.

Местонахождение *Кусимово-8*

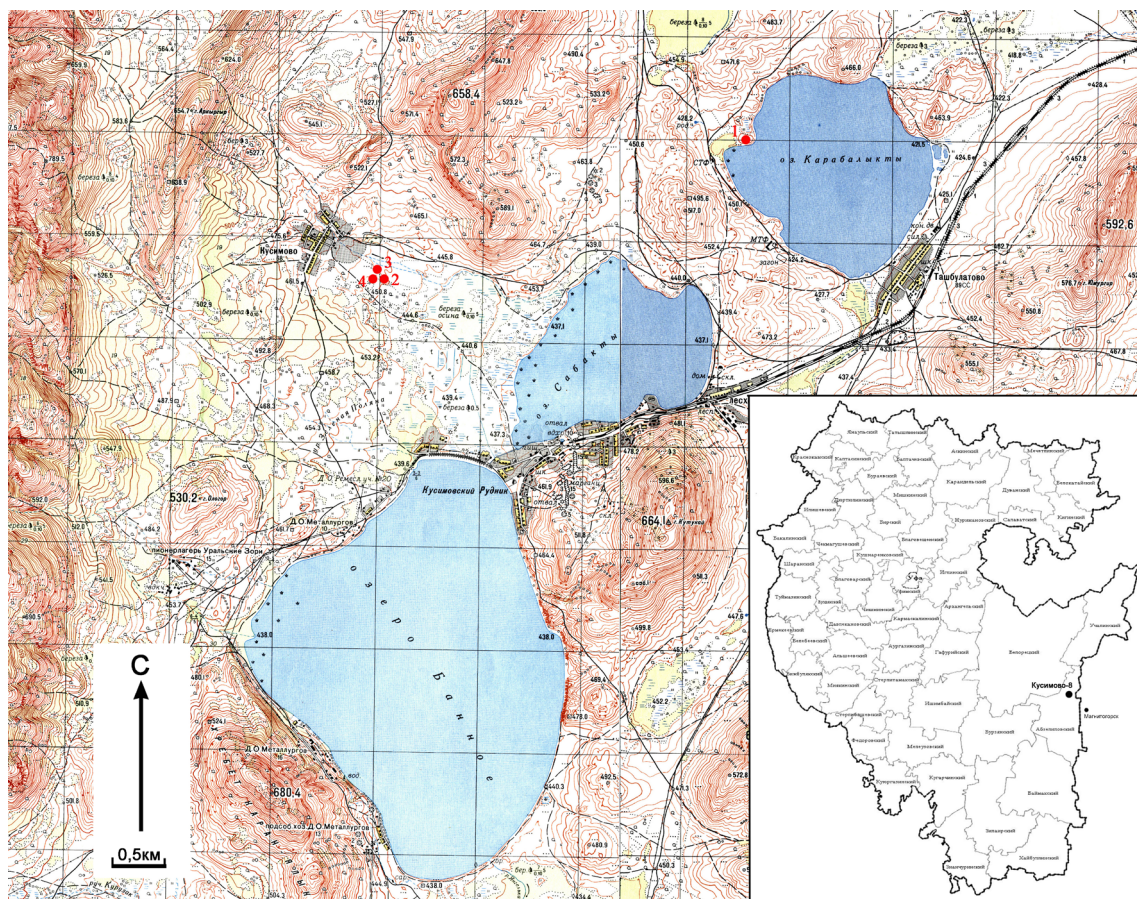
Памятник выявлен экспедицией Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН в 2020 г. Он расположен на восточной

¹ «Рассеянные стоянки-мастерские» обычно не имеют надежного культурного слоя с концентрацией на небольшой площади большого количества находок, как на стоянках, а представляют собой равнины, на которых есть в рассеянном виде галечный или обломочный материал, пригодный для расщепления. Такие памятники имеют большую площадь и обычно содержат материал, частично лежащий на поверхности. Поэтому их принято называть местонахождениями, содержащими разновременный археологический материал.

окраине д. Кусимово Ташбулатовского сельсовета Абзелиловского района Башкортостана, в 1 км к западу от современного берега оз. Сабакты (карта 1). Площадка памятника приурочена к ровной поверхности террасовидной возвышенности, поднятой над восточной частью поля на 3–4 м. С юга площадка ограничена заболоченным руслом ручья, с севера — двумя меридионально вытянутыми грибовидными возвышенностями, на которых расположены стоянки *Кусимово-6* и *Кусимово-7* (карта 2). Площадь памятника — 175 000 м² или 17,5 га.

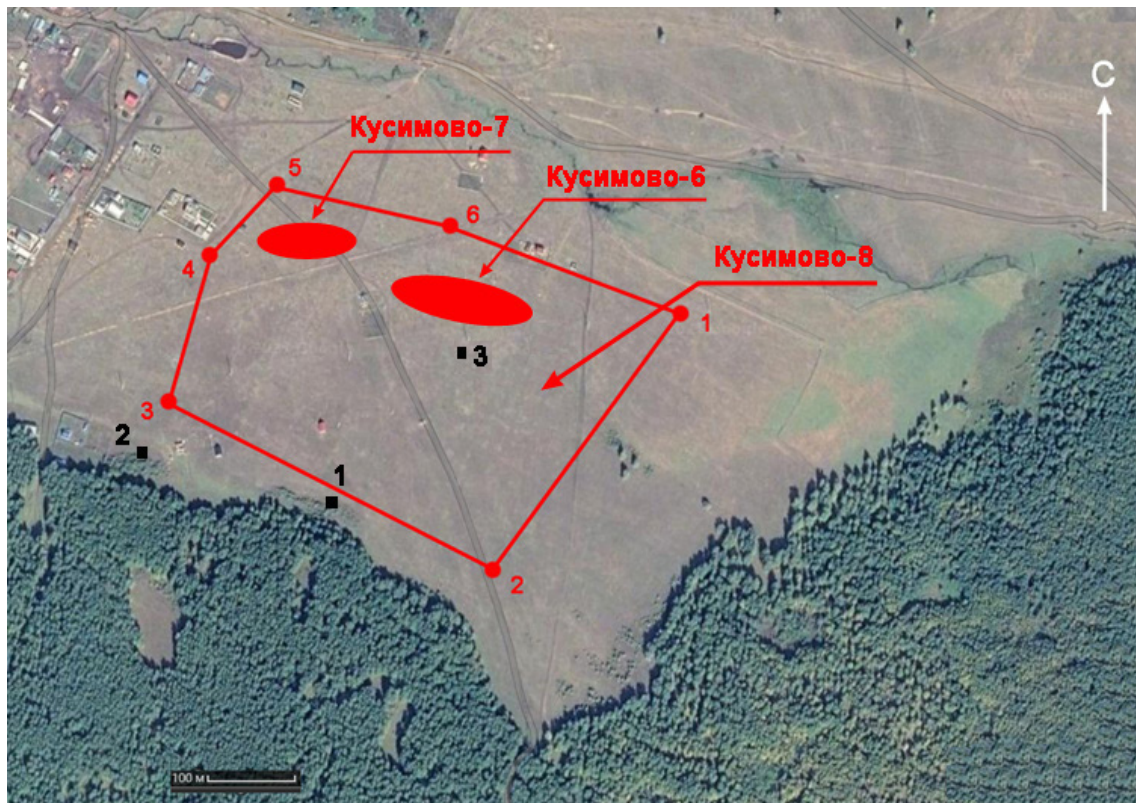
Поверхность памятника в прошлые годы постоянно распахивалась. Судя по раскопу 1 и трем шурфам на стоянке *Кусимово-6*, распашка осуществлялась на всю толщу гумусированного слоя, на глубину до 40 см. Очевидно, в результате много-

летней распашки и различных природных факторов каменные изделия оказались на поверхности поля. Находки обнаружены как на поверхности, так и на небольшой глубине, когда видна была только небольшая часть изделия. Было замечено, что они были в большинстве случаев изготовлены из плотного нетрещиноватого кремневого минерала (фтанита). Гальки и куски кремня из трещиноватого сырья в лучшем случае имеют единичные сколы опробования. Каких-либо концентраций изделий не выявлено, было установлено, что 1 находка встречается на площади примерно 15x15 м. Во время сборов осуществлялся отбор находок: брались нуклеусы, орудия и вторичные отщепы. Изделия имеют различную сохранность, некоторые из них обладают дефлированной поверхностью — края и

Карта 1. Карта района озер Банное, Сабакты, Карабалыкты. Красными точками указаны места расположения памятников нижнего палеолита: 1 — стоянка *Мысовая*; 2 — стоянка *Кусимово-6*; 3 — стоянка *Кусимово-7*; 4 — местонахождение *Кусимово-8*

[Map 1. Map of the region of Lakes Bannoe, Sabakty and Karabalykty. Red dots to indicate locations of Lower Paleolithic sites: 1 — *Mysovaya* site; 2 — *Kusimovo-6* site; 3 — *Kusimovo-7* site; 4 — *Kusimovo-8* locality]

Карта 2. Кусимово-8, местонахождение. Ситуационный план. Черными квадратами указаны зачистки стенок ям № 1, 2, 3. Основа — карта Google; корректировка и дополнения В. Г. Котова
 [Map 2. Kusimovo-8 locality. Site plan. Black squares to indicate rabotages in pits 1, 2, 3. Based on a Google map. Corrected and supplemented by V. Kotov]

ребра граней закруглены, поверхность покрыта густой патиной и многочисленными царапинами и выбоинами, другие имеют на поверхности люстраж и густую патину, третьи только слегка патинизированы. Мы исходим из того, что сохранность изделий для подъемного материала эпохи палеолита имеет важное значение, что в совокупности с технико-морфологическими характеристиками позволяет произвести начальное разделение материала по возрасту.

Находки

Всего было взято в коллекцию 121 артефакт из камня. Из этой коллекции были выделены 30 находок, которые были предварительно отнесены к изделиям нижнего палеолита. Описание некоторых из них приводится ниже.

1. Рубило обушковое на гальке темно-серого кремня (рис. 1: б). Размер: 16,1х12,2х3,6 см. Рубило ассиметричной формы. На левом и правом фасах от левого края веерообразными

крупными сколами были уплощены поверхности, затем лезвие с обеих сторон было выровнено средними полукруглыми сколами. Правый край в медиальной части ровный, образован крутыми сколами. Острие создано радиальными удлиненными сколами, кончик его обломан. Базальная часть сохраняет участок естественной корки. Поверхность покрыта густой патиной.

2. Рубило обушковое продольное на гальке темно-серого кремня (рис. 1: 1). Размер: 12,8х5,1х3,1 см. Один край уплощенной гальки с двух сторон был обработан крупными веерообразными пологими сколами. На левом фасах край был выровнен мелкими сколами. Поверхность покрыта патиной.
3. Пик на куске черного кремня (рис. 2: 3). Размер: 11,5х7,3х4,1 см. Аморфный кусок кремня был обколот круп-

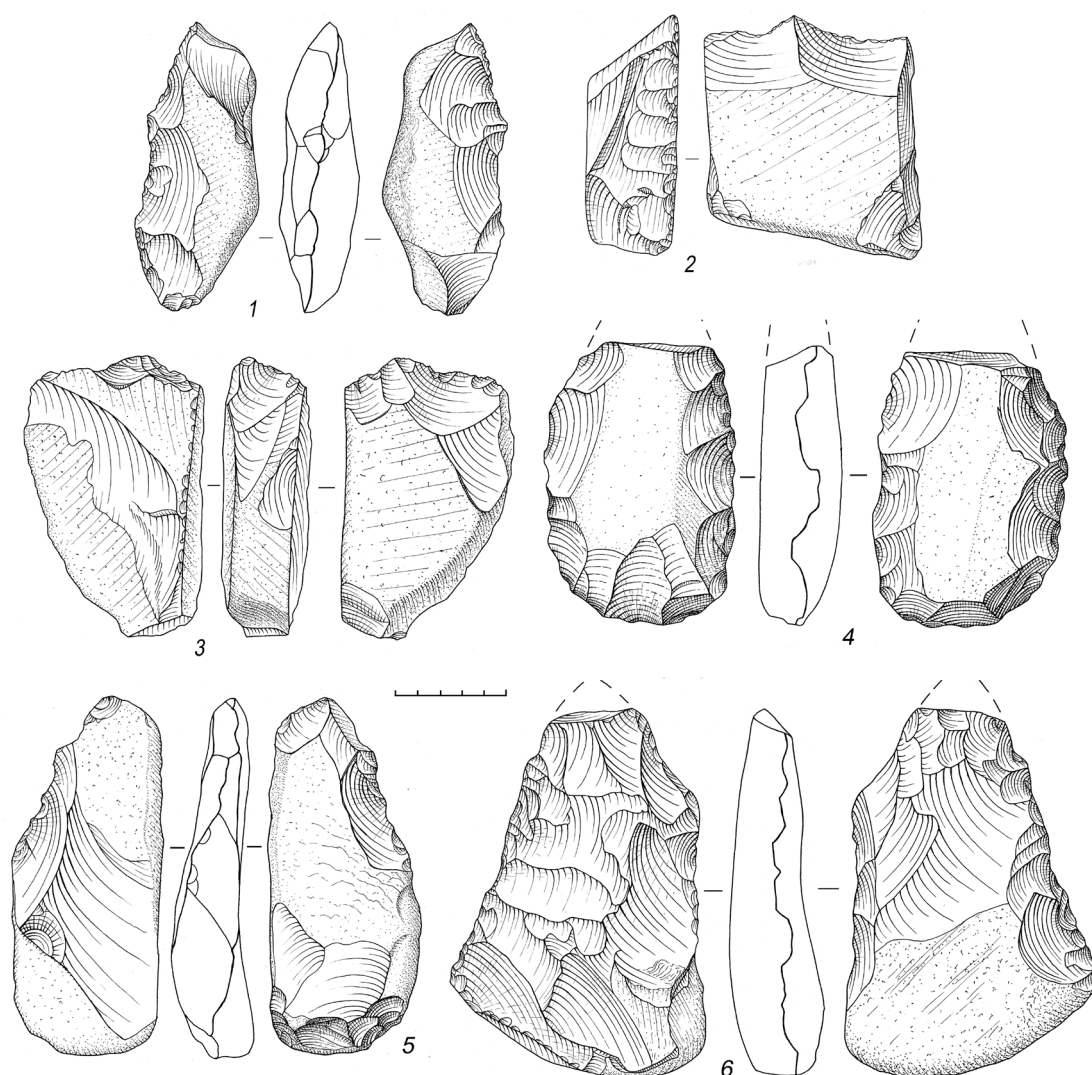

Рис. 1. Кусимово-8, местонахождение. Подъемный материал. Орудия: 1 — рубило обушковое продольное (№ 99); 2 — чоппер на плитке (№ 105); 3 — рубящее орудие (кливер ?) (№ 110); 4 — рубило; 5 — оббитая с двух сторон галька (рубящее орудие ?); 6 — рубило обушковое. 4 — диабаз, остальное — кремнь.

[Fig. 1. Kusimovo-8 locality. Artifactual remains. Tools: 1 — longitudinal butt hand axe (no. 99); 2 — chopper on a tile (no. 105); 3 — chopping tool (cleaver?) (no. 110); 4 — hand axe; 5 — pebbles chipped on both sides (chopping tool?); 6 — butt hand axe. 4 — diabase, the rest — flint]

ными продольно-встречными сколами, образовавшими остроугольное изделие. Острие подправлено двумя удлиненными продольными сколами и левый край — мелкой крутой ретушью. Поверхность покрыта патиной.

4. Рубящее орудие на плитке серого кремня (рис. 1: 3). Размер: 12,5x7,7x2,7 см. На правом фасе изделия присутствует негатив круп-

ного бокового скола, прошедшего по естественной трещине. На левом фасе поперечное лезвие было образовано крупными радиальными снятиями. С обеих сторон лезвие имеет ряд несистематической полукрутой ретуши, причем некоторые из них могут быть повреждениями в ходе использования в качестве рубящего инструмента. Поверхность покрыта патиной.

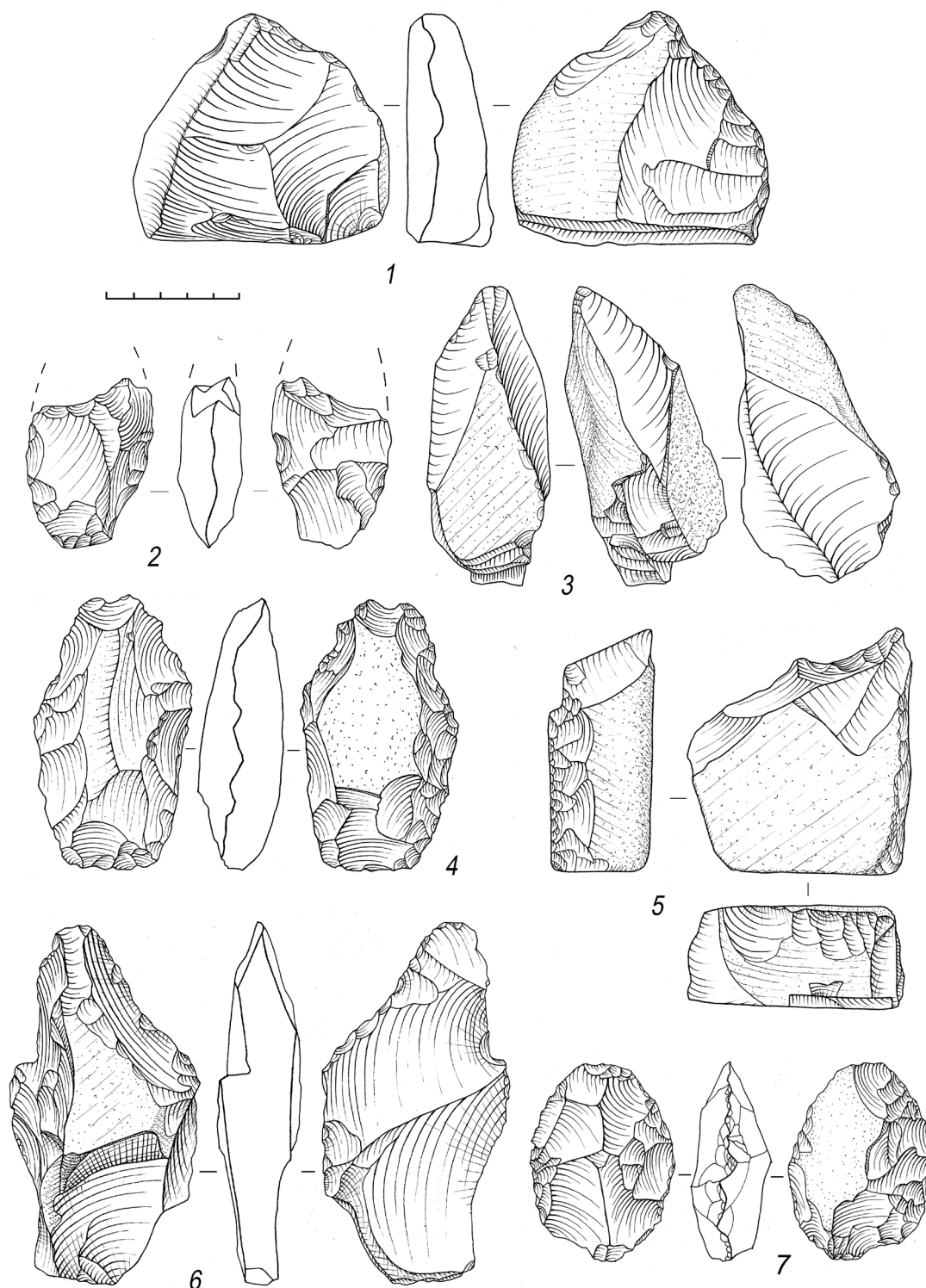

Рис. 2. Кусимово-8, местонахождение. Подъемный материал. Орудия: 1 — нуклеус плоский двухсторонний двухплощадочный с ретушью — скребло (№ 45); 2 — фрагмент бифаса (№ 93); 3 — пик (№ 104); 4 — заготовка бифаса (№ 102); 5 — пик (№ 97); 6 — рубящее орудие (№ 98); 7 — рубило овальное. 2 — диабаз, остальное — кремнь

[Fig. 2. Kusimovo-8 locality. Artifactual remains. Tools: 1 — flat double-sided double-platform core with retouching — side scraper (no. 45); 2 — biface fragment (no. 93); 3 — peak (no. 104); 4 — biface preform (no. 102); 5 — peak (no. 97); 6 — chopping tool (no. 98); 7 — oval hand axe. 2 — diabase, the rest — flint]

5. Фрагмент бифаса из диабазы (рис. 2: 2). Размер: 6,5х4,5х2,3 см. Обе поверхности сформированы радиальными сколами. Судя по всему, на стадии изготовления изделие раскололось пополам, после чего поверхность была уплощена несколькими сколами и дополнительно края выровнены средней ретушью. Ретушью была обработана поверхность слома. Поверхность патинизирована, края слегка заглажены.
 6. Чоппер на массивной плитке черного кремня (рис. 1: 2). Размер: 10,5х10х4 см. Скошенная грань плитки на дистальном участке образована двумя крупными полукрутыми сколами. Противоположный край ровный, поверхность сохраняет естественную корку. Правая грань спрямлена крупными, средними вертикальными сколами и мелкой ретушью. Эта обработка имеет явно аккомодационный характер. Изделие покрыто густой патиной.
 7. Заготовка бифаса на гальке темно-серого кремня (рис. 2: 4). Размер: 10х5,6х2,7 см. Радиальными сколами образована подовальная форма бифаса с прямым основанием, на правом фасе сохранился участок естественной корки. Судя по негативам сильно патинизированных сколов на левом фасе, в качестве заготовки использовалось более древнее орудие.
 8. Пик на плитке черного кремня (рис. 2: 5). Размер: 8,6х8,6х4 см. Массивная плитка четырехугольной формы по одному скошенному краю была оббита тремя крупными вертикальными сколами, затем поверхность была обработана средней вертикальной ступенчатой ретушью, углубившей выемку вблизи острого угла. Острие с обеих сторон дополнительно подправлено плоскими сколами. С другой стороны острый угол был обработан одним вертикальным сколом. Правая грань плитки имеет естественную корку, край этой грани притуплен ступенчатой ретушью. Противоположная острию прямая грань гладкая, естественная. Орудие является рубящим инструментом типа пик. Поверхность изделия покрыта густой патиной.
 9. Рубящее орудие с бифациальной обработкой из серого кремня (рис. 2: 6). Размер: 13,7х7,3х2,5 см. Массивный скол с плитки был на вентральной стороне уплощен двумя крупными боковыми сколами, края подправлены мелкой ретушью. На дорсальной стороне несколькими крупными крутыми сколами были образованы боковые грани, сходящимися под острым углом. Острие дополнительно уплощено от вершины одним продольным сколом. Края имеют негативы несистематической ретуши. Поверхность сколов патинизирована.
 10. Нуклеус плоский двухсторонний двухплощадочный с ретушью — скребло (рис. 2: 1). Размер: 9,5х8,6х3,1 см. Плоская галька серого кремня на левом фасе имеет негативы крупных сколов параллельно-встречного скалывания. На правом фасе поверхность оббита радиальными сколами, край обработан мелкой полукрутой ретушью, ретушью выделено острие, с обратной стороны по краю лезвия идет нерегулярная ретушь. Поверхность покрыта густой патиной, присутствует легкий люстраж, края лезвий и грани закруглены и заглажены.
- На соседних памятниках (стоянки *Кусимово-6* и *Кусимово-7*), с которыми граничит местонахождение *Кусимово-8*, также были обнаружены изделия архаического облика, выделяющиеся из общей массы орудий среднего палеолита. Одно орудие и отщепы были обнаружены на стоянке *Кусимово-6* *in situ* в шурфе 2 в отложениях желтовато-серого суглинка на глубине 0,7–0,9 м от поверхности [[Археологическая экспедиция 2020: 15](#)].
11. Оббитая галька черного кремня (рубящее орудие) (рис. 1: 5). Размер: 16х6,8х2,7 см. Оббитая с двух сторон крупными сколами по продольной грани галька черного кремня, напоминающая рубящее орудие, нижняя часть гальки также имеет негативы ступенчатых крупных сколов (повреждения естественного характера?). Предмет был подвергнут трасологическому анализу на микроскопе МБС-10. Следы использования были выявлены на всем протяжении обра-

ботанных участков. Они представлены тусклой заполировкой кромки лезвия, которая только на дистальном участке более яркая, край лезвия закруглен и заглажен, на левом фасе от кромки продольного лезвия зафиксированы параллельные борозды, идущие от края лезвия в перпендикулярном направлении и единичные царапины, параллельные кромке. На правом фасе край лезвия смят ступенчатой ретушью с заломом. Эти следы указывают на возможное использование оббитой гальки в качестве рубящего орудия по твердо волокнистым материалам (древесине?). Этот предмет по форме близок к обушковым рубилам, которые представлены на этом и на других памятниках.

Нуклеусов 46 экз., они составляют 36 % от всех находок. Среди них 17 экз. имеют сильную патину. Ниже приводится описание ряда нуклеусов.

12. Нуклеус параллельный плоский одноплощадочный серого кремня (рис. 3: 4). Размер: 12х7,7х3 см. Заготовкой послужила плоская галька. Ударная площадка грубо ретушированная, выпуклая. Поверхность скалывания плоская, присутствуют негативы крупных продольных сколов. Изделие покрыто густой патиной и слегка дефлировано.
13. Нуклеус веерообразный двухсторонний двухплощадочный черного кремня (рис. 3: 1). Размер: 11х6,1х5 см. Основа нуклеуса — аморфный кусок кремня, у которого с естественных ударных площадок скалывались крупные отщепы. Поверхность имеет густую патину и многочисленные выщерблины и царапины.
14. Нуклеус радиальный двухсторонний темно-серого кремня (рис. 3: 5). Размер: 12,3х9х6 см. На крупной гальке с обеих сторон с естественных ударных площадок были сняты крупные отщепы. Поверхность покрыта густой патиной.
15. Нуклеус веерообразный двухсторонний двухплощадочный черного кремня (рис. 3: 2). Размер: 11,2х9,7х5 см. На двух противоположных

ложных гранях угловатой гальки подчетырехугольной формы крупными сколами были созданы ударные площадки, с которых осуществлялись снятия крупных и средних сколов веерообразного характера. Поверхность покрыта густой патиной и имеет легкий люстраж.

16. Нуклеус ортогональный трехсторонний одноплощадочный темно-серого кремня (рис. 3: 3). Размер: 9,4х8,8х7 см. На угловатом куске были с трех сторон сколоты крупные отщепы, в одном случае ударной площадкой послужила гладкая поверхность крупного скола, а в другом — поверхность негатива предыдущего скола. Поверхность сколов покрыта густой патиной, многочисленными царапинами и мелкими выщерблинами, грани заглажены и повреждены мелкими сколами.

В коллекции патинизированных изделий присутствуют два отбойника на гальках (№ 18, 23). Отщепы — 29 экз., из них дефлированных 7 экз.

На северо-западной периферии местонахождения *Кусимово-8* и в 150 м к западу от стоянки *Кусимово-6* на небольшом возвышении было выявлено скопление палеолитических находок, получившее наименование «Стоянка *Кусимово-7*» (карта 2; фото 1). Основная часть находок принадлежит среднему палеолиту. Вместе с тем среди них есть ряд изделий, которые можно отнести к эпохе нижнего палеолита, и они, очевидно, могут принадлежать местонахождению *Кусимово-8*. Ниже приводится их описание

17. Рубило овальное укороченное из гальки черного кремня (рис. 2: 7). Размер: 7,7х5,5х3,0 см. Очевидно, плоская галька была обработана радиальными крупными сколами, придавшими изделию линзовидное сечение. Края подправлены более мелкой ретушью. На правом фасе сохранился участок галечной корки. Поверхность имеет густую патину и люстраж.
18. Рубило из гальки диабаз (рис. 1: 4). Размер: 12,5х8,5х3,3 см. Заготовкой послужила крупная плоская галька диабаз. Края гальки были обработаны радиальными крупными сколами

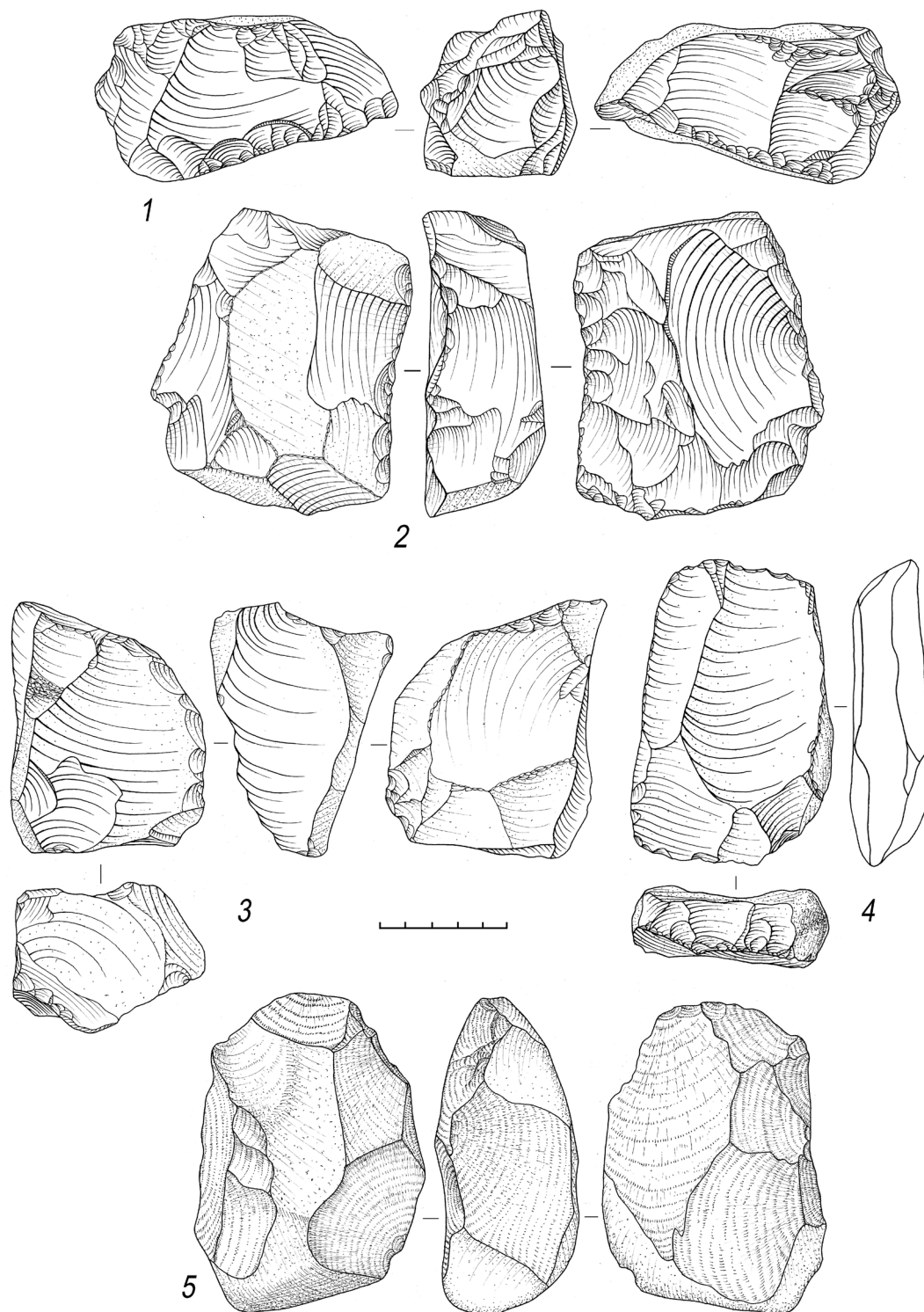

Рис. 3. Кусимово-8, местонахождение. Подъемный материал. Нуклеусы: 1 — нуклеус веерообразный двухсторонний двухплощадочный (№ 41); 2 — нуклеус веерообразный двухсторонний двухплощадочный (№ 2); 3 — нуклеус ортогональный трехсторонний одноплощадочный (№ 42); 4 — нуклеус параллельный плоский одноплощадочный (№ 41); 5 — нуклеус радиальный двухсторонний (№ 2). Кремнь

[Fig. 3. Kusimovo-8 locality. Artifactual remains. Nucleuses (lithic cores): 1 — double-sided fan-shaped core (no. 41); 2 — double-sided fan-shaped core (no. 2); 3 — orthogonal three-sided single-platform core (no. 42); 4 — parallel flat single-platform core (no. 41); 5 — double-sided radial nucleus (no. 2). Flint]

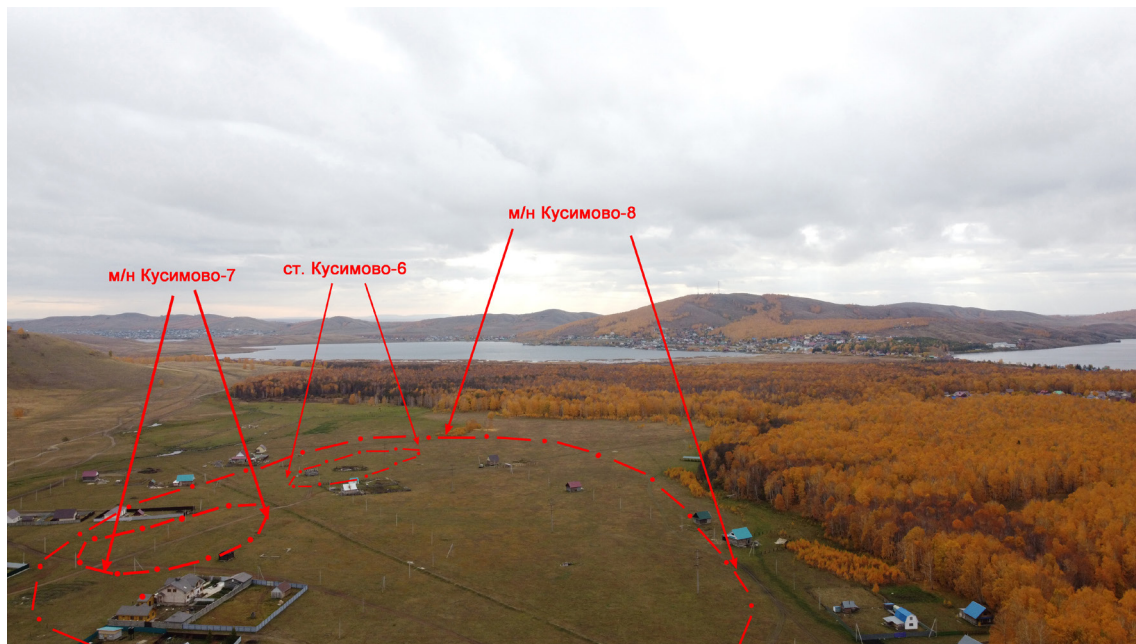

Фото 1. Вид на местонахождение Кусимово-8, стоянку Кусимово-6, местонахождение Кусимово-7. Вид с квадрокоптера с востока. Фото А. А. Хурмаева, 2021 г.

[Photo 1. Views of Kusimovo-8 locality, Kusimovo-6 site, and Kusimovo-7 locality. Quadcopter view from the east. Photo by A. Khurmaev. 2021]

с обеих сторон. Края подправлены и выровнены более мелкими сколами. В центре сохранились участки естественной корки. Основание выпуклое, форма орудия ассиметричная. Острые обломано, поэтому длина изделия могло достигать 16 см. Боковая кромка неровная. Поверхность патинизирована.

Наиболее выразительными маркерами нижнепалеолитической традиции являются разнообразные рубящие орудия — рубила, пики, чопперы, кливеры. Рубила отличаются грубостью оформления, все изготовлены из галек кремня или диабазы посредством крупных радиальных сколов, края только местами подправлены ретушью, обычно у таких орудий сохраняются участки галечной корки, большая часть бифасов имеет ассиметричную форму. Они находят аналогии на других памятниках Южного Зауралья, объединяемые в своеобразный «карышкинский тип индустрии» [Котов 2015: 11].

Среди орудий местонахождения Кусимово-8 присутствуют обушковые рубила с естественными пятками или с продольными лезвиями и обушками, которые находят

анalogии на соседнем памятнике — стоянке Мысовая и на стоянке Карышкино-11 в 120 км к югу, а также у восточного подножья горного массива Ирендык-Крыкты [Бадер, Матюшин 1973; Савельев 1997; Котов 2015: 9, 10]. Это лишний раз указывает на то, что данные изделия в рамках карышкинской индустрии являются своеобразными маркерами.

Нуклеусы разнообразны, техника их изготовления напрямую зависела от формы исходной заготовки: угловатые куски кремня оббивались нередко с нескольких граней с естественных или гладких ударных площадок, в то время как гальки обкалывались с одной или с двух сторон радиальными снятиями и тоже с естественных ударных площадок. Большая часть нуклеусов является радиальными, реже веерообразными, единично представлены ортогональные. С ядрищ получались массивные отщепы. Сходные приемы обработки и формы нуклеусов присутствуют на соседних памятниках — стоянках Карышкино-11 и Кызыл-Яр-2 [Котов 2015: рис. 4; Котов 2013: рис. 6].

Остальные изделия, вероятно, относятся к среднему палеолиту (см. табл. 1).

Таблица 1. Находки местонахождения Кусимово-8. Сборы 2020 г.

[Table. 1. Kusimovo-8 locality. Finds. 2020]

№	Название изделия	Кол-во
1	Отщеп	29
2	Отщеп с ретушью	15
3	Пластина аморфная	1
4	Отщеп пластинчатый	1
5	Отщеп пластинчатый с ретушью	1
6	Скол леваллуазский	1
7	Нуклеус бессистемный	4
8	Нуклеус	2
9	Нуклевидное изделие	4
10	Нуклеус многоплощадочный	1
11	Нуклеус одноплощадочный	3
12	Нуклеус двуплощадочный	1
13	Нуклеус ортогональный трехсторонний одноплощадочный	1
14	Нуклеус подконусовидный	1
15	Нуклеус подперекрестный двуплощадочный	1
16	Нуклеус радиальный	3
17	Нуклеус радиальный плоский односторонний двуплощадочный	1
18	Нуклеус радиальный двусторонний	3
19	Нуклеус параллельный одноплощадочный	9
20	Нуклеус параллельный двуплощадочный	2
21	Нуклеус параллельный многоплощадочный	1
22	Нуклеус параллельный одноплощадочный конусовидный	1
23	Нуклеус веерообразный одноплощадочный	3
24	Нуклеус веерообразный односторонний двуплощадочный	1
25	Нуклеус параллельный двухсторонний	2
26	Нуклеус веерообразный двухсторонний двуплощадочный	1
27	Нуклеус веерообразный-параллельный двуплощадочный	2
28	Нуклеус на отщепе	2
29	Нуклеус подперекрестный	1
30	Отбойник на гальке	2
31	Бифас	2
32	Рубило обушковое	2
33	Пик	2
34	Кливер	1
35	Чоппер	1
36	Долотовидное орудие	2
37	Рубящее орудие	1
38	Рубящее орудие с бифациальной обработкой	1
39	Скребло продольное	1
40	Скребло поперечное	1
41	Скребло конвергентное	1
42	Скребло двойное выпукло-прямое	1
43	Скребло тройное прямо-вогнуто-выпуклое	1
44	Скребок боковой	1
45	Скребло двойное выпуклое	1
46	Выемчатое орудие	2
	Итого	119

Палеоэкологические исследования

С целью установления предполагаемого возраста орудийных комплексов были проведены палеоэкологические исследования геологических отложений, слагающих данную террасовидную возвышенность (карта 2).

В зачистке стенки ямы № 2 на юго-западной окраине местонахождения *Кусимово-8* отложения были вскрыты на глубину более 1 м, и зафиксирована следующая стратиграфия (фото 3, рис. 4):

1) почва в виде гумуса черного цвета. Контакт с нижележащим слоем неровный. Мощность до 0,1 м.

2) серовато-коричневый суглинок с доломитовой крошкой и щебенкой. Контакт с нижележащим слоем не выраженный. Мощность — 0,15 м.

3) светло-коричневый местами желтоватый суглинок с доломитовой крошкой и щебенкой. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность — 0,4 м.

4) светло-коричневый окаменевший суглинок с горизонтальной слоистостью, трещиноватый. Мощность до 0,4 м.

Образцы были переданы на определение старшему научному сотруднику Института геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН Р. Г. Курманову. По образцам из светло-коричнево-

го (желтоватого) суглинка (слой 3) им были установлены климатические условия умеренно теплого и влажного климата, которые соответствуют тем, что существовали в середине эпохи среднего плейстоцена [Данукалова 2010: 116–117]. Необходимо особо обратить внимание на важную деталь: все образцы показывают наличие синантропных сообществ в данном месте.

О наличии здесь разновременных стоянок свидетельствуют находки в отложениях светло-коричневого суглинка: в шурфе № 2 на стоянке *Кусимово-6* на глубине 0,7–0,9 м от современной поверхности и в 0,5 м от поверхности желтовато-коричневого суглинка были найдены грубое рубящее орудие (рубило обушковое?) и отщепы кремня (фото 2). Этот второй культурный слой отделен от первого культурного слоя с находками среднего палеолита стерильными отложениями мощностью 0,5 м. Это указывает на то, что второй культурный слой должен быть древнее, чем слой среднего палеолита из поверхностных отложений серовато-коричневой супеси с доломитовой щебенкой [Археологическая экспедиция 2020: 15].

Точно также из желтоватой супеси происходят находки архаических изделий нижнепалеолитического облика (рубилы, нуклеусы, скребла и др.) на стоянке *Мысо-*

Фото 2. *Кусимово-6*, стоянка. Шурф 2. Разрез восточной стенки. Стрелкой указан кремневый отщеп in situ. Вид с запада. Фото В. Г. Котова, 2020 г.

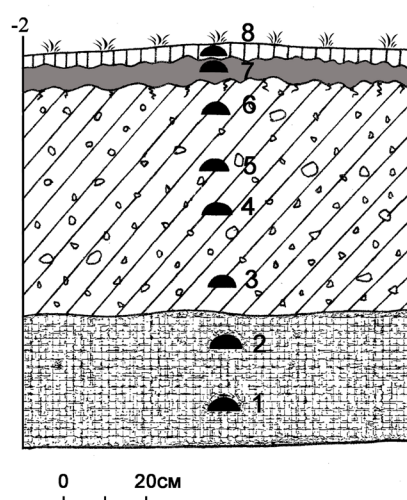
[Photo 2. *Kusimovo-6* site. Shovel test pit 2. Vertical profile of the eastern wall. Arrow to indicate a flint flake in situ. View from the west. Photo by V. Kotov. 2020]

Фото 3. Кусимово-8, местонахождение. Восточная стенка ямы № 2 — вид с запада.

[Photo 3. Kusimovo-8 locality. Eastern wall of the pit 2 — view from the west.

М/н Кусимово-8 зачистка ямы № 2

Б

Условные обозначения:

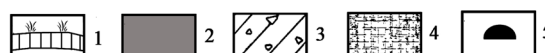

Рис. 4. Восточная стенка ямы № 2 — разрез. Условные обозначения: 1 — дерн, 2 — гумус, 3 — серовато-коричневая с желтизной неравномерного окраса супесь с остроугольной доломитовой щебенкой, 4 — светло-коричневый суглинок, окаменевший с горизонтальной слоистостью, 5 — места отбора образцов для СП-анализа

Fig. 4. Eastern wall of the pit 2 — vertical profile. Legend: 1 — sod, 2 — humus, 3 — grayish-brown (uneven yellow) sandy loam with angular dolomite gravel, 4 — light brown petrified loam with horizontal stratification, 5 — sampling sites for spore/pollen analysis]

вая на соседнем озере Карабалыкты [Бадер, Матюшин 1973: 136]. Это дает основание считать, что находки изделий нижнепалеолитического облика происходят из этих геологических отложений.

Выводы

Местонахождение Кусимово-8 следует отнести к рассеянным стоянкам-мастерским эпохи палеолита. Эта долина была местом сбора и первичной обработки каменного, в основном галечного сырья в течение продолжительного времени. Данные споро-пыльцевого анализа нижнего культурного слоя в отложениях желтого суглинка с большой долей вероятности указы-

вают на их среднеплейстоценовый возраст. Древний комплекс находок можно предположительно датировать нижним палеолитом. Полученный на этом памятнике материал дополняет и конкретизирует данные со стоянки Мысовая, позволяя более обоснованно говорить о двухкомпонентности ее палеолитической коллекции. Основываясь на сходстве ведущих форм кремневых изделий с другими нижнепалеолитическими памятниками Южного Зауралья, местонахождение Кусимово-8 и стоянку Мысовая следует отнести к карышкинскому типу индустрии [Котов 2015: 11]. Наличие в индустрии ирендыкско-крыкшинских памятников таких оригинальных форм орудий,

как обушковые рубила с продольными лезвиями, позволяют выдвинуть предположе-

ние о культурном своеобразии этой группы памятников в рамках этой индустрии.

Источники

Савельев 1997 — *Савельев Н. С.* Научный отчет об археологической разведке в Баймакском районе Республики Башкортостан в 1996 г. (Баишевский микрорайон). Уфа, 1997. 300 с. // Научный архив Института археологии РАН. Ф. Р-1.

Литература

Археологическая экспедиция 2020 — Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово «Северные амурь»: научные исследования и Школьный лекторий / отв. ред. и сост.: А. В. Псянчин, Н. С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2020. 44 с.

Бадер, Матюшин 1973 — *Бадер О. Н., Матюшин Г. Н.* Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // Советская археология. 1973. № 4. С. 135–142.

Данукалова 2010 — *Данукалова Г. А.* Уточненная региональная стратиграфическая схема квартера Предуралья и основные события на территории Южно-Уральского региона // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2010. Т. 18. № 3. С. 107–124.

Котов 2013 — *Котов В. Г.* Нижнепалеолитические стоянки-мастерские *Кызыл-Яр 2* и *Кызыл-Яр 4* в Южном Зауралье // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии /

Sources

Savelev N. S. Baymaksy District (Baishevsky Microdistrict, Bashkortostan, Russia): Archaeological Reconnaissance Report 1996. Ufa, 1997. 300 p. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archive. Coll. P-1. (In Russ.)

под ред. С. А. Васильева, А. В. Ларионовой. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 104–125.

Котов 2015 — *Котов В. Г.* Стоянка-мастерская *Карышкино-11* — новый памятник нижнего палеолита Южного Урала // Вестник Пермского университета. 2015. № 1. С. 7–20.

Котов, Савельев, Русланова 2020 — *Котов В. Г., Савельев Н. С., Русланова Р. Р.* Стоянка-мастерская *Кусимово-6* — памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1594–1612. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612

Матюшин 1976 — *Матюшин Г. Н.* Ранний палеолит Урала и проблемы заселения севера Азии // Берингия в кайнозое. Мат-лы Всесоюз. симпоз. «Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое» (г. Хабаровск, 10–15 мая 1973 г.). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. С. 459–466.

References

Bader O. N., Matyushin G. N. A newly discovered Middle Paleolithic site in the Southern Urals reviewed. *Sovetskaya arkheologiya*. 1973. No. 4. Pp. 135–142. (In Russ.)

Danukalova G. A. The refined quaternary stratigraphic scale of the Fore-Urals and main events in Southern Urals region. *Stratigraphy and Geological Correlation*. 2010. Vol. 18. No. 3. Pp. 107–124. (In Russ.)

Kotov V. G. Lower Paleolithic workshop sites of Kyzyl-Yar 2 and Kyzyl-Yar 4 in the Southern Transurals. In: Vasilyev S. A., Larionova A. V. (eds.) *The Caucasus in Earliest Times: A Crossroads of Europe and Asia*. St. Petersburg: Institute of Material Culture History (RAS), 2013. Pp. 104–125. (In Russ.)

Kotov V. G. Workshop site of Karyshkino-11 — a newly discovered Lower Paleolithic monument

in the Southern Urals. *Perm University Herald*. 2015. No. 1. Pp. 7–20. (In Russ.)

Kotov V. G., Savelev N. S., Ruslanova R. R. Workshop site of Kusimovo-6 — a Middle Paleolithic monument in the Southern Transurals. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 6. Pp. 1594–1612. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612

Matyushin G. N. The Early Paleolithic Urals and issues of North Asia's peopling. In: Cenozoic Beringia. Symposium proceedings (Khabarovsk, 10–15 May 1973). Vladivostok: Far Eastern Scientific Center (USSR Acad. of Sc.), 1976. Pp. 459–466. (In Russ.)

Psyanchin A. V., Savelev N. S. (comps., eds.) *The Northern Cupids Archaeological Expedition of Yakty-Kul – Kusimovo: Scientific Explorations and School Lecture Hall Activities*. Ufa: Informreklama, 2020. 44 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 849–870, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-849-870

Антропологические материалы из детских погребений катакомбной культуры (по коллекции хранилища остеологических материалов Калмыцкого научного центра РАН)

Любовь Алексеевна Бембеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembееva.l.a@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бембеева Л. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена обзору костных останков детей и подростков эпохи средней бронзы (катакомбная культура) из хранилища Калмыцкого научного центра РАН в свете оценки информационных возможностей данного вида источника. Изучение детских погребений пополняет представления о роли и статусе детей и подростков в древнем обществе, а также конкретизирует данные о смертности и состоянии здоровья незрелых членов общества. *Цель исследования.* В хранилище остеологических материалов Калмыцкого научного центра РАН собраны костные останки более полутора тысяч индивидов из погребений, датирующихся от эпохи бронзы до позднего средневековья. В настоящее время ведется работа по составлению базы данных и систематизации коллекции. В ходе указанных работ были выявлены материалы из детских погребений. Проведение тематических обзоров выявляет научную значимость костехранилища, созданного в структуре Калмыцкого научного центра РАН, и способствует дальнейшему изучению собранных антропологических материалов. *Материалы и методы.* Для проведения обзора были выбраны костные останки детей и подростков. В целом были выявлены костные останки 129 индивидов детского и подросткового возраста. По культурно-хронологической датировке наиболее многочисленной среди них оказалась выборка погребений, относящихся к катакомбной археологической культуре эпохи средней бронзы. Эта выборка из останков 43 индивидуумов стала объектом предпринятого обзора. В ходе работы были составлены таблицы, в которых отражены основные характеристики источника. По результатам проведен статистический анализ и выявлены особенности данной выборки. Полученные результаты были соотнесены с данными, полученными археологами по погребальному обряду на более широком охвате памятников. *Результаты.* Установлено, что костный материал имеет достаточно хорошую сохранность для проведения как традиционных антропологических исследований, так и молекулярно-генетического, радиоуглеродного, изотопного и др. анализов. Анализируя погребальный обряд детских захоронений катакомбной

культуры, пришли к выводу, что он не отличался принципиально от обряда для взрослых членов общества, как по соотношению основных и впускных погребений, устройству погребальных могил, так и по наличию и разнообразию инвентаря.

Ключевые слова: Евразия, археологические памятники, курганы, Волго-маньчские степи, Республика Калмыкия, катакомбная культура, детские погребения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бембеева Л. А. Антропологические материалы из детских погребений катакомбной культуры (по коллекции хранилища остеологических материалов Калмыцкого научного центра РАН) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 849–870. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-849-870

Skeletal Remains Repository of the Kalmyk Scientific Center (RAS): Anthropological Materials from Children's Catacomb Burials Reviewed

*Lyubov A. Bembeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Bembeeva L. A., 2022

Abstract. Introduction. The article examines Middle Bronze Age (Catacomb culture) skeletal remains of children and adolescents housed at the Kalmyk Scientific Center (RAS) and attempts an evaluative insight into how informative those can be. Analyses of children and youngsters' burials may deepen the understanding of ancient societies, actualize data on mortality and health conditions faced by non-adults. **Goals.** The osteological collection of Kalmyk Scientific Center (RAS) includes skeletal remains of over one and a half thousand individuals from burials dated to the Bronze Age throughout the Late Medieval Period. Nowadays the latter are being systemized, and a complete database is being compiled. The arrangements have revealed materials from children's burials. Thematic reviews are aimed at identifying certain aspects of scholarly significance inherent to the skeletal remains repository created at Kalmyk Scientific Center (RAS) and provide additional research insights into collected anthropological materials. **Materials and methods.** The review involves skeletal remains of children and adolescents numbering 129. In terms of cultural chronology, the bulk of the latter come from Catacomb burials, i.e. the Middle Bronze Age. So, the work scrutinizes the mentioned cluster of remains from 43 individuals. The compiled tables describe key characteristics. Peculiarities of the selected samples are also identified, and statistical analysis proves instrumental therein. The findings are compared to data on funeral practices provided by archaeologists for wider ranges of sites. **Results.** The study shows that conditions of bones are fine enough for both traditional anthropological evaluations and genetic, radiocarbon, isotopic ones. The analysis of funeral practices characterizing children's Catacomb burials concludes the latter showed no essential differences from those of adults, i.e. virtually identical are proportions of main and inlet burials, structural patterns of burial graves, and characteristics of accompanying utensils excavated.

Keywords: Eurasia, archaeological sites, kurgans, Volga-Manych steppe, Republic of Kalmykia, Catacomb culture, children's burials

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'

For citation: Bembeeva L. A. Skeletal Remains Repository of the Kalmyk Scientific Center (RAS): Anthropological Materials from Children's Catacomb Burials Reviewed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 849–870. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-849-870

Введение

Антропологическая коллекция хранилища остеологических материалов Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН) состоит из костных останков более полутора тысяч индивидов [Бембеева 2021: 185]. Материалы происходят из курганных погребений, раскопанных на территории Республики Калмыкия с начала 60-х гг. прошлого столетия до 2007 г. и датирующихся от эпохи бронзы до позднего средневековья. В рамках плановой темы, а также мегагранта начата работа по общей систематизации коллекции в целях создания комплексной базы данных. Систематизация и анализ антропологических материалов ведется по различным параметрам. Проведение тематических обзоров выявляет научную значимость созданного в структуре КалмНЦ РАН костехранилища и способствует дальнейшему изучению собранных здесь антропологических материалов.

Цель исследования. Данная статья посвящена результатам анализа по возрастному принципу, в ходе которого были рассмотрены антропологические материалы из детских погребений. Изучение детских погребений пополняет представления о роли и статусе детей и подростков в древнем обществе, а также конкретизирует данные о смертности и состоянии здоровья невзрослых членов общества. К данной категории были отнесены антропологические материалы индивидов, возраст которых определен в пределах от младенческого возраста до 16 лет.

Материалы и методы

Материалами для проведения данного обзора послужили антропологические материалы из детских погребений, находящиеся в хранилище остеологических материалов КалмНЦ РАН. Антропологические материалы из раскопок на территории республики Калмыкия, как уже не раз отмечалось в публикациях [Бембеева 2020; Бембеева 2021], в целом отличаются исключительной сохранностью, что является важным для проведения традиционных антропологических исследований, а также молекулярно-генетического, радиоуглеродного, изотопного и др. анализов. Тем не менее грацильность

костей, меньшая масса и размеры, делают кости детей и подростков хрупкими и приводят к худшей сохранности по сравнению с костями взрослых [Бембеева 2020: 47].

Общая характеристика

Детские антропологические материалы были выявлены в 125 погребениях и содержали 129 индивидов данной возрастной группы. Исследование костных останков показало, что чаще всего сохраняются кости черепа, фрагментированные по несросшимся швам, и длинные кости верхних и нижних конечностей без эпифизов. Реже представлены кости таза, ребра, лопатки и ключицы. Позвонки в большинстве представлены телом и фрагментами отростков, так как синостоз отростков с телом позвонка на разных участках позвоночного столба происходит на протяжении нескольких лет (от 7 до 9 лет) [Алексеев 1966: 33–34]. Пястные кости, кости стоп, фаланги встречаются гораздо реже: возможно, из-за своих размеров они были растащены грызунами или не сохранились при транспортировке. Из всей выборки 59 погребенных представлены черепами (или их фрагментами) и неполными посткраниальными скелетами, посткраниальный скелет полностью сохранился только в 9 случаях. 43 представлены только черепами или их фрагментами. В некоторых случаях наблюдаются двойные ряды зубов на верхних и нижних челюстях детей от 6 до 14 лет, когда постоянные зубы появляются в альвеоле, но еще не занимают своего места в окклюзионном ряду и находятся под молочными, создавая второй ряд [Алексеев, Дебец 1964: 35–46].

В коллекции хранится фрагмент черепной коробки неродившегося ребенка, найденный в районе таза погребенной (*Малые Дербеты-2-2007*: к. 1 п. 11¹). В 27 случаях от погребенного сохранились только разрозненные кости посткраниального скелета: длинные кости конечностей, фрагменты тазовых и разных костей.

Таким образом, на данный момент в хранилище остеологических материалов КалмНЦ РАН поставлен на учет и каталогизирован костный материал из 125 погребений.

¹ Здесь и далее к. — курган, п. — погребение.

бений, представляющий останки 129 детей и подростков, выявленных при археологических раскопках на территории Республики Калмыкии за период с 1962 по 2007 гг. В процентном соотношении детские антропологические материалы составляют 11,5 % от всей антропологической коллекции [Бембеева 2021: 190].

Из данных полевых отчетов о культурно-хронологической принадлежности 125 детских захоронений следует, что из погребений эпохи бронзы происходят останки 71 человека. Среди них наибольшая выборка относится к катакомбной культуре и представлена останками 43 индивидов. К эпохе раннего железного века относятся останки 16 детей. К эпохе средневековья относятся останки 8 детей. Останки 30 индивидов детского возраста происходят из погребений, культурно-хронологическая принадлежность которых не была установлена ввиду разрушенности погребений (15 погребений) или отсутствия инвентаря и стратиграфических данных (15 погребений). Останки 4 детей происходили из современных погребений (XVII–XX вв.) [Очир-Горяева 2008: 144, 234] (см. табл. 1).

Соотношение детских погребений по эпохам отражает общее количество погребений, раскопанных на территории республики. Наибольшее количество погребений датируется эпохой бронзы, а среди них наиболее многочисленными являются погребения катакомбной культуры. Погребения раннего железного века занимают по количеству среднее положение, наиболее малочисленными оказываются погребения эпохи средневековья. В абсолютных значениях указанное соотношение в нашем исследовании выглядит следующим образом: эпоха бронзы — 71 погребение (56,8 %), ранний железный век — 16 погребений (12,8 %), эпоха средневековья — 8 погребений (6,4 %).

При этом надо учитывать еще один фактор, а именно процентное соотношение детских погребений по отношению к количеству взрослых в каждой культурно-хронологической группе. По данным нашей выборки получается, что наибольшее количество детских погребений по отношению к количеству погребений взрослых было характерно для эпохи бронзы, и особенно, опять-таки, для катакомбной культуры. Эти

данные подтверждаются данными исследований М. В. Андреевой [Андреева 2014: 67–68].

Таким образом, как по составу нашей выборки, так и по данным М. В. Андреевой по катакомбной культуре в целом, наиболее представительной оказывается выборка детских погребений именно этой культуры.

В данной статье мы рассмотрим состояние костных останков, а также информацию из отчетов об археологических раскопках детских захоронений эпохи средней бронзы (катакомбная культура), костный материал которых представлен в хранилище в количестве 43 антропологических единиц и, соответственно, является самой большой выборкой в данной возрастной группе.

Состояние костных останков из детских погребений катакомбной культуры, хранящихся в фондах КалмНЦ РАН

Костные останки всех интересующих нас индивидов были, прежде всего, выбраны из хранилища, где они распределены по названиям археологических памятников и годам раскопок, тщательно изучены, описаны и сфотографированы. Все сведения, собранные в ходе изучения детских антропологических материалов сведены в таблице 2. Таблица содержит 8 граф. В первых четырех графах, помимо порядкового номера, отражены все паспортные данные исследуемого субъекта: археологический памятник, год раскопок, курган, погребение, откуда происходят кости. Костный материал происходит из 15 курганных могильников, раскопанных за период с 1962 по 2007 гг., т. е. охватывает весь период накопления антропологических материалов на территории Калмыкии.

Далее приводится описание сохранившихся костей, какими костями черепа и посткраниального скелета представлен погребенный. По сохранности костные останки детей и подростков катакомбной культуры можно подразделить на четыре категории:

- полная сохранность, когда имеются череп и посткраниальный скелет. Полностью сохранились останки 3 индивидов;
- неполная сохранность, когда останки представлены черепом/фрагментами и частями посткраниального скелета. Таких скелетов в коллекции 19 антропологических ед.;

Таблица 1. Костные материалы из детских погребений, хранящиеся в КалмНЦ РАН
 [Table 1. Skeletal remains from children's burials. Repository of KalmSC RAS]

№ п/п	Могильник	Год раскопок	Курган	Погребение	Сохранность	Датировка	Половозрастная характеристика
1	Лола-2	1962	8	4	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Кат.	Ребенок
2	Восточный Маныч-3	1966	33	6	Череп и нижняя челюсть	Ямн.	Ребенок
3	Кутцын Толга	1974	46	3	Мелкие фрагменты черепа и н/челюсти	Неопред.	Ребенок 4-5 лет
4	Кутцын Толга	1974	46	16	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Неопред.	Ребенок
5	Кутцын Толга	1974	46	17	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Сруб.	Ребенок 5-6 лет
6	Кутцын Толга	1974	48	1	Фрагменты черепа	Сруб.	Ребенок 3-4 лет
7	Кутцын Толга	1974	48	10	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Кат.	Ребенок 6-8 лет
8	Заханата	1976	1	1	Череп без нижней челюсти	Сруб.	Ребенок
9	Заханата	1976	5	1	Череп и фрагменты костей	Сарм.	Ребенок 7-8 лет
10	Заханата	1976	5	3	Череп без нижней челюсти	Сруб.	Ребенок
11	Заханата	1976	7	1	Череп и нижняя челюсть	Сарм.	Ребенок 3-4 лет
12	Заханата	1976	8	н.	Череп и посткраниальный скелет	Современное	Ребенок
13	Заханата	1976	8	н.	Череп и посткраниальный скелет	Современное	Подросток
14	Большой Царын	1977	5	3	Череп и кости посткраниального скелета	Неопред.	Ребенок
15	Большой Царын	1977	5	5	Фрагменты черепа и костей	Неопред.	Ребенок
16	Большой Царын-2	1977	2	1	Череп и кости посткраниального скелета	Ржв	Подросток
17	Большой Царын-2	1977	2	3	Череп и кости посткраниального скелета	Неопред.	Ребенок
18	Большой Царын-2	1977	2	4	Фрагменты костей плохой сохранности	Неопред.	Младенец
19	Большой Царын-2	1977	2	7	Череп и посткраниальный скелет	Современное	Ребенок
20	Зергента	1978	3	1	Череп и длинные кости конечностей	Позднеоч.	Ребенок
21	Адык	1978	13	4	Фрагменты костей плохой сохранности	Эпоха бронзы	Ребенок
22	Кермен Толга	1979	21	1 (парное)	Череп, длинные и тазовые кости	Позднесарм.	Подросток (жен.)
23	Хар Нуурин Толга	1980	35	1	Череп и длинные кости конечностей	Скиф. время	Ребенок
24	Гурин Худг Толга	1980	1	2	Череп и нижняя челюсть	Неопред.	Ребенок
25	Тугтун	1981	1	27(скелет 2)	Череп и нижняя челюсть	Неопред.	Подросток
26	Джангар	1980	5	1	Фрагменты длинных и тазовых костей	Неопред.	Ребенок

27	Джангар	1981	26	1	Фрагменты костей плохой сохранности	Ямн.	Ребенок
28	Джангар	1981	26	2	Фрагменты черепа, кости таза, ключица	Ржв	Ребенок
29	Джангар	1982	36	5	Фрагменты черепа, кости таза	Кат.	Подросток
30	Джангар	1985	9	15	Фрагменты черепа и костей плохой сохран.	Сарм.	Ребенок 16 мес.
31	Эвдык-1	1982	4	2	Фрагменты черепа и длинных костей	Скиф. время	Ребенок
32	Эвдык-1	1982	4	6	Фрагменты черепа и кости посткран. скелета	Сарм.	Ребенок (жен.)
33	Эвдык-1	1982	4	7	Череп и кости посткранального скелета	ржв	Подросток 10–11 лет
34	Эвдык-1	1982	4	22	Череп и нижняя челюсть	Эпоха бронзы	Подросток
35	Эвдык-1	1982	5	7	Плечевая кость плохой сохранности	Неопред.	Младенец
36	Эвдык-1	1983	7	2	Фрагменты костей	Неопред.	Ребенок
37	Эвдык-1	1983	7	4	Фрагменты костей	Неопред.	Ребенок
38	Эвдык-1	1983	7	5	Фрагменты черепа	Неопред.	Ребенок
39	Эвдык-1	1983	7	8	Череп без нижней челюсти	Неопред.	Ребенок
40	Эвдык-1	1983	7	23	Череп и нижняя челюсть	Неопред.	Ребенок
41	Эвдык-1	1983	7	35	Фрагменты костей	Неопред.	Ребенок
42	Эвдык-1	1983	7	30	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Неопред.	Ребенок
43	Эвдык-1	1983	7	40	Фрагменты костей	Неопред.	Ребенок
44	Эвдык-1	1983	7	20	Фрагменты черепа и костей	Неопред.	Младенец
45	Эвдык-1	1983	9	2	Череп и длинные кости конечностей	Ямно-кат.	Ребенок
46	Эвдык-1	1983	10	2	Фрагменты черепа и костей	Кат.	Ребенок
47	Эвдык-1	1983	17	1	Фрагменты черепа и костей	Кат.	Ребенок
48	Эвдык	1984	1	3(1) (тройное)	Череп и фрагменты костей	Кат.	Подросток
49	Эвдык	1984	1	3(2) (тройное)	Череп и фрагменты костей	Кат.	Ребенок
50	Чкаловский	1984	5	3	Череп без нижней челюсти	Кат.	Подросток
51	Ики-Зегиста	1986	2	2	Фрагменты длинных костей	Скиф. время	Ребенок
52	Чограйский-4	1986	2	1	Череп и нижняя челюсть	Эпоха бронза	Ребенок
53	Чограйский-4	1986	4	1	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Эпоха бронзы	Ребенок
54	Чограйский-4	1986	5	2	Череп, длинные, тазовые кости, ключицы	Эпоха бронзы	Подросток
55	Чограйский-5	1986	5	3	Фрагменты черепа и н/ч, разные кости	Неопред.	Ребенок
56	Чограйский-5	1986	7	1	Фрагменты черепа, лучевая кость	Ямн.	Ребенок
57	Чограйский-5	1986	7	3	Нижняя челюсть	Эпоха бронзы	Ребенок
58	Чограйский-6	1986	1	1 (южный) (парное)	Кости таза, фрагменты разных костей	Кат.	Подросток

59	Цаган-Усн-3	1987	1	6	Череп и нижняя челюсть	Ямн.	До 12 лет
60	Цаган-Усн-3	1987	1	7	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Кат.	Ребенок 1 год
61	Цаган-Усн-3	1987	1	9	Фрагменты черепа	Эпоха бронзы	Ребенок 2,5 лет
62	Цаган-Усн-3	1987	5	6	Фрагменты черепа и н/челюсти	Сруб.	Подросток 14 лет
63	Цаган-Усн-3	1987	6	2	Зубы	Эпоха бронзы	До 12 лет
64	Цаган-Усн-3	1987	6	3	Фрагменты черепа	Эпоха бронзы	Подросток 12–15 лет
65	Цаган-Усн-4	1987	1	2	Череп и н/челюсть, бедренная кость	Неопред.	Ребенок ок. 5 лет
66	Цаган-Усн-7	1987	1	1	Фрагменты черепа и н/ч, длинные кости	Неопред.	Подросток
67	Цаган-Усн-8	1987	2	1	Фрагменты черепа, кости таза	Кат.	Подросток
68	Цаган-Усн-8	1987	3	1	Фрагменты черепа, бедренная, плечевая	Сарм.	Подросток
69	Цаган-Усн-10	1987	1	1	Фрагменты черепа, длин. и разных костей	Эпоха бронзы	Подросток
70	КВЧ-56	1988	2	11	Череп, длинные, тазовые и разные кости	Кат.	Подросток
71	КВЧ-56	1988	6	11А (парное)	Фрагменты костей	Кат.	Подросток
72	КВЧ-56	1988	6	15	Череп, длинные, тазовые и разные кости	Кат.	Подросток
73	КВЧ-56	1988	6	18	Длинные кости конечностей	Кат.	Подросток
74	КВЧ-56	1988	13	1	Длинные кости конечностей	Неопред.	Муж. 13–15 лет
75	КВЧ-56	1988	13	13	Фрагменты костей плохой сохранности	Неопред.	Ребенок
76	КВЧ-56	1988	14	1	Череп без нижней челюсти	Средневек.	Подросток
77	КВЧ-56	1988	13	4	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Ямн.	Ребенок
78	КВЧ-56	1988	16	2	Фрагменты костей	Кат.	Подросток 10 лет
79	КВЧ-56	1988	?	6	Нижняя челюсть	Неопред.	Ребенок
80	КВЧ-37	1988	14	2	Череп и кости посткраниального скелета	Кат.	Ребенок
81	КВЧ-37. Яйхуль	1988	1	3	Фрагменты черепа и длинные кости	Кат.	Ребенок
82	КВЧ. Джангар-1	1988	1	2	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Сруб.	Ребенок
83	Цаган-Нур	1989	2	5	Череп и н/ч, кости посткраниального скелета	Эпоха бронзы	Ребенок 2,5 лет
84	Цаган-Нур	1989	2	3	Череп и н/ч, кости посткраниального скелета	Кат.	Ребенок 3 лет
85	Цаган-Нур	1989	4	1 (парное)	Разные кости	Ржв	Подросток 15–18 лет
86	Цаган-Нур	1989	4	5	Череп и нижняя челюсть	Кат.	Подросток 9 лет
87	Цаган-Нур	1989	7	1	Фрагмент черепа, фрагменты костей	Кат.	Подросток 16 лет
88	Цаган-Нур	1989	7	3	Длинные кости конечностей	Ржв	Ребенок
89	Цаган-Нур	1989	9	2	Фрагменты длинных костей	Неопред.	Ребенок
90	Утта-Привольное-7	1989	2	2	Череп и нижняя челюсть	Неопред.	Ребенок
91	Улан-Зуха	1990	3	6	Фрагменты черепа и костей	Кат.	Ребенок 3–5 лет

92	Улан-Зуха	1990	3	7	Череп и фрагменты костей плохой сохран.	Эпоха бронзы	Ребенок до 6 лет
93	Улан-Зуха	1990	3	9	Фрагменты черепа, фрагменты костей	Ямно-кат.	Ребенок
94	Хар-Зуха-1	1991	7	1	Фрагменты черепа и костей посткр. скелета	Неопред.	Ребенок
95	Хар-Зуха-2	1991	3	5	Фрагменты костей	Кат.	Ребенок
96	Овата-1	1992	1	1 (2)	Череп без нижней челюсти	Позднеоч.	Ребенок
97	Ариань-Зельмень-2	1993	3	3	Череп и нижняя челюсть	Неопред.	Ребенок
98	Зунда-Толга-1	1994	1	13Б	Череп	Эпоха бронзы	Подросток
99	Черноземельский-1	1998	3	3	Фрагменты черепа	Скиф. время	Ребенок
100	Черноземельский-1	1998	3	4	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Кат.	Ребенок
101	Черноземельский-1	1998	4	1	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Неопред.	Подросток
102	Черноземельский-1	1998	4	4	Фр-ты черепа и костей плохой сохран.	Кат.	Ребенок
103	Черноземельский-1	1998	4	10	Фр-ты черепа и костей плохой сохран.	Кат.	Ребенок
104	Черноземельский-1	1998	4	13	Фр-ты длинных и разных костей	Кат.	Ребенок
105	Черноземельский-1	1998	4	14	Фр-ты черепа и костей плохой сохран.	Кат.	Ребенок
106	Черноземельский-1	1998	4	15	Фрагменты костей плохой сохранности	Кат.	Ребенок
107	Черноземельский-1	1998	4	23	Фрагменты костей плохой сохранности	Позд. бронза	Ребенок
108	Малые Дербеты – 1	2007	2	1	Фрагменты черепа и костей плохой сохран.	Сруб.	Ребенок 5 лет
109	Малые Дербеты – 1	2007	4	1	Фрагменты костей плохой сохранности	Позднесреднев.	Ребенок 7–8 лет
110	Малые Дербеты – 1	2007	4	2	Череп и фрагменты костей плохой сохран.	Позднесреднев.	Ребенок 5–6 лет
111	Малые Дербеты – 1	2007	7	1	Череп и фрагменты костей плохой сохран.	Позднесреднев.	Ребенок 3–3,5 лет
112	Малые Дербеты – 1	2007	8	1	Фрагменты черепа и костей плохой сохран.	Средневек.	Ребенок 2,5–3 лет
113	Малые Дербеты – 1	2007	9	1	Фрагменты черепа плохой сохранности	Позднесреднев.	Ребенок 10–11 лет
114	Малые Дербеты – 2	2007	1	1	Фрагменты черепа и костей	Кат.	Ребенок 6 мес.
115	Малые Дербеты – 2	2007	1	6 (двойное)	Фрагменты черепа и костей	Сарм.	Ребенок 1,5 лет
116	Малые Дербеты – 2	2007	1	7(1)	Череп и фрагменты костей плохой сохран.	Кат.	Подросток 14–16 лет
117	Малые Дербеты – 2	2007	1	7(2)	Череп и фрагменты костей плохой сохран.	Кат.	Ребенок 7–7,5 лет
118	Малые Дербеты – 2	2007	1	12	Фрагменты черепа и костей	Кат.	Ребенок 1,5–2 лет
119	Малые Дербеты – 2	2007	2	2(1)	Фрагменты костей	Кат.	Ребенок 7 лет
120	Малые Дербеты – 2	2007	2	2(2)	Фрагменты костей	Кат.	Ребенок
121	Малые Дербеты – 2	2007	2	3	Череп и кости посткраниального скелета	Кат.	Ребенок 3–3,5 лет
122	Малые Дербеты – 2	2007	2	6	Череп и кости посткраниального скелета	Кат.	Ребенок 2 лет
123	Ергенинский	1981	4	2	Череп без нижней челюсти	Современное	Ребенок

124	Ергенинский-1	2007	13	1	Фрагменты длинных, тазовых и разных костей	Кат.	Ребенок 9 лет
125	Ергенинский-1	2006	13	5	Фрагменты мозгового отдела черепа, ребра, тазовые кости	Кат.	Младенец 1–2 мес.
126	Ергенинский-1	2006	13	6	Фрагменты мозгового отдела черепа и н/челюсти, фрагменты длинных, тазовых и разных костей	Кат.	Подросток 14–15 лет
127	Ергенинский-1	2006	13	7	Фрагменты ребер и тазовых костей	Кат.	Младенец 9–11 мес.
128	Ергенинский-1	2007	13	10(A)	Фрагменты черепа и кости посткраниального скелета	Кат.	Ребенок 8–8,5 лет
129	Ергенинский-1	2006	14	2	Череп (фрагментирован), фрагменты н/челюсти	Кат.	Ребенок 3–4 лет

Сокращения: Кат. — катакомбная культура, Неопред. — неопределенное погребение, Позд. бронза — поздняя бронза, Позднекоч. — позднекочевническое погребение, Позднесредневек. — позднесредневековое погребение, Ржв — ранний железный век, Сарм. — сарматская культура, Скиф. время — скифское время, Средневек. — средневековое погребение, Сруб. — срубная культура, Ямн. — ямная культура, Ямно-кат. — ямно-катакомбное погребение.

Таблица 2. Состояние костных останков из детских погребений катакомбной культуры, хранящихся в фондах КалмНЦ РАН
 [Table 2. Current conditions of skeletal remains from children's Catacomb burials. Repository of KalmSC RAS]

№ п/п	Могильник	Год раскопок	Курган	Погребение	Сохранность	Возраст	Примечание
1	Лола-2	1962	8	4	Фрагменты мозгового отдела черепа, фрагменты нижней челюсти	Ребенок	Не сохранились височные кости и зубы
2	Кутцын Толга	1974	48	10	Мелкие фрагменты мозгового отдела черепа, фрагменты венечных отростков нижней челюсти	Ребенок 6–8 лет	Сохранились височные кости, зубы молочные
3	Джангар	1982	36	5	Фрагмент черепа (левая лицевая часть), нижняя челюсть (нет правого венечного отростка), тазовые кости (2)	Подросток	Не сохранились височные кости, зубы молочные
4	Эвдык-1	1983	10	2	Фрагменты мозгового отдела черепа, мелкие фрагменты костей посткраниального скелета	Младенец	Сохранилась 1 височная кость, зубов нет
5	Эвдык-1	1983	17	1	Череп и нижняя челюсть фрагментированы	Ребенок	Сохранились височные кости, зубы молочные
6	Эвдык	1984	1	3(1)	Череп и нижняя челюсть частично фрагментированы, полный набор костей посткраниального скелета	Подросток	Сохранились височные кости и зубы. Искусственная деформация черепа
7	Эвдык	1984	1	3(2)	Череп и фрагменты костей посткраниального скелета	ребенок	Сохранились височные кости, зубы молочные
8	Чкаловский	1984	5	3 (1)	Череп частично фрагментирован (нет верхней и нижней челюсти)	Подросток	Сохранились височные кости и зубы
9	Чограйский-б	1986	1	1 (1)	Кости таза, фрагменты разных костей	Подросток	Не сохранились височные кости и зубы
10	Цаган-Усн-3	1987	1	7	Мелкие фрагменты черепа и нижней челюсти	Ребенок 1 год	Нет височных костей и зубов
11	Цаган-Усн-8	1987	2	1	Фрагменты верхней и нижней челюстей	Подросток	Нет височных костей, зубы молочные
12	Канал Чограй-56	1988	2	11	Череп фрагментирован, нижняя челюсть, длинные кости (бедренная (2), б/берцовая (1), плечевая (1), тазовые кости (2), разные кости (фрагменты лопатки и ребер, фаланга (1)	Подросток	Сохранились височные кости и зубы

13	Канал Чограй-56	1988	6	1 (А)	Фрагменты костей посткраниального скелета	Подросток	Нет височных костей и зубов
14	Канал Чограй-56	1988	6	15	Череп и нижняя челюсть фрагментированы, позвонки (3)	Подросток	Сохранились височные кости и зубы. Искусственная деформация черепа
15	Канал Чограй-56	1988	6	18	Длинные кости верхних и нижних конечностей	Подросток	Нет височных костей и зубов
16	Канал Чограй-56	1988	16	2	Длинные кости верхних и нижних конечностей, тазовые кости, фрагменты разных костей	Подросток 10 лет	Нет височных костей и зубов
17	Канал Чограй-37	1988	14	2	Череп фрагментирован (нет верхней челюсти), фрагмент нижней челюсти, фрагменты костей посткраниального скелета	Ребенок	Сохранились височные кости, зубы молочные
18	Канал Чограй-37. Яикуль	1988	1	3	Фрагменты лобно-височного и мозгового отделов черепа, нижняя челюсть (нет правого венечного отростка), фрагменты длинных и тазовых костей	Ребенок	Сохранилась 1 височная кость, зубы молочные
19	Цаган-Нур	1989	2	3	Череп и нижняя челюсть фрагментированы, полный набор костей посткраниального скелета	Ребенок 3 лет	Сохранились височные кости, зубы молочные
20	Цаган-Нур	1989	4	5	Череп и нижняя челюсть фрагментированы, длинные кости верхних и нижних конечностей (1 сторона)	Подросток 9 лет (муж.)	Сохранилась 1 височная кость и зубы
21	Цаган-Нур	1989	7	1	Фрагмент нижней челюсти, фрагменты длинных костей, кости таза, фрагменты разных костей (ключица, лопатка, ребра)	Подросток 16 лет	Нет височных костей, сохранился 1 зуб
22	Улан-Зуха	1990	3	6	Череп и нижняя челюсть фрагментированы	Ребенок 3–5 лет	Сохранилась 1 височная кость, зубы молочные
23	Хар-Зуха-2	1991	3	5	Фрагменты нижней челюсти, фрагменты разных костей	Младенец	Нет височных костей, зубы молочные
24	Черноземельский-1	1998	3	4	Мелкие фрагменты мозгового отдела черепа, нет нижней челюсти, фаланга (1)	Ребенок	Височные кости плохой сохранности, зубов нет
25	Черноземельский-1	1998	4	4	Фрагменты черепа и костей посткраниального скелета	Ребенок	Плохая сохранность костной ткани
26	Черноземельский-1	1998	4	10	Фрагменты черепа и костей посткраниального скелета	Ребенок	Плохая сохранность костной ткани
27	Черноземельский-1	1998	4	13	Фрагменты длинных и разных костей	Ребенок	Нет височных костей и зубов

28	Черноземельский-1	1998	4	14	Фрагменты черепа и костей посткраниального скелета	Ребенок	Плохая сохранность костной ткани
29	Черноземельский-1	1998	4	15	Мелкие фрагменты костей посткраниального скелета	Ребенок	Плохая сохранность костной ткани
30	Малые Дербеты-2	2007	1	1	Мелкие фрагменты черепа и нижней челюсти, фрагменты костей посткраниального скелета	Младенец 6 мес.	Нет височных костей, зубы молочные
31	Малые Дербеты-2	2007	1	7(1)	Череп и нижняя челюсть фрагментированы, фрагменты костей посткраниального скелета	Подросток 14–16 лет	Сохранились височные кости и зубы
32	Малые Дербеты-2	2007	1	7(2)	Фрагменты лицевого и мозгового отделов черепа, фрагмент нижней челюсти, фрагменты костей посткраниального скелета	Ребенок 7–7,5 лет	Сохранились височные кости, зубы молочные
33	Малые Дербеты-2	2007	1	12	Фрагменты мозгового отдела черепа, нет нижней челюсти, фрагменты костей посткраниального скелета	Ребенок 1,5–2 лет	Нет височных костей, зубы молочные
34	Малые Дербеты-2	2007	2	2(1)	Фрагменты длинных и тазовых костей, пяточная кость (2)	Ребенок 7 лет	Нет височных костей и зубов
35	Малые Дербеты-2	2007	2	2(2)	Фрагменты костей посткраниального скелета	Ребенок	Нет височных костей и зубов
36	Малые Дербеты-2	2007	2	3	Череп и нижняя челюсть фрагментированы, полный набор костей посткраниального скелета	Ребенок 3–3,5 лет	Сохранилась 1 височная кость, зубы молочные
37	Малые Дербеты-2	2007	2	6	Фрагменты мозгового отдела черепа, нет нижней челюсти, фрагменты костей посткраниального скелета	Ребенок 2 лет	Сохранилась 1 височная кость, зубы молочные
38	Ергенинский-1	2007	13	1	Фрагменты длинных, тазовых и разных костей	Ребенок 9 лет	Нет височных костей и зубов
39	Ергенинский-1	2006	13	5	Фрагменты мозгового отдела черепа, ребра, тазовые кости	Младенец 1–2 мес.	Нет височных костей и зубов
40	Ергенинский-1	2006	13	6	Фрагменты мозгового отдела черепа и н/челюсти, фр-ты длинных, тазовых и разных костей	Подросток 14–15 лет	Сохранились височные кости и зубы
41	Ергенинский-1	2006	13	7	Фрагменты ребер и тазовых костей	Младенец 9–11 мес.	Нет височных костей и зубов
42	Ергенинский-1	2007	13	10A	Фрагменты черепа и костей посткраниального скелета	Ребенок 8–8,5 лет	Сохранились височные кости и зубы
43	Ергенинский-1	2006	14	2	Череп фрагментирован, фр-ты нижней челюсти	Ребенок 3–4 лет	Сохранилась 1 височная кость, зубы молочные

– частичная сохранность, при которой представлены только череп или его фрагменты, т. е. представлен только краниологический материал. К этой категории относятся останки 11 индивидов;

– частичная сохранность, при которой представлены только разрозненные кости посткраниального скелета. К этой категории относятся останки 10 индивидов.

По возрасту исследуемую выборку можно разделить на три группы:

- 1) младенцы (до 1 года);
- 2) дети (от 1 до 9 лет);
- 3) подростки (9–16 лет)¹.

В детских погребениях катакомбной культуры обнаружены представители всех трех возрастных групп. Самая малочисленная 1-я группа насчитывает 5 индивидов (ввиду малого накопления кальция в костях такие останки сохраняются намного хуже), 2-я группа — 24 индивида и 3-я — 14 человек. Необходимо отметить, что конкретный возраст детей и подростков в таблице дается на основании отчетов палеоантропологов о половозрастной структуре населения в Приложениях к полевым отчетам об археологических раскопках. Их не так много, поэтому большая часть работы по определению половозрастной структуры древнего населения, останки которых находятся в хранилище остеологических материалов КалмНИЦ РАН, еще впереди.

То же самое можно сказать и об определении патологических изменений в строении скелетов из детских погребений. При изучении антропологических материалов из курганного могильника *Малые Дербеты-2* в 2007 г. волгоградские палеоантропологи М. А. Балабановой и Е. В. Перерва зафиксировали следы пороза на внешней поверхности костей свода черепа и альвеолах зубов верхней и нижней челюстях у младенца возрастом около 6 месяцев (к. 1, п. 1); ребенка 1,5 лет (к. 1, п. 6); ребенка 2 лет (к. 2, п. 6). Из особенностей, зафиксированных на костях черепа, следует отметить пальцевидные вдавления на внутренней поверхности

костей свода черепа, выявленные у подростка 14–16 лет (к. 1, п. 7(1)); ребенка 1,5–2 лет (к. 1, п. 12); ребенка 3–3,5 лет (к. 2, п. 3); ребенка 2 лет (к. 2, п. 6). Эмалевая гипоплазия с горизонтальной ориентировкой отмечена у подростка 14–16 лет (к. 1, п. 7(1)), что указывает на ряд стрессов в возрасте 1 и 4,5 лет, приведших к развитию патологии [Очир-Горяева 2017: 35–43].

Е. В. Перерва в Антропологическом отчете о работе с костным материалом, полученным в результате раскопок могильника *Ергенинский-1* в 2006–2008 гг., фиксирует те же следы поражения костей порозом и поротическим гиперстозом на костях, принадлежавших ребенку 9 лет (к. 13, п. 1); младенцу 1–2 месяцев (к. 13, п. 5); подростку 14–15 лет (к. 13, п. 6); младенцу 9–11 месяцев (к. 13, п. 7); ребенку 8–8,5 лет (к. 13, п. 10А). Характер и зоны фиксируемых отклонений указывают на присутствие комплекса признаков цинги, что свидетельствует о недостаточном питании. На всех детских черепах были выявлены характерные симметричные костные поражения в области орбит (*cribra orbitalia*) — наиболее общая форма поротического гиперстоза — в большинстве случаев ассоциирующаяся с железодефицитной анемией [Очир-Горяева 2006: 67–76].

А. П. Бужилова в главе «Возможные интерпретации признаков для археологических реконструкций» описывает определенные палеопатологические признаки, которые позволяют изучать последствия негативных факторов среды, воздействующих на организм человека и популяции в целом в обусловленные возрастные интервалы. Так, признаки пороза и поротического гиперстоза свидетельствуют о скудной диете, дефиците ряда микроэлементов в детском и подростковом возрасте. Пальцевидные вдавления на внутренней поверхности костей свода черепа являются признаком гипертензионного синдрома и является маркером высокого внутричерепного давления. Эмалевая гипоплазия — признак, указывающий на нарушение процессов роста и развития (острое голодание, лихорадочное состояние, инфекционные заболевания и т. д.) [Бужилова, Козловская, Медникова 1998: 122–146].

С развитием новых методов палеопатологических исследований и научных направлений, связанных с возможностью

¹ Деление детской выборки на три группы условно, так как определение возраста детей в полевых отчетах не везде указано (очень мало отчетов антропологов). Поэтому вторая группа (1–9 лет) объединяет две возрастные группы: 1–4, 5–9 лет. Классификация дается по методике В. П. Алексеева [Алексеев 1966: 29–38].

реконструкции среды жизни древних популяций, скелет человека стал неистощимым источником информации и о физической деятельности, типе питания, показателях стресса, мерах приспособления к среде обитания и, в конечном итоге, «качества жизни» [Алексеева, Богатенков, Лебединская 2003: 47].

При описании костных останков особое внимание обращалось на наличие височных костей черепа с каменистой частью и зубов с неповрежденными корнями. Каменистая часть так же, как корневая часть зубов, является наиболее оптимальной для взятия образца на генетический анализ. При отсутствии височных костей и зубов возможно взятие образца из кортикальной кости черепа или посткраниального скелета, что является менее предпочтительным вариантом получения ДНК [Бембеева 2021: 190–191].

Проведенная работа отражена в специальной графе Примечания к таблице 2. Исследование костных останков из детских погребений катакомбной культуры на предмет взятия образца на анализ ДНК показало, что в основном материал пригоден для генетических исследований. Из 43 исследованных скелетов в 8 случаях сохранились височные кости с каменистой частью и постоянные зубы, в 12 случаях образцы для анализа можно извлечь только из каменистой части височных костей, так как зубы у детей до 7 лет молочные и не имеют корня, у 18 скелетов сохранились только кости посткраниального скелета и фрагменты черепной коробки. В таких случаях для образца послужит кортикальная кость, взятая из фрагментов длинных костей верхних или нижних конечностей (длиной от 3 до 10 см), черепной кости (3х3 см) или целой фаланги. Только в 5 случаях материал оказался непригодным для исследования вследствие плохой сохранности костной ткани.

Таким образом, исследованная нами выборка детских и подростковых скелетов, принадлежавших к катакомбной культуре, имеет достаточно хорошую сохранность для проведения как традиционных антропологических исследований, так и молекулярно-генетического, радиоуглеродного, изотопного и др. анализов.

Характеристика детских погребений катакомбной культуры на территории Республики Калмыкия

Возраст детства и отрочества до момента инициации в первобытных, догосударственных обществах всегда рассматривается как особое состояние подрастающего поколения. Детская смертность была высока, и у носителей разных культур сложились неоднозначные способы захоронения детей и подростков. Ситуации с обрядом детских погребений, по данным археологии, были различными [Кореневский 2017: 124].

В данной статье мы рассмотрим имеющуюся информацию о погребениях детей и подростков катакомбной культуры. Для анализа погребального обряда детской выборки были использованы данные из имеющихся в Научном архиве КалмНЦ РАН полевых отчетов по 36 погребенным [Арапов 1987; Лапа 1988; Николаева, Сафронов, Цуцкин 1984; Николаева, Сафронов 1986; Очир-Горяева 1989; Очир-Горяева 1990; Очир-Горяева 1991; Очир-Горяева 2006; Очир-Горяева 2007а; Очир-Горяева 2007б; Шилов, Цуцкин 1983; Шишлина 1987; Шишлина 1988; Цуцкин 1982]. Из них к младенцам до 1 года можно отнести 6 костяков, к детям от 1 до 9 лет — 16, к подросткам 10–16 лет — 14.

Вся информация, собранная в ходе изучения погребального обряда детских погребений исследуемой группы, сведена в таблице 3. За образец была позаимствована таблица «Характеристика погребений из курганов бронзового века в низовьях Днепра» [Евдокимов, Данилко, Пустовалов 2018: 86], которая наглядно отражает сходства и различия погребальных обрядов. В таблицу вошли такие характеристики, как основное погребение или впускное, коллективное или индивидуальное, сведения об устройстве могил (наличие и размеры входной и погребальной ямы, глубина), элементах погребального обряда (в какой позе положен погребенный, куда ориентирован головой и т. д.), погребальный инвентарь (таблица 3).

По сведениям из отчетов об археологических раскопках погребения детей и подростков катакомбной культуры в погребальном обряде демонстрируют общую ритуальную традицию: устройство могилы (входная яма и погребальная камера), положение скорченно на левом боку, головой

Таблица 3. Характеристика детских погребений катакомбной культуры
[Table 3. Characteristics of children's Catacomb burials]

№ п/п	Археологический памятник: курган/ погребение	Входная яма (м)	Погребальная яма (м)	Глубина (м)	Элементы обряда, инвентарь
1	Куницын Толга-1974: 48/10 (впускное)	1,6x1,0	2,0x1,2	1,1	– скорченно на левом боку, головой на В; – кости овцы; – осколок кварца, бронзовый предмет.
2.	Джангар-1982: 36/5 (впускное?)	1,2x0,5	Сегментовидной формы	1,77	– скорченно на левом боку, головой на В; – кости овцы; – кремневый отщеп.
3	Эвдык-1-1983: 10/2 (впускное)	Не прослежено			– кости на разной высоте; – кости барана (череп и длинные кости); – лепной сосуд (2).
4	Эвдык-1-1983: 17/1 (впускное)	1,13x0,75	1,55x0,9	0,6	– скорченно на левом боку, головой на ССВ; – нет инвентаря.
5	Эвдык-1984: 1/3 (основное? h кургана — 0,9 м) коллективное захоронение: женщина, подросток, ребенок	2,2x2,1	1,7x2,5	0,44	– все скорченно на левом боку, головой на В (подросток — на С); – сосуд (4), нож, костяные кольца, воронка глиняная.
6	Чкаловский-1984: 5/3 (основное, h кургана — 0,4 м) Парное захоронение двух подростков		1,8x1,2x0,7	2,0	– скорченно на левом боку, головой на ЮВ; – кости барана; – каменный проушной топорик, сосуд (3), нож бронзовый, шило бронзовое.
7	Чограйский-6-1986: 1/1 (впускное) Парное захоронение двух подростков	1,6x1,25	2,15x1,7	1,74	- «северный» костяк: вытянуто, головой на ЮВ; «южный» костяк: на спине скорченно, головой на ЮВ (по древнейшему обряду); - костяные молоточковидные булавки (2).
8	Цаган-Усн-3-1987: 1/7 (впускное) Коллективное захоронение: скопление человеческих костей	Не прослежено		0,72	– расположение костей не прослеживается; – сосуд лепной глиняный (1).
9	Цаган-Усн-8-1987: 2/1 (основное, h кургана — 0,56–0,81 м)		2,2x1,75	0,73	– скорченно на левом боку, головой на ЮЮЗ; – кости барана; – бусины из мыльного камня и сердолика (2), пест каменный, обломок бронзового ножа, наконечник кремниевой стрелы.

10	Канал Волга-Чограй-37-1988. Яшкуль: 1/3 (впускное)		1,1x0,7	2,0	– вытянуто на спине, головой на ЮВ; – бисер из белой пасты (6), алебастровый сосуд (1).
11	Канал Волга-Чограй-37-1988: 1/4/2 (основное, h кургана — 1,2 м)		1,66x1,8	1,25	– скорченно на левом боку, головой на ЮЮЗ; – альчики барана (43), альчик крупного животного (1), лопатка барана (3); – бусины бронз. (5), сосуд лепной глин., воронка глин., кольца костяные, каменные: оселок, пест, подвеска.
12	Канал Волга-Чограй-56-1988: 2/11 (впускное)	0,8x0,62	1,03x0,5	1,0	– скорченно на левом боку, головой на В; – сосуд лепной глиняный (1).
13	Канал Волга-Чограй-56-1988: 6/11 А (впускное) Парное захоронение подростков	Не прослежено			– скорченно на левом боку, головой на ЮВ; – сосуд лепной глиняный (1), костяная трубка «фаллос».
14	Канал Волга-Чограй-56-1988: 6/15 (впускное)	0,9x1,3	1,2x1,7		– скорченно на левом боку, головой на СЗ; – сосуд лепной глиняный (1), костяные пронизи и кольца.
15	Канал Волга-Чограй-56-1988: 6/18 (впускное)	1,2x1,2	1,1x0,6	3,28	– скорченно на левом боку, головой на СЗЗ; – сосуд лепной глиняный, отщеп на ножевидной кремниевой пластине.
16	Канал Волга-Чограй-56-1988: 16/2 (впускное?)		1,4x1,6	2,54	– скорченно на левом боку, головой на В; – фрагмент венчика сосуда, глен циновки.
17	Цаган-Нур-1989: 2/3 (впускное)	Не прослежено		1,12	– скорченно на правом боку, головой на СЗ; – мелкие кусочки угля, кусочки охры.
18	Цаган-Нур-1989: 4/5 (основное, h кургана — 0,7 м). Парное захоронение: муж. старч. возраста и мальчик 8–9 лет		2,3x1,36	3,76	– скорченно на левом боку, головой на ЮВ; – альчики (14); – сосуд лепной (6), бисер кольцевидный (9), створки речной раковины (2).
19	Улан-Зуха-1990: 3/6 (впускное)	1,3x0,9	1,3x0,64	1,51	– скорченно на левом боку, головой на ССВ; – сосуд красноглиняный (2).
20	Хар-Зуха-2-1991: 3/5 (впускное)	1,22x0,37	3 x 47 (?) см	1,18	– разрозненные кости младенца; – кувшин (4), миска (1).
21	Малые Дербеты-2-2007: 1/1 (впускное)	Не прослежено		0,4	– расположение костей не прослежено; – альчики барана (5); – фрагменты сосуда.
22	Малые Дербеты-2-2007: 1/7 (впускное) Коллективное захоронение: жен. 30–45 лет, подросток 14–16 лет, ребенок 7–7,5 лет	1,6x0,45	2,6x1,33	1,66	– скорченно на левом боку, головой: жен. — на СЗ, подросток — на Ю, ребенок — на З (веерообразно вдоль стенок полукруглой камеры); – кувшин однорульный (2).

23	<i>Малые Дербеты-2-2007: 1/12</i> (впускное)		1,1x1,0	0,98–1,0	– скорченно на левом боку, головой на СВ; – сосуд (1), серьга бронзовая (1).
24	<i>Малые Дербеты-2-2007: 2/2</i> (впускное) Парное захоронение детей	Не прослежено		0,7	– скорченно на левом боку, головой на Ю; – альчики (11); – сосуд (2), нож бронзовый, шило бронзовое, камень-герочник, костяное изделие из трубчатой кости.
25	<i>Малые Дербеты-2-2007: 2/3</i> (впускное)		1,7x1,2	1,4	– скорченно на левом боку, головой на Ю; – альчики (8); – сосуд (3).
26	<i>Малые Дербеты-2-2007: 2/6</i> (впускное) Парное захоронение: жен. 35–45 лет и ребенок около 2-х лет		1,6x1,17	2,38	– жен. — скорченно на левом боку, головой на С, ребенок — на правом боку, головой на С; – сосуд (2), бусины из пастового бисера (4).
27	<i>Ергенинский-1-2008: 13/1</i> (основное в насыпи) Парное захоронение: жен. 35–40 лет, ребенок 9 лет	2,0x2,15	2,4x1,7	4,41	– оба костяка скорченно на левом боку, головой на В; – сосуд (2), проколка костяная, шило бронзовое, нож бронзовый, костяное изделие трубочка (2), бисер пастовый.
28	<i>Ергенинский-1-2008: 13/10A</i> (основное)	2,1x1,8	1,4x1,05	4,94	– скорченно на левом боку, головой на С; – сосуд (1), камень-абразив, бисер пастовый.
29	<i>Ергенинский-1-2006: 13/5</i> (впускное)	1,27x0,53		3,27	– расположение костей не прослежено; – кувшин, сосудик (2), орудие из трубчатой кости (3), камень-галька (2), камень-песчаник, створки раковины, альчики бараньи (20), бисер бронзовый.
30	<i>Ергенинский-1-2006: 13/6</i> (впускное)	0,78x0,96		3,01	– скорченно на левом боку, головой на С; – сосуд (2).
31	<i>Ергенинский-1-2006: 13/7</i> (впускное)		0,9x1,5	3,79	– скорченно на левом боку, головой на Ю; – сосуд (2), бисер пастовый.
32	<i>Ергенинский-1-2006: 14/2</i> (основное)		1,5x1,35	1,09	– скорченно на левом боку, головой на Ю; – лопатки бараньи (во фрагментах); – фрагмент деревянного предмета, изделие из трубчатой кости, костяные кольца, бисер пастовый, бусина бронзовая.

на В (иногда на З, Ю или С — положение строго не ограничено), что характерно для восточноманычского варианта катакомбной культуры. Такое положение представляет собой «симметрическую реплику» нормам западноманычской культуры, распространенной в то же время в Северо-Западном Предкавказье (положение умерших скорченно на правом боку, головой на С или З) [Андреева 2009: 113].

Исключение составляют погребения, где расположение костяков не было прослежено из-за разрушения могильных конструкций грабительскими ямами (*Эвдык-1-1983: 10/2¹; Цаган-Усн-3-1987: 1/7; Хар-Зуха-2-1991: 3/5; Малые Дербеты-2-2007: 1/1*). В погребении 3 кургана 1 курганной группы *Канал Волга-Чограй-37-1988* погребенный был положен вытянуто на спине, головой на ЮВ. Вызывает интерес парное погребение подростков из погребения 1 кургана 1 курганной группы *Чограйский-6-86*: «северный» костяк — вытянуто, головой на ЮВ; «южный» — на спине скорченно, головой на ЮВ (по древнеявному обряду).

В анализируемой группе 36 костяков находились в 32 погребениях. Не всегда количество погребенных равно количеству погребений, так как, помимо индивидуальных захоронений, встречаются и коллективные (от двух и более человек). Так, 10 детей было похоронено в коллективных могилах, 22 — в индивидуальных. Из 32 погребений 8 были основными в курганах. Четыре из восьми основных погребений были коллективными захоронениями, возможно, членов одной семьи или рода: *Эвдык-1984: 1/1; Чкаловский-1984: 5/3; Цаган-Нур-1989: 4/5; Ергенинский-1-2008: 13/1*. Четыре захоронения — индивидуальные, что может говорить о том, что это были не простые соплеменники, а, возможно, наследники родовой знати: *Цаган-Усн-8-1987: 2/1; Канал Волга-Чограй-37-1988: 14/2; Ергенинский-1-2008: 13/10А; Ергенинский-1-2006: 14/2*. Об этом свидетельствует сопровождающий инвентарь этих захоронений, который выглядит богаче и разнообразнее, чем в рядовых погребениях. В погребении 1 кургана 2 курганной группы *Цаган-Усн-8-1987* обнаружены кости барана, бусины из мыльного

камня и сердолика (2), пест каменный, обломок бронзового ножа, наконечник кремневой стрелы. В к. 14 п. 2 *Канал Волга-Чограй-37-1988* — альчики барана (43), альчик крупного животного (1), лопатка барана (3), бусины бронзовые (5), сосуд лепной глиняный, воронка глиняная, кольца костяные, каменные: оселок, пест, подвеска. В к. 13 п. 1 *Ергенинский-1-2006* — сосуд (2), проколка костяная, шило бронзовое, нож бронзовый, костяное изделие трубочка (2), бисер пастовый. В ряде впускных детских погребений катакомбной культуры ритуальный инвентарь состоял чаще всего из одного сосуда, иногда встречался пастовый бисер (*Джангар-1985: 36/5; Ергенинский-1-2006: 13/6; 13/7; и др.*).

Анализируя погребальный инвентарь детских погребений, можно отметить некоторое отличие от инвентаря взрослых захоронений. В большинстве могил отсутствуют кости животных, которые рассматриваются как «жертвенная» или «напутственная» пища (в нашем случае — только в 6 могилах из 32). Но встречаются комплексы с астрагалами (альчиками) мелкого рогатого скота, как, например, *Канал Волга-Чограй-37: 14/2* — 43 шт.; *Цаган-Нур: 4/4* — 14 шт.; *Малые Дербеты-2: 2/2* — 11 шт. и т. д. Младенческая группа существенно уступает более взрослой в разнообразии материалов и многочисленности бус и пронизей. Чаще всего младенцев сопровождали костяные кольца, одна-две бронзовые или сердоликовые бусины, а также пастовый бисер: *Цаган-Усн-8: 2/1; КВЧ-37: 14/2; Ергенинский-1-2008: 13/1* и т. д. В целом детский погребальный инвентарь можно охарактеризовать как «неорудийный», «социально индифферентный» и в то же время «подчеркнуто культовый» [Андреева 2014: 73–74].

В рассматриваемой выборке детских погребений коллективные и парные захоронения встречаются и во впускных захоронениях. Так, к первым (от трех погребенных и более) относятся:

— *Цаган-Усн-3-1987, 1/7*: погребение состояло из огромного скопления человеческих костей и глиняного лепного сосуда. Обнаружены фрагменты черепа и нижней челюсти ребенка одного года;

— *Малые Дербеты-2-2007, 1/7*: погребальная камера имела полукруглую форму. Основание полукруга было направлено к

¹ Здесь и далее: курган и погребение указываются через дробь: 10/2 — курган 10, погребение 2.

входной яме, а выпуклой частью он был обращен на ЮВ. В северной части камеры был расположен скелет 1, в средней части — скелет 2 и южную часть полукруга занимал скелет 3, все костяки лежали скорченно на левом боку. Скелет 1 (подросток 14–16 лет) был положен головой на Ю. Скелет 2 (ребенок 7–7,5 лет) был положен головой на З. Сразу за черепом скелета 2 находились кости ног скелета 3 (женщина 30–45 лет). Погребенная лежала головой на СЗ.

К парным захоронениям относятся:

– *Чограйский-6-1986, 1/1* — у северной стенки погребальной камеры лежало два скелета подростков;

– *Канал Волга-Чограй-56-1988, 6/11* — скелеты двух подростков лежали скорченно на левом боку, головой на ЮВ, лицевыми костями к СЗ. Скелет А располагался слева от скелета Б;

– *Малые Дербеты-2-2007, 2/2*: погребение было нарушено при разработке траншеи ножом бульдозера. In situ сохранились кости таза и ног погребенных детей. Судя по их расположению, погребенные (двое детей) лежали на левом боку скорченно, головой на Ю;

– *Малые Дербеты-2-2007, 2/6*: в центре погребальной камеры были обнаружены останки взрослой женщины 35–45 лет и ребенка возрастом около 2 лет. Женщина лежала на левом боку скорченно, головой на С, лицевыми костями на В. Ребенок лежал на правом боку скорченно, головой на С, лицевыми костями был ориентирован на З, т. е. обращен лицом к женщине.

В процентном соотношении парные и коллективные погребения составляют примерно 30 % от общего числа погребений из выборки. А это значит, что такие захоронения не являлись единичными и не проводились только в исключительных случаях.

Таким образом, изучая данные из Полевых отчетов по детским погребениям катакомбной культуры, было установлено, что погребальный обряд детских погребений не отличался принципиально от обряда для взрослых членов общества, как по соотношению основных и впускных погребений, устройству погребальных могил, так и по наличию и разнообразию инвентаря. Даже дети грудного возраста обеспечивались погребальным инвентарем. В 6 случаях дети были погребены в сопровождении взрослых, а в остальных 30 случаях погребены

одни или два ребенка. В 4 случаях в основных погребениях находили индивидуальные захоронения детей.

Выводы

При проведении тематического обзора были выбраны костные останки детей и подростков. В целом в хранилище остеологических материалов КалмНЦ РАН были выявлены костные останки 129 индивидов детского и подросткового возраста из погребений, датирующихся от эпохи бронзы до средневековья. Для исследования были использованы данные по 43 костякам из погребений катакомбной культуры как наиболее многочисленной по культурно-хронологической датировке.

Наибольшее количество детских погребений по отношению к количеству погребений взрослых было характерно для эпохи бронзы и, особенно, для катакомбной культуры.

Было установлено, что детские антропологические материалы по сохранности костной ткани немного уступают взрослым материалам по причине грацильности и меньшему накоплению природного кальция, но могут быть пригодными для проведения антропологических исследований и разного рода анализов: генетического, радиоуглеродного, изотопного и т. д.

Анализируя палеопатологические исследования детских скелетных материалов, приходим к выводу, что зафиксированные на костях патологические изменения являются своего рода источником информации о типе питания, показателях стресса и в конечном итоге говорят о «качестве жизни» данной популяции в целом.

По данным из полевых отчетов было установлено, что погребальный обряд детских погребений катакомбной культуры не отличался принципиально от обряда для взрослых членов общества — как по соотношению основных и впускных погребений, устройству погребальных могил, так и по наличию и разнообразию инвентаря.

Отмечены некоторые отличия в выборе погребального инвентаря: отсутствие в большинстве могил костей животных, частые находки в детских погребениях астрагалов (альчиков) мелкого рогатого скота, «подчеркнуто культовый» характер сопровождающих вещей.

В настоящее время ведется работа по составлению базы данных и систематизации коллекции. В ходе указанных работ были выявлены материалы из детских погребений и проведено первичное исследование. Такие

тематические обзоры помогут лучше выявить научную значимость хранилища остеологических материалов КалмНЦ РАН и способствует введению собранных антропологических материалов в научный оборот.

Источники

- Арапов 1987 — *Арапов С. В.* Отчет об исследовании археологической экспедицией КНИИИФЭ в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Яшкульский» в Яшкульском районе КАССР в 1987 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 55. 111 с. С. 21.
- Лапа 1988 — *Лапа Н. Л.* Отчет о раскопках за 1988 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 58. 45 с. С. 3.
- Николаева, Сафронов, Цуцкин 1984 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А., Цуцкин Е. В.* Исследование курганов у сс. Чкаловский и Эвдык Октябрьского района КАССР в 1984 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 32. 89 с. С. 30–37, 87–89.
- Николаева, Сафронов 1986 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Отчет о раскопках курганов в зоне орошаемого участка совхоза «Чограйский» в 1986 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 45. 84 с. С. 36–38.
- Очир-Горяева 1989 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника Цаган-Нур в Октябрьском районе КАССР в 1989 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 66. 44 с. С. 11–12, 33–38.
- Очир-Горяева 1990 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника «Улан-Зуха» в Приютненском районе КАССР в 1990 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 67. 44 с. С. 29–30.
- Очир-Горяева 1991 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника «Хар-Зуха» в Приютненском районе КАССР в 1991 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 68. 132 с. С. 116–118.
- Очир-Горяева 2006 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании двух курганов могильника

- «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2006 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 91. 69 с. С. 37–46, 59–62.
- Очир-Горяева 2007а — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганных могильников «Садовое-1–2» и «Малые Дербеты-2» в зоне строительства газопровода в Сарпинском и Малодербетовском районах Республики Калмыкия в 2007 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 98. 135 с. С. 29, 35–37, 42–43, 50–56.
- Очир-Горяева 2007б — *Очир-Горяева М. А.* Отчет о доследовании кургана 13 могильника «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2007 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 97. 109 с. С. 26–30.
- Шилов, Цуцкин 1983 — *Шилов В. П., Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Волго-Донской экспедиции ИА АН СССР и КНИИИФЭ в 1983 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. 68 с. Ф. 14. Оп. 2. Д. 30. С. 15–16, 47–48.
- Шишлина 1987 — *Шишлина Н. И.* Отчет о работе отряда ГИМ Калмыцкой археологической экспедиции КНИИИФЭ в Яшкульском районе КАССР в 1987 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. 49 с. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. С. 29–30.
- Шишлина 1988 — *Шишлина Н. И.* Отчет об исследовании курганов по трассе канала «Волга-Чограй» Яшкульского района КАССР в 1988 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 62. 89 с. С. 37–38, 67–68, 73–74, 77–79.
- Цуцкин 1982 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИИФЭ в 1982 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. 149 с. С. 161.

Sources

- Arapov S. V. Construction Site of an Irrigated Field in Yashkulyky Sovkhoz (Yashkulyky District, Kalmyk ASSR, RSFSR): 1987 Survey Report by the Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics (KRIHPhE) Archaeological Expedition. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 55. 111 p. P. 21. (In Russ.)

- Lapa N. L. The 1988 Excavation Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 58. 45 p. P. 3. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A., Safronov V. A. Kurgans [Located] within the Irrigated Field of Chograisly Sovkhoz: 1986 Excavation Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 45. 84 p. Pp. 36–38. (In Russ.)

- Nikolaeva N. A., Safronov V. A., Tsutskin E. V. Kurgans [Located] near Chkalovsky and Evdyk Villages (Oktyabrsky District, Kalmyk ASSR, RSFSR): 1984 Survey [Report]. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 32. 89 p. Pp. 30–37, 87–89. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Tsagan-Nur Grave Field (Oktyabrsky District, Kalmyk ASSR, RSFSR): 1989 Survey Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 66. 44 p. Pp. 11–12, 33–38. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Ulan-Zukha Kurgan Grave Field (Priyutnensky District, Kalmyk ASSR, RSFSR): 1990 Survey Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 67. 44 p. Pp. 29–30. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Khar-Zukha Kurgan Grave Field (Priyutnensky District, Kalmyk ASSR, RSFSR): 1991 Survey Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 68. 132 p. Pp. 116–118. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Two Kurgans of Yergeninsky Grave Field (Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia, Russia): 2006 Survey Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 91. 69 p. Pp. 37–46, 59–62. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Sadovoe-1/2 and Malye Derbety-2 Kurgan Grave Fields [Located] within a Pipeline Construction Site in Sarpinsky and Maloderbetovsky Districts of Kalmykia: 2007 Survey Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 98. 135 p. Pp. 29, 35–37, 42–43, 50–56. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Kurgan 13 of Yergeninsky Grave Field (Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia, Russia): 2007 Supplementary Survey Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 97. 109 p. Pp. 26–30. (In Russ.)
- Shilov V. P., Tsutskin E. V. Volga-Don Expedition by the Institute of Archaeology (USSR Acad. of Sc.) and KRIHPhE: 1983 Activity Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 30. 68 p. Pp. 15–16, 47–48. (In Russ.)
- Shishlina N. I. Yashkul'sky District (Kalmyk ASSR, RSFSR): 1987 Activity Report by the State Historical Museum Crew Affiliated to the KRIHPhE Archaeological Expedition. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 56. 49 p. Pp. 29–30. (In Russ.)
- Shishlina N. I. Kurgans [Located] along Yashkul'sky District Passage of the Volga-Chogray Canal: 1988 Survey Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 62. 89 p. Pp. 37–38, 67–68, 73–74, 77–79. (In Russ.)
- Tsutskin E. V. 1982 Activity Report by the KRIHPhE Archaeological Expedition. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 29. 149 p. P. 161. (In Russ.)

Литература

- Алексеев 1966 — Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Алексеев, Дебец 1964 — Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеева, Богатенков, Лебединская 2003 — Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. 127 с.
- Андреева 2009 — Андреева М. В. Традиции и новации в погребальном обряде катакомбных племен Северо-Восточного Предкавказья // Краткие сообщения Института археологии. Евразия: механизмы культурных перемен. 2009. Вып. 223. С. 101–115.
- Андреева 2014 — Андреева М. В. Восточно-манычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
- Бембеева 2020 — Бембеева Л. А. Первые шаги по созданию фондохранилища антропологического и археозоологического материала Калмыцкого научного центра РАН // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 29–48. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-29-48
- Бембеева 2021 — Бембеева Л. А. Краниологические материалы (череп), хранящиеся в фондах КалмНЦ РАН (первичный анализ) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 182–203. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-182-203
- Бужилова, Козловская, Медникова 1998 — Бужилова А. П., Козловская М. В., Медникова М. Б. Историческая экология человека.

- Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. 260 с.
- Евдокимов, Данилко, Пустовалов 2018 — *Евдокимов Г. Л., Данилко П. М., Пустовалов С. Ж.* Курганы бронзового века в низовьях Днепра (раскопки Краснознаменской экспедиции в 1998 г.) // *Древности. Исследования. Проблемы: сб. ст. / под ред. В. С. Синики и Р. А. Рабиновича.* Кишинев; Тирасполь: Stratum, 2018. С. 59–88.
- Корневский 2017 — *Корневский С. Н.* Детские и подростковые погребения начала медно-бронзового века на примере майкопско-новосвободненской общности // *Самарский научный вестник.* 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 124–131.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: ИД «Герел», 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.
- References**
- Alekseev V. P. Osteometry: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka, 1966. 252 p. (In Russ.)
- Alekseev V. P., Debets G. F. Craniometry: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.)
- Alekseeva T. I., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V. The Vlachs: An Anthropoecological Study (Analyzing Materials from the Medieval Necropolis of Mistihali). Moscow: Nauchnyi Mir, 2003. 127 p. (In Russ.)
- Andreeva M. V. East Manych Catacomb Culture: Materials from Burial Sites Analyzed. Moscow: Taus, 2014. 272 p. (In Russ.)
- Andreeva M. V. Traditions and innovations in burial rite of the Catacomb tribes in North-Eastern Caucasus piedmonts. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2009. No. 223. Pp. 101–115. (In Russ.)
- Bembeeva L. A. Craniological materials at Kalmyk Scientific Center (RAS): A primary analysis. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 182–203. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-182-203
- Bembeeva L. A. The first steps to creating a storage facility for anthropological and archaeo-zoological materials of the KalmSC RAS. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 29–48. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-29-48
- Buzhilova A. P., Kozlovskaya M. V., Mednikova M. B. Historical Ecology of Man: Some Tools of Biological Research. Moscow: Staryi Sad, 1998. 260 p. (In Russ.)
- Evdokimov G. L., Danilko P. M., Pustovalov S. Zh. Bronze Age barrows in the Lower Dnieper region (Excavations of the Krasnoznamenskaya expedition in 1991). In: Sinika V. S., Rabinovici R. A. (eds.) *Antiquities. Studies. Issues. Collected papers.* Kishinev, Tiraspol: Stratum, 2018. Pp. 59–88. (In Russ.)
- Korenevskiy S. N. Children and teenagers' burials dated back to the beginning of the Copper-Bronze Age on the example of the Maikop-Novosvobodnenskoe community. *Samara Journal of Science*. 2017. Vol. 6. No. 4 (21). Pp. 124–131. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Ancient Necropolises of the Ergeni Upland. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. 420 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Sites of the Volga-Manych Steppe: A Compendium of Kalmykia's Investigated Sites, 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 4, pp. 871–881, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-26

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-871-881

Опыт анализа проблемно-разрешительных механизмов в бурятско-русской билингвальной речи

Алтана Доржиевна Базаржапова¹, Мария Дмитриевна Воейкова²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, ул. Университетская набережная, 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 студентка 4-го курса бакалавриата

 0000-0003-3292-6839. E-mail: altanaanatla@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, ул. Университетская набережная, 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-7459-1013. E-mail: maria.voeikova@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Базаржапова А. Д., Воейкова М. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу встречающихся в бурятско-русской билингвальной устной речи проблемно-разрешительных механизмов — универсальных коммуникативных стратегий, позволяющих билингам выстраивать и поддерживать коммуникацию на бурятском языке, несмотря на нехватку некоторых языковых ресурсов и навыков. Это первая попытка анализа обширного речевого материала, включающего в себя случаи применения проблемно-разрешительных механизмов, с целью описать черты билингвальной речи и характер социального двуязычия на территории этнической Бурятии, а также показать продуктивность анализа проблемно-разрешительных механизмов в исследованиях по бурятско-русскому двуязычию. *Материалом* для исследования послужили записи развлекательной шоу-викторины «Түхэриг» (2019–2020 гг.), в которой приняло участие 285 билингов, живущих в разных районах этнической Бурятии и владеющих бурятским языком на разном уровне. *Методы.* При описании речевых портретов билингов фиксировались детали их речевого поведения, указывающие на характер возникшей проблемы и тип примененного для ее решения механизма; с опорой на справочную литературу проводилась оценка того, насколько удачно был применен тот или иной механизм, а также рассчитывалась корреляция между возрастными характеристиками информантов и степенью выполнения ими заданий и выбором языка общения. *Результаты.* В материале было обнаружено большое количество проблемно-разрешительных механизмов разного типа, выявлены причины и логика их активации. Материал исследования, несмотря на его специфику, позволил наглядно изучить черты социального двуязычия в ре-

гионе. *Выводы.* Наблюдения, сделанные в ходе исследования, иллюстративно подтверждают и уточняют выводы других исследователей о том, что речь в регионе отчетливо двукодовая, крупные пласты бурятской лексики находятся в пассивном словарном запасе бурятско-русских билингвов, а бурятская речь многих из них, несмотря на использование активного лексикона, что позволяет билингвам порождать высказывания на бурятском языке, все же оказывается неточной и не демонстрирует смыслового разнообразия.

Ключевые слова: бурятско-русское двуязычие, коммуникативные стратегии, проблемно-разрешительные механизмы, языковая ситуация, социальное двуязычие

Для цитирования: Базаржапова А. Д., Воейкова М. Д. Опыт анализа проблемно-разрешительных механизмов в бурятско-русской билингвальной речи // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 871–881. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-871-881

Buryat-Russian Bilingual Speech: Problem-Solving Mechanisms Analyzed

Altana D. Bazarzhapova¹, Maria D. Voeikova²

¹ St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russia)

B.A. Student

 0000-0003-3292-6839. E-mail: altanaanatla@mail.ru

² St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russia)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7459-1013. E-mail: maria.voeikova@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Bazarzhapova A. D., Voeikova M. D., 2022

Abstract. Introduction. The article analyzes problem-solving mechanisms occurring in Buryat-Russian bilingual oral speech, the former being universal communicative strategies that enable bilinguals to construct and maintain Buryat language communication in the absence of some language resources and skills. *Goals.* The study attempts an analysis of extensive speech materials that include certain problem-solving mechanisms and aims at describing features of bilingual speech and essentials of social bilingualism from across the territories of ethnic Buryatia, as well as at showing analyses of such mechanisms be rewarding for explorations of Buryat-Russian bilingualism. *Material and methods.* The work examines recordings (speech narratives) of Tükherig TV Quiz Show (2019–2020) to have been attended by 285 bilinguals from different areas of ethnic Buryatia and with differing Buryat language proficiency levels. Speech portraits of the bilinguals contain details of their speech behavior individually indicating a certain problem faced and a mechanism employed to solve the latter. Reference editions prove instrumental in assessing efficiency of each specific mechanism activated and calculating correlations between age characteristics of the informants and task fulfillment rates, including actual communication language choices. *Results.* The paper reveals quite a number of various problem-solving mechanisms, identifies their activation reasons and logic. The narratives — though specific enough — make it possible to delineate features of social bilingualism in the region. *Conclusions.* The observations vividly confirm and illustrate findings of other researchers as to that the region's communication paradigm is distinctly two-coded, with large layers of Buryat vocabulary remaining passive for Buryat-Russian bilinguals. This results in that though actively used basic words enable bilinguals to generate utterances in Buryat, the latter largely prove inaccurate and demonstrate no semantic diversity.

Keywords: Buryat-Russian bilingualism, communication strategies, problem-solving mechanisms, language situation, social bilingualism

For citation: Bazarzhapova A. D., Voeikova M. D. Buryat-Russian Bilingual Speech: Problem-Solving Mechanisms Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 871–881. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-871-881

Введение

Билингв в общении на втором, освоенном им в той или иной степени, языке (L2 communication) неизбежно сталкивается с разного рода проблемами, связанными с пониманием высказывания собеседника и формулированием собственного высказывания. Решая эти проблемы, билингвы демонстрируют использование различных лексических, фонологических, грамматических стратегий, которые позволяют им поддерживать коммуникацию на втором языке при нехватке языковых ресурсов или навыков и создавать пусть и несовершенные, но коммуникативно удачные высказывания.

Изучение этих стратегий в зарубежной лингвистике имеет длинную историю, на протяжении которой разные исследователи предлагали свои подходы к их трактовке (см. подробную обзорную работу З. Дёрнеи и М. Скотт: [Dörnyei, Scott 1997: 173–210]).

Эти стратегии в работе З. Дёрнеи и Ю. Кормош [Dörnyei, Kormos 1998: 349–385] получили название *проблемно-разрешительные механизмы* (*problem-solving mechanisms*) (далее — ПРМ). Под этим термином понимаются универсальные коммуникативные стратегии, которые может демонстрировать в своей речи билингв как с одновременным двуязычием (оба языка усваиваются одновременно), так и с последовательным двуязычием (один язык был усвоен раньше) естественного или искусственного (при котором второй язык усваивается в результате направленного обучения) типа. Многие из описанных исследователями механизмов приложимы и к речи монолингвов.

Согласно типологии З. Дёрнеи и Ю. Кормош [Dörnyei, Kormos 1998: 349–385], можно выделить 40 видов таких механизмов и 4 основных источника проблем, двум из которых — дефициту языковых ресурсов (*resource deficit*) и нехватке времени для обработки языковой информации (*processing time pressure*) — уделяется внимание в настоящей статье. Два других источника проблем, связанные с обнаруженными проблемами в своей и воспринимаемой речи, требуют интроспективных комментариев информантов. Поскольку такие комментарии

недоступны для нас в силу особенностей материала, мы ограничились анализом дефицита времени и ресурсов.

Коммуникативные стратегии и ошибки в речи традиционно являются богатейшим материалом для исследований разного спектра; «важность изучения речевых ошибок осознается лингвистами <...> уже более века» [Русакова 2013: 48].

Изучая ПРМ в речи билингвов определенного региона, исследователь может получить ценные сведения не только об особенностях индивидуального двуязычия того или иного билингва, но и о характере *социального двуязычия* и взаимодействия языков в этом регионе. В центре внимания настоящего исследования находится регион этнической Бурятии¹, характеризующийся своеобразной языковой ситуацией. Русский и бурятский языки являются основными языками общения в регионе. Если пользоваться терминологией голландского социолога А. де Сваана [de Swaan 1993], переведенной на русский язык и примененной по отношению к бурятскому языку Д. Д. Трегубовой [Трегубова 2016: 75–82], русский язык, будучи суперцентральный языком (всего в мире их 13), является доминантным по отношению к бурятскому языку, чей статус колеблется между центральным и периферийным (а периферийные языки в большей степени являются языками устного общения, нежели чтения и письма). Эта доминация выражается, в первую очередь, демографически², и связанная с этим функциональная доминация русского языка очевидна на фоне функционального ослабления бурятского языка: его лексическая система

¹ Под этим, принятым в современной монголистике, определением понимаем «регион компактного проживания современных бурят на территории РФ, включающий в себя Республику Бурятия, бывший Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (ныне — часть Иркутской области) и Агинский Бурятский автономный округ (ныне — часть Забайкальского края)» [Хилханова 2009: 3].

² См. подробный анализ статистических данных Всероссийской переписи населения о владении русским и бурятским языками среди бурят: [Дырхеева 2015: 158–166].

активируется говорящими все меньше и меньше, билингв чувствует неспособность автоматически воспроизводить нужные слова и часто (если не всегда) переключает код бурятского языка на код русского. «Каждое следующее поколение общается на меньшем глоссарии, чем тот объем, на котором основывалось общение предыдущих поколений» [Дашинимаева и др. 2010: 37].

Помимо понятия *массового пассивного двуязычия* [Дырхеева 2018: 302–320], языковую ситуацию в этнической Бурятии можно описать через наличие в регионе большого количества билингвов, имеющих в сущности статус *эритажников* (*heritage speakers*)¹, т. е. билингвов, выросших в семье, где кто-то из родственников говорил на бурятском языке, но не усвоивших бурятский язык в полной мере из-за большой роли русского языка в жизни ребенка.

Материал и методы исследования

Языковая ситуация в регионе этнической Бурятии описана достаточно подробно, однако на данный момент нет комплексных исследований бурятской речи, которые на основе анализа коммуникативных стратегий, проблемно-разрешительных механизмов, используемых в речи русско-бурятских билингвов, позволили бы уточнить черты социального двуязычия в регионе. Настоящая работа представляет собой опыт такого исследования. Она выполнена на материале устной спонтанной речи русско-бурятских билингвов, участвовавших в телепередаче «Түхэриг»² [Түхэриг 2021], выпуски кото-

рой размещены в YouTube (3 сезона передачи, записанной в период 2019–2020 гг.). Суть первых двух сезонов передачи заключается в том, что ведущий, перемещаясь по регионам этнической Бурятии, предлагает прохожим принять участие в викторине на знание бурятского языка. Ведущий, владея русским и бурятским языками, обращается к потенциальным участникам на бурятском языке, настраивая их на диалог и призывая также говорить на бурятском языке. Третий сезон передачи тоже снят в формате языковой викторины, но участниками являются приглашенные из разных регионов этнической Бурятии гости с довольно высоким уровнем владения бурятским языком. Таким образом, наши информанты представляют собой смещенную выборку, так как для участия в передаче отбирались только те местные жители, которые хотя бы в какой-то степени владеют бурятским языком и признают свой билингвальный статус.

В игре приняли участие 285 билингвов³ (далее — информантов). Самое частотное задание игры — перевод одного слова с русского языка на бурятский, или, точнее, подбор *межъязыковых синонимов* — «слов обоих языков, полностью или частично совпадающих по значению и употреблению (и, соответственно, являющихся эквивалентами при переводе)» [Англо-русский 1969: 371–372].

ковой викторины не дает говорящим возможности породить сложные высказывания и сужает тему диалога, но он позволяет настроить их на метаязыковую рефлекссию, вскрывает языковые проблемы, с которыми билингв сталкивается или мог бы столкнуться в обычном общении, но которые он сам не осознает. Кроме того, данный материал ранее не оказывался в центре внимания исследователей.

³ Тот или иной участник шоу признавался билингвом в том случае, если во время записи он продемонстрировал навыки порождения и/или понимания (в случае пассивного двуязычия) бурятской речи, т. е. в данной работе под двуязычием понимается не узкое определение (одинаково совершенное владение двумя языками), а широкое определение, согласно которому, по формулировке исследователя Ф. Грожана, «билингвы владеют своими языками на таком уровне, в котором они нуждаются в них» («bilinguals know their languages to the level that they need them») (перевод А. Д. Базаржаповой) [Grosjean 2000].

¹ Употребляя это понятие, следуем за исследовательницей Г. Вальдес, которая предложила называть эритажными носителями языка таких индивидов, которые росли в семье, где, помимо английского языка, регулярно воспроизводился другой язык, но не усвоили этот язык в полной мере, поскольку английский был доминантным [Valdés 2000: 375–403]. Несмотря на то, что оригинальное определение описывает ситуации, в которых английский выступает доминантным языком, оно может быть применено и по отношению к затронутой нами проблеме.

² Выбор записей шоу «Түхэриг» в качестве материала для исследования объясняется тем, что зафиксированные в нем рефлексивные комментарии говорящих и невербальная информация (жесты, мимика) играют большую роль в интерпретации материала. Пусть формат язы-

В сущности, это задание в искусственной форме воспроизводит такую речевую ситуацию, когда билингв, конструируя высказывание на втором языке, ищет необходимое слово/выражение для передачи задуманного им смысла/значения, но отличие между естественной коммуникацией и ситуацией задания состоит в том, что во втором случае искомая форма подбирается без опоры на контекст.

Описание речевого портрета информантов велось по единой схеме, включающей их социальную характеристику, указание степени выполнения ими заданий, а также ссылку на номер передачи и тайм-код¹ записи, где запечатлен информант. Оформленный таким образом корпус здесь не приводится. При анализе речи активно использовался бурятско-русский словарь [Шагдаров, Черемисов 2010].

Проблемно-разрешительные механизмы в речи бурятско-русских билингвов

В подавляющем большинстве случаев удалось выявить причины и логику активации ПРМ. В связи с ограничениями объема статьи далее рассматриваются лишь наиболее показательные для исследования примеры. Так, наиболее частотными проблемно-разрешительными стратегиями, которые применяет билингв при дефиците языковых ресурсов, оказались приблизительное обозначение (*approximation*), описательное представление концепта (*circumlocution*) и феномен «слова на кончике языка» (*tip-of-the-tongue phenomenon*). Рассмотрим их подробнее.

Приблизительное обозначение. Суть этого механизма состоит в том, что говорящий использует в речи слово, значение которого близко к значению того слова, которое он в данный момент не может вспомнить или не знает. Зафиксировано 35 случаев применения этого ПРМ. Наиболее показательные из них приведены ниже в списке: в марровских кавычках указывается значение

искового бурятского слова или, иными словами, русское слово, которое нужно было перевести на бурятский язык; само искомое бурятское слово указано в скобках; после двоеточия следуют бурятские слова, которые информант представил в качестве ответа, и их значение.

- 1 'растение' (*ургамал*): *ногоон* 'трава, зелень' (1.3; 9:07-11:35);
- 2 'наблюдать' (*адаглаха*): *хараха* 'смотреть, видеть' (1.5; 1:11-3:55);
- 3 'водопад' (*хүүюур*): *уһан* 'вода' (1.6; 0:49-1:41);
- 4 'жидкость' (*шэнгэн юумэн*): *уһан* 'вода' (2.1; 19:08-19:53);
- 5 'пар' (*уурал*): *амин* 'дыхание' (2.7; 5:57-8:48);
- 6 'пар' (*уурал*): *уһан* 'вода', *үүлэн* 'облако' (2.10; 10:50-13:33);
- 7 'хищник' (*арьяатан*): *шоно* 'волк' (1.6; 1:43-2:32);
- 8 'хищник' (*арьяатан*): *амитан* 'животное' (3.3; 20:30-21:13);
- 9 'столица' (*ниислэл хото*): *хото* 'город' (1.6; 4:15-4:56);
- 10 'бедный' (*үгүтэй / ядуу*): *үнишэн* 'сирота' (1.6; 5:01-7:12);
- 11 'щенок' (*нохойн гүлгэн*): *нохой* 'собака' (1.7; 10:23-14:01);
- 12 'общество' (*олоништэ*): *зонууд* 'люди, народы' (2.1; 9:37-10:33);
- 13 'юбилей' (*ойн баяр*): *наадан* 'игра, развлечение', *түрэ* 'свадьба', *амаршалга* 'приветствие, поздравление' (2.1; 20:06-21:10);
- 14 'колдун' (*эльбэшэн*): *бөө* 'шаман' (2.4; 12:33-13:09);
- 15 'бисер' (*хубһан*): *шүрэ* 'коралл (камень)', *гоёолто* 'отделка, украшение' (2.5; 18:33-19:27);
- 16 'подруга' (*хани басаган*): *нүхэр* 'друг' (2.6; 13:14-16:22);
- 17 'вред' (*хорон*): *муухай* 'грязный, безобразный' (2.7; 14:49-15:37);
- 18 'олень' (*буга*): *хандагай* 'лось' (2.9; 22:06-23:49);
- 19 'косуля' (*гүрөөһэн*): *хандагай* 'лось' (1.3; 4:22-6:04);
- 20 'яркий' (*ялагар / хурса*): *сэбэр сагаан* 'белоснежный' (2.8; 16:56-17:47);
- 21 'капризный' (*эрхэ / эрхэдэг зантай*):

¹ Далее при рассмотрении того или иного языкового примера в скобках в формате (N.N; ...-...) указывается номер выпуска и тайм-код записи, где зафиксирован данный пример. Цифра до точки — номер сезона, после точки — номер выпуска в сезоне. 1-й сезон состоит из 8 выпусков, 2-й сезон — из 15, 3-й сезон — из 9.

- залхуутай 'надоедливый, нудный',
хашиартай 'надоедливый, неприятный'
(2.12; 4:18-5:02);
- 22 'корзина' (түрсүүг): зантуу 'железное
ведро' (2.13; 6:07-8:58);
- 23 'пряжа' (ээрэдэһэн): ноохон 'шерсть' (2.14;
7:49-10:11);

Из списка видно, что затруднения у информантов могут вызывать слова разной тематики. В одних случаях (пп. 3, 8, 9, 21, первый ответ в п. 6) говорящий знает бурятское слово с общим, гиперонимическим, значением, но не владеет знанием о слове с более специализированным значением, гипониме, или эти слова находятся в пассивном словарном запасе информанта. В других случаях (пп. 1, 4, 7) информанту неизвестно или сразу не приходит на ум родовое наименование. В остальных случаях информант в качестве ПРМ прибегает к называнию слов, либо относящихся к той же тематической группе, что искомое слово (особенно этим богат п. 13), либо принадлежащих одной и той же лексико-семантической группе, либо связанных с искомым словом ассоциацией. В этом отношении особенно примечателен пример под номером 20: информант в поиске лексемы с заданным значением 'яркий' приходит к цветовому обозначению.

Описательное представление концепта. Применение этого ПРМ можно наблюдать в случаях, когда говорящий, не найдя нужных языковых средств для выражения задуманного концепта, стремится передать его путем иллюстрирования, описания, приведения примеров. В материале зафиксировано 13 таких случаев. Несколько из них представлено ниже в таком формате: русское слово, указанное в начале, — то слово, которое нужно было перевести на бурятский язык, в скобках — искомый бурятский аналог, а строчкой ниже указан ответ информанта с комментарием-гlossой. Глоссирование основано на Лейпцигских правилах (The Leipzig Glossing Rules).

- (1) Художник (зурааша):
зурадаг хүн (2.2; 15:21-16:33)
рисовать-PTCP.HAB человек
'рисующий человек'
- (2) Кувшин (домбо):
ута хоолойтой аяга (2.4; 5:05-5:51)
длинный горлышко-СОМ чашка
'чашка с длинным горлышком'

- (3) Берлога (эшээн) (2 случая активации ПРМ):
баабгайн гэр (2.13; 2:45-6:00)
медведь-GEN дом
'дом медведя'
- (4) баахалдайн байра (3.9; 21:21-21:51)
медведь-GEN место
'жилище медведя'
- (5) Постель (унтари / хэбтэри):
юун дэлгээтэй (2.14; 4:22-5:10)
вещь расстилать-PTCP.PASS[3SG/PL]
'то, что расстелено'
- (6) Биография (намтар):
өөр тухайгаа хөөрэхэ (3.9; 21:21-21:51)
себя PSTP-REFL рассказывать-INF
'рассказывать о себе'

В других случаях активации этого ПРМ удалось зафиксировать развернутый рефлексивный комментарий информанта. Например, один информант (2.3; 6:13-7:36) затруднялся воспроизвести бурятское слово со значением 'секрет' (нюуса): *Секрет буриадаар... точно хэлэжэ мэдэхэгүйб. Примерно хэлэ [нрзб] хүнэй... юун гээд хэлэхэ юм даа? Хүнэй, хүнэй, хүнэй... досоохи.* В русском переводе его речь звучит так: *Секрет по-бурятски... точно сказать не смогу. Если примерно говорить... у человека... как же сказать? — и финальное выражение хүнэй досоохи буквально означает 'то, что внутри человека' и в словаре зафиксировано с переносным значением 'внутренний мир человека'.*

Феномен «слова на кончике языка». Суть этого ПРМ заключается в том, что говорящий в попытке подобрать и произнести лексическую единицу произносит ряд незавершенных/неверных форм слова или конструкций, до тех пор пока не находит оптимальную форму. Зафиксировано 10 таких случаев, которые приведены внизу в следующем формате: искомое слово, его значение; после двоеточия указывается ряд незавершенных/неверных форм, которые информант воспроизводит во время поиска нужного слова, и финальная форма — то, на чем говорящий в результате остановился:

- 1 хуули 'закон': «...ху= ху= ху= хубилгаан». Хубилгаан — 'оборотень, перерожденец' (1.2; 4:12-6:25);
- 2 оёдолион 'портной (портниха, швея)': «ойи= оё= оёдолион» (2.3; 10:18-10:45);

- 3 ботогон 'верблюжонок': «б= б= б= ... ой, ботогон» (2.4; 7:30-10:41);
- 4 худалдаашан 'продавец': «ху= худал= худалша». Худалша — 'обманщик' (2.4; 13:35-14:51);
- 5 түймэр 'пожар': «т= түймэр» (2.5; 5:20-5:57);
- 6 ангуушан 'охотник': «агну= агну= агнуушан» (2.9; 11:47-13:06);
- 7 хадхуртай 'колючий': «хад= х=» (2.14; 1:30-3:40);
- 8 баясхалан 'благодарность': «баял= баял=» (2.14; 7:49-10:11);
- 9 зөөри 'имущество': «зөө= бу= юунэй, зөөри» (2.15; 4:08-6:38);
- 10 зохёон бэшэлгэ 'сочинение': «һанам= һан=» (3.1; 21:23-21:54).

В половине случаев говорящий приходит к правильной форме. Среди других случаев выделяются два примера (1 и 4), поскольку финальное слово имеет совершенно другое значение, никак не связанное с изначально данным, и такая «подмена», вероятно, носит неосознанный характер. Кроме того, выделяется пример (10), поскольку слово, начальные слоги которого информант, вероятно, пытается произнести — *һанамжа*, не имеет значение 'сочинение' и в разных контекстах может значить 'мнение', 'помыслы', 'воспоминания', 'предложение'. Можно предположить, что логика рассуждения этого информанта строилась на следующей ассоциативной связи: сочинение — это то, что предполагает изложение собственных мыслей и мнения.

Создание нового слова (*semantic word coinage*). Активация этого ПРМ заключается в том, что говорящий, не найдя нужных средств для выражения концепта, создает не существующее во втором языке слово. Зафиксировано 6 фактов применения этого ПРМ, 2 из них рассматриваются далее. Информант (3.5; 21:44-22:13), перед которым стояла задача назвать бурятское слово со значением 'летучая мышь' (*һарьһан эрбээхэй* — букв. 'бабочка с перепончатыми крыльями'), представил в качестве ответа окказиональное словосочетание *һүниин хулгана* (*һүниин* — 'ночи, ночная', *хулгана* — 'мышь'). При этом речь информанта при рассуждении звучала так: «*һүниин эрб= һүниин хулгана*». Примечательно, что незавер-

шенная форма *эрб-* — это начальный слог второго компонента из действительно существующей в языке единицы *һарьһан эрбээхэй* со значением 'летучая мышь'. Однако говорящий остановился на другом варианте, к которому пришел по ассоциативной связи (летучая мышь ведет ночной образ жизни) и отчасти путем буквального перевода (ПРМ *substitution plus literal translation*) на бурятский язык русского слова *мышь*.

Другой пример окказионального словообразования имеет шуточный характер: информант (1.5; 11:42-14:02) не смог назвать бурятское слово со значением 'говядина' (*үхэрэй мяхан*) и представил в качестве ответа придуманное им слово *үхэрһина*, образованное путем присоединения к бурятскому существительному *үхэр* 'корова, скот' русского суффикса *-ин* с появлением интерфикса *-н-* по аналогии со словами *баранина*, *свинина*, где *-н-* является частью корня.

Переключение кодов как ПРМ. Приведенные выше ПРМ являются наиболее частотными стратегиями, применяемыми при нехватке языковых ресурсов, однако надо отметить, что в других условиях (не в условиях викторины, при которой от говорящего требуют воспроизведения бурятских слов) в речи билингвов одним из широко применяемых механизмов этой категории, вероятно, оказалось бы переключение кодов (*code-switching*).

В опорной для данной статьи работе З. Дёрнеи и Ю. Кормош предлагается рассматривать многосторонний феномен переключения кодов как один из видов лексических ПРМ [Dörnyei, Kormos 1998: 359]: говорящий, не найдя нужных средств для выражения смысла, прибегает к ресурсам первого языка, сознательно включая в речь на втором языке лексические элементы первого языка, оформленные в соответствии с его фонетикой. Предположение о потенциально высокой частотности применения этого ПРМ основывается на том, что со многими загаданными в задании лексемами информанты столкнулись впервые или практически не используют их в речи. Так, поскольку информанты, показавшие достаточно хороший уровень владения бурятским языком, не знали или не вспомнили такие бурятские слова, как *дэбтэр* ('тетрадь') (1.1; 3:17-4:04), (1.2; 8:36-10:46), *һарнай* ('роза') (1.2;

8:36-10:46), *шара улаан* ('оранжевый') (1.2; 8:36-10:46), *шарха* ('рана') (1.7; 17:10-20:11) и др., то в условиях повседневного общения, не найдя нужных лексических средств для воспроизведения концепта на бурятском языке, эти билингвы обратились бы к средствам русского языка, и в их бурятской речи можно было бы услышать русские вкрапления *тетрадь, роза* и проч. Это подкрепляется указанием информантов на то, что для заданного концепта, по их мнению, нет бурятского наименования, например: *Рана гэжэ болог лэ даа* (*Рана — так и будет рана*) (1.7; 17:10-20:11).

ПРМ при дефиците времени обработки языковой информации. Проблема нехватки времени на обработку языковой информации — это затруднения, связанные с тем, что для билингва, у которого речевые навыки на втором языке менее автоматизированы, построение высказывания на этом языке занимает больше времени и усилий и сопровождается паузами или разными речевыми «пустыми» элементами, их заполняющими. Эти «заполнители» можно также считать проблемно-разрешительными механизмами, поскольку, употребляя их, говорящий стремится поддержать коммуникацию и выиграть время на рассуждение/построение высказывания. В речи информантов задействованы все виды ПРМ из этой категории, случаи их применения сложно подвергнуть счету. Настоящий интерес представляет использование лексических заполнителей (*fillers*). Паузу во время размышления информанты заполняли как русскими, так и бурятскими лексическими элементами. Чаще всего это были бурятские слова-заполнители *юун, тэрэ* (ближе всего

к русским *это, как там, как его*) и русские слова-заполнители *сейчас, ой, ну, так*. Часто паузы заполнялись тем, что информант во время рассуждения повторял ключевое слово задания, и о высоком уровне владения бурятским языком может свидетельствовать то, что ключевое слово, продублированное в речи билингва, наделяется фонетическими и морфологическими признаками бурятского языка, например: *закоомнай, жаад-нэмнай, поочтамнай* — продление ударного в русском языке звука и присоединение аффикса личного притяжания, или личной принадлежности (-*мнай* — аффикс личного притяжания 1 л. мн. ч.).

Возрастные особенности информантов и их связь с двуязычием. Помимо общего пользовательского корпуса, где фиксировалась характеристика каждого информанта, дополнительно была сделана таблица (см. ниже), в которой сравниваются общие речевые характеристики информантов разных поколений. В скобках указано процентное соотношение указанного количества информантов к общему количеству информантов данной возрастной категории. В приведенной статистике не отражены информанты, чью речь было трудно однозначно охарактеризовать: когда соотношение русских и бурятских элементов в речи говорящего равно или когда это соотношение невозможно установить (информант немногословен).

Благодаря ведению статистики подтверждается отмеченное другими исследователями (например: [Дашинимаева и др. 2010: 37]) наблюдение о связи возрастной характеристики билингва с уровнем его владения бурятским языком.

Таблица 1. Общая характеристика речевой деятельности информантов по возрастным группам

[Table 1. Informants' speech activity by age groups. General characteristics]

Поколение		Младшее	Средне-младшее	Среднее	Средне-старшее	Старшее
Возрастной интервал		до 18 лет	19–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	61+ лет
Общее кол-во человек		10	91	81	55	48
Во время игры говорит по-бурятски	Выполнил(а) хотя бы одно задание	3 (30 %)	32 (35,2 %)	27 (33,3 %)	26 (47,3 %)	25 (52,1 %)

	Задание не выполнил(а)	3 (30 %)	13 (14,3 %)	14 (17,3 %)	10 (18,2 %)	5 (10,4 %)
Во время игры говорит преимущественно по-бурятски	Выполнил(а) хотя бы одно задание		12 (13,2 %)	12 (14,8 %)	5 (9,1 %)	10 (20,8 %)
	Задание не выполнил(а)		2 (2,2 %)	2 (2,5 %)	1 (1,8 %)	4 (8,3 %)
Во время игры говорит преимущественно по-русски	Выполнил(а) хотя бы одно задание	2 (20 %)	5 (5,5 %)	1 (1,2 %)		
	Задание не выполнил(а)		7 (7,7 %)	6 (7,4 %)	1 (1,8 %)	
Во время игры говорит по-русски	Выполнил(а) хотя бы одно задание		2 (2,2 %)			
	Задание не выполнил(а)	2 (20 %)	7 (7,7 %)	1 (1,2 %)	1 (1,8 %)	1 (2,1 %)

Данные таблицы 1 говорят о медленном падении уровня естественного билингвизма в регионе. Заметно, что для участников младшего поколения характерно стремление перейти в игровой коммуникации на русский язык, а участники из старших двух групп стремятся и с ведущим говорить только по-бурятски. Переход на русский язык коррелирует с более высоким процентом невыполненных заданий. В младших группах процент невыполненных заданий в целом выше, чем в старших. Все это косвенно свидетельствует о необходимости дополнительных мер поддержки национального языка в регионе.

Выводы

Завершая анализ материала, можно сделать ряд выводов, важных для понимания специфики как индивидуального, так и социального бурятско-русского двуязычия на территории этнической Бурятии.

1. Поскольку рефлексивные комментарии говорящих и многие не рассмотренные здесь проблемно-разрешительные механизмы часто были оформлены на русском языке

(например, такие ПРМ, как переспросы и самоисправления), не возникает сомнения, что для большинства билингвов русский язык является опорным, т. е. функционирует в их сознании намного активнее, а речевые навыки в русском языке более автоматизированы. Среди рассмотренных иллюстраций таких ПРМ, как приблизительное обозначение, описательное представление концепта и создание нового слова, подавляющая часть была отмечена в речи информантов, в сознании которых бурятский язык функционирует достаточно активно, поскольку почти все из них продемонстрировали однородную бурятскую речь, без включения в нее элементов русского языка. Описательное представление концепта и создание нового слова наиболее тесно связаны с высоким уровнем владения бурятским языком, поскольку требуют от информанта владения разнообразными лексическими средствами языка и понимания его грамматического устройства.

2. Частое применение таких ПРМ, как приблизительное обозначение, описательное представление концепта и феномен

«слова на кончике языка», указывает на то, что многие лексемы находятся в *пассивном* словарном запасе русско-бурятских билингвов или вовсе им незнакомы; зафиксированные случаи дают возможность уточнить и дополнить группы пассивной лексики языка для методических разработок.

3. Слова, еще находящиеся в активном использовании, позволяют билингвам порождать высказывания на бурятском языке, однако от частого обращения к механизму *приблизительного* обозначения бурятская речь многих билингвов становится неточной и теряет смысловое разнообразие.

4. Отмеченные «сбои», ошибки в бурятской речи билингва чаще всего происходят на почве самого бурятского языка, но не-

редко обусловлены влиянием доминантного, русского, языка.

Полученные результаты и отдельные точечные наблюдения о том, как функционируют элементы бурятского языка в живой речи, могут быть применены как в бурятоведении, так и в русистике, а сама работа показывает продуктивность изучения ПРМ в исследованиях по бурятско-русскому двуязычию. Важно также учитывать эти наблюдения при выработке региональной языковой политики: очевидно, что в ближайшие годы потребуются новые формы работы с молодыми носителями бурятского языка, которые помогут пробудить в них интерес к двуязычному общению и послужат стимулом для изучения национального языка.

Источники

Түхэриг 2021 — шоу-викторина «Түхэриг» [электронный ресурс] // Түхэриг ТВ. YouTube.ru. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC0uoQvhX3R4rdNKxc5l8f7Q/featured> (дата обращения: 08.11.2020).

Литература

Англо-русский 1969 — Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика / под ред. В. В. Акуленко. М.: Сов. энцикл., 1969. 384 с.

Дашинамаева и др. 2010 — Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / отв. ред. Б. Д. Цыренов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.

Дырхеева 2018 — Дырхеева Г. А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. 2018. № 4 (2). С. 302–320.

Дырхеева 2015 — Дырхеева Г. А. Буряты и бурятский язык в зеркале статистики (по результатам переписей населения) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2015. № 3. С. 158–166.

Русакова 2013 — Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.

Трегубова 2016 — Трегубова Д. Д. Бурятский язык в глобальной языковой системе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 75–82.

Хилханова 2009 — Хилханова Э. В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуа-

Sources

Tükherig TV Quiz Show. On: YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/channel/UC0uoQvhX3R4rdNKxc5l8f7Q/featured> (accessed: 8 November 2020). (In Bur. and Russ.)

ции в этнической Бурятии): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2009. 356 с.

Шагдаров, Черемисов 2010 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. I–II. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. Т. I. 636 с.; Т. II. 708 с.

de Swaan 1993 — Swaan de A. The Emergent World Language System: An Introduction // International Political Science Review. 1993. Vol. 14. № 3. Pp. 219–226.

Dörnyei, Kormos 1998 — Dörnyei Z., Kormos J. Problem-Solving Mechanisms in L2 Communication: A Psycholinguistic Perspective // Studies in Second Language Acquisition. 1998. № 20 (3). Pp. 349–385.

Dörnyei, Scott 1997 — Dörnyei Z., Scott M. L. Communication Strategies in A Second Language: Definitions and Taxonomies // Language Learning. 1997. № 47. Pp. 173–210.

Grosjean 2000 — Grosjean F. Myths about Bilingualism // [F. Grosjean's personal page] / University of Neuchâtel. Switzerland, 2000. URL: https://www.francoisgrosjean.ch/myths_en.html (дата обращения: 01.08.2021).

Valdés 2000 — Valdés G. Teaching Heritage Languages: An Introduction for Slavic-Teaching Professionals // The Learning and Teaching of Slavic Languages and Cultures / O. Kagan, Rifkin B., B. Bauckus (eds.). Bloomington: Slavica, 2000. Pp. 375–403.

References

- Akulenko V. V. (ed.) English-Russian and Russian-English Dictionary of False Friends. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969. 384 p. (In Russ. and Eng.)
- Dashinimaeva P. P. et al. Buryat-Russian Bilingualism: A Psycholinguistic Aspect. B. Tsyrenov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2010. 166 p. (In Russ.)
- Dörnyei Z., Kormos J. Problem-solving mechanisms in L2 communication: A psycholinguistic perspective. *Studies in Second Language Acquisition*. 1998. No. 20 (3). Pp. 349–385. (In Eng.)
- Dörnyei Z., Scott M. L. Communication strategies in a second language: Definitions and taxonomies. *Language Learning*. 1997. No. 47. Pp. 173–210. (In Eng.)
- Dyrkheeva G. A. The Buryats and the Buryat language as mirrored by statistics (Census data). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015. No. 3. Pp. 158–166. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A. The language situation in Buryat Republic. *World of the Great Altai*. 2018. No. 4 (2). Pp. 302–320. (In Russ.)
- Grosjean F. Myths about bilingualism. On: University of Neuchâtel, Switzerland (website). 2000. Available at: https://www.francoisgrosjean.ch/myths_en.html (accessed: 1 August 2021). (In Eng.)
- Khilkhanova E. V. Factors of Language Shift and Minority Language Preservation: Discourse and Sociolinguistic Analyses (A Case Study of Ethnic Buryatia's Language Situation). Dr. Sc. (Philology) thesis. Barnaul, 2009. 356 p. (In Russ.)
- Rusakova M. V. Elements of Russian Anthropocentric Grammar. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2013. 568 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. Vol. 1, 636 p.; Vol. 2, 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Swaan de A. The emergent world language system: An introduction. *International Political Science Review*. 1993. Vol. 14. No. 3. Pp. 219–226. (In Eng.)
- Tregubova D. D. The Buryat language in the global language system. *Oriental Studies*. 2016. No. 4. Pp. 75–82. (In Russ.)
- Valdés G. Teaching heritage languages: An introduction for Slavic-teaching professionals. In: Kagan O., Rifkin B., Bauckus B. (eds.) *The Learning and Teaching of Slavic Languages and Cultures*. Bloomington: Slavica, 2000. Pp. 375–403. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 4, pp. 882–894, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-882-894

Синьцзян-ойратские сказители: хранители эпической традиции «Джангара»

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Манджиева Б. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Несмотря на изученность многих проблем джангароведения, исследование вопросов бытования, преемственности и сохранности эпической традиции синьцзянских ойратов, анализ биографий джангарчи и их репертуаров представляются актуальными в свете недостаточной освещенности данных аспектов в отечественной фольклористике. *Цель* статьи — изучение сказительской традиции синьцзян-ойратских джангарчи, рассмотрение географического распространения эпоса, определение роли певца как носителя, хранителя и исполнителя эпического наследия ойратов Китая. *Методы.* При изучении сказительской традиции ойратов Синьцзяна мы применили описательный и сравнительный методы. *Материалом исследования* явились опубликованные источники по изучаемому аспекту на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»), монгольском и калмыцком языках. *Выводы.* Исследование синьцзян-ойратской сказительской традиции показало, что в XIX–XX вв. эпос «Джангар» широко бытовал во всех этнических группах ойратов Синьцзяна: торгутов, олетов, сахаров, хошутов, захчинов и урянхайцев. В каждой из этих групп были известные джангарчи, обладавшие обширным репертуаром, насчитывающим от десяти и более эпических песен «Джангара». Усвоение и передача эпических песен синьцзян-ойратского героического эпоса «Джангар» носили родовой характер. Многие джангарчи учились у сказителей своего рода, усвоили песни у своих отцов, дедов, дядей и братьев. В бытовании эпической традиции были известны и талантливые сказительницы, которые, несмотря на запрет исполнения эпоса женщинами, не имея возможности участвовать в сборах и соревнованиях, исполняли песни в кругу семьи и обучали сказительскому искусству своих детей и внуков. Во второй половине XX в. синьцзян-ойратская эпическая традиция, наряду с существованием устной, стала переходить в письменную.

Ключевые слова: эпос «Джангар», эпическая традиция, сказитель, джангарчи, эпический репертуар, ареал распространения эпоса, исполнительское мастерство

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1)

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Синьцзян-ойратские сказители: хранители эпической традиции «Джангара» // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 882–894. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-882-894

Xinjiang Oirat Storytellers: Keepers of the Jangar Epic Tradition

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Mandzhieva B. B., 2022

Abstract. Introduction. Despite quite a number of Jangar-related issues have been duly studied, questions pertaining to existence, continuity (transmission) and preservation of the Xinjiang Oirat epic tradition, biographies of *jangarchis* and their repertoires remain somewhat insufficiently answered by Russia-based folklorists and, thus, seem as relevant enough. **Goals.** The article attempts an academic insight into the storytelling tradition of Xinjiang Oirat *jangarchis*, considers geographical borders of the epic, determines the role of a storyteller as bearer, keeper and performer of the epic heritage inherent to China's Oirats. **Materials and methods.** The descriptive and comparative methods prove most instrumental in exploring the storytelling tradition of Xinjiang Oirats. The narratives examined are related editions in Oirat (Clear Script), Mongolian, and Kalmyk. **Conclusions.** Analysis of the Xinjiang Oirat storytelling tradition shows that the Jangar Epic was widely present in all ethnic groups of Xinjiang Oirats — the Torghut, Olet, Tsakhar, Khoshut, Zakhchins, and Uryankhai — throughout the 19th and 20th centuries, each population to have had renown *jangarchis* of their own with extensive repertoires numbering at least ten (and more) Jangar epic songs. The identified lines and patterns of transmission were clan-oriented. So, many *jangarchis* learnt epic narratives from storytellers of their clan — fathers, grandfathers, uncles, and brothers. The epic tradition was also contributed to by talented female storytellers who — having been unable to participate in meetings and contests since women were traditionally banned from epic storytelling — would recite texts in the family circle and teach storytelling to their children and grandchildren. In mid-to-late 20th century, the Xinjiang Oirat oral epic tradition started being paralleled by a written one.

Keywords: Jangar Epic, epic tradition, storyteller, *jangarchi*, epic repertoire, distribution area of the epic, performance skills

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Mandzhieva B. B. Xinjiang Oirat Storytellers: Keepers of the Jangar Epic Tradition. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 882–894. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-882-894

Введение

Героический эпос «Джангар» является выдающимся эпическим памятником монголоязычных народов (калмыков, ойратов и монголов), свидетельствующим о высо-

ком уровне развития того или иного общества. В том, что из глубины веков до наших дней эпос сохранился и эпическая традиция жива, безусловно, заслуга сказителей-джангарчи, бережно хранивших и передававших

из поколения в поколение это уникальное народное творение.

Ойратские сказители являются хранителями эпического наследия, их открытие началось в конце 70-х гг. прошлого столетия. В это время в Китае было создано Синьцзянское отделение Общества по изучению фольклора и искусства и развернута всесторонняя работа по выявлению и записи джангарчи по всем районам Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР КНР). В поисках песен «Джангара» ученые побывали во всех сомонах и стойбищах скотоводов. Слушали сказителей, опрашивали их, записывали песни «Джангара».

«Сотрудниками секции по изучению «Джангара» в течение 3–4 лет были проведены семь слетов (съездов) исполнителей эпоса в масштабе аймаков, шиянов и джу, были прослушаны свыше ста джангарчей и знатоков фольклора, взяты у них интервью. В итоге собрали 187 ящиков текстового материала, в том числе полные и неполные главы, 157 их вариантов, составивших в целом 200 тысяч стихотворных строк. Вместе с тем были собраны и другие материалы, касающиеся, например биографии сказителей, исполнительских традиций, преемственности и передачи, хода исполнения, окружения и среды» [Бадма 2008: 433].

Успешным результатом систематического сбора песен эпоса стали издания томов синьцзян-ойратской версии «Джангара» [Жангар 1980; Жангар 1986; Жангар 1987; Жангар 2000; Жангарын экэ материал 1983–1990], которые явились ценным источником для всестороннего изучения эпического наследия ойратов Синьцзяна.

На современном этапе развития джангароведения особую значимость приобретают исследования сказительской традиции джангарчи. В отечественной и зарубежной фольклористике изучение синьцзян-ойратской версии героического эпоса «Джангар» отражено в работах исследователей-монголоведов: Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1923], А. Ш. Кичикова [Кичиков 1981; Кичиков 1992], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 1984; Неклюдов 2019а; Неклюдов 2019б], Н. Ц. Биткеева [Биткеев 1990], Э. Б. Овалова [Овалов 2004; Овалов 2008], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006; Хабунова 2015], В. З. Церенова [Церенов

2008], Ц. Б. Селеевой [Селеева 2013; Селеева 2017; Селеева 2018], Т. Джамцо [Джамцо 1985; Джамцо 1991; Джамцо 1997], Ж. Ринчиндоржа [Ринчиндорж 1984; Ринчиндорж 1986], Ж. Эрдэнэбаяра [Эрдэнэбаяр 2010], Б. Мёнкя [Мёнкя 2011], Д. Тая [Тая 2002; Тая 2010], Б. Амрдала [Амрдала 2008], Ж. Батнасан [Батнасан 1986], Лю Шиу [Лю 2004], М. Ням [Ням 1984], Б. Нямжав [Нямжав 1991] и др.

Несмотря на изученность многих проблем джангароведения, исследование вопросов бытования, преемственности и сохранности эпической традиции синьцзянских ойратов, рассмотрение биографий джангарчи и их репертуаров представляются актуальными в свете недостаточной освещенности данных аспектов в отечественной фольклористике.

Цель статьи заключается в изучении сказительской традиции синьцзян-ойратских джангарчи, рассмотрении географического распространения эпоса.

Метод и материал исследования

Для изучения сказительской традиции ойратов Синьцзяна мы применили описательный и сравнительный методы. Материалом исследования явились опубликованные источники на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»), монгольском и калмыцком языках, а также биографические сведения о сказителях, опубликованные в многотомных изданиях синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» и в исследованиях китайских и монгольских джангароведов [Жангар 1980; Жангарын экэ материал 1983–1990; Жангар 1986; Жангар 1987; Жангар 2000; Амрдала 2008; Бадма 2008; Батнасан 1986; Батнасан 2008; Джамцо 1997; Джамцо 2008; Катую 2013; Лю 2004; Мёнкя 2011; Ням 1984; Нямжав 1991; Ринчиндорж 1984; Тая 2002; Тая 2010; Эрдэнэбаяр 2010].

Сказительская традиция синьцзян-ойратских джангарчи

С XVII в. на территории Синьцзяна проживало большое количество джангарчи — представителей разных родов. Синьцзян был важным центром исполнительского искусства эпоса «Джангар», но из-за не столь пристального внимания к письменным и культурным традициям монгольского реги-

она, история многих поколений джангарчи не сохранилась [Тая 2010: 57].

Китайский исследователь Ли Шиу, рассматривая распространение «Джангара» в Синьцзяне в последней четверти XX в., определил песни эпоса в четыре большие группы: торгутская, хошутская, олетская и чахарская [Лю 2004: 113]. Профессор Даваан Тая в своем монографическом исследовании «Шинжааны жангарчийн уламжлал судлал» («Исследование сказительской традиции синьцзянских джангарчи») приводит уже шесть больших групп: торгутская, олетская, чахарская (чахарская), хошутская, захчинская и урянхайская [Тая 2010: 32–39].

Изучая ойратскую сказительскую традицию, Д. Тая отмечает, что в XIX в. в Синьцзяне были известны более 100 джангарчи. Ученый распределяет их по следующим группам:

1. *Үнэн сүсэгт хуучин Торгуудын хойд замын чуулганы жангарчид* ('джангарчи Собрания хойтской линии исконных торгутов'). Хобуксар-Монгольский Автономный район:

– джангарчи Хойтского хошуна (уезда) Большого западного сомона (округа): **Хулбар Баяр** (конец XIX в. – 1943 г.), **Халашин Шара** (70-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.), **Келегин Баяр**;

– джангарчи Большого восточного сомона — **Мунцаг, Джав**;

– джангарчи Малого сомона — **Шишиний Буурал** (конец XIX в. – начало XX в.);

– джангарчи Малого западного сомона — **Ихер, Ихерин Аля, Кёк Гунчин** (70-е гг. XIX в. – 50-е гг. XX в.), **Тюмнин Дёчин, Тюмюдин Аяак** (70-е гг. XIX в. – 60-е гг. XX в.), а также **Диндин** и **Гелег** (сомоны и дата не определены);

– джангарчи Восточного хошуна сомона Бюгрес — **Шарин Насан**;

– джангарчи Манийхан сомона — **Цагани Тавха** (80-е гг. XIX в. – начало XX в.);

– джангарчи Малого восточного сомона Западного хошуна — **Анайин Нийхя** (конец XIX в. – 1977 г.), **Тюмян Нийджи** (1889 – нет сведений), **Орлогоджав** (конец XIX в. – 40-е гг. XX в.);

– джангарчи без сведений о хошуне и сомоне — **Дашин Ходжихир, Бабун Ешин Бёке** (конец XIX в. – начало XX в.),

Баджийн Тогтох (конец XIX в. – начало XX в.) и еще около 20 джангарчи, сведения о которых не сохранились. Шишиний Буурал был удостоен звания «Ёсны жангарч» («Истинный джангарчи»), Хулбар Баир также был удостоен высокого звания джангарчи. Сказители Ихер, Шарин Гасан, Анайин Нийхя, Дашин Ходжихир, Кёк Гунчин исполняли до 10 песен героического эпоса «Джангар» [Тая 2010: 57–58].

2. *Үнэн сүсэгт хуучин Торгуудын аймгийн зүүн замын чуулганы жангарчид* ('джангарчи Собрания восточной линии исконных торгутов¹'). Хархусун сомон Тарвагатайского аймака Хобуксар-Монгольского Автономного района.

– Цоохор сомон — **Цэлэйн Гемпэл** (70-е гг. XIX в. – 60-е гг. XX в.);

– Хётёчин сомон — женщина-джангарчи **Алимаа** (1881–1941), **Улэмджийн Норвай Хучудэй** (1879–1960), **Джарантай** (конец XIX в. – 60-е гг. XX в.);

– Западный сомон — **Санджа Бюд** (1882–1958), **Саглаа Ринчин** (1888–1942);

– без сведений о сомоне — **Луузан** (конец 70-х гг. XIX в. – 60-е гг. XX в.);

– Восточный хошун — **Сагларын Гармаан** (1894–1949), **Дэсэргэй Дорж, Боролзай** (60-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.), **Санджа** (70-е гг. XIX в. – начало XX в.), **Дува** (80-е гг. XIX в. – 1958), **Наста** (1865–1948), **Шарпа** (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). Норвай, Наста и Бюд исполняли по десять глав «Джангара» [Тая 2010: 58].

3. *Үнэн сүсэгт хуучин Торгуудын баруун замын чуулганы жангарчид* ('джангарчи Собрания западной линии исконных торгутов'). Джангарчи западной линии проживали в четырех сомонах Жинги, в настоящее время это шиян Жин Бортала-Монгольского округа.

Джангарчи Бюгэрэс сомона — **Санджи** (80-е гг. XIX в. – начало XX в.), **Дорж** (80-е гг. XIX в. – начало XX в.). Джангарчи **Пюрвэй** исполнял 32 главы «Джангара» [Тая 2010: 59].

4. *Цахар хуучин шинэ ангийн жангарчид* ('джангарчи старой и новой группы

¹ Торгуты Синьцзяна подразделяются на четыре линии Собрания (чуулган): южную, хойтскую, восточную, западную.

сахаров (чахаров))¹. Рашаан шиян Бортал-Монгольского округа.

Представители старой группы — олет **Бэтэй Пилж**, **Утаан Зонхил**, новой группы — олет **Бэмбэй** (конец XIX в. — 70-е гг. XX в.);

– джангарчи Большого Кёке сомона — **Гаваа лама** (60-е гг. XIX в. — начало XX в.);

– Малого Кёке сомона — **Батын Цолдан** (1899–1983);

– без сведений о сомоне — кузнец **Дорба**, **Лувсан** лама (60-е гг. XIX в. — начало XX в.), **Жамсу** лама, **Харбуха** (60-е гг. XIX в. — начало XX в.), **Даш** (70-е гг. XIX в. — начало XX в.), **Далжин Араш** (70-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в.). Известный джангарчи Дорба исполнял 8–9 глав, Гаваа лама 10 глав эпоса «Джангар» [Тая 2010: 59].

5. *Тэхэсийн дөрвөн суман Шэмнэрийн жангарчид* ('джангарчи четырех сомонов Текеса'). В настоящее время это аймак Или Текес шияна Илийского округа.

– Джангарчи Энхэ сомона — **Бурдай** (1894–1964);

– Гюл улан сомона — **Жалайн Очирай** (1873–?), **Сохор Булдай** (1879–?), женщина-джангарчи **Очирайн Баян** (1898–1989);

– Гюл Кёке сомона — дербет **Дэлэй** (80-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.), **Тосон** (1887–1947);

– без сведений о сомоне — **Барс Олзийт** (60-е гг. XIX в. — 30-е гг. XX в.). Известные джангарчи Очирай и Булдай исполняли по 12 глав эпоса [Тая 2010: 59].

6. *Монгол хүрээний зурган суман Өөлдийн жангарчид* ('олетские джангарчи шести сомонов района Монгол Кюря²'). В настоящее время это территория Или.

– Джангарчи Ах сомона — **Дэгэй** (70-е гг. XIX в. — начало XX в.);

– То сомона — **Төрөлхе** (70-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.), **Молом** — (70-е гг.

XIX в. — начало XX в.), **Аянжавын Ням** (1884–1974), **Сохор Туюжгэй** (80-е гг. XIX в. — начало XX в.) [Тая 2010: 59–60].

7. *Хашийн арван суман Өөлдийн жангарчид* ('олётские джангарчи десяти сомонов Хашина'). В настоящее время десять сомонов Хашина — это территория Нилх Или аймака Илийского округа.

– Джангарчи Манжин сомона — **Боролдой Даваа гецел** (?–1939), **Джамба**;

– Дуян сомона — **Мухулай** (60-е гг. XIX в. — начало XX в.);

– Цевгин сомона — **Дава дархан** (1899–?);

– без сведений о сомоне — **Юндэн**, **Лиджи**, **Ниджи**, **Тёгес**, **Серетер** (конец XIX в. — начало XX в.). Все исполняли по 10 глав эпоса [Тая 2010: 60].

8. *Үнэн сүсэгт хуучин Торгуудын өмнө замын чуулганы жангарчид* ('джангарчи Собрания южной линии исконных торгутов'). Баянгол-Монгольский округ.

– Джангарчи Керед сомона — **Дорж** (1898–1954), хойт **Бадам** (1858 — начало XX в.), **Борын Дорж** (1890–?);

– Ики Керед сомона — **Жамъян**;

– Баяжих сомона — **Жав** (50-е гг. XIX в. — 30-е гг. XX в.);

– Мухарын сомона — **Дюнгэй** (1871–1936);

– Шемнер сомона — **Дандар** (1862–1935) и др. [Тая 2010: 60].

9. *Бат сэтгэлт хошууд аймгийн жангарчид* ('джангарчи хошутского аймака'). В настоящее время это территория Баянгол-Монгольского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района.

– Джангарчи Западного хошуна Бурагийн сомона — **Гончиг** (70-е гг. XIX в. — 60-е гг. XX в.);

– Среднего хошуна Ужин сомона — **Жамъян** (конец XIX в. — 1995);

– Бургаг сомона — **Дорж**, **Доржин Буувэй** (1885–?);

– Восточного хошуна Цэвэгдорджи засага **Аравданбоди** (1894–1967);

– Шемнер сомона — **Суузын Сугар** (1854–1921), **Сугарын Цеден** (?–1928), **Сугарын Лавса** (70-е гг. XIX в. — 30-е гг. XX в.), **Дорж** (конец XIX в. — начало XX в.). Среди перечисленных джангарчи Жамъян, Сугар и Цеден исполняли более 10 песен эпоса [Тая 2010: 61].

¹ Чахары подразделяются на старую и новую группы, проживают в Бортал-Монгольском автономном районе Китая: чахары старой группы проживают в Рашан шияне (население 1 493 чел.), чахары новой группы проживают в Бортале (население 1 145 чел.) (см.: [Тая 2010: 35–36]).

² *Монгол хүрээний зурган суман* — шесть сомонов района Монгол Кюря Илийского округа.

10. *Барлагийн арван суман Өөлдийн жангарчид* ('олетские джангарчи десяти сомонов Барлага'). Десять сомонов Барлага олетов в основном сосредоточены в Дёрвёлджин шияне Тарвагатай аймака, группа людей расселена в местечке Бодолтохой аймака Алтай. Известен джангарчи **Бадам** (1869–1946), который исполнял 10 глав «Джангара» [Тая 2010: 61].

Опираясь на столь обширный список сказителей, необходимо отметить, что в XIX в. эпос «Джангар» широко бытовал среди ойратов Синыцзяна. Среди хойтской линии исконных торгутов выделяются джангарчи Шишиний Буурал и Хулбар Баир, удостоенные высокого звания джангарчи. Джангарчи Пюрвэй из западной линии исконных торгутов обладал самым большим репертуаром, состоящим из тридцати двух глав эпоса. Представители сомона Текес, джангарчи Очирай и Булдай исполняли по двенадцать глав. Известные рапсоды Норвай, Насти и Бюд из Хархусун сомона Тарвагатайского аймака, а также джангарчи Гаваа лама исполняли по десять глав «Джангара». Среди хошуттов и олетов также были джангарчи, исполнявшие по десять песен героического эпоса.

В большей степени усвоение и передача эпических песен носили родовой характер. По наблюдению Д. Тая, в XIX в. 50 % джангарчи учились у сказителей своего рода, из них 11 % усвоили песни в своей семье, у своих отцов, дедов, дядей и братьев, и лишь малая часть певцов переняла эпос у своих матерей и родственников матери [Тая 2010: 73–74].

Известно, что в XIX в. всего шесть женщин исполняли песни «Джангара». Такое малое количество сказительниц обусловлено тем, что исполнение эпоса женщинами было запрещено. Тем не менее в истории эпической традиции были известны талантливые сказительницы. Женщина-джангарчи, являясь хранительницей очага, не могла покинуть свой дом и участвовать в сказительских сборах и соревнованиях, поэтому она могла исполнять эпос только в кругу своей семьи и передавать это искусство своим детям и внукам.

В XIX в. монгольская письменность начала оказывать влияние на усвоение и пере-

дачу эпической традиции. Так, из 125 джангарчи письменностью владели 14 человек, а в XX в. численность джангарчи, которые переняли песни «Джангара» из письменных источников, значительно возросла [Тая 2010: 74–75]. Наряду с традиционной передачей эпоса от учителя к ученику в XIX в., отмечается усвоение песен по письменным записям «Джангара». Таким образом, во второй половине XX в. бытовали две формы передачи эпоса: устная и письменная.

Джангарчи Джавин Джунай

Среди синыцзян-ойратских сказителей наибольшим и разнообразным репертуаром выделяются джангарчи хобуксарской эпической традиции. Одним из ярких представителей этой «школы» является сказитель Джавин Джунай. Он родился в 1924 г. в семье потомственных хобуксарских джангарчи. Его отец Джав и дед Эргтя жили при ставке нойона Чинг Ванга. Джунай являлся джангарчи в третьем поколении, тексты песен он усваивал как устно, так и из письменных источников.

«До четырнадцати лет учился грамоте в ставке торгутского князя в Хобуксари, хорошо освоил старомонгольскую письменность, а также «тодо бичиг» («ясное письмо»). Отец и дядя его были известными сказителями, и искусство джангарчи Джунай в детстве начал перенимать у них. Он внимательно наблюдал за выступлениями Ш. Насуна и Хулбар Баира, которые часто посещали ставку князя. Уроки мастеров помогли ему стать со временем известным джангарчи» [Церенов 2008: 444].

Джунай активно принимал участие в слетах (съездах) исполнителей эпоса, которые проводились сотрудниками секции по изучению «Джангара». Так, в 1981 г. сказитель выступал на съезде исполнителей эпоса в Хобуксаре. В 1984 г. исполнял эпические песни «Джангара» на съезде джангарчи, посвященном 30-летию Хобуксар-Монгольского автономного уезда. В августе 1988 г. известный рапсод исполнял на слете в г. Урумчи, а в 1989 г. выступал в Пекине. В 1998 г. за исполнительское мастерство, значительный вклад в дело сохранения и популяризации героического эпоса «Джангар» джангарчи Джавин Джунаю присвоили звание «Алдар жангарчи» («Выдающийся джангарчи») [Амрдала 2008: 335].

По сведениям исследователя Амрдала, джангарчи Джунай в период с 1980 по 1984 гг. исполнил 25 эпических песен «Джангара» [Амрдала 2008: 335].

Профессор Т. Джамцо также отмечает, что в репертуаре сказителя содержится 25 песен, включая варианты, и приводит их перечень:

1) «Хан нойн Жаңһрин экн бөлг» («Начальная песнь о хане нойоне Джангаре»);

2) «Үзнг Алдр хаани өргэлгсн бөлг» («Песнь о женитьбе Узюнг Алдар-хана»);

3) «Һунн наста Жаңһр көл өргж дээнд мордгсн бөлг» («Песнь о боевом походе трехлетнего Джангара»);

4) «Алдр нойн богд Жаңһр Догшин Ширкин тамһ бэрэд, арслнг баатрмудан цуглулгсн бөлг» («Песнь о том, как славный нойон богдо Джангар подчинил Догшин Ширке и объединил под своей властью львов-богатырей»);

5) «Келмрч Ке Жилһн Шаранһолын һурвн хаата зарһцгсн бөлг» («Песнь о том, как златоуст Ке Джилган судился с тремя шарагольскими ханами»);

6) «Хан нойн Жаңһрла Хан Харңһу бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке Джангара с Ханом Харангу»);

7) «Хан нойн Жаңһрла Хан Харңһуһин көвүн хан Сөнэ бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке сына Хана Харангу Сёня-хана с ханом нойоном Джангаром»);

8) «Хан Сөнэ хэрж хан нойн Жаңһрт туслгсн бөлг» («Песнь о подчинении хана Сёни нойону Джангару»);

9) «Заят алдр хаани көвүн Бурхн Бор Маңна Дөш Маңна хааг дорацулгсн бөлг» («Песнь о победе сына славного Заят-хана Бурхан Боро Мангна над Дёш Мангна-ханом»);

10) «Хойр наста Хошун Улан көл өргж дээнд мордгсн бөлг» («Песнь о боевом походе двухлетнего Хошун Улана»);

11) «Хошун Улан баатр хан Сөнэг дорацулгсн бөлг» («Песнь о победе богатыря Хошун Улана над Сёня-ханом»);

12) «Буурл һалзн күлгтэ Бульңһрин көвүн Догшин Хар Санл бөлг» («Песнь о сыне Булингира Догшин Хара Санале, владеющим Буурал Галзан конем»);

13) «Арслңгин Арг Улан Хоңһр арг манзн буурлта Ээх Догшин Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке

льва[-богатыря] Араг Улан Хонгора с устрашающе грозным Мангна-ханом»);

14) «Алдр нойн Жаңһрла Бульңһрин көвүн Догшин Хар Санл бээр бэрлдгсн бөлг» («О поединке славного нойона Джангара с сыном Булингира Догшин Хара Саналом»);

15) «Дуут Һолынкни ач Дуутын көвүн Аля Монһла Жаңһрин түмн нээмн миңһн цусн зеерд адуг көөгсн бөлг» («Песнь о том, как внук Дуты Голы, сын Дуты, Аля Монһля угнал стовосьмитысячный кроваво-рыжий табун»);

16) «Хартан көвүн Хаңһл Дежбегин бөлг» («Песнь о сыне Харты Хангал Деджебеке»);

17) «Хоңһр арвн зүгин дарңх болгсн Аср Хар Маңһсин орни хувлһэт догшин Шар Дүд Дарңх хааг хүмн тууһад иргсн бөлг» («Песнь о том, как Хонгор пригнал грозного Шара Дюде Дарангха-хана, угнетателя в десяти сторонах, перерожденца Асар Хара Мангаса»);

18) «Хоңһр хөрн тавтадан хөөт Шар Маңһсин орни хувлһэт догшин Шар Дүд Дарңх хааг хүмн тууһад иргсн бөлг» («Песнь о том, как Хонгор в свои двадцать пять лет пригнал грозного Шара Дюд Дарангха, перерожденца из страны Шара Мангаса»);

19) «Хан нойн Жаңһр нартын нээмн миңһн йиртмжэр айлгсн бөлг» («Песнь о хане нойоне Джангаре»);

20) «Хан нойн Жаңһр хэрж хөрн тав наслгсн бөлг» («Песнь о хане нойоне Джангаре, достигшем двадцатипятилетнего возраста»);

21) «Алдр нойн Жаңһр Алта Жууһин арслң тамһан Хошун Уланд шаргсн бөлг» («Песнь о том, как славный нойон Джангар вручил Хошун Улану богатырскую печать страны»);

22) «Ө һундлан хайж хэрж туслгсн Күнд һарта Саврин бөлг» («Песнь о том, как Савр Тяжелорукий, отбросив свои обиды, вернулся и оказал помощь»);

23) «Алдр Торц хаани төрлмүд, Мергн Торц хаани ачмуд, Манхн Маңна Тарачи аавин үй дарани шилжэсмүд» («Славного Торце-хана потомки, Мерген Торце-хана внуки, Манхан Мангна Тарачи аавы родословная») [Джамцо 2008: 389–390].

Исследователь Ж. Батнасан в статье о сказителях Хобуксара [Батнасан 2008: 391–411] также приводит схожий перечень песен джангарчи Джуная, но в отличие от

вышеприведенного списка, в нем присутствуют еще четыре песни:

1) «Хонһр Күнд һарта Саврла бээр бэрлдгснь» («Песнь о поединке Хонгора с Саваром Тяжелоруким»);

2) «Хан Сиир бодһг» («Песнь о [богатыре-]вепре Хан Сире»);

3) «Хонһрин өргэлгснь» («Песнь о женитьбе Хонгора»);

4) «Орчлһгин сээхн Миңян Күчтэ Күрмн хааг эмдэр кел бэргснь» («Песнь о том, как Прекраснейший во Вселенной Мингъян взял живым в плен Могучего Кюрмен-хана») [Батнасан 2008: 397–398].

Джангарчи Джунай, владевший ойратской и старомонгольской письменностью, многие песни из своего репертуара передал собирателям в собственной записи. В. З. Церенов приводит следующие сведения о записи «Песни о том, как славный нойон Джангар вручил Хошун Улану богатырскую печать страны»: «Более ясной представляется история записи песни о том, как Джангар передал Хошун Улану правление страной Бумба. Однажды к известному сказителю Ш. Бурулу, сообщает Дж. Джунай, слушатели обратились с вопросом: „Скажите, смертен ли Джангар и имеется ли в эпосе песнь, где он передает власть другому лицу?“ В ответ джангарчи исполнил названную песнь (важное звено в генеалогической циклизации эпоса), запись которой осуществил княжеский секретарь Замадаг. (Устная молва данное событие относит к 10–20 годам XX в.). С этим списком позже смог ознакомиться Дж. Джунай» [Церенов 2008: 445]. По мнению В. З. Церенова, подобная история связана с именем калмыцкого джангарчи М. Басангова, когда по просьбе собирателей эпоса он исполнил песнь о том, как Джангар был провозглашен ханом, главой страны Бумба [Церенов 2008: 445].

В исследованиях Ж. Батнасана и Б. Катуу содержатся сведения о том, что джангарчи Шарин Насун из восточного хошуна Хобуксара исполнял шестнадцать песен «Джангара», восемь из них были записаны сказителем собственноручно. По этим записям джангарчи Джунай выучил эпические песни Шарин Насуна [Батнасан 2008: 394; Катуу 2013: 193].

Таким образом, репертуар джангарчи Джавин Джунай, состоящий более чем из 25

эпических песен, был усвоен рапсодом устно от известных сказителей-членов семьи (отца и дяди) и выдающихся хобуксарских джангарчи Хулбар Баира и Шарин Насуна, а также из письменных источников, хранившихся в ставке Хобуксарского нойона Чинг Ванга.

Джангарчи Перлин Рампил

Одним из талантливых последователей джангарчи Хулбар Баира и Шарин Насуна был также известный сказитель Перлин Рампил (1923–1994) (во Внутренней Монголии его имя пишется как Арампил). Рампил родился в 1923 г. в Хобуксаре в семье Перли. Джангарчи Хулбар Баир дружил с отцом Рампила и часто бывал у них дома, вечерами он исполнял «Джангар». Рампил с раннего детства слушал эпические песни Хулбар Баира. Заметив интерес мальчика к эпосу, джангарчи поддерживал его и помогал овладеть искусством певца. Так, Рампил к двадцати годам усвоил от Х. Баира десять песен [Батнасан 2008: 396]. «Тринадцатилетним мальчиком [Рампил] был отдан в местный буддийский монастырь. <...> Позже два сказания Рампил заучил у ламы Кекин Кокшена» [Церенов 2008: 445].

Синьцзянские исследователи Т. Джамцо и Ж. Батнасан в своих трудах приводят следующий перечень эпических песен джангарчи Рампила:

1) «„Жаңһрин“ эклһтин оршл бөлг» («Пролог эпоса „Джангар“»);

2) «Үзһг Алдр хан Хумста Догһн Шар Маңһста бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке Узюнг Алдар-хана с Хумста Догшин Шара Мангасом»);

3) «Бөк Мөңгн Шигһрһ үйин өнчн Жаңһрла учргснь» («Песнь о Бёке Мёнген Шигширги и в поколении одиноком Джангаре»);

4) «Бөк Мөңгн Шигһрһ эзн Ширкин тавн сай нутгиг үйн өнчн Жаңһрт тушаж өггсн бөлг» («Песнь о том, как Бёке Мёнген Шигширги подчинил Джангару пять миллионов кочевий владельца Ширки»);

5) «Хонһрин гер авлһна бөлг» («Песнь о женитьбе Хонгора»);

6) «Ханцн болгсн буурлта хан Сиир бодһгин бөлг» («Песнь о хане Сиир-вепре, владеющим чалым конем»);

7) «Хонһр Дуңгшур Герл Маңһсиг эмдэр кел бэргсн бөлг» («Песнь о том, как

Хонгор взял живым в плен Дунгшур Герел Мангаса»);

8) «Арг Улан Хоңһр Күнд Һарта Савр хойрин бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке Араг Улан Хонгора и Савара Тяжелорукого»);

9) «Күч иктэ Күрклүтин Бор Толһан Алтн Соян бөлг» («Песнь о могучем Кюрк-лютин Боро Толган Алтан Соя [богатыре]»);

10) «Аля Шонхор, Хошун Улан, баатр Хар Жилһн һурвн баатр төргсн Бадмин Улан-ныг бэрж иргсн бөлг» («Песнь о том, как Аля Шонхор, Хошун Улан, Хара Джилган втроём взяли в плен Бадмин Улана»);

11) «Арг Улан Хоңһр Әх Догшн Маңна-ла бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке Араг Улан Хонгора с грозным Догшином Мангна-ханом»);

12) «Жаңһрин көвүн Арвс Хар Догшн Маңһсиг әмдәр кел бэргсн бөлг» («Песнь о том, как сын Джангара Арвас Хара взял живым в плен Догшин Мангаса»);

13) «Буурл Һалзн мөртә Бульһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг» («Песнь о Булингира сыне Строгом Хара Санале, владеющем конем Буурал Галзаном»);

14) «Догшн Шар Гүргүһин бөлг» («Песнь о свирепом Шара Гюргю»);

15) «Догшн Хар Кинсин бөлг» («Песнь о свирепом Хара Кинесе»);

16) «Догшн Хар Санл Зан тавг Күдр Тәэжиг Жаңһринкинд орулж өггсн бөлг» («Песнь о том, как Строгий Хара Санал подчинил Джангару Могучего Зан Тайджи»);

17) «„Жаңһрин“ төгсн бөлг» («Заключительная песнь „Джангара“») [Джамцо 2008: 388–389; Батнасан 2008: 396–397].

Названия эпических песен джангарчи Перлин Рампиля отражают основное содержание глав, и, как видно из приведенного перечня, большинство песен посвящены богатырским подвигам во имя защиты страны Джангар-хана. В репертуаре сказителя прослеживается три поколения героев эпоса: первое — Узюнг Алдар-хан, отец Джангара; второе — Джангар и богатыри Бумбы; третье — сыновья главных героев Хара Джилган, Хошун Улан и Аля Шонхор.

В репертуаре Рампиля также присутствует традиционная тема богатырского сватовства («Песнь о женитьбе Хонгора»), которая является вариантом калмыцкой поэмы о женитьбе Хонгора, исполненной джангарчи Ээлян Овла [Джангар, 2 1978: 25–70].

Вариантами калмыцкой версии также являются еще три поэмы из цикла Ээлян Овла, исполненные Рампилом: «Песнь о том, как Аля Шонхор, Хошун Улан, Хара Джилган втроём взяли в плен Бадмин Улана», «Песнь о Булингира сыне Строгом Хара Санале, владеющем конем Буурал Галзаном» и «Песнь о том, как Строгий Хара Санал подчинил Джангару Могучего Зан Тайджи», а также две песни «Песнь о свирепом Шара Гюргю» и «Песнь о свирепом Хара Кинесе», относящиеся соответственно к Малодербетовскому и Багацохуровскому циклам калмыцкой эпической традиции.

Синьцзян-ойратские джангарчи были всенародно любимы и уважаемы, свое мастерство рапсода могли продемонстрировать на съездах и состязаниях сказителей эпоса «Джангар». «Получившим всенародное признание талантливым певцам присваивался титул „джангарчи хана/нойона“ и „джангарчи сомона“. Талантливый джангарчи обладал высоким статусом и был особо почитаем в народе, в качестве признания своего исполнительского искусства и мастерства джангарчи получали ценные подарки — серебро, коня, шелк, дэлэ и мн. др.» [Селеева 2017: 43–44].

Выводы

Исследование синьцзян-ойратской сказительской традиции показало, что в XIX–XX вв. героический эпос «Джангар» широко бытовал среди ойратов Синьцзяна. Однако в связи с отсутствием собирательской работы фиксация эпического наследия была начата только в последней четверти XX в.

Благодаря поисковой работе собирателей были выявлены и зафиксированы эпические репертуары синьцзянских джангарчи, собраны биографические сведения о сказителях. Анализ этих материалов показал, что сказительская традиция активно бытовала во всех этнических группах ойратов Синьцзяна: торгутов, олетов, сахаров, хошуттов, захчинов и урянхайцев. В каждой из этих групп были известные джангарчи, обладавшие обширным репертуаром, насчитывающим от десяти и более эпических песен «Джангара». Усвоение и передача эпических песен синьцзян-ойратского героического эпоса «Джангар» носили родовой характер. Многие джангарчи учились у сказителей-членов своей семьи, усвоили песни у своих отцов, дедов, дядей и

братьев. Вместе с тем необходимо отметить, что в истории сказительской традиции были известны и талантливые сказительницы, которые, несмотря на запрет исполнения эпоса женщинами, не имея возможности участвовать в сборах и соревнованиях, исполняли песни в кругу семьи и обучали сказительскому искусству своих детей и внуков.

В XIX в. наряду с устным усвоением песен синьцзян-ойратской эпической традиции начала оказывать свое влияние монгольская письменность, так из 125 джангарчи письменностью владели 14 человек. В XX в. численность джангарчи, перенявших песни «Джангара» из письменных источников, значительно возросла. Таким образом, живая устная традиция «Джанга-

ра», бытовавшая в XIX в. среди синьцзянских ойратов, во второй половине XX в. наряду с существованием устной стала переходить в письменную.

Изучение вопросов формирования творчества джангарчи показало, что среди синьцзян-ойратских сказителей наибольшим и разнообразным репертуаром выделяются джангарчи хобуксарской эпической традиции. Яркими представителями этой «школы» являются выдающиеся джангарчи Хулбар Баир (исполнял более 20 глав), Шарин Насун (16 глав), Джавин Джунай (25 глав), Перлян Рампил (17 глав), которые не только сохранили, но и передали уникальное творение духовной культуры монгольских народов новому поколению сказителей.

Источники

- Джангар 1978 — Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен) / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 1. 441 с. Т. 2. 417 с.
- Жангар 1980 — Жангар. Такил Зула хаани ачи Тангсаг Бумба хаани жичи Үзэн Алдар хаани көбүүн үйээн оночин Жангарын туули арбан табун бөлөг (= Джангар. О Такил Зула-хана внуке, Тангсаг Бумба-хана правнуче, Узенг Алдар-хана сыне в поколении одиноком Джангаре пятнадцать песен-глав). Урумчи: Шинжийан-гиин «Шинхува» кэвлэл, 1980. 647 х. (На ойрат. письмен.)
- Жангарын экэ материал — Жангарын экэ материал (= Исходный материал «Джангара»).

Sources

- Jangar. Vol. 1. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1986. 860 p. (In Oir.)
- Jangar. Vol. 2. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1987. 865 p. (In Oir.)
- Jangar. Vol. 3. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 2000. 460 p. (In Oir.)
- Jangar: Kalmyk Heroic Epic (Texts of 25 Songs). A. Kichikov (comp.), G. Mikhaylov (ed.). Moscow: Nauka, 1978. Vol. 1. 441 p. Vol. 2. 417 p. (In Kalm.)

Литература

- Амрдала 2008 — Амрдала Б. Жаңһрчдын товч намтр (= Краткая биография джангарчи) // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 т. Т. 3. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2008. С. 334–340. (На калм. яз.)

- Урумчи: Шинжийан-гиин «Шинхува» кэвлэл, 1983–1990. 1983. Дев. 3. 517 х.; 1983. Дев. 4. 494 х.; 1985. Дев. 5. 459 х.; 1990. Дев. 6. 492 х.; 1987. Дев. 7. 602 х.; 1988. Дев. 502 х.; 1988. Дев. 9 504 х. Дев. 10. 943 х. Дев. 11–12. 953 х. (На ойрат. письмен.)
- Жангар 1986 — Жангар = «Джангар». Т. 1. Урумчи: Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 1986. 860 х. (На ойрат. письмен.)
- Жангар 1987 — Жангар = «Джангар». Т. 2. Урумчи: Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 1987. 865 х. (На ойрат. письмен.)
- Жангар 2000 — Жангар = «Джангар». Т. 3. Урумчи: Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 2000. 460 х. (На ойрат. письмен.)

- Jangar: Source Materials. Urumqi: Xinhua (Xinjiang Office), 1983–1990. Vol. 3. 517 p.; Vol. 4. 494 p.; Vol. 5. 459 p.; Vol. 6. 492 p.; Vol. 7. 602 p.; Vol. 8. 502 p.; Vol. 9. 504 p.; Vol. 10. 943 p.; Vols. 11–12. 953 p. (In Oir.)
- Jangar: The Fifteen-Chapter (Song) Narrative of [Khan] Jangar the Lonely, the Son of Khan Uzeng Aldar, Grandson of Khan Taki Zula, and Great Grandson of Khan Tangsag Bumba. Urumqi: Xinhua (Xinjiang Office), 1980. 647 p. (In Oir.)

- Бадма 2008 — Бадма Т. Заключение // Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Т. 3. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2008. С. 431–436. (пер. с ойр. письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») на рус. яз. Г. Ц. Пюрбеева).

- Батнасан 1986 — *Батнасан Ж.* Ховогсайрт Жангар уламжлагдаж ирсэн тухай байцаалтын мэдүүлэлт (= К вопросу изучения сказительской традиции «Джангара» в Хобуксаре) // Жангарын тухай өгүүллүл. II боть. Урэмчи, 1986. X. 623–646. (На ойрат. письмен.)
- Батнасан 2008 — *Батнасан Ж.* «Жаңһр»-ин тууль ба Ховгсэрин жанһрчдын туха бээцэлт (= О записи и изучении эпоса «Джангар» и джангарчи Ховгсэра) // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / В 3 т. Т. 3. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2008. С. 391–411. (На калм. яз.)
- Биткеев 1990 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.
- Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М.: Светоч, 1923. 253 с.
- Джамцо 1985 — *Джамцо Т.* Шинжааны Ойрад монголын баатарлаг тууль – Жангарын тархалт ба түүний хадгаламжийн тойм байдал (= К вопросу о распространении и сохранении синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар») // Үүрийн цолмон. 1985. № 1. X. 24–48. (На ойрат. письмен.)
- Джамцо 1991 — *Джамцо Т.* Алдарт жангарч П. Рампил болон Э. Овлойн Жангарын оршил бүлгийн харьцуулал (= Сравнение текста прологов «Джангара» выдающихся джангарчи П. Рампила и Э. Овлы) // Ойрадын судлал. Үрэмч, 1991. № 2. X. 31–91. (На ойрат. письмен.)
- Джамцо 1997 — *Джамцо Т.* Туули «Жангар»-ын учир (= Значение эпоса «Джангар»). Урумчи: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора, 1997. 516 х. (На ойрат. письмен.)
- Джамцо 2008 — *Джамцо Т.* Шинжэңгин моңһчудын дотр «Жаңһр»-ин туулин тархж хадһлгдсн тойм бээдл (= Распространение и сохранение эпоса «Джангар» среди монголов Синьцзяна) // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3 т. Т. 3. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2008. С. 368–390. (На калм. яз.)
- Катуу 2013 — *Катуу Б.* Монгол туургатны туульчид (= Монгольские сказители). Улаанбаатар: Мөнхийн Үсэг, 2013. 237 х. (На монг. яз.)
- Кичиков 1981 — *Кичиков А. Ш.* «Джангар» современных джунгарских ойратов (К вопросу о соотношении традиций) // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: [б. и.], 1981. С. 41–56.
- Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 320 с.
- Лю 2004 — *Лю Шу.* Особенности песен «Джангара» в четырех аймаках Синьцзяна // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–24 августа 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 113–116.
- Мёнка 2011 — *Мёнка Б.* «Жангар»-ын тархац хийгээд «Жангар»-ын үүсэл бүрдэл (= К вопросу о распространении и происхождении эпоса «Джангар») // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сент. 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 104–110.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. 309 с.
- Неклюдов 2019а — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 519 с.
- Неклюдов 2019б — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 590 с.
- Ням 1984 — *Ням М.* Үндэсний соёлын өвөө үр ачнартаа залгамжлагч — Жангарч Мөндүүр настны тухай сурвалжлага (= Наследие джангарчи Мёндур — достояние национальной культуры) // Шинжааны Өдрин сонин. 1984. № 12. X. 4–14. (На ойрат. письмен.)
- Нямжав 1991 — *Нямжав Б.* Жангарч Бэмбэийн тухай дурсамж (= Воспоминания о джангарчи Бэмбэ) // Ойрадын судлал. 1991. № 3. X. 75–76. (На ойрат. письмен.)
- Овалов 2004 — *Овалов Э. Б.* Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.
- Овалов 2008 — *Овалов Э. Б.* Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2008. 304 с.
- Ринчиндорж 1984 — *Ринчиндорж Ж.* Шинжааны Жангар хийгээд жангарчид = Синьцзянский «Джангар» и джангарчи // Үүрийн цолмон. 1984. № 2. X. 577–617. (На ойрат. письмен.)
- Ринчиндорж 1986 — *Ринчиндорж Ж.* «Жангар»-ын үүссэн цаг үеийн тухай (= О времени создания эпоса «Джангар») // «Жангар»-ын тухай өгүүллүүд. II боть. Урэмч, 1986. X. 82–88. (На ойрат. письмен.)

- Селеева 2013 — Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КалмНЦ РАН, 2013. 276 с.
- Селеева 2017 — Селеева Ц. Б. Тематическая структура эпоса «Джангар»: калмыцкая версия Ээлян Овла и её ойратские соответствия: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017. 489 с.
- Селеева 2018 — Селеева Ц. Б. Синьцзян-ойратская версия «Джангара»: эпосоведческие исследования в Китае // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Oriental Studies). 2018. Т. 11. № 1 (35). С. 121–130.
- Тая 2002 — Тая Д. Арампилин «Жангар» — Шинжаан Ойрадын баатарлаг тууль (= Синьцзян-ойратская версия «Джангара» в исполнении Арампиля). Chiba: Японы Чибих сургууль, 2002. 298 с. (На старописьмен. монг. яз.)
- Тая 2010 — Тая Д. Шинжааны жангарчийн уламжлал судлал (= Исследование сказительской традиции синьцзянских джангарчи). Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2010. 322 х. (На монг. яз.)
- Хабунова 2006 — Хабунцова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Хабунцова 2015 — Хабунцова Е. Э. Этнопоэтические константы героического эпоса монгольских народов: к вопросу о выявлении и систематизации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. Т. 12. № 1. С. 140–144.
- Церенов 2008 — Церенов В. З. Эпос «Джангар» у ойратов Синьцзяна // Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3 т. Т. 3. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2008. С. 437–457.
- Эрдэнэбаяр 2010 — Эрдэнэбаяр Ж. Жангарын тархац, түүний газарзүйн хэв шинжүүд (= Распространение «Джангара» и его географические особенности). Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2010. 136 х. (На монг. яз.)

References

- Amrdala B. Brief biographies of the jangarchis. In: Jangar. Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 334–340. (In Kalm.)
- Badma T. Concluding words. In: Jangar. Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. G. Pyurbeev (transl.). Elista: Dzhangar. Pp. 431–436. (In Russ.)
- Batnasan J. About the Jangar epic and storytellers of Hoboksar. In: Jangar. Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 391–411. (In Kalm.)
- Batnasan J. Exploring the Jangar storytelling tradition in Hoboksar. In: [Collected] Narratives of Jangar. Vol. 2. Urumqi, 1986. Pp. 623–646. (In Oir.)
- Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic of Jangar and Its Ethnic Versions: Issues of Typology Revisited. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)
- Erdenebayar J. Distribution of the Jangar and Its Heroic Features. Ulaanbaatar: Tod Nomyн Gerel (Bibliotheca Oiratica), 2010. 136 p. (In Mong.)
- Jamtso T. Comparing texts of Jangar prologues recorded from the prominent rhapsodes P. Rampil and E. Ovla. *Oiradyn sudlal*. 1991. No. 2. Pp. 31–91. (In Oir.)
- Jamtso T. Jangar Epic and Its Significance. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1997. 516 p. (In Oir.)
- Jamtso T. Xinjiang Mongols to disseminate and preserve the Jangar epic. In: Jangar. Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 368–390. (In Kalm.)
- Jamtso T. Xinjiang Oirat version of the Jangar: Issues of dissemination and preservation revisited. *Üüriyn tsolmon*. 1985. No. 1. Pp. 24–48. (In Oir.)
- Katuu B. Mongolian Storytellers. Ulaanbaatar: Mönkhiyn Üseg, 2013. 237 p. (In Mong.)
- Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of Heroic Life Cycle (A Comparative Study of Ethnic Versions). Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of University-Level Institutions, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. The ethnopoetic constants [of] the heroic epic of the Mongolian peoples: The issue of identifying and cataloguing. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2015. Vol. 12. No. 1. Pp. 140–144. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Study in Comparative Typology. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Jangar [narratives] of contemporary Oirats from Dzungaria: Revisiting the issue of correlation between the [existing Jangar] traditions. In: Ethnography and Folklore of Mongolic Peoples. Elista, 1981. Pp. 41–56. (In Russ.)

- Liu Shiu. Revisiting peculiar features of Jangar narratives [recorded] in four aimags of Xinjiang. In: Jangar and Issues of Epic Storytelling. Conference proceedings (Elista, 22–24 August 1990). Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 113–116. (In Russ.)
- Mönkä B. Jangar epic: Revisiting the issue of dissemination and origin. In: Jangar and Epic Traditions of Eurasia — Problems of Research and Preservation. Conference proceedings (Elista, 20–23 September 2011). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. Pp. 104–110. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Epic — the Printed and Oral Ones. Moscow: Indrik, 2019. 590 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual. Moscow: Indrik, 2019. 519 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols. Moscow: Nauka, 1984. 309 p. (In Russ.)
- Nyam M. Heritage of jangarchi Möndüür — pinnacle of national culture. *Shinzhaany Ödrin sonin*. 1984. No. 12. Pp. 4–14. (In Oir.)
- Nyamjav B. Remembering jangarchi Bembe. *Oiradyn sudlal*. 1991. No. 3. Pp. 75–76. (In Oir.)
- Ovalov E. B. Jangar Epic and Its Versions: Plot and Stylistic Traditions Reviewed. Elista: Dzhangar, 2008. 304 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Typology of Motifs and Plots in Epics of Mongols: A Study in Comparative Typology. Elista: Dzhangar, 2004. 184 p. (In Russ.)
- Rinchindorj J. Jangar and the time of its creation revisited. In: [Collected] Narratives of Jangar. Vol. 2. Urumqi, 1986. Pp. 82–88. (In Oir.)
- Rinchindorj J. Xinjiang Jangar and jangarchis. *Üüriyn tsolmon*. 1984. No. 2. Pp. 577–617. (In Oir.)
- Seleeva Ts. B. A Xinjiang Oirat version of the Jangar: Epic studies in China. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 1 (35). Pp. 121–130. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar Epic: An Index of Themes. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Thematic Structure of the Jangar Epic: Kalmyk Version Recorded from Eelyan Ovla and Its Corresponding Oirat Narratives. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2017. 489 p. (In Russ.)
- Taya D. Exploring the Storytelling Tradition of Xinjiang Jangarchis. Ulaanbaatar: Tod Nomyn Gerel (Bibliotheca Oiratica), 2010. 322 p. (In Mong.)
- Taya D. Xinjiang Oirat Version of the Jangar [Epic] Recorded from Arampil. Chiba: Chiba University, 2002. 298 p. (In Mong.)
- Tserenov V. Z. Epic of Jangar among Xinjiang Oirats. In: Jangar. Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 437–457. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Heroic Epic of Oirat Mongols. Petrograd, Moscow: Svetoch, 1923. 253 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2022. Т. 15. № 4

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 15.11.2022.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 31,03.
Тираж 100 экз. Заказ 21-22.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Соучредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»
(Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, д. 71)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8